

Виктор АНПИЛОВ

Постижение СВОБОДЫ

Москва ВАГРИУС

УДК 32
ББК 66.3(2Рос)12
А64

Художник ***А. Сидоренко***

Анпилов В.И.
А64 Постижение свободы / Виктор Анпилов. — М.: Вагриус, 2008. — 448 с.: ил

ISBN 978-5-9697-0676-7

Кто такие «левые» на карте сегодняшней России? Какую страну мы потеряли и как это случилось? Автор, непосредственный участник и свидетель многих самых острых событий в общественно-политической жизни России последних десятилетий, рассказывает о своем жизненном пути и обретенном опыте борьбы за социальную справедливость.

УДК 32
ББК 66.3(2Рос)12

Запрещается полное или частичное воспроизведение текста
и иллюстраций в любых формах без разрешения правовладельца

ISBN 978-5-9697-0676-7

© Анпилов В.И., 2008
© Оформление. ЗАО «Вагриус», 2008

ЧАСТЬ 1

БЫЛОЕ

КУДА ПУТЬ ВЕРШИТЬ?

Вместо предисловия

Свою первую книжку «Лефортовские диалоги, или Тюремный конспект лекций Гегеля» я написал за тюремной решеткой. Было это в камере № 32 знаменитого следственного изолятора КГБ СССР «Лефортово», куда меня упекли после поражения народного восстания в сентябре — октябре 1993 года. Тюрьма эта — элитная, только для важных государственных преступников, каковым я себя, разумеется, не считал.

В камере размером три с половиной на пять шагов нас было трое. Владимир, бывший офицер КГБ, продавший после крушения СССР в 1991 году свою агентурную сеть не то Японии, не то Южной Корее за мизерную, по его словам, цену, которой едва хватило на новенький «мерседес» и трехкомнатную квартиру в Москве. Кагэбешник оказался убежденным антисоветчиком и не переставал удивляться, как это он, сторонник Горбачева и Ельцина, оказался за решеткой в одной камере с коммунистом Анпиловым.

Второго моего сокамерника, выпускника Института военных переводчиков, звали Андреем. Он уволился из армии сразу после разрушения Берлинской стены. Всегда веселый, улыбчивый Андрей решил, опять же по его собственному определению, «заделаться международным спекулянтом». Из таких же, как он сам,

офицеров-отставников сколотил мобильную группу скупщиков спиртных напитков в Европе. Фирма процветала. За решетку Андрей попал по нашумевшему делу со спиртом «Рояль», закупленным в Польше для продажи в России. Никаких документов или сертификатов для спекуляции тогда не требовалось. Спирт оказался техническим, а не коньячным. Тогда в России от потребления спирта «Рояль» около тысячи человек временно лишились зрения. Еще несколько десятков стали инвалидами на всю оставшуюся жизнь. Из чисто «политических» был только я, журналист-международник, обвиненный в организации беспорядков в Москве, начиная с 1 мая и заканчивая 3 октября 1993 года. Интеллектуальный потенциал нашей тюремной камеры оказался достаточно высоким: все трое свободно владели английским языком, плюс Владимир знал японский и корейский, Андрей владел норвежским, финским и шведским. Сам я, в бытность комментатором Главной редакции радиовещания на страны Латинской Америки Гостелерадио СССР, вел репортажи на испанском языке в прямом эфире, мог изъясняться на португальском. Выходило по совокупности восемь иностранных языков на троих.

В лефортовской тюрьме была неплохая библиотека. На троих разрешалось брать в камеру до пятнадцати книг, чего хватало с избытком на время, остающееся между допросами. Чтение книг не позволяло опуститься до уровня животного, тупо ждущего своей очереди на живодерню. По чистой случайности служащий тюрьмы, отвечающий за выдачу книг из тюремной библиотеки, вместо затребованного мной Дидро принес «Лекции по истории философии» Гегеля. Так вместе с Гегелем в мою тюремную камеру вошли античные философы Греции: Сократ, Платон, Протагор, Диоген,

Цицерон, — киники, агностики, материалисты и диалектики. Раньше, еще в университете, я, как, впрочем, и другие студенты, ограничивался лишь знакомством с ленинским конспектом лекций Гегеля. Однако оригинал, несмотря на встречающуюся порой «нудятину» и «перемывание» одного и того же, поражает при внимательном неспешном прочтении — условие, которое у современного человека появляется, вероятно, только в тюрьме.

По мере того как я зачитывался лекциями Гегеля, выстраивалась мысль — сделать свой конспект древнегреческой философии. Вспомнились лекции по античной литературе, которые читала нам, студентам факультета журналистики МГУ, профессор Елизавета Петровна Кучборская: «Нет мысли человечества, — итожила Кучборская тысячелетия земной цивилизации, — нет открытия науки, которого бы с детской наивностью не высказали или не предугадали бы древние греки». Она была права. Захотелось сверить мысли древних с действительностью XX века. И нынче я по-прежнему уверен: лекции Гегеля, мысли и предсказания античных философов должны и будут конспектироваться вновь и вновь, потому что это прекрасная возможность вспомнить вселенский завет Сократа: познай самого себя.

Познать себя — значит познать ошибки, которые были совершены тобой, чтобы не повторять их вновь. Тот первый мой тюремный конспект лекций Гегеля, по выражению Сократа, помог «мысли родиться». На мой взгляд, гипертрофированное развитие средств массовой информации в конце XX века отнимает у человека самый драгоценный дар природы — способность мыслить. Денно и нощно по телевидению, радио, в печати мы потребляем чужие мысли и, не имея возможности тотчас оспорить или опровергнуть ненасытно потреб-

Семидесятилетие матери. У порога отчего дома

ляемые нами ложные идеи и мысли «на месте преступления», мы давно разучились «рожать» мысли собственные.

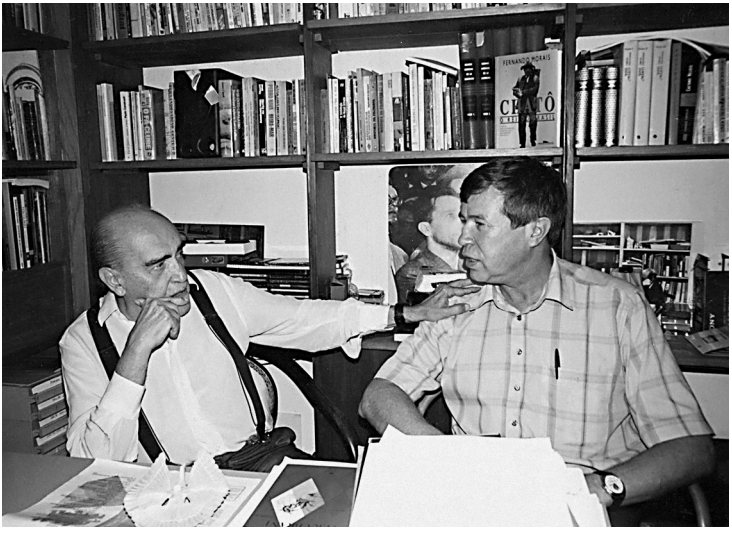
Сократ прибег к такому сравнению, потому что его мать Фенарета, родившая величайшего философа на четвертом году 77-й Олимпиады — в 469 году до нашей эры, — сама была повивальной бабкой, помогала рожать другим женщинам. Моя мама Лукерья Петровна Анпилова, обыкновенная деревенская женщина, родила меня, седьмого ребенка в семье, без чьей-либо помощи: копала поздний картофель в огороде в первых числах теплого на Кубани октября, и вдруг подоспело время рожать. По рассказам старших, мать вернулась в дом, выгнала на улицу моих старших братьев, вытащила из сундука припасенную на случай шелковую нитку — перевязать пуповину... Никакой патологии при родах не случилось, родовыми щипцами мне череп не

травмировали. «Материнское молоко нравственности» было экологически чистым.

Отец, Иван Иванович Анпилов, как и многие другие отцы моих сверстников, вернулся с фронта инвалидом, без левой руки. С одной рукой не очень-то потрудишься. Многие работы в российских селах и деревнях еще долго после войны выполняли женщины. Чистка общих — на пять-шесть дворов — колодцев тоже требовала здоровых рук и ног. У мужиков, вернувшихся с фронта, не хватало ни того, ни другого. И опять выручали сельские бабы. Как правило, перед началом работы разгорались споры — кому лезть на дно колодца. Вспоминали, кто был внизу два года назад. Крики, шум. Злыми искрами проскакивали слова, непонятные нам, детям. И тогда мама, вздохнув, соглашалась: «Значит, опять мой черед». Однажды обветшавшая веревка оборвалась, и ведро с илом упало на голову матери. По лестнице с трудом мать выбралась из колодца. Соседи довели ее до дома, обмыли, уложили все на ту же постель, на которой она меня родила. Мать постанывала. Мне было страшно. Перед глазами стояла черная пасть колодца. Я гладил маму по щекам и храбрился:

— Ма, я подрасту — сам в колодец полезу!..

В кубанских селах позже появились и артезианские скважины, и водопровод почти в каждом дворе. Но так уж случилось в России, что вместе с благосостоянием и души людей, и общественное сознание затянулись илом. Имея таких мыслителей-соотечественников, как Ломоносов, Чернышевский, Толстой, Ленин, Менделеев, Кропоткин, мы как-то вдруг незаметно отвыкли от культурного мышления. Конечно, можно опять проклинать телевидение, пошлые газеты, радио — но что от этого изменится? Надо вновь и вновь опускаться на дно, надо чистить глубинные родники сознания

В кабинете Оскара Нимейера. Рио-де-Жанейро, *1997*

народа, и в первую очередь своего собственного. Надо набраться мужества и заговорить с великими мыслителями прошлого на равных: честно и мужественно. В конце концов, надо действовать по формуле: «Если не я, то кто?!». Если я не смогу объяснить, как нас обманывают, если я не укажу на безобразных идолов, навязываемых народу для поклонения, если я не возьмусь за расчистку загаженных родников, то зачем я живу, зачем куда-то звал людей, зачем жертвовал семьей, покоем?! Но если я не дам укорениться лености собственного ума, если я способен мыслить самостоятельно — значит я жив, я и за решеткой свободен и готов идти в бой за счастье своего народа...

Такие мысли помогла мне «родить» моя первая книжка «Лефортовские диалоги, или Тюремный конспект лекций Гегеля». У этой книжки неплохая судьба. Впервые ее опубликовали на русском языке небольшим тира-

жом в издательстве «Палея» в 1994 году. Затем перевели и издали на арабском языке коммунисты Сирии, на итальянском — коммунисты Италии, на португальском — в Бразилии, уже десятитысячным тиражом. А в сказочном Рио-де-Жанейро, в Доме инженеров Бразилии, эту книжку и автора представил читателям всемирно известный архитектор коммунист Оскар Нимейер.

...Уж лет пятнадцать минуло с тех пор, а над Россией по-прежнему — мгла. Общество поражено социальной апатией. Беззаконие и издевательства над конституционными правами граждан прикрываются демагогическими словами о «войне с коррупцией в высших эшелонах власти» и бесплодными призывами «научиться уважать закон». На полную мощь запущена пропагандистская машина, уверяющая народ в том, что «план Путина» принесет России благополучие. Агрессивную активность проявляет церковь. Попы рвутся в светские школы обучать детей «основам православия» и кропят «святой водой» вооружение стратегических бомбардировщиков. Не в меру расплодившиеся сектанты грозят неверующим адским огнем и в преддверии «конца света» зарываются под землю вместе с малолетними детьми, как это произошло под Пензой. Ни одной свежей идеи, ни проблеска мысли, способной сплотить людей, разбудить созидательную энергию народа.

Вот Геннадий Зюганов плачется: за первые восемь лет нового тысячелетия (уже при Путине) в России не построено ни одного крупного высокотехнологичного производства. Ну и что? Народ уже свыкся с мыслью, что конкуренты мирового рынка задушили целые отрасли экономики России: станкостроение, машиностроение, самолетостроение, кораблестроение... Теперь догонять — себе дороже. Россию уже загнали

в стойло сырьевого придатка развитых стран Запада. Не успеем оглянуться, как иностранный капитал вслед за РАО ЕЭС приберет к своим рукам весь топливно-энергетический комплекс России и сам будет определять цену закупок наших нефти и газа. За примерами далеко ходить не надо: освоение нефтяного шельфа Сахалина американскими компаниями, освоение Штокманского месторождения нефти и газа на шельфе Баренцева моря британскими компаниями — тому подтверждения...

Что мы получаем взамен? Ценности общества потребления, которые давно отвергаются мыслящими людьми Старого и Нового Света. Да, сегодня в России почти у каждого городского школьника есть мобильный телефон. Но стоит ли такая игрушка того, чтобы расплачиваться за нее нашими природными ресурсами? В любых магазинах — изобилие товаров иностранного производства. Но потребителей здесь уже меньше. Рынок жилья в Москве переполнен квартирами, стоимость одного квадратного метра которых превышает 10 и 20 тысяч долларов. Чтобы купить такую квартиру, русскому рабочему средней квалификации надо работать без выходных и без питания более 300 лет. Общество потребления оказалось несовместимым с идеей социального равенства, навсегда укоренившейся в России после Октября 1917 года. Социальная пропасть между небольшой частью граждан, сказочно разбогатевшей на расхищении и спекуляции природными ресурсами России, и подавляющей массой неимущего населения становится неприемлемой. Понимая, чем это им грозит, богатые русские все чаще и чаще предпочитают вкладывать свои капиталы в иностранные банки, действующие в России, а сами уезжают на постоянное место жительства в Лондон, Париж, Нью-Йорк, поближе к

штаб-квартирам банков, пользующихся вывезенными из России деньгами. «Новые русские» не прочь вывезти из России и дешевую прислугу: охрану, поваров, гувернанток, учителей музыки. Судьба вымирающего трудоспособного населения в самой России мало волнует богачей-эмигрантов.

Проблему социальной дифференциации и последствий от выбора путей ее развития весьма точно определил известный французский экономист Л. Столерю: «Страна, в которой доход каждого медленно растет, может быть счастливой страной; страна, в которой средний доход растет очень быстро, но одновременно увеличивается неравенство доходов, идет навстречу своей гибели».

В патриотической печати о гибельности современного политического и экономического курса для России пишут все. Но почему же народ не волнует эта угроза? Что наши шахтеры? По-прежнему верят сказкам Чубайса о том, что они в недалеком будущем будут ездить на работу в шахтах на белых «мерседесах»? А что наш русский мужик? Готов продаться кому угодно за мобильный телефон или видеокамеру, как продавались в свое время потомки гордых ацтеков Мексики конквистадорам Испании за зеркальце? Одной статьей, одной книжкой на эти вопросы не ответить.

Сегодня мало советоваться с мыслителями античности, мало изучать классиков научного коммунизма. Сегодня нужно подниматься самому и звать на битву идей всех, кто способен сопротивляться мракобесию. Даже на индивидуальном уровне требуется подвергнуть свою собственную жизнь, свое социально-экономическое поведение беспощадному анализу, чтобы понять, где и как мы сошли со столбовой дороги развития человечества. Надо разобраться, когда нас уводили и уводят

с этой дороги другие и когда мы откатываемся назад по собственной глупости. Вот цель этой книги, которая, надеюсь, найдет своего читателя в XXI веке.

Хочу поблагодарить моих друзей и знакомых, которые помогли создать оптимальные условия во время работы над этой книгой: канадку Хайди Холлинджер, дагестанца Омара Курбанова, москвичей Михаила Филина, Кирилла Прокопова, Константина Борового, Станислава Рузанова. Спасибо. Вместе — победим!

ЗВЕЗДНОЕ ДЕТСТВО

Ночь. Брызги звезд. И все они летят,
Как лепестки сиянья в темный сад.

Омар Хайям

Неграмотная звезда моя, ведь это так понятно:
Влияние мироздания на нас, людей, и обратно.

Павел Коган

Такие звездопады, что довелось увидеть в детстве, на моем веку, скорее всего, уже не повторятся. Лет пять подряд, в начале 50-х годов XX века, орбита нашей планеты, наверное, пересекала облако межзвездной космической пыли. То был даже не дождь, а какой-то метеоритный ливень...

Летний зной сальских степей отступал только с закатом солнца. Ребятня тотчас высыпала на огороды таскать воду из копанных на берегу пересыхающей речки ям — на полив капусты, помидоров и огурцов. Чем быстрее управишься — тем больше свободного времени на подготовку к ночному спектаклю. Никаких поблажек и пятилетним пацанам. У каждого своя норма. Из-за спешки вода из ведер расплескивается по краям копан-

ки, земля становится скользкой — того и гляди упадешь в поросшую ряской зеленую жуть ямы с речными пиявками. Что однажды и произошло со мной. В считаные мгновения кровососущие облепили мне ноги, живот, руки и грудь по самую шею. Первым на мой вопль о помощи прибежал брат Толик, затем его закадычный друг и мой покровитель Петя Кремнев. Вместе они вытащили меня из копанки и, отдирая присосавшихся к телу тварей, убеждали не реветь. Петька выдирал из меня пиявок быстрыми ловкими рывками, почти безболезненно, скалился и дразнил: «Заплачь — дам калач! Завой — дам другой! Зареви — дам целых три!» Инцидент исчерпан. В прибрежных зарослях уже тревожно кричит, поторапливая нас, птица-камышанка. Зазвенели хором лягушки. Заканчиваем полив и бежим всей гурьбой навстречу синему одеялу кизячного дыма, стелющегося из трубы летней печки вместе с ароматом оладий, жаренных на пахучем подсолнечном масле. Мама успела приготовить ужин, полить из лейки свои любимые ночные фиалки и уже устраивает нам рядом с ароматной грядкой, прямо на земле двора, общую ночную лежанку: солома да ватники под голову...

Всего только в нашем дворе на такие «космические сеансы» собиралось от десяти до пятнадцати человек. Южная ночь падает на землю со стремительностью хищной птицы. Только что на темно-синем небосводе трепетала одинокая Венера, а чрез мгновение черная бездна вскипает мириадами брызг Млечного Пути. Зачарованные, мы таращимся в эту прорву. Ребята постарше, из тех, кто давно ходит в школу, с видом знатоков экзаменуют мелюзгу:

— А знаешь, какая звезда к нам ближе всех?

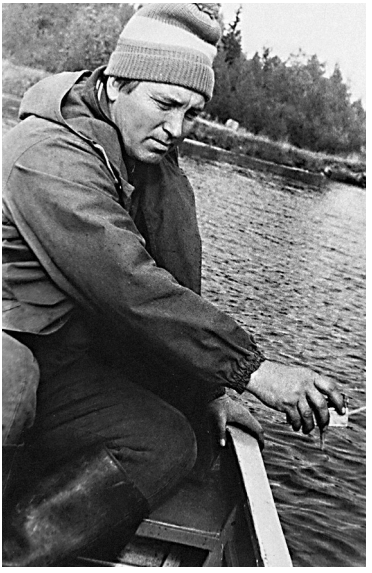
— Так вот та, самая яркая и самая большая... Наверное!

На крыльце дома Турулёвых. *1963*

С Котвицким в деревне

Друг детства Виктор Котвицкий

— Эх, ты! Это не звезда вовсе, а планета. Как наша земля. Венерой называется. А ближе всего к нам Альфа Центавра. К ней лететь нужно четыре года... Со скоростью света!

— Это как?

— А вот так! Ты на речку идешь со скоростью четыре километра в час. Звук долетит туда за десять секунд. А свет за одну секунду пролетит триста тысяч километров, почти десять раз вокруг земного шара облетит. За секунду! Если с такой скоростью лететь до Альфы Центавра, понадобится четыре года...

— А сколько тогда лететь вон до той звездочки? Видишь, прямо над головой пятнышко, еле видно?

— Да это и не звездочка вовсе, а целая куча звезд, наподобие нашего Солнца! Галактика называется. «Туманность Андромеды» читал?.. Туда лететь, может, миллионы лет со скоростью света...

— А я знаю, что быстрее всего на свете, быстрее даже скорости света!

— Мысль! — раздается в ночи сразу несколько восторженных голосов. — Это же просто: раз — и ты уже представил себя в другой галактике, на другой планете, идешь с местными пацанами на их желтую речку двухголовых раков ловить!

— Ух ты! Началось!..

С Игорем Турулёвым. *1962*

Сразу две крупные звездные искры с легким шорохом прочертили след, быстро исчезающий в темноте.

— Это болиды! Они крупнее метеоритов, потому и след после себя оставляют, когда в атмосфере сгорают.

— Нет, метеориты крупнее. Ты о Тунгусском метеорите слышал? Тот до самой земли долетел и взорвался...

— Еще неизвестно, что это было. Может, то корабль инопланетян с землей столкнулся.

— Смотри, смотри! Еще сразу три!..

— Надо желание загадать поскорее, пока звезда летит!

— Говори вслух, тогда сбудется. Смотри сюда! Смотри!

— Хочу дожить до двухтысячного года!..

— Ого! Это нужно еще сорок восемь лет прожить. Много!..

Еще долго ребята рассуждают о вечности, пространстве, звездах и галактиках. Но постепенно, один за одним, голоса стихают. И уже во сне думается: неужели и я доживу до двухтысячного года? Может, и мне повезет, и я побываю на далекой планете, где среди зеленых песков текут ласковые желтые реки...

Предоставленные самим себе, наедине с природой и мирозданием, мы, послевоенные дети, росли стихийными материалистами. Религиозная мистика, безоговорочное подчинение воле и наказанию верховного божества нами отвергались. Когда на окраинной части села напорол босую ногу на ржавый гвоздь, а затем умер от столбняка наш сверстник, девятилетний мальчишка, страшная новость вмиг облетела село. И было странно слышать эпитафии богомольных старух: «Бог дал — бог взял». Мы же, детвора, всякий раз после того случая, напоровшись на гвоздь или поранившись ржавой железкой, объятые ужасом перед возможной смертью, спеши-

На берегу Меклеты

ли не в церковь поклониться иконе, а в сельскую больницу — сделать укол от столбняка.

Современная официальная пропаганда тщится доказать, что массовый переход подавляющего большинства населения СССР к материалистическому (безбожному, по их определению) миропониманию стал возможен в силу гонений и преследований верующих. Однажды в начале перестройки журналисты пристали к Горбачеву с вопросом, как он относится к религии. «Я крещен родителями в православной вере. Тайно. Вы же знаете, что тогда запрещали верить. Даже за детские колядки могли привлечь родителей», — соврал не моргнув глазом Михаил Сергеевич. Его спросили об одном, а он говорит другое: хвалит родителей за то, что его самого в бессознательном возрасте тайно покрестили. Ваше-то отношение к религии здесь при чем? За колядки преследовали?! Брехня все это, скажут наши с Горбачевым

земляки. Мы ведь с ним земляки. Горбачев родился в селе Привольное Ставропольского края. А я — по другую сторону административной границы Ставрополья, в селе Белая Глина Краснодарского края.

Два селения разделяет не более пятнадцати километров. Возможно, в детстве мы купались в одной и той же речке, и звезды нас наблюдали общие на всю степь. Мои близкие тоже окрестили меня еще несмышленышем и, скорее всего, без ведома отца — коммуниста по убеждениям. Но даже отец не имел ничего против своих кумовьев и моих крестных родителей, живших на противоположной стороне улицы, к которым я бегал колядовать вместе с друзьями детства, где осыпал иконы зерном пшеницы, желал благополучия и здоровья хозяевам дома. Взамен меня угощали конфетами, а иногда даже литровой банкой меда. Крестные жили зажиточно: «отец Яша» на фронте, по-моему, не был, он остался кустарем-одиночкой, валял валенки на продажу, имел свою пасеку и мог позволить себе угостить сладеньким всех детишек, которые набивались колядовать в его просторный дом на Святки.

Никто никого не преследовал. Кстати, в странах Латинской Америки, в частности в Никарагуа, где я работал корреспондентом телевидения СССР, колядки сохранились как самый популярный по форме религиозный, а по сути самый человечный праздник справедливости и для детей, и для взрослых из бедных кварталов. Там это называется «восхваление Пречистой Девы». По-испански: «Griterio a la Purisima». С закатом солнца семьи бедняков вместе со всеми детьми выходят на улицы, поближе к домам зажиточных граждан — владельцев, как правило, небольших магазинчиков. Самые маленькие — впереди, на руках у матерей. Шум, гам, петарды взрываются на земле и в воздухе, гремят барабаны, танцуют ряженые...

Дети и взрослые всей семьей по очереди подходят к дверям домов, где заблаговременно установлен украшенный цветными фонариками алтарь Богородицы. «Слава Пречистой!» — хором кричат детишки. Дверь дома отворяется. Выходит хозяйка с корзиной сластей в руках. «Слава Пречистой! Слава! Слава!» — кричат в восторге детские голоса, а глазки, не отрываясь, смотрят в одну точку: что-то вынесла им хозяйка? Затем семья идет к другому дому по соседству. Где больше детей, где радостнее кричат — там слаще и больше подают. Пречистая Дева Мария считается заступницей Никарагуа, покровительницей ее столицы Манагуа. Такой нищеты, как в Манагуа, не встретишь во всей Латинской Америке.

В послевоенной России горя, нужды было с избытком. Но отчаянной, беспросветной нищеты удалось избежать. Хлеб у народа был. То был скудный и нелегкий хлеб. Но он у нас был. Послевоенная Европа жила по продуктовым карточкам лет пять после войны. А в Советском Союзе хлебные карточки отменили уже в 1947 году. В 50-е годы в рабочих и студенческих столовых хлеб начали отпускать бесплатно: бери сколько съешь. В деревне, насколько я себя помню, с каждого нового урожая мама получала на трудодни зерно пшеницы, молола его на муку и сама пекла пышные, не черствеющие по две-три недели кубанские караваи. Нашей семье с четырьмя детьми (один из братишек умер совсем маленьким, а две старшие сестры — Мария и Таня — вышли замуж и жили самостоятельно) хватало белого домашнего хлеба до весны.

А с марта за черствым черным хлебом из сельской пекарни у единственного на все село хлебного магазина выстраивались огромные очереди. Причем в очередь записывались заблаговременно: хлеба могло не хватить. В последнюю ночь перед завозом нужно было подтвер-

дить личным присутствием свою очередность. Дважды — в два часа ночи и в четыре утра — очередь пересчитывалась, люди злобно матерились и быстро разбегались по близлежащим дворам. Те, кто жил на окраине села, оставались сторожить очередь до рассвета. Причем очередники делились на два списка: инвалиды войны и обычные, здоровые люди. У меня отец безрукий, у дружка Геры Басенко — безногий, отец Кости Касьянова остался без глаз, когда в танке горел... Инвалидов было не меньше, чем здоровых людей, но они предпочитали покупать хлеб по льготной очереди: через каждого третьего покупателя хлебом отоваривался инвалид. Очередь напоминала потревоженный муравейник — то дралась, то ругалась, то хохотала до слез. Высокая, статная тетя Нюся, мать Пети Кремнева, первая плакальщица на поминках, и здесь была заводилой:

— Ты куда, хрен хромой, прешь?! Ты что, фронтовик, что ли?!

— А ты что, не видишь: у меня одна нога короче другой?

— У тебя хрен ниже колена, вот ты и хромаешь. А у меня муж на фронте погиб. Почему я должна в общей очереди стоять?!

— Язык себе отруби, тогда сойдешь за инвалида!

Очередь посмеивается дружелюбно, фронтовики соглашаются, что вдовам погибших на войне надо отпускать хлеб без очереди; тетя Нюся отходит от прилавка, прижав две буханки к высокой груди. Петька остается ждать в обычной очереди...

— Пропустите слепого! Слепого пропусти! Не узнаешь, что ли? Это же Касьян, что в танке горел!..

— Да, слепой! Но там, где надо, он лучше твоего видит: за десять лет после фронта восемь детей настрогал...

— То ж потому, что не видит, какую нищету наплодил!

Уж очередь по инвалидной брать хлеб моему отцу, а он подает правую уцелевшую руку слепому:

— Проходи без очереди, браток! Тебе трудней...

Сразу после слепого у прилавка вырастает здоровенный мужик и начинает набивать буханками чувал своей бабы.

— Да ты что, сука, свиней хлебом кормишь?!

— Людям жрать нечего, а ты, фашист, свиней — хлебом!..

Детина ежится под градом оскорблений, сопит, но набивает мешок под завязку. С отменой хлебных карточек ограничения на количество покупаемого хлеба сняты. Не успевает очередь осмыслить несправедливость закона, как тот же детина вновь пристраивается в общую очередь, и опять с пустым мешком в руках. Фронтовики взбешены:

— Ах, ты ж, гад! Свинопас гребаный! — матерится в сердцах безногий сапожник дядя Сеня. — Да я тебя, фрица поганого!.. — И армейский костыль фронтовика летит в мешочника. Женщины уже пытаются схватить зарвавшегося мужика за волосы. Он пригибается, подставляя под удары широкую спину, затем вырывается из разгневанного кольца и бежит прочь. Очередь улюлюкает и по-мальчишески свистит ему вслед...

Могло кончиться хуже. Когда хлеба не хватало на всех, против армейских костылей могли появиться ножи, вынутые из-за сапожных голенищ. «Без хлеба нам всем каюк», — любил повторять отец, внушая детям истину, давно усвоенную с молоком матери: все наши надежды на лучшую, сытую, веселую жизнь зависели от урожая на хлеб с общего колхозного поля. Когда лето выдавалось засушливым, в воздухе повисало тяжелое предчувствие беды. Невесть откуда налетали тучи слепней, мух, комаров, готовых высосать из тебя всю

мальчишескую кровь до последней капли. Русло степной, поросшей камышом речки Россыпная пересыхало и трескалось на полметра вглубь под беспощадными лучами солнца. В довершение ко всему на улицах Белой Глины появлялись странствующие богомольцы, тихим, вкрадчивым шепотком предвещавшие ошалевшим от жары старикам конец цвета: «И солнце тогда погаснет. И полетят по небу хищные стальные птицы. И будут клевать они грешников, как куры клюют зерно. Спасение будет только тем, кто покается в грехах своих перед Господом нашим. Спаси и помилуй!» Особенно много таких «пророков» в мужском и женском обличье развелось после смерти Сталина в марте 1953 года. Даже в школу стали проникать мохнатенькие истории о наказании безбожникам, которые пытались плясать с иконой в руках, но тут же якобы врастали недвижимые в землю, а когда богохульников пытались вырубить из плена топорами, из-под земли прямо в лицо спасителям били фонтаны крови... Многие еще не окрепшие детские умы тогда смутились.

Лето 1954 года опять выдалось засушливым. А тут по радио объявили о предстоящем 30 июня полном солнечном затмении на всей европейской части страны. Религиозные кликуши зашмыгали с одного двора на другой.

Наш ночной клуб звездочетов-любителей поредел. Но, проиграв в количестве, мы неизмеримо выиграли в качестве. Самые задиристые, самые хулиганистые, самые смелые отказывались верить богомольным старухам.

Самый начитанный из нас, тогда уже старшеклассник, а впоследствии командир экипажа авиалайнера Ту, Сталик Лавров, раздобыл номера журнала «Знание — сила», где подробно, из номера в номер, описывались

солнечные затмения во всех частях света и способы их предсказания. Местная пресса, не в пример нынешней, тогда не оглупляла народ, а просвещала его, давала практические советы желающим наблюдать уникальное природное явление.

С утра 30 июня 1954 года мы еще и еще раз коптили осколки обычного оконного стекла над пламенем примусов или керогазов. Лучше, темнее стекло получалось над пламенем пропитанной соляркой ветоши. Через такое стекло солнечный диск походил на яркую луну, и на него можно было смотреть безболезненно. День выдался безоблачным. К полудню все: и взрослые, и дети — высыпали на улицы. Прятаться в ожидании «конца света» никто не захотел. Но и особой радости никто не испытывал. Где-то к часу дня вдруг смолкли все голоса, замер лай собак, перестали кричать петухи. Через закопченное стекло я увидел, как черный диск наехал на солнце, на глазах делая его щербатым. «Началось!» — тревожно вздохнули невидимые голоса вокруг. Первыми завыли в тоске собаки. Когда черный диск закрыл половину светила, по двору начали метаться куры, как будто искали, где укрыться от приближающейся бури с градом. Но воздух вокруг был неподвижен, как будто остекленел. Наконец от солнечного диска остался узкий серп. Тревожно замычали коровы. Неестественно громко заблеяли овцы. Все! Черный диск полностью закрыл светило. Дохнул космический холодок, от которого зашевелились волосы на голове. Вокруг черного диска взорвалась неправильными углами солнечная корона. Темно-голубой свод неба почернел, будто обуглился от бушующего пламени. Зажглись редкие мерцающие звезды. Млечный Путь не проявился. На три-четыре минуты беспросветный мрак накрыл землю. Неистовый вой собак слился в одну леденящую душу ноту. Охваченные

паникой куры и утки пытались взлететь в темноту. Беспомощными несушками кудахтали петухи... Солнечная корона исчезла внезапно, как только засветился узкий серп освобождающегося от черного диска солнца. Первая фаза затмения развивалась справа налево, освобождение пошло в том же направлении. Вслед за солнечной короной погасли звезды. Небосвод наполнился спокойной лазурью. Природа возвращалась в свое обычное состояние. Еще долго лаяли собаки и мычали коровы, но петухи, оправдываясь в своем минутном малодушии, взлетали на ограду дворов, шумно хлопали крыльями и приветствовали освободившееся из плена солнце победными криками...

Через два дня после того затмения на мою Белую Глину обрушился невиданный ливень. Ливневые воды переполнили искусственную дамбу озера на истоках реки Россыпная. Земляную дамбу прорвало. Всегда смирная Россыпная вышла из берегов, затопила огороды, пастбища по всей одиннадцатикилометровой длине села, до самого слияния с Меклетой.

Вместе с большой водой в огороды зашла большая рыба. Сазаны, карпы, шараны веселились буквально на капустных грядках. Мы, мальчишки, накрывали рыбин старыми ведрами без дна, гонялись за ними с вилами. Даже отец бросил свою гончарную мастерскую и таскал сеть по затопленному лугу вместе с другими мужиками. Улов был богатым. Делили добычу по-фронтовому. Владельцу сети выделялось отдельно три-четыре рыбины килограмма на два каждая. Все остальное делилось на равные кучи по числу рыбаков. Затем один из участников становился спиной к улову и на вопрос хозяина сети «кому?» отвечал: «Семену! Тебе! Ивану!» Отец радостно махал мне рукой: «Бегом сюда! Помогай нести!» Сетевой расплывался в улыбке от удовольствия и подбрасы-

вал в кучу отца сазана побольше: «Это тебе, Иван, от меня — подкорми сына, уж больно он у тебя худой!»

Я не обижался. Толстые среди нашего брата, сельских пацанов, тогда не водились. Худых уважали. Во время дальних пеших походов на берега Меклеты и даже дальней Соловьевки, под горбачевским селом Привольное, худые меньше потребляли и воды, и хлеба. А на обратном пути на худого, как на приманку, в любом дворе можно было выпросить не только воды и хлеба. Птица или животные во дворе — добрый знак. Ребята постарше командуют мне: вперед! И без того измученный дальней дорогой, я подтягиваю для убедительности живот к спине и ходячим скелетом захожу в незнакомый двор:

— Здравствуйте, тетенька! Дайте водички напиться. Пожалуйста!

— Господи! И откуда же ты такой взялся?!

— С речки иду. Раков ловили.

— Да какая уж тут водичка?! Я тебе сейчас молочка из хаты вынесу...

— И хлебушка! — уточняю я жалобным голосом. — А то меня на дороге еще трое пацанов ждут...

Хозяйка смеется, раскусив мою уловку, но через минуту выходит из своей хаты с кружкой молока, с большим куском хлеба и сала в руках:

— Молоко сам выпей! А это, держи, подкормишь своих пацанов...

На Кубани народ добрый, отзывчивый. Иногда я своим видом пугал колхозниц до такой степени, что уходил со двора и с хлебом, и с салом, и с яйцами куриными. Босоногая братва ценила меня как добытчика, а уважала и любила больше за преданность, за готовность без жалоб вынести любые лишения дальних походов. Нередко я переоценивал свои возможности, тогда жела-

ние понравиться старшим ребятам, лидерам мальчишеской стаи, выходило боком мне же самому.

Однажды в центре села, у парикмахерской, брат Толик и Петя Кремнёв перехватили шофера колхозной грузовой машины. Договорились, что он довезет нас в кузове до Нового моста через Меклету, там притормозит, а мы на ходу через задний борт выпрыгнем из машины. По дороге Петька еще и еще раз наставлял меня, как правильно прыгать с машины на ходу: «Повиснешь на руках, а как только коснешься земли пальцами ног, беги как можно быстрее. Станешь догонять машину, отпускай руки — тогда не упадешь!» Проехали село. Впереди показалась речка. Вот мост. Я ложусь животом на задний борт. Ноги — вниз. Петька нахваливает: «Молодец! Готовишься — не задержишь». Машина мчится под уклон, не снижая скорости. Я повисаю на руках, пальцами ног пытаясь дотянуться до земли... Удар по ногам, меня отрывает от машины и тащит, беспомощного, по гравийке метров десять. Жгучая, как от огня, боль пронизывает тело. Колени, грудь, локти рук, лицо — все горит. В слезах я поднимаю голову и вижу, что машина остановилась на другом берегу, Петька и брат Толик спрыгнули с борта и бегут ко мне. Оказывается, они договорились с шофером, что он остановится на другом берегу, но меня не предупредили. Окровавленного, в разорванных трусах и майке, ребята берут меня на руки и бегут к реке, омыть ссадины. Нос и губы кровоточат не переставая. Петька сдирает с меня остатки майки, мочит их в воде, велит приложить к лицу. Через полчаса верхняя губа все еще кровоточит. Сильно болит голова. Петька отрывает от коробка спичек бумажку и заклеивает ею разорванную губу.

...Пока ребята ловили в камышах раков, а затем пекли их на костре из соломы, я лежал в тени одинокой

прибрежной акации. Кровотечение прекратилось, но боль усилилась. Петька осмотрел рану и решил снять бумажку. Не тут-то было! Тонкая бумажка припеклась к ране. Петька отрывает с мясом: «Терпи, казак, атаманом будешь!»

...Брат удерживает меня за голову. Экзекуция заканчивается потоками крови и слез. Ребята подхватывают меня на руки, и бегом — к дороге. К счастью, опять подвернулась попутка. Довезли до больницы, где мне профессионально обработали рану, перебинтовали лицо и сделали традиционный укол от столбняка.

Все это зажило быстро, но верхняя губа осталась бесформенной и толстой. Я комплексовал по этому поводу долго, пока во время своего последнего рабочего отпуска перед армией не встретил на танцплощадке зеленоглазое чудо с Печоры. В Белой Глине у нее жили дальние родственники, и она приехала сюда отдыхать на каникулы. Она сама пригласила меня на «белое танго», сама попросила, чтобы я проводил ее после танцев домой. По дороге зашли в сад моего родного двора, где я по-прежнему любил спать под летними звездами. Таньча, как я полюбил ее называть по имени какой-то героини рассказа из журнала «Юность», зацеловала, залюбила меня до обморочного состояния... Проводил ее домой на рассвете. Возвратился с восходом. Мама уже кормила домашнюю птицу. Увидев меня, сделала вид, будто ни о чем не догадывается:

— А ты чего так рано спохватился, сынок?! Поспи еще чуток в хате, я ставни прикрою от солнца...

После той звездной ночи я больше не мучился из-за своих шрамов, приобретенных в детстве.

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Школа моя деревянная,
Время придет уезжать,
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать...
Николай Рубцов

И чего меня так манило в эту школу?!.

У старшего брата Бориса от школы были одни неприятности родителям. Во-первых, Борис все время влюблялся и откровенно ухаживал за девчонками старших классов. Однажды в нашу сельскую школу после института приехала молоденькая учительница. Ей доверили уроки пения и литературы. Так мой брат Борис влюбился в нее на пару со своим другом Валеркой по прозвищу Халя, старшим братом Петра Кремнёва. Куда ни пойдет учительница — там и два друга: провожают ее домой, идут в кино, поют ей серенады. Как услышишь ночью дуэт: «Я трогаю русые косы, ловлю твой задумчивый взгляд...» — знаешь, что это Борис с Валеркой у новой учительницы пятерки зарабатывают. В конце концов Людмила — так, кажется, звали молоденькую незамужнюю учительницу — уехала куда-то в Сибирь, подальше от поползших по селу сплетен.

Но брат Борис был еще и заядлым голубятником. Его гордостью стали падучие белые голуби, падавшие, крутясь через голову, с огромной высоты почти до самой земли, и сизари. Последние на спор находили дорогу к родной голубятне, как бы далеко их ни заносили. Перед тем как начать испытание, спорщик имел право без свидетелей зайти с голубем соперника в собственную голубятню. Так однажды лучшему Бориному сизарю спорщик выдрал почти все перья из крыльев. Сизарь вырвался из лап своего мучителя, скатился по

крыше вниз и доковылял до нашего дома. Потом была драка, уже не детская: с кровью, с ножами... Но голубей своих брат не бросал. Иногда бежит за голубиной стаей по улице, задерет голову вверх, свистит разбойным посвистом, а навстречу — его классный руководитель, преподаватель химии Евдокия Ильинична Дюкова:

— Анпилов, школу опять прогуливаешь! Без родителей не возвращайся!..

Борис не слышал. В конце концов учителя почти всем педсоветом сами пришли в наш дом и предъявили отцу ультиматум:

— Иван Иванович, или вы забираете старшего сына из школы, или ликвидируйте голубятню!

Тогда обучение детей в старших классах средней школы было платным. Пусть и символическую, но все же ощутимую для нашей семьи ежемесячную плату за обучение Бориса и сестры-двойняшки Раи отец вносил и гордился тем, что он, несмотря на инвалидность, может дать детям среднее образование. Основательно подумав, отец выбрал «ликвидацию» голубятни:

— Луша, позови соседку! У Фирсовых есть нечего. Пусть забирают всех голубей к чертовой матери и порежут их себе на суп!

Соседка не пришла, но новость облетела село быстрее молнии. К вечеру, с разрешения и по наводке отца, на чердаке нашего дома шарили взрослые и маленькие голубятники. От мародеров брат Толя спас, засунув в старый кувшин, только Орлика — лучшего падучего стаи, названного так в честь коня из нашего любимого послевоенного кинофильма «Застава в горах». Утром разбили кувшин, и Орлик, без стаи и без любимой голубки, взмыл на такую высоту, что стал меньше точки. Затем птица сжалась в комочек, закрутилась что есть мочи да так, не разжавшись и не

распрямив крылья, разбилась о случайный известковый камень во дворе...

Борис рыдал как маленький. Грозил отцу бросить школу, сбежать из дому, уехать на целину.

— Бросай, бросай, — спокойно парировал отец. — А я скажу военкому, чтобы тебя, сукина сына, в армию не призывали!

Угроза подействовала моментально. Отец знал, что его старший сын втайне мечтает об армии и, если понадобится, готов повторить отцовскую солдатскую судьбу. Борис окончил среднюю школу, получил аттестат зрелости. Пришла долгожданная повестка о призыве. Брат побежал на медкомиссию. Обмерили его, взвесили, а у него вес — пятьдесят два килограмма.

— Таких не берем, — отрезал военком. — Скажи отцу, вес набрать нужно. Еще три кило — минимум. Пусть подкормит тебя, а через два месяца придешь на повторную медкомиссию.

Все силы, все продовольственные ресурсы семьи были брошены на откорм нашего призывника. И без того очень редкое за нашим столом сливочное масло было тотчас отчуждено у меня с Толиком в пользу старшего брата. Мой крестный отец Яков Брусенских подарил Борису трехлитровую банку меда. Из далекого военного гарнизона под Уссурийском, куда со своим мужем-офицером уехала старшая сестра Таня, оказией передали ведро красной лососевой икры... Борис набрал нужный вес, повеселел и вскорости вместе с другими парнями позднего призыва уезжал к месту воинской службы в вагоне-теплушке, горланя на прощание своей девушке: «Ой, красивы над Волгой закаты, ты меня провожала в солдаты»...

Борис честно отслужил три с половиной года. Дослужился до сержанта, вступил в КПСС. Вернулся домой

красивым и повзрослевшим, любимцем местных комсомолок. Но у него не было специальности, и какое-то время брат на износ работал грузчиком в райпотребсоюзе. Его вызвали в райком и предложили поработать корреспондентом районной газеты. Позже брат посоветует и мне начать послеармейскую карьеру с должности истопника, а затем фотокорреспондента той же районки. Сам он быстро продвинулся, его избрали первым секретарем Белоглинского райкома комсомола, послали учиться в Высшую партийную школу Северного Кавказа в Новочеркасске. Почти вся трудовая деятельность Бориса Ивановича была связана с партийной и советской работой: заворготделом районного комитета партии, секретарь парткома колхоза имени Ленина, секретарь районного Совета народных депутатов. Мама радовалась продвижению старшего сына, хотя одна деталь ее смущала:

— Я никак не пойму, — делилась мать со мной. — Наш Борис — сын фронтовика, коммуниста, теперь работает в райкоме. Это понятно. И Лепёхин, сын полицейского, это знают все, кто был под немцами в оккупации, — тоже работник райкома. Как же так?!.

В 1994 году, когда за руководство народным восстанием в октябре 1993 года я был брошен в Лефортовскую тюрьму, белоглинское начальство решило потрафить московским «демократам». Бориса уволили с работы, без трудоустройства, когда ему оставалось всего два года до выхода на пенсию. И прежде невоздержанный, брат запил с горя и вскоре ушел из жизни. Я считаю, что затаившиеся при Сталине и воспрянувшие при Горбачеве и Ельцине подкулачники, враги советской власти, отыгрались на моем старшем брате Борисе Ивановиче.

Сам я в школу пристрастился ходить задолго до положенного срока. Когда первого сентября мои стар-

шие уличные друзья пошли в первый класс, я не знал, чем занять себя, и не находил себе места. К тому времени мать ушла из колхоза работать поваром в детский дом через сутки, с рассвета до поздней ночи. Ночевать одному было страшновато: иногда в дверь стучали кочевые цыгане, и тогда у меня оставалась одна надежда на единственного друга — дворовую собаку по кличке Жук. Оставаясь один, я по совету мамы забирал Жука в дом. Стоило цыганке подойти к двери, Жук не лаял, нет — он превращался в разъяренную черную фурию, шерсть на его загривке вставала дыбом, и он негромко и оттого особенно страшно и злобно рычал. Однажды в дверь постучала не цыганка, а жена районного прокурора, которая хотела узнать, куда ушла наша соседка и ее подруга Анна Ивановна. Я выглянул в окно и увидел у двери знакомую нарядную женщину. Обрадовался, отодвинул засов и открыл дверь... Черной молнией Жук бросился на грудь ошарашенной женщины, порвал ей платок, упал вниз и вцепился зубами в ногу рванувшейся прочь прокурорши. Говорили, она пожаловалась мужу и потребовала привлечь нашего отца к ответственности, но сам прокурор, выслушав жену, заметил:

— Ты же видела, что в доме только малолетний ребенок! Зачем ты поперлась в дом?!

На следующий день после рабочей смены мама убиралась по дому, обстирывала нас, готовила обед, копалась в огороде. Теперь страха не было, и Жук бегал со мной наперегонки по улице, но меня тянуло в школу — увидеть старших друзей. Мама не возражала:

— Да сбегай ты в школу! Встретишь Толика после уроков.

Я являлся на школьный двор за полчаса до окончания уроков в начальных классах и, затаив дыхание, ждал, доверит ли мне уборщица тетя Лиза небольшую

железную палку, которой можно бить в подвешенный рельс, оповещая звоном школу и всю округу об окончании урока.

Но однажды я опоздал к желанной минуте. Случилось это по той причине, что в гости к родителям с маленькими внуками приехала старшая сестра Таня со своим мужем Федором Дмитриевичем — фронтовым офицером, капитаном танковых войск. Отец отпросился в тот день с работы, взял у председателя артели инвалидов «линейку» — четырехколесную конную повозку на рессорах — и поехал встречать зятя на вокзал. Когда приехали, в наш двор сбежались все свободные от работы соседи. Это надо было видеть! Сестра Таня, расфуфыренная по тогдашней моде, в крепдешиновом, с подкладными плечиками платье в горошек, в шляпке с вуалью, целовала всех теток подряд и плакала от радости. Федор, белорус по происхождению, а потому, в отличие от наших обожженных степным солнцем мужиков, благородно бледный, высокий, в темно-зеленом мундире с золотыми погонами капитана и боевыми орденами на груди, казался каким-то сказочным принцем: щедро раздавал мужикам папиросы «Казбек», матери вручил первую в ее жизни вышитую шаль, отцу — суконную офицерскую гимнастерку. Мне перепали городские рейтузы отчаянного зеленого цвета с такой же майкой, и еще — первые в моей жизни шоколадные конфеты.

Самое большее, что тогда могли себе позволить мы, деревенские мальчишки начала 50-х годов, были конфеты-«подушечки» с начинкой из повидла, в жару липнущие сахарной оболочкой к рукам. А тут — настоящие шоколадные конфеты, да еще в красивой обертке! Я бегу в дом, быстро сбрасываю свои черные «семейные» трусы, натягиваю на себя обновку — и бегом в школу. Подбегаю, запыхавшись, под оглушительный, в испол-

нении самой тети Лизы звон школьного рельса. Ребята высыпают на крыльцо и, завидев мои «городские» обновки, лавиной несутся на меня. Я мигом вспоминаю Петино наставление для спасения «подушечек» во время мальчишеских свалок: «Прячь все в рот, пока не отняли!» Но шоколадные конфеты крупнее деревенских: за щеки удалось спрятать всего три штучки. Еще две зажал в кулаке. Второгодник из третьего класса по прозвищу Табай сбивает меня с ног. Над нами — куча-мала. А Табай урчит, выковыривая пальцем добычу из моего рта... Подбежавшие на выручку Толик и Петька вытаскивают меня за ноги из-под груды детских тел. Городские рейтузы рвутся, треща по швам, но я безмерно счастлив, что могу угостить товарищей раздавленными в кулаке шоколадными конфетами.

Я сбежал из дома в школу 1 сентября 1952 года. Дело в том, что я родился 2 октября 1945-го. А в школу тогда брали только после того, как ребенку исполнялось полных семь лет. Мне не хватало всего месяца и одного дня, и потому родители в очередной раз оставили меня дома одного. Смотрю, мои погодки с улицы — Коля Предыбайлов, Герка Басенко — идут в школу. В брюках, рубашках, в ботинках — как взрослые. Мне до смерти не хотелось опять оставаться в малышах. Бросился искать в мамином сундуке, нашел старые, штопаные брюки и рубашку Толика. Оделся, обул (не на ту ногу) большие ботинки брата и пошел по давно знакомой тропинке в школу. Зашел в первый класс. Моя первая учительница Любовь Порфирьевна Денисова хорошо знала нашу семью: она научила читать и писать и старшую сестру Таню, и Бориса, и Раю, но при виде меня рассмеялась:

— Это кто ж тебя так нарядил?

— Я сам одеваться могу!

— Это хорошо. Но в школу тебе еще рано. Видишь, тебя и в списках нет. Придешь на следующий год!

Я разревелся. Любовь Порфирьевна предложила мне подождать до конца первого урока за дверью, а потом повела к директору школы, очень строгой седовласой женщине в очках. Звали ее Екатерина Ивановна. Именно она настаивала на «ликвидации» голубятни моего старшего брата.

— Как же ты, братец, пришел в школу, а родители и не знают об этом?

— Я маме говорил, что обязательно пойду учиться!

— Конечно, пойдешь, на следующий год. А сейчас надо подождать: ведь пока ты маленький и будешь отставать от других детей.

— Не буду! Я уже сам читаю...

Екатерина Ивановна протянула мне сталинский букварь, раскрытый на последних страницах:

— Прочитай, что сумеешь!

По слогам, но уверенно я прочитал со страницы на букву «ы»: «Мама мыла рамы. Мы не рабы, рабы не мы».

— Молодец! — заулыбалась Екатерина Ивановна. — А считать ты можешь?

— Могу до десяти по звездам Большой Медведицы.

Екатерина Ивановна даже рассмеялась:

— Да зачем же тебе учиться, ты и так все знаешь!

— Я хочу научиться писать.

— Научишься писать, и тебе скучно станет в школе. Ведь ты же хулиганить будешь, как брат твой Борис! — нащупала «слабое звено» в моей аргументации Екатерина Ивановна.

— Не буду! Не буду хулиганить! Я буду слушаться!..

— Хорошо! Поверим младшему Анпилову на слово. Завтра приходи в школу с отцом. Пусть напишет заявле-

ние да купит тебе ботинки. Хватит в чужом бегать. Пора жить самостоятельно.

С этим напутствием я и стал первоклассником образца 1952 года. Первые четыре года Любовь Порфирьевна (она жила со своей семьей на одной улице с нами, только в просторном кирпичном доме, что по тем временам считалось большой привилегией) не могла на меня нарадоваться: встретит маму на рынке или на улице и начнет ей меня нахваливать:

— Лукерья Петровна, ваш Витя — лучший ученик в классе!

И это была правда. По результатам каждого года начальной школы я получал похвальные листы «за отличные успехи в учебе и примерное поведение».

На тот безмятежный период моего детства пришлась смерть Сталина. 5 марта 1953 года в связи с кончиной вождя в стране объявили траур. Помнится, на третий или четвертый день все классы нашей школы построились во дворе на траурную линейку. Долго, не скрывая слез, говорили приглашенные по случаю фронтовики, учителя и даже комсомольцы-старшеклассники. Дома, в семье, новость воспринималась уже не так трагично. На предложение соседки Анны Ивановны поплакать вместе мать ответила сдержанно:

— Слезами горю не поможешь. Сталина теперь не поднимешь, а своим детям одеться не во что...

А отец плакал скупыми слезами солдата. Плакал, как мне казалось, искренне. Сейчас, спустя 55 лет после того вселенского траура, отец мне понятнее матери, которую я любил без памяти. Попытаюсь объясниться с читателем.

Отец мой Иван Иванович Анпилов был комсомольцем, на фронте вступил в ВКП(б) — Всесоюзную Коммунистическую партию (большевиков). Как и все

фронтовики, оставшиеся в живых, отец был не прочь выпить с такими же, как он, мужиками, безрукими, безногими, обожженными — словом, изувеченными войной. Если в день получки отец задерживался до ночи, мать посылала меня и старшего брата в сельскую чайную «найти отца». В чайной — дым коромыслом. Официантки шныряют между столами, разносят пиво «с прицепом», то есть бокал пива плюс сто граммов водки. Драк среди фронтовиков я не помню. Зато за каждым столиком вновь и вновь штурмовали Берлин, с отборным русским матом шли на таран немецкого мессера, вспоминали Курскую дугу и Сталинград, поднимались в рукопашную и обливались слезами, поминая павших товарищей. Для наших отцов война так никогда и не закончилась. В чайной ухали пушки, выли мины, стучали автоматы... А вот и голос нашего батьки строчит из станкового пулемета «максим»: «Та-та-та-та-та... Хенде хох, гады! За Родину! За Сталина! Получай! Та-та-та-та!» Мы уводили отца под ободряющие возгласы изрядно подвыпившей фронтовой братии: «Ты смотри! За Иваном сыны пришли! А за мной, не дай бог, жена прибежит»... Отец обнимал меня обрубком руки, а здоровой держался за Толика. Напоказ он куражился, затягивал свою любимую: «Эх, дороги, пыль да туман!» — а у калитки своего двора обмирал, изображая вконец пьяного человека. Вероятно, так он надеялся смягчить мамины упреки за пропитые в чайной деньги.

Несмотря на то, что отец был инвалидом, у него была очень ответственная работа — обжигальщик гончарной мастерской, и его заработок был основным в семье. Однажды отец повздорил с начальством, и его уволили. С неделю он молчал, без конца курил самокрутки из махорки, затем не выдержал и сел писать

письмо Сталину. Отец был грамотным человеком, и к нему нередко обращались посторонние люди с просьбой составить жалобу или заявление по тому или иному делу. Но за себя отец никогда не писал, считая это ниже достоинства коммуниста. Он также считал непозволительными постоянные просьбы матери принести с работы какую-нибудь посудину: «Если коммунисты начнут тащить, то что же о нас люди скажут?!» А тут пришлось писать: без отцовского заработка в семье не хватало денег и на кусок хлеба. В письме к Сталину отец перечислил свои боевые ордена и медали, места, где проливал кровь в боях с немецко-фашистскими захватчиками; рассказал, что работал обжигальщиком практически без брака, и попросил восстановить его на работе, чтобы кормить шестерых детей. Дошло то письмо до Сталина или нет, я не знаю. Только через три дня после того, как отец отправил свою жалобу, к нашему дому подкатила «линейка», для тех времен — своего рода «БМВ», длинная двухосная повозка на рессорах с двумя рысаками. Такая роскошь имелась только у председателей колхозов да в местном райкоме партии. «Иван Иванович, выходи! — весело закричали с «линейки». — Поехали на работу!» Отец заважничал, надел праздничную, подаренную зятем Федором офицерскую гимнастерку с боевыми орденами и покатил обжигать свои горшки...

А жизнь продолжалась. Как мне вспоминается, взрослые и тем более мы, послевоенные дети, как-то легкомысленно воспринимали пертурбации в верхних эшелонах власти страны после Сталина. Расстреляли Лаврентия Павловича Берия — по селу полетела частушка:

Берия, Берия вышел из доверия,
А товарищ Маленков надавал ему пинков.

Никита Хрущев перессорился с великим Китаем, переругался с албанским «сталинистом» Ходжой, закрыл глаза на кровавую баню, устроенную коммунистам Индонезии, Ирака, Египта... А подвыпившие мужики в сельской чайной растолковывали друг другу смысл новой международной политики ироничной нескладушкой:

Пей, но знай же меру! — сказал Джавахарлал Неру.
Водку пьют досыта! — сказал Хрущев Никита.
Особенно после бани! — добавил Булганин.
Потому у вас все пропито! — заметил маршал Тито.

Перед памятью моих родителей свидетельствую: страха, о котором так любят писать и говорить сегодня, у людей не было. Даже когда по распоряжению Хрущева с личного подворья колхозников увели коров, никаких волнений на селе не случилось. Послевоенная разруха и голодуха к тому времени уходили в прошлое. Да, на колхозном рынке исчезли из свободной продажи масло, сметана, вкуснейшее, с пенкой, топленое молоко в кувшинах. Но в школе всем детям начали выдавать бесплатные полдники: стакан молока с булочкой хлеба. Другое дело, что, даже голодные, сельские дети непривычны есть «с чужого стола». В первые дни новшества школьный двор был усеян выброшенными булочками. Каюсь, мне до сих пор стыдно вспоминать, как мы гоняли теми булочками в футбол, бросались ими при игре в лапту. Теперь мясо на свадьбы, на похороны, на проводы в армию, крестины и на случай других семейных торжеств «выписывали» гражданам села в колхозе по себестоимости производства, то есть по низкой цене. Село как производитель продуктов питания для города, для армии само становилось потребителем про-

дуктов, производимых в общественном секторе. Но не в этом таилась опасность для колхозно-совхозного строя. Общественный способ производства с применением машин на огромных пространствах Кубани был гораздо эффективнее, производительнее мелкотоварного производства на тесных крестьянских подворьях и огородах. Вооруженный машиной крестьянин надеялся со временем освободить свою семью от двойной изнурительной нагрузки на общественном колхозном поле и на личном подворье, где нужно было доить, копать, убирать навоз... Миной замедленного действия для колхозно-совхозного строя, для всего государства стала другая теневая (в смысле — не афишируемая) реформа Никиты Хрущева. При нем после обобществления коров крестьянских подворий прекратились судебные преследования расхитителей общественной (колхозной) собственности. При Сталине за пол-литровую баночку уворованной в колхозе пшеницы можно было получить по приговору суда до пяти лет лишения свободы. При Хрущеве власть закрыла глаза на мелкие хищения с колхозного поля. Крестьянин, еще не избавившийся от частнособственнического инстинкта, поневоле превращался в мелкого воришку, «несуна», как тогда говорили. По негласному взаимному соглашению несли все: и взрослые, и мы, дети, помогавшие убирать урожай на колхозном поле во время летних каникул. В 70-е годы, уже при Леониде Брежневе, явление приняло массовый и необратимый характер. Доходило до анекдотов; одну такую историю любил рассказывать мой друг детства Петр Кремнёв. Уже студентом биолого-почвенного факультета Ростовского университета его направили на практику в один из колхозов Ленинградского района Краснодарского края. Дело к осени. В поле дел полно. Закончил мой друг работу

и идет, усталый, к колхозному автобусу, ехать домой. Поднялся в кипевший смехом и веселыми девичьими голосами салон — и вдруг все замолчали. Ни песен, ни смеха, тихо, как в могиле. Петр, человек веселый и общительный, не выдержал такой изоляции и спрашивает шепотом у соседа:

— А почему все молчат? Что случилось?

— Так видишь, у каждого под сиденьем мешок или сумка. Все везут что-нибудь домой. А ты — пустой! Может, ты стукач?! Напугал ты людей, — разъяснил студенту ситуацию словоохотливый сосед.

— На следующий день, — смеялся, рассказывая тот случай, Петро, — я учел пожелание колхозной общественности. Прихватил с собой два пустых мешка. Один набил початками кукурузы, другой — семечками подсолнуха. После трудового дня взвалил оба чувала на плечи. Жилы у меня на шее вздулись от напряжения. Едва пролез в дверь автобуса. Вот теперь все радостно зашумели: «О, это наш парень! Свой в доску!»

К концу правления Брежнева одни тащили из колхозов сумками, другие приноровились вывозить машинами и даже вагонами... Из села зараза теневого бизнеса перекочевывала в город, на стройки и заводы. Дни советской власти были сочтены.

Но Фемида не бездействовала. Поздней осенью 1957 года Белоглинский районный суд приговорил моего еще несовершеннолетнего брата Анатолия к двум годам лишения свободы. Такого горя наша семья еще не знала. Мать выла по ночам не переставая. Отец без конца смолил свои махорочные самокрутки. В дом стали захаживать побывавшие в местах заключения мужики, советовали матери, что собрать на передачу сыну, кому и куда писать жалобы на неправедное решение...

Толика обвинили в нанесении тяжкого увечья своему школьному товарищу Володе Лукьянову. А дело было так. Володя Лукьянов и еще один мальчик захотели проводить Толика домой после школы. В то время игры сельских мальчишек были жестоки и примитивны. Зимой гоняли на привязанных к валенкам коньках по замерзшей речке, проваливались по грудь под лед, сушили валенки и одежду у разведенного на берегу костра. Летом играли в лапту, в казаки-разбойники. Загоняли в лунку палками «бабку» — короткую толстую кость свиной ноги. Иногда кость от удачного удара палкой свистела в воздухе и могла разбить голову или вышибить зубы игрокам, что и случилось с Толиком. И сам я заработал шрам под левым глазом, гоняя «дука». Так называлась та не по-детски жесткая игра. На травмы никто не жаловался.

Еще мы любили соревноваться в стрельбе по воробьям из рогатки. Признанным чемпионом улицы был все тот же Петя Кремнёв. Из своей пращи (рогатки с тугой, тягучей резиной от доильных аппаратов) Петя за день отстреливал до двадцати воробьев. Мы ощипывали серенькие перья и жарили комочки мяса на углях. Получалось вкусно, но не сытно. В школе учителя отбирали у нас небезопасные для здоровья окружающих рогатки, всегда выглядывавшие из карманов брюк. Однажды пришлось перейти на рогатки маленькие, из веточки сирени, с тонкими резинками от трусов. Стреляли такие миниатюрные устройства кусочками алюминиевой проволоки, но по дальности и точности попадания не уступали крупным рогаткам из акации.

Именно с такими «безобидными» игрушками пошли провожать домой моего брата Толика его одноклассники. Дошли до улицы Набережная, расстались и разошлись.

Белая Глина, 8-й класс. Осень *1959*

Со школьными друзьями *(Виктор Анпилов — слева)*

— Эй, Толик, держи! — крикнул уходившему брату Володя Лукьянов и выстрелил вслед из своей рогаточки.

Толя обернулся, недолго думая, снарядил рогатку свою:

— Володя, держи от меня!..

Кусочек алюминиевой проволоки попал в левый глаз другу, а когда они все вместе добежали до больницы, было уже поздно: глаз вытек...

Отец Володи Лукьянова, мастер местного колбасного цеха, обратился к районному судье не с пустыми руками. Дело «о тяжком телесном повреждении в результате хулиганских действий» было принято к производству. За неимением средств отец не смог нанять защитника. Сам суд длился с полчаса, не более. Судья предложил отцу два варианта. Первый, на котором настаивал отец Лукьянова: выплата потерпевшему пожизненной пенсии за инвалидность. Второй: лишение обвиняемого свободы на срок до двух лет. Отец, рассчитывая на снисхождение суда к малолетнему сыну и в надежде на условный срок, отказался от первого варианта. Толика приговорили к двум годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии для несовершеннолетних.

Тот приговор стал для нашей семьи шоком. Мать плакала беспрерывно и заставляла высохшего от горя отца писать жалобы во все инстанции. Родители залезли в долги и наняли адвоката из Краснодара. А меня в школе ожидало публичное судилище. Через три дня после суда над братом учителя и пионервожатая Зоя подняли меня перед всем классом и начали стыдить всех моих братьев: Бориса — за его голубей, Толика за «хулиганский проступок», меня — за то, что играл на переменах в орлянку, толкал девчонок, без конца

дрался с ребятами старших классов... Я молча плакал. Слезы градом помимо моей воли катились на застиранную и штопанную мамиными руками рубашку, которую я донашивал после Толика. Мне вспоминалось, с какой заботой брат лечил мои вечные ссадины и раны, как вытаскивал меня на своих плечах, обессилевшего от долгих переходов по раскаленным пыльным дорогам, к реке... Незаслуженные, несправедливые упреки перед всем классом ранили больнее ржавых гвоздей. В душе вскипала уже недетская ненависть к учителям родной школы. После этого я утратил интерес к занятиям. Осталась только неудержимая страсть к чтению книг. А через полгода на имя отца пришло письмо из Верховного суда: «Детская шалость не подлежит судимости. Ваш сын Анпилов Анатолий Иванович освобождается от судебного наказания со снятием судимости».

Толя вернулся домой героем в глазах сельских мальчишек. Затаив дыхание, мы готовы были часами слушать его рассказы, а еще больше — песни о тяготах лагерной жизни: «Придешь с работы, голодный и усталый, и спать ложишься ты на сыром полу, а надзиратель, паскуда, б..., не скажет: «Постой, мальчишка, соломки подстелю!» Странное дело! Эта лагерная романтика учила детские сердца сострадать чужому горю и навсегда врезалась в ребячьи души вместе с героикой и лирикой песен Гражданской и Великой Отечественной войн. Освоив тюремный «шансон», мы распевали его вперемежку с нашими любимыми: «Дан приказ ему на Запад, ей в другую сторону» или «И врага ненавистного крепче бьет паренек, за Советскую Родину, за родной огонек». После освобождения отец взял Толика учеником гончара в свою мастерскую, а учебу брат продолжил уже в вечерней школе

сельской молодежи. Я же «тянул лямку» в семилетке с заслуженным не по своей вине клеймом «бандита и хулигана».

ЛЕТИТЕ, ГОЛУБИ!

Пускай мы росли ножевые,
А сестры росли, как май.
Ты все же глаза живые
Печально не подымай!

Сергей Есенин

Теперь маме подолгу не доводилось услышать от учителей похвальное слово о сыне. Она дождалась этого слова от ректора МГУ Рэма Хохлова, о чем я расскажу позднее. А 1 сентября 1959 года я, все еще по собственному желанию, пришел продолжать учебу, теперь уже в средней школе № 9. Все мои школьные друзья после семилетки пришли учиться сюда же. Среднее школьное образование к тому времени стало бесплатным по всей стране, но еще не обязательным. Знали меня по прежней школе и многие учителя. Они-то и запротестовали:

— Ты что, Анпилов, опять хулиганить пришел?! Забудь о школе! Тебя сюда учиться не примут.

— Как не примут?! Что я, рыжий, что ли?..

— Вот именно, что рыжий! — настаивал Иван Павлович Шатохин, учитель черчения и будущий тесть моего старшего брата. Видимо, тогда до Ивана Павловича дошли слухи, что бывший босяк, хулиган, а теперь простой грузчик без образования Борис Анпилов всерьез и небезуспешно ухаживает за его дочерью — красавицей из десятого класса. Ему явно не хотелось видеть во мне

потенциального родственника, бедного и неуправляемого. — Одна рыжая овца все стадо перепортит. Пойдем со мной к директору школы, разберемся!

Директор выслушал информацию о моем поведении в школе-семилетке, напоминание об «уголовном деле» моего брата Анатолия и, не раздумывая, встал на сторону Ивана Павловича:

— Забирай свое заявление! Ищи для себя другую школу!

Я забрал заявление и на глазах учителей спокойно изорвал его в клочки. Прихожу домой, а там меня ждет брат Борис. Видимо, ему сообщили о моем отказе от продолжения учебы по телефону райкома комсомола. Я пересказал и изобразил ему в лицах содержание разговора в учительской. Брат, обожавший меня как никто другой, пришел в ярость и... влепил мне пощечину.

— За что?! — заорал я и выскочил на улицу — найти камень или что-нибудь потяжелее. Но будущий секретарь райкома комсомола не стал дожидаться моей ответной реакции, сам побежал в школу.

— Не вздумай просить за меня! — орал я вслед убегавшему брату.

Вечером на семейном совете Борис спокойно рассказал родителям о том, что инцидент улажен и меня приняли в восьмой класс без письменного заявления.

— Малейший проступок — выгоним из школы! — предупредил меня новый классный руководитель Виктор Алексеевич Борохов.

Я притих, увлекся ловлей в клетку-западок щеглов, чижиков и других певчих птиц и начал, чтобы не мозолить глаза учителям, прогуливать уроки вместе с одноклассниками с моей улицы. Однако химичке Дюковой удалось разбудить во мне засыпающий интерес к учебе.

Евдокия Ильинична очень тонко сыграла на моем самолюбии. Вызовет отвечать урок тихую, словно забитую девочку Машу. Та отвечает медленно, вяло, ничего не понятно.

— Молодец, Маша. На четверку ответила. Садись, — хвалит одноклассницу Евдокия Ильинична, а смотрит на меня: — Анпилов, твоя очередь. К доске!

Вроде толково, с пониманием рассказываю о строении атома, о зависимости валентности от числа электронов на внешней орбите, но Дюкова иронично улыбается:

— Двойка, Анпилов! Маша и то лучше тебя отвечала.

Заискивать перед учителем мне не хотелось, а терпеть издевку не хватало выдержки. Используя природный потенциал памяти, я стал заучивать наизусть целые страницы текста уроков по химии, научился быстро и безошибочно решать сложнейшие химические задачи у доски. Двойки по химии исчезли из моего дневника. А уже по результатам полугодия Евдокия Ильинична вывела мне твердую четверку.

Однажды я пришел в школу за полчаса до звонка и сел за парту — освежить в памяти домашнее задание по химии. Вслед за мной в класс зашел одноклассник Юра Черников. Заговорщицки улыбаясь, Юра высыпал пакет молотого красного перца на раскаленную плиту печки, которой отапливалось классное помещение, и выбежал из класса со своим портфелем. Через пару минут едкий дым начал разъедать мне глаза, перехватило дыхание, и я выбежал из класса на улицу, оставив портфель и раскрытую книгу на парте. Еще через пятнадцать минут вся школа была отравлена ядовитым газом. На верхний, второй этаж зайти было невозможно. На первом этаже открыли все заклеенные на

зиму окна, проветрили сквозняком помещения, и только часа через два наш класс расселся в просторном холле. Толстый и добродушный, как бегемот, учитель математики Гавриил Васильевич Шумаков начал урок с жалостливой и, как ему казалось, поучительной истории:

— Ребята! Дорогие мои! Однажды во время урока у меня украли часы. Да, да!.. Вот эти самые, карманные часы на цепочке. Я положил их тогда на стол, а сам подошел к доске писать уравнение. Что же вы думаете?! Возвращаюсь к столу, а часов моих нет на месте!.. Я не стал ругаться, не стал допрашивать ребят, кто это сделал. Я тогда сказал классу: «Вы знаете, кто взял мои часы. Если он не вернет мне часы сейчас же, он станет вором. А вор рано или поздно сядет в тюрьму. Так вот, чтобы этого не случилось, я сейчас закрою глаза и посчитаю в уме до пятидесяти. Никто ни о чем не узнает. Обещаю вам». Закрыл глаза ладонью, посчитал до пятидесяти, открываю — часы на месте. Вот и сейчас я закрою глаза, положу свои любимые часы на стол, а вы напишите записку и положите ее мне рядом с часами: кто это сделал. Начинаем!..

Гавриил Васильевич прикрыл глаза рукой и начал обратный отсчет. Класс оцепенел. Юру Черникова у плиты никто не видел, кроме меня. Выдать товарища означало покрыть себя страшным позором в собственных глазах. Лучше смерть. Это мне было понятно и не подлежало сомнению. «Вот бы стащить сейчас эти часы!» — мелькнула дерзкая мысль.

— Двенадцать, одиннадцать, десять, — мерно гудел усталый бас Гавриила Васильевича. Он не закончил свой эксперимент. В импровизированный временный класс вошел наш классный руководитель, преподаватель физики Виктор Алексеевич Борохов. В руках он держал мой портфель и учебник химии:

— Извините Гавриил Васильевич, метод Макаренко здесь не поможет. Школу отравил хозяин этого портфеля. Сейчас он сам признается в этом!

С этими словами Борохов танком пошел на меня:

— Признавайся, это сделал ты?! Что это было?

— Я ничего не знаю. Когда я пришел, в классе никого не было. Я повторил урок и вышел на улицу...

— Кроме тебя, такую пакость школе устроить никто не мог!

— Я никакой пакости не устраивал.

— Это был красный перец, — вмешался в допрос маленький, сухонький фронтовик, учитель физкультуры Василий Гордеевич. — Если порошок пронес в школу Анпилов, то он оставил след: просыпал перец или в портфеле, или в своих карманах.

Осмотрели мой портфель, заставили вывернуть и обнюхали карманы моих брюк. Следов перца не обнаружили. Василий Гордеевич последовательно начал обнюхивать карманы других ребят, а Борохов вцепился в меня. Рыжая небритая щетина его подбородка почти колола мне в глаза, он уже не говорил, а кричал:

— Гнать тебя из школы нужно! Твое место в тюрьме! Хулиган! Бандит! Бери свой портфель! Вон из школы!..

Я не сдвинулся с места. Все было сказано. В школьном зале повисла напряженная тишина. Еще секунда — и здоровый мужик, казалось мне, готов был наброситься на меня с кулаками.

— Это я! — раздался в гробовой тишине голос Юры Черникова. — Это я высыпал перец на плиту...

Я знал, каких мук стоило Юре это признание: за малейшее озорство, за малейшее ослушание его родной отец, рабочий местной нефтебазы, избивал сына до потери сознания. Однажды я подрался с Юркой «один на один». И он, высокий, ловкий, красивый, победил

меня в кулачной драке. После того как он признался в своей вине, отвел беду от меня, мы подружились крепко. Юра первым из школьных товарищей поддался на мои уговоры уехать из родного села, вместе мы поступили в ремесленное училище Таганрога, по-братски делились последним куском хлеба. Уже после службы в армии Юра Черников женился в три дня на какой-то разбитной, прежде не знакомой ему девке и решил заработать большие деньги чабаном в сальских степях. Его зарезали на одинокой кошаре какие-то уголовники, бежавшие с места преступления вместе с его женой и заработанными честным трудом деньгами...

К удивлению классного руководителя, учебный год я закончил без троек. Началась летняя трудовая практика, когда всех старшеклассников вывозили на колхозное поле — пропалывать кукурузу, подсолнечник, сахарную свеклу. Труд человеку в радость. Особенно если это труд коллективный, в семье, на миру, как говорится в России. Тот, кто вырос в деревне, поймет меня. В городе это тоже заметно, но слабее. В деревне же, едва станешь на ноги, уже стараешься помочь родителям: девчонки метут или моют полы, малыши помогают поливать овощи в огороде, выхватывают из-под лопаты картофельные клубни. Причем мотивация труда в детском возрасте была одна: похвала родителей или взрослых вообще. А ведь начиная с десяти-одиннадцати лет, мы, дети, во время летних каникул уже работали в колхозе наравне со взрослыми: выгружали зерно в кузова машин из-под комбайнов, переворачивали после дождя валки скошенной пшеницы для просушки, сопровождали машины с зерном нового урожая на элеватор. Вот где надо было крутиться, доказывать себе и другим, что ты можешь работать быстро, точно и много. И если на следующий день при распределении нарядов на работу бывалый

шофер просил у бригадира выделить ему именно тебя, то лучшей похвалы и не требовалось. Да, детский труд в колхозе оплачивался, пусть и в меньшем размере, чем взрослый, пусть не деньгами, а зерном пшеницы, подсолнечным маслом, сахаром — все равно мы гордились этим, гордились тем, что заработали своими руками. Но высшей наградой за труд, высшей мотивацией труда оставалось признание со стороны окружающих.

Прополка сельскохозяйственных культур и в личном огороде — дело не шуточное, а уж на бескрайнем колхозном поле — это Труд с большой буквы. Кстати, на Кубе и в тропических странах Южной Америки прополка вообще считается тяжелой физической работой, и, в отличие от России, там ею занимаются мужчины. Зная эту работу, я подготовился к ней основательно. Не поленился, сбегал в слесарку, рядом с гончарной мастерской отца, и попросил взрослых отточить на наждачном круге мою персональную тяпку, выкованную еще родным по матери дедом Петром Родионовичем. Шлифанул мелким наждаком сухую, легкую ручку. Наутро со своим инструментом прибыл в школу. Приехали на поле. Классный руководитель поставил задачу: прополоть каждому по два рядка всходов подсолнечника в два километра длиной. Задача проста и понятна: срезаешь сорняки и одновременно рыхлишь почву в междурядье, прореживаешь куст всходов, углом лезвия тяпки срезаешь слабые побеги, оставляя два-три сильных, не более. Начали все дружно. Минут через пятнадцать я отрываюсь от основной группы. Через час я единоличный лидер. Подрезанные сорняки междурядья быстро вянут на солнце, освободившиеся из плена сорняков и собратьев побеги подсолнечника весело трепещут лепестками, на глазах тянутся к солнцу. Я привык обходиться в поле без воды, мне не страшна жара, работаю

без перерывов. К часу дня зной усиливается, основная группа отстала от меня уже на километр, а я заканчиваю установленную мне норму прополки. Отдохнул в тени лесополосы и пошел полоть два рядка в обратном направлении, помогая безнадежно отставшим товарищам. Смотрю — через поле ко мне бежит классный руководитель:

— Я такую работу у тебя не принимаю!

— Почему?

— Ты слабо, неглубоко рыхлишь междурядья.

— А зачем их рыхлить глубоко? Важно разбить сухую корку, чтобы земля дышала и не выпускала из себя влагу.

— Ты меня учить собираешься?!.

Пожимаю плечами, беру тяпку обеими руками и начинаю работать ею так, как работали, судя по кинохронике, кетменем таджики на рытье знаменитого канала в Голодной степи.

— Ты что делаешь?! — закричал мой классный руководитель.

— Рыхлю землю глубже, как вы сказали.

— Издеваешься?! Марш домой! Пешком! И чтобы я тебя здесь больше не видел!..

Я ухожу с поля, махнув на прощание рукой моим друзьям. Полевые дороги мне знакомы с малолетства: не заблужусь. Вернувшись в село, зашел в школу и забрал документы. Ветер свободы трепал мне непокорные волосы, на душе было и тревожно, и радостно: впереди меня ждала новая, самостоятельная жизнь.

...Кто из нас в пятнадцать лет не мечтает о дальних дорогах? Кто в таком возрасте не мечтает, даже с риском для собственной жизни, сделать чудесные открытия, способные спасти благодарное человечество? Лично мне в этом возрасте казалось, что стоит только сделать

первый шаг — убежать из дома, от школьной рутины, а потом мечта подхватит и понесет тебя навстречу опасностям, как несет легкое перышко птицы бурный весенний поток, бегущий к большой реке. Свое первое школьное сочинение на свободную тему я написал в пятом классе по рассказам Алексея Максимовича Горького «По Руси». В десять лет я мечтал стать бродягой, хотел бродить и бродить по бесконечному русскому пространству, наблюдая людей: добрых и злых, умных и глупых, смелых и трусливых. Моим героем стал горьковский контрабандист Челкаш, а его антипод Гаврила, мечтающий убить и ограбить человека, чтобы купить частный домик с коровой, вызывал во мне жгучее презрение, как все стяжатели. Большое влияние оказала на меня романтическая поэзия Некрасова. Мне казалось, это обо мне, и только обо мне: «Один по утренней заре, когда еще все в мире спит и алый блеск едва скользит по темно-голубой волне, я убегал к родной реке. Иду на помощь рыбакам, катаюсь с ними в челноке и песню громкую пою про удаль раннюю мою». А уж после «Мцыри» Лермонтова оставаться в границах родного села не было мочи. Однажды заученная по школьной программе наизусть сцена битвы свободолюбивого юноши и горного барса осталась в моей памяти на десятки лет. Всякий раз, когда я вспоминаю лермонтовские стихи, мне чудится свежесть горного леса, и я сам вновь и вновь испытываю дрожь перед смертельной схваткой:

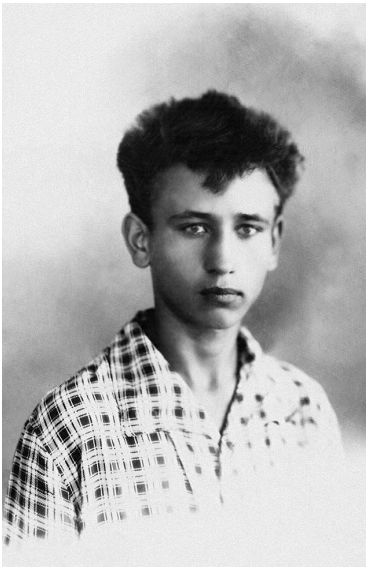
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертию грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...

Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

Ко мне он кинулся на грудь:
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружье... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.

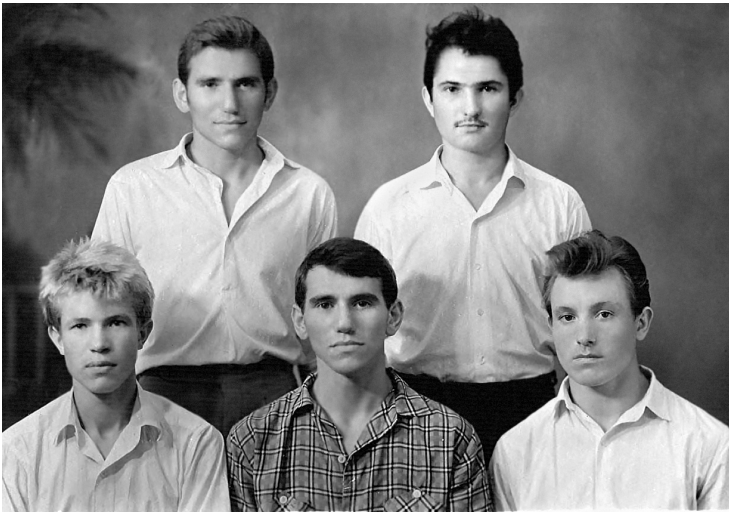
Господи! Какое же это наслаждение — думать, писать, читать и говорить по-русски! Я цитировал из «Мцыри» в страшный для судеб России час. 3 октября 1993 года, когда у телецентра в Останкино начался расстрел участников народного восстания, людей охватила паника. Чтобы как-то сбить нечеловеческое напряжение и приободрить людей, я закричал самому себе и своим сторонникам по «Трудовой России»: «Спокойно, товарищи! Уж коли довелось, так “встретим смерть лицом к лицу, как в битве следует бойцу!”» Тот момент зафиксировал корреспондент венгерского телевидения в Москве. А затем эта видеозапись фигурировала среди других вещественных доказательств на следствии по делу о массовых беспорядках в Москве в сентябре—октябре 1993 года. Следователи никак не могли мне поверить, что в тот момент я не призывал людей идти на смерть, а всего лишь процитировал строку из «Мцыри» Лермонтова.

...В пятнадцать лет все мы романтики и поэты. Летом 1960 года мне не составило особого труда уговорить моих товарищей по классу бросить школу и начать самостоятельную жизнь. Только из нашего класса вместе со мной ушли мой лучший друг на всю жизнь Витя Котвицкий, Коля Предыбайлов, Валера Сеин, Петя Чертов и оставшийся не у дел после седьмого класса Гера Басенко. Даже братья-близнецы Игорь и Леша Турулёвы покинули школу.

Земляк и товарищ Николай Предыбайлов

Ребята первой группы все — безотцовщина или дети фронтовиков-инвалидов — решили уехать в Таганрог и поступать в ремесленное училище при комбайновом заводе. А мать близнецов, Надежда Петровна Турулёва, сама участник войны, стоматолог районной поликлиники, растившая детей в одиночку, представляла все-таки сельскую интеллигенцию, а потому направила своих «беглецов» по более «благородному» пути. Игорь поступил учиться в Краснодарский строительный техникум на монтажника-высотника. Леша выбрал Ростовский железнодорожный техникум, где освоил профессию машиниста электровоза, и впоследствии водил пассажирские поезда по живописнейшему перегону от станции Белореченская до Сочи. С перестройкой близнецы, по-моему, верну-

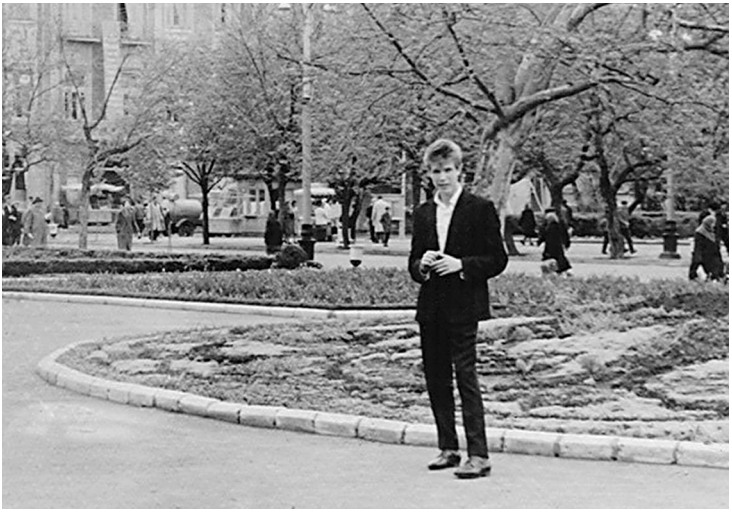
Со школьными товарищами. *Лето 1960*

Друзья детства Виктор Котвицкий и Герман Басенко

лись к ставшей гораздо прибыльнее профессии стоматолога.

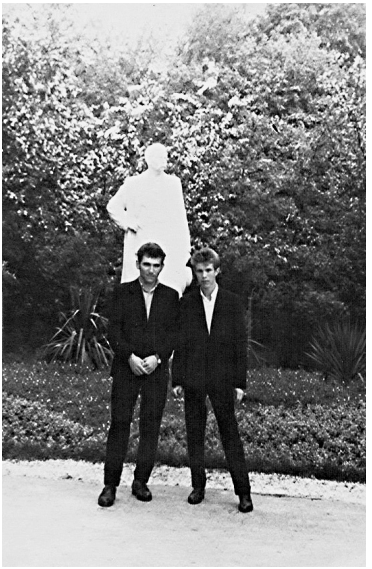
Сегодня стало модным писать о том, что якобы в прошлом, XX веке советская власть препятствовала выезду молодежи из колхозов в город. Вранье все это! В жизни все было по-другому. Во-первых, после обязательной службы в армии молодой парень мог ехать куда пожелает: учиться в город, вернуться в родное село, работать на целине или на стройках Сибири... Без вранья об этом рассказывается в замечательных, любимых народом кинофильмах «Дело было в Пенькове», «Иван Бровкин на целине», «Девчата» и других шедеврах советского кинематографа. Во-вторых, государство поощряло миграцию сельской молодежи в город. Селу всегда были нужны машины. Промышленность развивалась опережающими темпами. Стране требовались десятки миллионов молодых квалифицированных рабочих рук. Накануне войны, 2 октября 1940 года, Указом Президиума Верховного Совета СССР разрозненная сеть фабрично-заводских училищ (ФЗУ) была преобразована в единую государственную систему профессионально-технического обучения в СССР — Трудовые резервы. Юноши и девушки, пожелавшие освоить ту или иную рабочую профессию в ремесленном училище, обеспечивались бесплатно ежедневным трехразовым питанием, парадно-выходной летней и зимней форменной одеждой и обувью. Все расходы по обучению и содержанию будущих рабочих брало на себя государство. Ребята старше 16 лет, избравшие профессии кузнеца, литейщика, сварщика, обеспечивались, кроме того, бесплатным общежитием. Экономически ремесленные училища были очень выгодны сельской семье. Молодежь охотно ехала в город осваивать нужные стране рабочие профессии. Конечно, часть этой молодежи попадала под

В Таганрогской «ремеслухе»

влияние криминалитета. Собственное достоинство и независимость приходилось отстаивать с кулаками. С другой стороны, судьба Трудовых резервов страны оказалась небезразлична обществу. В самих ремесленных училищах была очень сильная художественная самодеятельность, действовали популярные среди нашего брата, ремесленников, спортивные секции бокса, борьбы самбо. Кроме того, Трудовым резервам посвящались высокохудожественные фильмы — такие, как «Летите, голуби!». Нам адресовали свои песни лучшие советские поэты и композиторы. Когда многочисленный девичий хор нашего училища запевал: «Пройдут года, настанут дни такие, когда советский трудовой народ вот эти руки, руки молодые, руками золотыми назовет», — мы слушали, затаив дыхание. Воспитанниками системы Трудовых резервов в разные годы были такие люди, как генеральный конструктор космических кораблей Сергей Коро-

лев, первый в мире космонавт Юрий Гагарин... В целом, почти за пятьдесят лет существования СССР была создана уникальная система профессионально-технического образования, способная поднять культуру труда в стране на качественно новый в истории человечества уровень. Безмозглые реформы разрушили уникальную систему. Скоро будем звать и уже зовем в Россию гастарбайтеров, чтобы сложить простую печь на даче или вколотить гвоздь в деревянную стену.

Виктор Анпилов, Игорь Турулёв. Краснодар, парк Горького, *1963*

«Одесса — мама, Ростов — папа, а Таганрог — братишка младший». Эта присказка уголовников была очень популярна у таганрогской «ремеслухи». Конечно, ремесленное училище — это не лагерная зона, но драки там то и дело перерастали в поножовщину, а то и в стрельбу из самодельных пистолетов. Первый урок город преподал мне 1 сентября 1960 года. В первый день занятий мастер производственного обучения Александра Даниловна назначила меня от группы в столовую сторожить «чибрики», так назывались пирожки без начинки, которые нам вдобавок к макаронам или каше выдавали с чаем утром и вечером.

— Будь внимателен! — предупредила Даниловна. — Утащат чибрики — будешь месяц отдавать ребятам свои.

В столовой — гам, беготня. На стене висит огромная картина, каких я в жизни не видел: «Утро в сосновом лесу». Я залюбовался медведями, резвящимися в потоках солнечного света, на копии картины Шишкина, а когда вспомнил о своих обязанностях сторожа, было уже поздно: все 24 чибрика со столов нашей слесарной группы стащили. Первый месяц в РУ № 4 города Таганрога я прожил без чибриков.

Второй очень важный урок я получил спустя два месяца, перед ужином в той же столовой. По вечерам в столовой дежурил всего один мастер производственного обучения, и учащиеся оставались как бы без присмотра, сами по себе. В эти часы в училище приходили ностальгирующие по детству выпускники, успевшие побывать по уголовке на зоне.

— Кто знает Витьку Беззубко? — громко, обращаясь ко всем сразу, спрашивал здоровенный верзила. — Ну, пожалуйста, парни, кто знает Витьку Беззубко? — не унимался громила.

Виктор Беззубко — парень из нашего села Белая Глина, выпускник ремесленного училища, впоследствии зарезанный в пьяной драке.

— Я знаю Беззубко, — сообщил я, наивно улыбаясь верзиле, и тут же получил от него страшный удар кулаком в лицо. Очнулся — верзилы и след простыл. Мои друзья по школе и по училищу: Витя Котвицкий, Коля Предыбайлов, Петя Чертов, все из Белой Глины, — смывают мне кровь с лица и хохочут:

— Надо было стрелять вначале, а затем уже говорить, кого ты знаешь!

Через неделю я, как и все мальчишки из ремесленного, сделал в заводских мастерских так называемую «ручку», стреляющую малокалиберными патронами, и больше меня о Викторе Беззубко никто не спрашивал.

Но о полученном уроке спустя 25 лет мне напомнили в горах Никарагуа бойцы сандинистской армии. Будучи корреспондентом Гостелерадио СССР по Центральной Америке, я получил из Москвы задание снять для программы «Международная панорама» сюжет о борьбе с вооруженной контрреволюцией на севере Никарагуа. Три дня наша маленькая съемочная группа провела на марше с батальоном сандинистской армии, преследующим группу «контрас». Помимо кинокамеры и аккумуляторов к ней, пришлось вооружиться автоматами Калашникова и снаряженными патронами магазинами к нему. Без тренировки с таким грузом в тропиках, да еще в горах, выдержит не всякий европеец. На третий день, как только сержант взвода, за которым закрепили нас, советских журналистов, скомандовал «Привал!», мы повалились на землю как подкошенные, под усыпанное огромными плодами грейпфрута дерево. Штыками от автомата и просто зубами мы принялись разрывать кожуру солнечных плодов, чтобы быстрее добраться до спасительного сладко-терпкого сока. Вода у всех давно закончилась. Между тем сержант сандинистов безуспешно пытался сориентироваться по карте, и никто толком не знал, где мы находимся. И вдруг на горной тропинке появился верховой на лошади без седла. Оружия у крестьянина не было, и бойцы-сандинисты молча следили за верховым.

— Добрый день, почтенный! — не выдержал я обоюдного подозрительного молчания. — Скажите, эта дорога ведет в Тельпанеку?

— Да, сеньор! — отрубил верховой и поторопил коня босыми пятками.

Тотчас же ко мне подошел сержант:

— Виктор, мы на войне, а потому лучше спроси, куда ведет эта дорога, а не сообщай первому встречно-

Первый костюм. Виктор Анпилов – рабочий Таганрогского комбайнового завода. *Осень 1962*

му, куда идем мы и кого мы ищем. Теперь, если нарвемся на засаду по дороге в Тельпанеку, придется, товарищ, пристрелить тебя. Не скрою, мне этого делать не хочется.

Засады на той горной тропе не оказалось... Урок сандиниста, как и урок верзилы из моего ремесленного училища, я усвоил в том смысле, что общительность не лучшая черта характера, когда рядом могут находиться враги...

После ремесленного училища вплоть до призыва в армию я работал сборщиком на комбайновом заводе и одновременно учился в школе рабочей молодежи. Учеба в вечерней школе поощрялась законом. Мой рабочий оплачиваемый отпуск был на десять дней длиннее, чем обычный. Я имел право по желанию уйти в отпуск в летнее время, то есть во время летних школьных каникул. Кроме того, на правах учащегося вечерней школы я мог выбрать или сокращенный на один час рабочий день, или сокращенную на один день рабочую неделю, с сохранением среднего заработка и в том и в другом случае. Я выбрал последнее. Моя первая благодарность с записью в трудовой книжке была «за успешное сочетание работы и учебы».

Работа у меня была однообразная и нудная. Я собирал и клепал вручную граблины для мотовил комбайновых

жаток. На этой операции от сборщика требовалась ловкость обезьяны и упорство осла, позволявшие собрать до ста штук четырехметровых граблин и расклепать до 2—3 тысяч шплинтов за смену. Из-за низких расценок взрослые рабочие отказались выполнять эту операцию, и ее делали мальчишки, вчерашние ремесленники. И все же на первую получку я купил свой первый в жизни черный нарядный шерстяной костюм за 90 рублей, отправил почтовым переводом десятку на радость маме и 20 рублей «заначил» до аванса. Тогда, при «тоталитарном режиме», зарплату выдавали два раза в месяц регулярно без всяких задержек.

Учиться в школе было куда интересней. В школе рабочей молодежи получали образование немало молодых людей и девушек, не пожелавших оканчивать одиннадцать классов обычной средней школы (для рабочих сохранялась десятилетка). Я к тому времени увлекся фантастикой — читал о межзвездных полетах, о космических кораблях с фотонными двигателями, регулярно посещал читальный зал Таганрогской городской библиотеки имени Чехова, зачитывался там трудами Резерфорда по атомной физике, подступался к теории относительности Эйнштейна, на работе изрисовал сваркой свой верстак знаменитой формулой: $E=mc^2$ — энергия вещества равна его массе, помноженной на скорость света в квадрате. Словом, я всерьез мечтал стать физиком-ядерщиком, хотел непременно открыть способ аннигиляции вещества, чтобы спасти человечество от грядущего энергетического кризиса. От атомного безумия меня уберегла преподаватель русского языка и литературы Зоя Макаровна Чеботарева. Она заметила, что в школьных сочинениях я свободно цитировал на память далеко не программные стихи Лермонтова, Маяковского, Есенина, Байрона, Шекспира, и принялась зачитывать мои

Перед армией. *1964*

юношеские литературные опусы вслух перед всем классом. Зоя Макаровна посоветовала мне подписаться на сверхпопулярный тогда журнал «Юность». Из поэтов, печатавшихся в «Юности» тех лет, мне больше всего импонировал Роберт Рождественский, особенно его задумчивая, «бродяжья» лирика: «Карабах, Карабах, я пришел прощаться. Был я в разных городах, к тебе возвращался». Или вот это, сегодня уже пророческое: «Виден в небе, далеко-далеко, горизонт почти невесом, как ангел-хранитель, Солдат Алеша над Пловдивом вознесен». Самостоятельно я тогда открыл для себя издававшийся миллионными тиражами журнал «Иностранная литература» и познакомился с произведениями Джона Стейнбека, Вильяма Теннеси и других американских писателей середины XX века. По мере расширения кругозора мои школьные сочинения на свободные темы становились все интереснее: их стали собирать на память мои одноклассницы. Так на уровне ШРМ №3 города Таганрога я приобрел популярность, девушки стали мне улыбаться приветливее, но и я понял, что для карьеры физика-ядерщика, да еще первооткрывателя антивещества, я уже безнадежно стар. К тому же вскоре после окончания школы рабочей молодежи мне пришла повестка о призыве в армию.

ЗА РАБОЧЕЕ ДЕЛО

Парню очень хотелось
Счастье здесь увидать.
За рабочее дело
Он ушел воевать...

За фабричной заставой.
Сл. Е. Долматовского

Перед тем как уйти в армию из Таганрога, я съездил домой попрощаться с родителями.

Пришла близкая родня. Мама умоляла писать ей почаще. Отец радовался: два сына отслужили, вот и третий служить идет. Но возраст у моего Ивана Ивановича уже был не тот. Поизношенный на войне, после шестидесяти лет он начал быстро, на глазах стареть. По семейной традиции проводов отец подвыпил и пошел танцевать под свою любимую: «Ой, била меня мать и ругала, с комсомольцем гулять не давала. Лучше б дома, говорит, ты сидела, научилась щи варить, хлеба делать! — Хоть бей, хоть ругай, не боюся, в комсомол все равно запишусь я!» Отец притоптывал ногами в такт своей песне, игриво крутил культей отбитой на фронте руки и вдруг покачнулся, смолк и заплакал, как маленький обиженный ребенок...

Я вернулся в свое рабочее общежитие в доме 42 по улице Свободы.

В просторной комнате вместе со мной жили еще два заводских парня постарше — штамповщик Леха Шумилов, который радовался, что его в армию не возьмут, потому что год назад ему по неосторожности прессом оторвало два пальца правой руки, и фрезеровщик Саня Захаров из механического цеха, известнейшая на заводе личность. Однажды в механический цех не завезли во время паковки деталей из кузнечного цеха. Коротая вынужденный простой, Саня вышел покурить на лавоч-

ке и погреться на весеннем солнышке у стены своего цеха. В это время огромную территорию комбайнового завода обходил с проверкой генеральный директор Лутай, по-военному жесткий руководитель сталинского типа. Увидел «бездельничающего» в рабочее время человека и повернул к нему:

— Ты кто такой?! Почему отлыниваешь от работы?

— А ты кто такой? Почему разгуливаешь по заводу, да еще в рабочее время? — не поднимаясь на ноги, спросил, конечно же, узнавший своего директора рабочий.

— Я генеральный директор завода Лутай!..

— А я фрезеровщик механического цеха Саня Захаров.

— Почему не работаем, товарищ Захаров? — смягчил тон директор.

— Паковки из кузнечного не подвезли. Вы директор, вы и разберитесь, почему по вине начальства я должен простаивать и терять в заработке!

— Извините, товарищ Захаров! — признал правоту рабочего Лутай и решительно направился к воротам механического цеха. Саня остался кайфовать на солнышке, чувствуя себя хозяином положения.

...После рабочей смены в общежитии появились и Саня, и Леха. Я накрыл «отвальный» стол: хлеб, колбаса, консервы «килька в томатном соусе», две бутылки водки. Выпили «за все хорошее». Без приглашения подошли со своей выпивкой и закуской рабочие из соседних комнат, знавшие меня по игре в настольный теннис. Раздвинули круглый комнатный стол. Выпили еще... И пошли спорить и рассуждать о политике.

...Спорить было о чем. На период моей рабочей юности, 1960 — 1964 годы, выпали серьезные изменения в политической и экономической жизни страны. Вопреки посулам Никиты Хрущева, строительство коммунисти-

ческого общества в СССР резко затормозилось. Несмотря на героический труд миллионов советских людей на целине, на стройках Сибири, благосостояние народа ухудшалось. Денежная реформа 1961 года, предпринятая правительством Хрущева, больно ударила по интересам рабочего класса: новые тарифные ставки не учитывали реальный уровень квалификации рабочего; покупательная способность нового рубля, номинальная стоимость которого официально сократилась в десять раз, падала быстрее роста заработной платы. После обобществления домашнего скота колхозников внутренний сельский рынок продовольствия был разрушен. Село, ранее обеспечивавшее город продовольствием, теперь само потребляло значительную часть продовольственных поставок в город. В промышленных центрах страны начались перебои с поставками продуктов питания в торговую сеть. В 1962 году Хрущев пытается изменить ситуацию и впервые после Сталина идет на повышение цен. Молоко, масло, мясо повысились в цене вдвое. Это вызвало недовольство населения, но снабжение города продуктами питания не улучшилось. В рабочих столовых страны, в том числе в столовой сборочного цеха № 20 Таганрогского комбайнового завода, прекратилась бесплатная выдача хлеба. Ранее Хрущев как высший государственный руководитель СССР посетил с первым государственным визитом США, познакомился там с фермерским способом производства кукурузы в штате Айова. По возвращении Никиты Сергеевича домой началась «кукурузная эпопея». Вскоре из рабочих столовых исчез не только бесплатный хлеб, но и хлеб вообще. В это время я проходил ежедневную предвыпускную практику в сборочном цехе Таганрогского комбайнового завода. Рабочим моего цеха предлагали заедать борщ вареной кукурузой и даже... пряниками. Возмущение в среде рабочих достигло предела.

1 июня 1962 года в соседнем Новочеркасске рабочие электровозостроительного завода в знак протеста приварили к рельсам электровоз. Стачка! Промышленный Таганрог напрягся. После смены в цеховой раздевалке только и разговоров, что о необходимости поддержать бастующий Новочеркасск. Неминуемую всеобщую стачку на Юге России прервала жуткая новость из Новочеркасска: 2 июня бастующие рабочие вместе с семьями пошли организованной колонной к горкому КПСС, а их встретили армейские танки и автоматные очереди. Новочеркасский подъем самосознания и чувства собственного достоинства рабочего класса России захлебнулся кровью.

Авторитет высшей власти в глазах рабочих начал стремительно падать. Выскажу предположение, которое с большей или меньшей степенью вероятности объясняет, почему Хрущев удержался у власти после Новочеркасска.

Общеизвестно, что правительство СССР поддержало победу кубинской революции во главе с Фиделем Кастро в 1959 году. Кубе была оказана бескорыстная всесторонняя помощь: политическая, экономическая, военная. С советским оружием в руках в 1961 году кубинцы разгромили открытую вооруженную интервенцию наймитов США на Плайя Хирон. Сам Фидель стрелял прямой наводкой по кораблям агрессора из танка советского производства. То было первое военное поражение империализма в западном полушарии. После победы на Плайя Хирон Фидель заявил о социалистическом характере революции на Кубе. Ответом США стало установление самой продолжительной в истории человечества жесточайшей экономической и политической блокады Острова Свободы.

Советское правительство во главе с Хрущевым осталось верным своему интернациональному долгу. На

Кубу скрытно, в трюмах советских торговых кораблей (о чем мне рассказывали годы спустя капитаны этих кораблей), доставлялись и устанавливались на пусковых площадках стратегические ракеты с ядерными боеголовками. В начале октября 1962 года в американской прессе были опубликованы фотографии советских ракетных установок на Кубе, сделанные с борта разведывательного самолета У-2. Президент США Кеннеди отдал приказ о приведении военно-стратегических сил в повышенную боевую готовность. Угроза ядерной войны казалась очевидной. И если смотреть исторической правде в глаза, то следует отметить, что твердая, последовательная линия советского правительства во главе с Хрущевым на поддержку кубинской революции в свою очередь встретила безусловную поддержку советского народа. Именно тогда, в дни Карибского кризиса, когда мир стоял на грани ядерной катастрофы, советские люди готовы были терпеть любые лишения, готовы были умереть, отстаивая вместе с кубинцами их право на свободу и независимость. Именно в те годы песня Александры Пахмутовой «Куба, любовь моя!» стала популярнейшим гимном братству двух народов.

Другое дело, что решение об установке ракет на Кубе принималось совместно с правительством Кубы: Фиделем Кастро, Эрнесто Че Геварой, Раулем Кастро... А вот решение о выводе советских ракет с территории суверенной Кубы Хрущев принял за спиной кубинских друзей, после двусторонних консультаций с президентом США Джоном Кеннеди. Но как бы там ни было, после Карибского кризиса популярность и авторитет Хрущева во всем мире были не меньшими, чем у самого Фиделя Кастро. Советские люди увидели в кубинской революции продолжение Октября 1917 года. Карибский кризис в октябре 1962-го притупил, отодвинул на второй план остроту вос-

Курсант сержантской школы. *1964*

приятия новочеркасской трагедии в июне того же года. Ни профессиональных, ни народных песен и поэм о тех событиях не сложили.

Международная политика снискала Никите Сергеевичу немалый авторитет, внутренняя — продолжала этот авторитет подрывать опережающими темпами. Весной 1964 года в обиход заводских рабочих возвращаются продуктовые карточки. Среди нормированных продуктов — гречневая крупа, жизненно необходимая страдающим сахарным диабетом. Рабочие доведены до крайности. Однако 17 апреля в честь 70-летия Н.С. Хрущева ему присваивается звание Героя Советского Союза, и тогда Леонид Брежнев, в то время еще Председатель Президиума Верховного Совета СССР, прикрепил на груди Никиты Сергеевича звезду Героя Союза поверх трех золотых звезд Героя социалистического труда. Газета «Правда» опубликовала парадный портрет юбиляра в звездах размером с половину полосы. Мой товарищ по комнате в рабочем общежитии Леха Шумилов аккуратно вырезал из газеты тот портрет, пошел с ним в общий туалет общежития, подтерся газетной бумагой и прикрепил канцелярскими кнопками портрет «вождя» к внутренней стороне входной двери. Почти месяц подпорченный портрет Никиты Сергеевича Хрущева висел

в рабочем туалете. Sic transit gloria mundi*! 14 октября 1964 года, за неделю до начала моей службы в армии, Пленум ЦК КПСС, теперь уже под руководством Леонида Ильича Брежнева, снял Хрущева с поста высшего руководителя партии, отправив его на пенсию без благодарности...

На моих проводах в армию из рабочего общежития Таганрогского комбайнового завода нам было что вспомнить... На рассвете 21 октября 1964 года я налегке покинул общежитие. В заплечном солдатском рюкзаке, подаренном мне братом Борисом, были только туалетные принадлежности, включая ненужный пока мне бритвенный набор, да еще два красных томика юбилейного издания стихов Лермонтова. Первый солдатский обед я попробовал уже на пункте сбора призывников в Батайске. Пока обедал, старослужащие из роты обслуживания вытащили из моего рюкзака бритвенный набор, но книжки стихов оставили. Уже вечером приехали «покупатели», и меня, выражаясь армейским языком того времени, «купили» на службу в сержантской школе ракетных войск стратегического назначения в городе Луцке, что на Западной Украине.

В то время служба в сержантской школе — это постоянная муштра на строевом плацу, зубрежка воинских уставов, марш-броски с полной выкладкой, физическая подготовка с преодолением полосы препятствий, а уж затем — политическая подготовка и теория и практика обслуживания техники заправочного оборудования. Ракетное топливо, которым нам предстояло заправлять «изделие», было высокотоксичным, вредным для здоровья людей, и потому, согласно приказу министра обороны СССР, рядовые солдаты-заправщики служили не

* Так проходит людская слава *(лат.)*.

три года, а всего два. Но курсанты сержантской школы с боевыми компонентами топлива не работали, а потому первые восемь месяцев службы не считались и не были на деле «вредными». Уже в боевых частях выпускникам сержантской школы больше других доводилось дышать парами окислителя, но служить пришлось все три года и два месяца. Однако никакой дедовщины, никакого издевательства над рядовыми солдатами со стороны сержантов или офицеров в Советской Армии не было. В сержантской школе был у меня конфликт с командиром отделения сержантом Скворцовым, который настаивал, чтобы я убрал из прикроватной тумбочки томики стихов Лермонтова и портрет любимой актрисы Анастасии Вертинской. Но я обратился к командиру взвода капитану Тищенко, который посчитал требования сержанта необоснованными: Уставом внутренней службы не запрещалось хранить в тумбочке личные книги солдата. По поводу портрета Вертинской капитан сам колебался:

— Если девица голая — снять немедленно! Если одета, пусть висит, коли ему нравится!

На портрете Анастасия была одета в строгое темное платье в белый горошек. Я оставил портрет актрисы в своей тумбочке. Скворцов пригрозил сгноить меня во внеочередных нарядах на кухонную посудомойку. Я при свидетелях ответил дерзко:

— До первого караула, товарищ сержант! Как только мне выдадут автомат с патронами, я заживо гнить не стану!

Однако мое красноречие Скворцова не убедило. По малейшему поводу и без повода я получал наряд вне очереди. От несения караульной службы с оружием я был практически отстранен. Очень скоро я обнаружил, что главной проблемой на солдатской кухне, головной болью поваров и дежурных офицеров, особенно зимой,

была как раз посудомойка. Жиры пищевых отходов смерзались на морозе и забивали канализацию. Потным от горячих паров солдатам приходилось то и дело выбегать с большими баками сточной воды на мороз и сливать воду вручную в канализационный колодец. Я помнил, как пробивали промышленную канализацию на заводе. Достал моток стальной проволоки, сделал на одном конце жесткую стальную петлю, загнал проволоку в канализационный сток и начал энергично вращать ее по мере продвижения вперед. Проблема решалась за 10—15 минут, и я шел прятать свою проволоку подальше от праздных глаз. Теперь, когда сержант наказывал меня внеочередным нарядом на кухню, я шел прямиком к дежурному офицеру:

— Курсант Анпилов. Прибыл в ваше распоряжение по наряду вне очереди!

— Очень хорошо! Дуй на посудомойку немедленно!

— А как у вас сегодня с канализацией?

— Ты что, сам не знаешь?! — возмущался офицер. — Опять помои на руках таскаем!

И я бежал за своей проволокой. Эффект был впечатляющим. В считаные минуты по всей солдатской столовой восстанавливалась спокойная, деловая обстановка: без ругани, без крика, без мата... Благодарные повара выдавали двойные порции мяса на весь мой взвод, сладкого киселя бери сколько хочешь. Я ставил всем курсантам и даже сержанту Скворцову по две большие кружки желанного напитка. Своему армейскому другу Олегу Михееву я ставил кисель в специально раздобытой для него литровой посудине, с нарисованным красным слоником. Олег блаженствовал, Скворцов хмурился, но терпел...

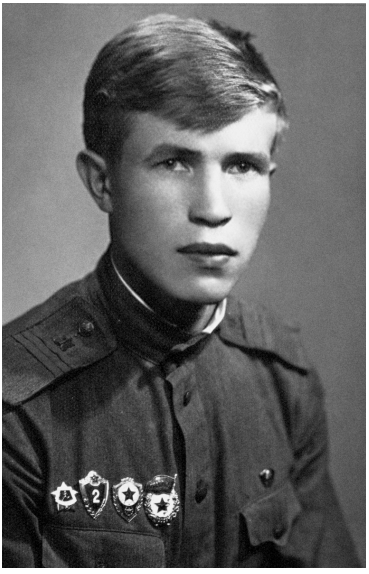
Мне всегда везло с друзьями. Олег Михеев тоже призывался из Таганрога, только он работал на соседнем с комбайновым авиационном заводе, выпускавшем само-

леты-амфибии. Оба мы мечтали учиться в Москве. Ни больше ни меньше. Мои устремления к тому времени сосредоточились на факультете журналистики МГУ. Олег, до армии уже игравший роли в народном театре заводского Дворца культуры имени Димитрова, спал и видел себя студентом актерского факультета ГИТИСа. Оба мы понимали, что надо серьезно готовиться к вступительным экзаменам. Причем если при поступлении на факультет журналистики абитуриенты, имевшие два года производственного стажа или отслужившие срочную службу в армии, имели законное преимущество перед выпускниками школ, то в театральных институтах эти преимущества практически не учитывались. Олег все время поддерживал свое актерское мастерство, пародировал сержантов, изображал друзей по казарме и даже животных. Однажды перед отбоем ему захотелось показать собаку на поводке. Уже в кальсонах, он встал на четвереньки, набросил себе на шею нательный солдатский ремешок и попросил меня поводить его по казарме сержантской школы. А в это время в казарме появился дежуривший по части наш комбат майор Плужников. Увидев наш «театр», он взял в руки швабру и поспешил нам наперерез. Олег так естественно, так по-собачьи завизжал от страха, так ласково «завертел хвостом» перед майором, что он бросил свою швабру, засмеялся и, махнув на нас рукой, сам решил посмотреть спектакль до конца.

Как только выпадала свободная минута, мы соревновались, кто быстрее выучит наизусть сонеты Шекспира. Здесь я опережал друга. До сих пор шедевры, вызубренные в сержантской школе, сидят в моей памяти: «Ты притупи, о, время, когти льва, клыки из пасти леопарда рви... Твои глаза на звезды не похожи, нельзя уста кораллами назвать... Люблю, но реже говорю об этом, люблю

сильней, но не для многих глаз... Седины ваши зеркало покажет, часы — потерю золотых минут... Уж если медь, гранит, моря и горы не устоят, когда придет им срок...»

Я знаю, мечта каждого молодого рабочего — учиться. К счастью, наши с Олегом мечты сбылись. В 1968 году в Москве, в кинотеатре «Художественный», я вдруг слышу хорошо поставленный, красивый баритон: «Курсант Анпилов! Ко мне!». Оборачиваюсь и не верю своим глазам: передо мной — друг армейской юности Олег Михеев. Он студент-первокурсник актерского факультета ГИТИСа, я — первокурсник международной группы факультета журналистики МГУ. Обнялись, расцеловались, побежали вместе с нашими девушками в ближайшую кафешку на Калининском проспекте. Благо тогда ужин в московском кафе с шампанским на четверых обходился примерно в двадцать рублей. Девчонки слушали, раскрыв рты, наши байки об армейской службе. Подружки дружно хохотали, услышав, как во время очередного летнего марш-броска с полной выкладкой, в противогазах, в химкостюмах, мы с Олегом отстали от взвода и в первой же ложбине, когда нас не видел сержант, плюхнулись в лужу из коровьей жижи. С неописуемым наслаждением мы набирали в резиновые перчатки красноватую коровью мочу и поливали непромокаемые химкостюмы, чтобы хоть как-то охладить тела, раскаленные нестерпимым зноем. Тогда, в коровьей луже, мы дали друг другу клятву до конца своих дней бороться за всемирное, полное разоружение, за то, чтобы никогда, нигде не убивали и не мучили солдат. Олег учился на одном курсе с Ириной Алферовой, студенты ГИТИСа неоднократно бывали у нас в студенческом кафе общежития МГУ на Ленинских горах, показывали нам «Зоологическую историю» американского драматурга Олби, свои студенческие спектакли. К сожалению,

В армии. *1966*

театральная карьера моего армейского друга не сложилась. Я помню его неплохие работы в театре режиссера Екатерины Еланской. А затем, с моей командировкой в Никарагуа, связь оборвалась. Однажды я позвонил Ирине Алферовой, теперь уже звезде, но она ничего не смогла мне сказать о друге...

После сержантской школы нас с Олегом развели по разным боевым частям, дислоцированным в лесах Прикарпатского военного округа. Служба в ракетных войсках стратегического назначения не то чтобы трудна, она нудная. Все время за колючей проволокой, все время на боевом дежурстве: ни тебе увольнений, ни тебе шефских концертов в близлежащих колхозах.

Вся романтика, весь смысл службы ракетчика сводились к чеканной фразе приказа: «К боевому дежурству по защите безопасности Союза Советских Социалистических республик приступить!».

Как-то раз я заступил на боевое дежурство не по своему расчету перекиси водорода, а по расчету ракетного топлива, командир которого Гена Коровин лег в госпиталь лечить солдатскую болезнь — грибковое поражение ног. А через два дня нашу батарею подняли по боевой тревоге. Нам предстояло совершить первый в истории ракетных войск стратегического назначения переход в запас-

ной позиционный район (ЗПР) и продолжить боевое дежурство в незнакомом лесу. Труднее всего пришлось нам, заправщикам. Все остальные службы только сворачивали и готовили к маршу оборудование и технику. Нам же предстояло заправить емкости десятками тонн жидкого окислителя, тоннами топлива и перекиси водорода. Забор горючего со стационарного склада произвели успешно: рядом не было проверяющих, и все расчеты заправки работали без положенных в таких случаях противогазов, что облегчало работу. Хотя, работая на новой для меня машине, я допустил ошибку: не открыл шторки радиатора. Двигатель перегрелся и закипел, когда я уже забрал в емкость около девяти тонн топлива. Не придав инциденту должного значения, я по неопытности сразу выключил двигатель, чтобы он остыл на морозе. Началось выдвижение колонны в ЗПР. Тяжелые артиллерийские тягачи, «Уралы», «КРАЗы», «ЗИЛы» выстраивают вслед головной части тушу «изделия» двадцатиметровой длины, гигантский подъемник, цистерны с окислителем и топливом, компрессоры, другое оборудование... Невиданной мощи стальная анаконда на малой скорости вытягивается по ночному шоссе. Пламя из выхлопных труб тягачей бьет на два метра по обе стороны от осевой линии дороги. Редкие встречные машины останавливаются на обочине, чтобы пропустить колонну. В ЗПР вышли с опережением графика на два часа. Теперь нам, заправщикам, легче: мы расчистили площадки под стоянки машин и цистерн — и бегом помогать устанавливать стол пускового устройства и таскать на плечах баллоны под сжатый воздух. Темно: ни впереди идущего, ни под ногами — ничего не видно. Слышу голос перед собой:

— Это пустяки, ребята! Мы в войну такие же баллоны к самолетам таскали. Только не пустые, а со сжатым воздухом...

Ничего себе! Это же наш фронтовой комбат вместе со мной баллон на плечах тащит. К утру развернулись. Встали, измазанные ночной грязью, в строй. На место дислокации ракетной батареи прибыл командир полка полковник Болтоян. Наш комбат капитан Ролин доложил о готовности батареи приступить к боевому дежурству.

— Здравствуйте, товарищи ракетчики! — приветствует нас полковник.

— Здравия желаем, товарищ гвардии полковник! — дружно, надеясь на благодарность, отвечает строй.

— Хорошо отвечаете! — намекнул на будущую благодарность командир.

— Служим Советскому Союзу! — дружно рванул на одном дыхании строй, и с веток ближайших сосен посыпался снег.

Остаток дня обустраивались в зимних палатках, ставили койки в два яруса, налаживали печки-буржуйки. Не успели заснуть, слышим — дневальный кричит что есть мочи:

— Батарея, подъем! Боевая тревога!

Опять бежим к машинам. Ждем приказа, что делать дальше. Приказ не заставил себя долго ждать: батарее перейти в полную боевую готовность, пристыковать к ракете головную часть, поднять и нацелить изделие по заданным координатам, заправить ракету всеми компонентами топлива и продолжать дежурство в полной боевой готовности. Королевская красавица, которой запускали первый искусственный спутник Земли, поднялась над ночным лесом. Мой расчет присоединил наливное устройство к ракете. Жду команды на заправку. Предварительно включаю стартер двигателя топливных насосов, а двигатель молчит. Еще и еще раз включаю стартер — по нолям. Командир расчета окислителя, мой

С армейским другом Петром Солонюком. *1967*

друг украинец Петр Солонюк, снял с тягача танковый аккумулятор.

Подсоединили. Результат тот же: стартер воет на бешеной скорости, двигатель хоть бы чихнул. Время идет. Уже провели предварительную наводку. Начинают раскручивать гироскопы. По графику следующая команда — моя. Подошел комбат с проверяющим офицером:

— Что случилось?

— Во время забора топлива двигатель закипел, а я резко, не охладив двигатель на малых оборотах, заглушил его. Теперь не заводится. Виноват, товарищ капитан.

— Попробуй покрутить ручкой, — посоветовал комбат и отошел, озабоченный, со словами не то просьбы, не то приказа. — Жду твоего доклада в течение десяти минут, не более.

Начинаю крутить двигатель ручкой. Спина взмокла от напряжения.

— Сними противогаз! — Проверяющий офицер пошел на нарушение инструкции.

Без противогаза стало легче. Оборот. Другой. Резче. Еще резче. Оборот... И двигатель заправочной машины чихнул раз, второй и пошел тарахтеть, как будто проснулся от тяжелого сна. Прибавил обороты — все нормально. Сердце готово было выпрыгнуть из груди от радости: я не подвел батарею, не подвел своего друга Петра, не подвел своего комбата:

— Расчет заправки топливом к бою готов!

— Слышу, сержант Анпилов! Принято, — не по Уставу буднично отвечает мой комбат.

За успешно проведенные учения в зимних условиях на запасном позиционном районе весь личный состав батареи получил благодарность от командования ракетных войск стратегического назначения. Комбату Ролину наконец-то присвоили звание майора. Мне вышла благодарность с предоставлением десятидневного отпуска для поездки на родину. Отпуск пришлось добровольно уступить солдату Исымбаеву из Киргизии, у которого неожиданно заболела мать. Дело не в отпуске. Самой большой, незабываемой наградой мне было чувство сопричастности великой силе, имя которой народ. Отпуска я так и не дождался по безалаберности и равнодушию командира нашего отделения капитана Галкина. Зато на третьем году службы комбат позволил мне все свободное от обслуживания техники время посвятить самообразованию. С невиданной для себя усидчивостью я начал самостоятельно изучать английский язык. Осилил в оригинале «Ярмарку тщеславия» Теккерея, «Человека-невидимку» Герберта Уэллса, «Прощай, оружие!» Хемингуэя, «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома. По ночам по транзистору «Селга» я начал регулярно слушать уроки английского языка по «Голо-

су Америки». Комбат знал об этом и, как мне тогда казалось, осторожно поощрял:

— Ты уж меня, Анпилов, не подведи: обязательно поступи в Московский университет. Может, и обо мне вспомнишь когда-нибудь. Вспомнишь и напишешь в свою газету...

УНИВЕРСИТЕТЫ

Так оставьте ненужные споры,
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых стоит МГУ!

Студенческий перепев Высоцкого

К сожалению, я был уволен в запас в последних числах ноября 1967 года и не успел сразу после армии поступить учиться. Вопросом «куда поступать?» я отмучился еще в сержантской школе. Или журфак МГУ — или ничего! Но сразу после армии пришлось возвращаться в родное село Белая Глина, где мой старший брат Борис, тогда уже первый секретарь райкома комсомола, представил меня главному редактору районной газеты «Путь Октября» Николаю Максимовичу Растрепину.

Это был опытный редактор, настоящий советский журналист. Для начала он предложил мне пробу пера на свободную тему. Я написал очерк «Дорогой мой человек» о своей первой учительнице Любови Порфирьевне Денисовой. В редакции всем понравилось, в районном отделе образования начальство негодовало:

— Почему без нашего ведома в газете появился очерк о Денисовой?! В районе есть более достойные герои.

Максимыч обозвал учительское начальство «утководами» и зачислил меня в штат редакции истопником. Как только освободилась должность, меня перевели в литературные сотрудники отдела партийной жизни.

А писать, фотографировать приходилось много. Я не вылезал из командировок по району. Зимой добирался до отдаленных ферм в открытых грузовых машинах. Случалось, что я упрашивал председателя колхоза дать мне сани, но попадал в пургу, когда в степи не видно ни зги, и лошади сами находили дорогу к молочно-товарной ферме. Надо было видеть радость доярок, отпаивавших меня с мороза парным молоком:

— Ты смотри! О нас помнят! Корреспондента из района прислали, да такого молоденького!

Максимыч требовал поменьше писать о начальстве и побольше о рядовых тружениках: механизаторах, шоферах, животноводах, птичницах — словом, о тех, кто кормил страну. Бывало, что от обилия информации я допускал досадные ошибки в газете, над которыми потешалось все районное начальство. Так, однажды срочно понадобилась подпись под моим снимком молоденьких девушек-свинарок из колхоза «Победа». Я отыскал в записной книжке их фамилии и написал, что они выращивают поросят до четырех месяцев сдаточным весом свыше 20 килограммов. Когда газета вышла в свет, в районе ржали не только зоотехники, но даже лошади:

— Да при таком весе в четыре месяца все поросята передохнут. Двадцать килограммов — это хороший вес для поросенка в два месяца! В четыре он должен весить не меньше сорока кило.

Ошибку разбирали на бюро райкома партии, и главный редактор был вынужден напечатать опровержение вместе с выговором литсотруднику Анпилову. С горя и

стыда перед девушками я готов был утопиться. Мама, как всегда, нашла утешение:

— Не горюй, сынок! Газета «Правда» — и та ошибается. Смотри, фотография на первой странице. Пишут, что в Крыму собирают рекордный урожай черешни по четыре центнера с гектара. Да я четыре центнера с одного дерева соберу! А тут с гектара. Вот это герои! В сто раз ошиблись! А ты всего-то и ошибся в два раза!

Тот снимок сделала Майя Скурихина, легендарный фотокор «Правды» и впоследствии большой друг «Трудовой России» и мой лично. Ее снимки будут включены и в эту книгу. Однажды, когда я рассказал Майе мою историю с поросятами, она отмахнулась:

— Подумаешь, трагедия! Перепутал отъемный вес поросенка со сдаточным. Девушки на фотографии получились красивыми?

— Еще бы! Глаза большие, улыбки обворожительны. У каждой в руках увесистый поросенок. Все как в фильме «Свинарка и пастух».

— Знаешь, Виктор, те девушки по сей день тебе благодарны за то, что ты украсил газету хорошим снимком.

В те времена, несмотря на частые ошибки, люди верили в прессу, в том числе и в районную. Газета «Путь Октября» получала много писем. Каждый сотрудник редакции обязан был отвечать на письма, подготавливать их к печати. В советское время действовал «Закон о письмах трудящихся», за выполнением которого Максимыч строго следил. Сотрудник был обязан ответить на полученное им письмо в течение месяца. В случае жалобы читателя на ту или иную проблему журналист мог, согласно закону, провести собственное расследование «по следам письма» или обратиться в компетентные органы и уже от имени газеты требовать ответа по существу жалобы в течение месяца.

В том же колхозе «Победа» во время моей очередной командировки туда колхозники пожаловались на действия председателя Зыба. Вопреки решению общего собрания колхоза, Зыб решил присвоить себе новый двухквартирный дом, построенный для колхозных специалистов. Понимая неправомочность своих действий, он начал проводить собрания по бригадам, склонять людей к пересмотру решения, принятого на общем собрании колхозников. А затем ночью, втайне от людей, Зыб перетащил вещи из добротного кирпичного дома, построенного для него на колхозные средства, в новый, более просторный и комфортабельный дом.

По результатам собственного оперативного расследования этого факта я написал фельетон «Воровское новоселье». Но главный редактор Николай Максимович, будучи членом бюро райкома партии, решил обсудить на бюро изложенные мною факты, прежде чем оглашать их в газете. Бюро райкома срочно командировало в «Победу» партийную комиссию. Факты подтвердились. Зыб получил строгий выговор с занесением в учетную карточку и был предупрежден о несоответствии занимаемой должности. Дом вернули специалистам. Справедливость восторжествовала. Но мой фельетон так и не увидел свет...

Расстроенный, я уезжал в Москву сдавать вступительные экзамены на факультет журналистики МГУ.

Июль 1968 года. Первые впечатления от столицы: Москва — огромный улей, каждый обитатель которого не похож на другого, а все вместе они москвичи. В маленькой комнатушке общежития военной академии имени Фрунзе на проезде Девичьего поля меня гостеприимно, по-кубански радушно встретила сестра Рая. В академии учился ее муж, парень с нашей родной улицы в Белой Глине, будущий генерал Советской Армии

Николай Иванович Куценко. В день моего прибытия в Москву они всей семьей уезжали на юг, в отпуск. Комнату оставили под мою ответственность.

На следующий день я знакомился с Москвой самостоятельно. Продуктовый магазин на Зубовской поразил своим изобилием. Каких только конфет я ни увидел на его прилавках: и помадка, и леденцы, и карамели, и шоколадные — и все наши, отечественного производства. Очередь к прилавку была, но небольшая, пять — семь человек. Колбасу, сыр москвичи кусками не покупали, просили отпустить по 200—300 граммов, да еще требовали нарезать продукт тоньше человеческого волоса. Другая сторона московской медали открылась мне, когда я зашел позавтракать в полуподвальное кафе на Кропоткинской. Попросил из меню «бульон с яйцом». На раздаче выдали пиалку с горячей водичкой.

— А где яйцо? — спрашиваю.

— Яйцо идет отдельно от бульона и по отдельной цене!

Точность и краткость ответа меня удовлетворили, содержание бульона из-под яйца — ничуть. В то время факультет журналистики делил с филологами крыло одного из зданий университета на проспекте Маркса (теперь — улица Моховая). По инструкции, оставленной мне сестрой, сажусь в троллейбус № 11. Из кафе к дверям этого же троллейбуса выбегает, пошатываясь, гражданин. Дверь перед ним закрывается. Опоздавший пассажир пытается удержать троллейбус обеими руками. Но опытный водитель мягко трогает с места. В какой-то момент мы поравнялись с неудачником, глядя глаза в глаза, по разные стороны троллейбусного окна:

— А ты знаешь музыку Петра Ильича Чайковского?! — громко прокричал изрядно, видимо, подвыпивший пассажир.

Надо же, думаю. Вроде алкаш, а композитора по имени-отчеству помнит. Культура!

Без проблем сдал документы в приемную комиссию и пошел на Красную площадь. Поразило не столько пиршество русской архитектуры, сколько люди на площади. Кого здесь только не было! И узбеки в своих пестрых халатах, и солдаты, и мексиканцы в широченных шляпах — сомбреро. У Мавзолея — толпа желающих увидеть церемонию смены караула у дверей. Какая-то девушка по-английски рассказывает иностранцам историю строительства Кремля. Прислушиваюсь и ловлю себя на мысли, что и мой словарный запас английского не меньше, чем у экскурсовода. У Покровского собора (храм Василия Блаженного) встретил двух англоговорящих молодых людей. Разговор завязался сам собой. Я начал рассказывать им, что главное чудо Красной площади построено русскими мужиками по приказу царя Ивана Грозного после взятия Казани в середине XVI века. Когда строительство закончили, царь приказал ослепить архитекторов Посника и Барму, чтобы они никогда и нигде не смогли построить такое же чудо света. Рассказываю все это, а на сердце — сладостная жуть от сознания, что я свободно владею английским языком. Познакомились. Они были студентами из Голландии, путешествовали по Европе. Я пригласил молодых людей на бокал шампанского в ближайшее кафе на выбор. Выбрали «Дружбу» на улице Горького. Сегодня, когда одна чашечка кофе в этом же заведении, только под другим, иностранным названием стоит не меньше 150 рублей, мне самому не верится, что легкий ужин на троих с мороженым и шампанским мне обошелся тогда в 15. Болтали до позднего вечера. На прощание мне захотелось показать здание факультета журналис-

тики МГУ, где я мечтал учиться. Дошли до скверика с памятниками двум знаменитым друзьям: Герцену и Огареву. И тут один из моих новых знакомых голландцев вспомнил, что забыл в кафе «Дружба» свою фотокамеру с трансфокатором телевизионного объектива — вещь дорогущую даже для них, иностранцев. Бегом возвращаемся в «Дружбу». Поднимаемся на второй этаж. В зале — полно народа. Подходим к столику, за которым сидели, — камера на месте... Все-таки Москва — великий и честный город. По крайней мере, такой я узнал столицу летом 1968 года.

Вступительные экзамены я сдал успешно. И благодаря отличному знанию английского языка меня, единственного не москвича, определили в группу журналистов-международников, пишущих на иностранных языках.

Еще до первого сентября в наш дом пришла открытка, в которой сообщалось, что я зачислен в Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, и выражалась благодарность родителям за воспитание сына. Подпись: ректор МГУ, академик Рэм Хохлов. Мать плакала и целовала ту открытку, а я собирал вещи в дорогу, смеялся и убеждал маму в том, что при всем желании один, даже очень важный человек не мог подписать лично более десяти тысяч открыток родителям новых студентов МГУ. До конца своих дней мать благодарила советскую власть за то, что она дала бесплатное образование всем ее детям.

Чтобы понять душу университета, надо не только учиться в нем, но и жить. Первые два курса мы жили в общежитиях на Ломоносовском проспекте. Затем на три года нашим домом стало высотное здание на Ленинских горах. Это самое величественное из семи высотных зданий, построенных в Москве после Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, долженствовав-

Студенческие годы

ших символизировать, по замыслу И.В. Сталина, триумф общественного коллективного разума над частнособственническим эгоизмом. Говорят, что если младенец родится в одной из комнат высотного здания МГУ, а затем всего на минуту задержится в каждой комнате «высотки», в каждой аудитории, в каждой библиотеке, в каждом спортивном зале, то на улицу новорожденный выйдет девяностолетним стариком.

На десятом этаже центральной зоны Главного здания МГУ находился партийный комитет университета. Здесь в 1972 году секретарь парткома Протопопов вручил мне партийный билет члена КПСС № 00122122.

Сразу после окончания строительства высотки на Ленгорах девушки и юноши жили в разных зонах, находиться «в гостях» разрешалось только до 10 часов вечера, что побуждало студентов бунтовать и бузить. Часто между переборками коридоров одного и того же здания проделывались потайные лазы, а самые отчаянные, потерявшие от любви голову, пользовались вентиляционными путепроводами. Кстати, во время первого визита лидера кубинской революции Фиделя Кастро в СССР он выступил в Большом актовом зале МГУ, где не хватило мест для профессорско-преподавательского состава, не

говоря уже о нашем брате студенте. Тогда студенты воспользовались накопленным во время романтических похождений опытом и пробирались к актовому залу по вентиляционным трубам.

С женой и семьей друзей на Красной площади. *1977*

Не помню, кто из ректоров отменил «апартеид по половому признаку», но в мою бытность студентом девушки и юноши жили в разных комнатах, хотя и в одних и тех же корпусах, на одних и тех же этажах. Когда требовалось, комнаты уступались влюбленным по согласию всех заинтересованных сторон. Все дело, как правило, заканчивалось свадьбой, свидетелями на которой были те, кому чаще всего приходилось ночевать не по месту постоянной прописки. Я лично был свидетелем на свадьбах многих моих однокурсников — Виктора Шаркова, Володи Кириллова, Володи Кашина... Сам же я затеял свадьбу со своей будущей женой Верой Емельяновной уже в рискованной 30-летней зоне, спустя три года после окончания МГУ.

В 2002 году родному факультету журналистики МГУ исполнилось 50 лет. Позвонили с Центрального телевидения и предложили подготовить для программы новостей «мемуарное» выступление на две минуты эфира.

Встретились у памятника Ломоносову, перед входом в новое здание факультета журналистики на Моховой.

Я вспомнил таких корифеев, как профессор Архипов с его прекрасными лекциями по русской литературе, Елизавету Петровну Кучборскую, буквально влюбивших всех нас, первокурсников, в античную литературу, Людмилу Евдокимовну Татаринову, готовую рыдать от радости, когда студенты читали ей наизусть из «Слова о полку Игореве» или из хроник первого русского «журналиста» протопопа Аввакума. Для той телевизионной записи я даже сделал подстрочный перевод Шекспира, оригиналом которого начинал свои лекции о творчестве Фолкнера и его романе «Шум и ярость» декан Засурский:

Life's but a walking shadow,
A poor player that struts and frets his hour
Upon the stage, and then is heard no more.
It is a tale told by an idiot,
full of sound and fury, signifying nothing.
Жизнь — всего лишь тень,
Фигляр несчастный, махающий
мечом картонным на сцене в свой час,
чтоб сгинуть в неизвестности позднее.
Жизнь — придуманная идиотом сказка,
Наполненная яростью и шумом,
Лишенная и тени содержанья.

В две минуты телевизионной съемки я постарался «вбить» благодарность моему преподавателю испанского языка Веронике Касимовне Чернышевой. Вообще-то на гуманитарных факультетах МГУ испанский преподавали дети эмигрантов, выехавших в Советский Союз во время гражданской войны в Испании. А наша Вероника (красавица-татарка) в неполные 20 лет оказалась на Кубе в 1961 году в составе первого отряда советских преподавателей русского языка. У них не было специ-

ального образования, никто не обучил их методике преподавания русского языка иностранцам. Но у них была молодость и страстная любовь к кубинской революции. Они сами учили язык Хосе Марти и обучали таких же молодых кубинцев языку Пушкина. Они взаимно обучались на стихах, песнях, обоюдных признаниях в любви. Сердцем понимали друг друга, а язык становился всего лишь подспорьем в диалоге двух революций и народов. Вот эту методу Вероника и привезла с Кубы в Московский государственный университет. В отличие от консервативных преподавателей английского языка, она практически не обращала внимания на произношение, но зато как радовалась, если кто-нибудь из нашей испанской группы международников (всего пять человек!) «приносил» на очередное занятие новую пословицу, или поговорку, или новый романс Гарсиа Лорки. Во время телевизионной съемки (еще не зная, что Вероника Касимовна после разрушения СССР ушла в монастырь) я хотел обрадовать ее собственным переводом стихов Хосе Марти, ставших в определенной степени моим жизненным кредо:

No me pongan en lo oscuro,
A morir como un traidor.
Yo soy bueno y como bueno
Morire de cara al sol.
В смертный час меня не прячьте
В тень предателей позорных.
Жил я честно, я хороший!
И умру лицом я к солнцу.

Разумеется, моя маленькая ода к юбилею родного факультета была «обрублена» до 30 секунд. Перед тем как предоставить мне слово, корреспондент программы

новостей СТВ гордо сообщил стране о том, что он, как и все студенты журфака, в первый день занятий давал клятву верности идеалам коммунизма у Могилы Неизвестного солдата, рядом с Кремлевской стеной. Однако, по словам корреспондента, той клятве остался верен, пожалуй, один Виктор Анпилов. И уж затем пошел мой синхрон — Шекспир по-английски, Марти по-испански. Без перевода и без комментариев: хорошо это или плохо, что я остался верен идеалам коммунизма. Во всяком случае, телезрителю стало ясно, что даже такой «отморозок», как Анпилов, после факультета журналистики может по памяти декламировать на разных языках. И на том спасибо, коллеги!

Конечно, наш факультет — всего лишь часть той вселенной, имя которой Университет. При желании, обладая студенческим билетом МГУ, можно было попасть на лекции выдающихся ученых на факультетах химии, физики, истории... Огромным достоинством университета являлись объединенные кафедры гуманитарных факультетов по философии, политэкономии, истории КПСС.

Преподаватель истории партии, ветеран Великой Отечественной войны Николай Александрович Соколов заметил меня на первом курсе: «Сынок, у тебя хорошая память. Но одного этого мало. Учись мыслить диалектически! Учись у Ленина! И тогда ты оправдаешь свое происхождение из рабочего класса». То был прекрасный совет, и даже в тюрьме, работая над книгой «Лефортовские диалоги», я постоянно заказывал в камеру ленинские томики и, ничуть не стесняясь, подражал в своей книге Учителю и его «Конспекту лекций Гегеля».

Даже спустя много лет я с огромным уважением относился к профессорам и преподавателям объединенных кафедр гуманитарных факультетов МГУ, особенно тем из них, кто имел мужество остаться на

позициях научного коммунизма, материалистического понимания истории. Среди них в первую очередь хочется назвать профессора Владимира Александровича Лаврина, ветерана Великой Отечественной войны, заведующего объединенной кафедрой истории КПСС. В самые трудные моменты для «Трудовой России» и меня лично Владимир Александрович был рядом и учил с полуслова распознавать современных врагов власти трудящихся.

К сожалению, приходится констатировать, что традиция самостоятельного, независимого мышления на гуманитарных факультетах МГУ была утрачена. Преподаватели общественных наук поощряли среди студентов начетничество, умение вовремя ввернуть в курсовую или дипломную работу цитату из решений последнего съезда КПСС или из выступлений ее очередного лидера. На факультете журналистики этим особенно грешила, на мой взгляд, преподаватель политэкономии социализма Новосельцева. Студенты панически боялись сдавать ей экзамены. Нам казалось, что, встань Маркс из могилы и приди он сдавать экзамен Новосельцевой, она бы влепила ему «неуд» в зачетку на первой же минуте.

Из желания не то поспорить, не то создавать самому себе трудности, на третьем курсе я стал единственным студентом журфака, решившимся написать курсовую работу на объединенной кафедре гуманитарных факультетов МГУ по политэкономии у Новосельцевой. Курсовая называлась «Земельный кадастр и вопросы справедливой оплаты труда в сельском хозяйстве при социализме». Заявленная мною тема курсовой работы «тянула» на десяток докторских диссертаций, но меня это не смущало. Я исходил из моей собственной, пусть и короткой, журналистской практики в сельской районной газете. Любая несправедливость в оплате труда, в

поощрении моральными стимулами или награждениями орденами вызывала обиды и раздражение в трудовых коллективах. В конечном счете несправедливость при вознаграждении за один и тот же труд обусловливала недовольство людей советской властью, подрывала коллективизм и веру людей в окончательную победу царства разума и справедливости — коммунизма. И если условия труда токаря, слесаря, сварщика в одной и той же отрасли промышленности одинаковы, а за работу в суровых климатических условиях и отдаленность полагались различные надбавки к зарплате, пенсионные льготы и т.д., то труд крестьянина на земле вообще невозможно привести к общему знаменателю. Производительность труда на земле зависит от многих факторов: количества дождевых осадков, освещенности, заболоченности или закисленности почв, удаленности места производства товаров от рынка сбыта... Бывает так, что у работящего пахаря урожай побило градом, а рядом, на участке, где работали ни шатко ни валко, града не было, и урожай там вдвое выше, чем у работящего. Кому давать ордена в таком случае? Кому выдавать денежную премию? Справедливая оплата труда пахаря, животновода в огромной степени зависела от прихоти начальства.

В своей курсовой работе я привел пример трудовых отношений в сельском хозяйстве дохристианского периода, полностью процитировав чудесную притчу о работниках в винограднике из Евангелия от Матфея. Вот она: «Царство Небесное подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой и, договорившись с работниками по динарию на день, послал их в виноградник свой. Вышед около третьего часа, он увидел других, стоящих на торжище праздно, и им сказал: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, дам вам. Они пошли. Опять вышед

около шестого и девятого часа, сделал то же. Наконец, вышед около одиннадцатого часа, он нашел других, стоящих праздно, и говорит им: что вы стоите здесь целый день праздно? Они говорят ему: никто нас не нанял. Он говорит им: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, получите. Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему: позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых. И пришедшие около одиннадцатого часа получили по динарию. Пришедшие же первыми думали, что они получат больше; но получили и они по динарию; и получивши стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал одному из них: друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? Возьми свое и пойди; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе; разве я не властен в своем делать, что хочу? или глаз твой завистлив от того, что я добр? Так будут последние первыми, и первые последними; ибо много званных, а мало избранных».

С точки зрения политэкономии вся притча свидетельствует о жуткой несправедливости и деспотизме землевладельца по отношению к работникам. Во-первых, чем больше земли было у частного землевладельца, тем больше была армия безработных, готовых горбатиться весь день на хозяина за кусок хлеба. Во-вторых, «разве я не властен в своем делать, что хочу?»: деньги, которыми хозяин земли «вправе распоряжаться по своему усмотрению», образовались не из воздуха, а по причине недоплаты всем работникам, начиная от первых до последних. И не зависть заставила работников роптать на хозяина, а оскорбленное чувство достоинства человека наемного труда. Следовательно,

делал я вывод в своей курсовой работе, справедливое вознаграждение за труд требут замены наемного, подневольного труда свободным трудом. А это станет возможным только после уничтожения (отмены) всей и всяческой частной собственности на землю. При социализме вопрос справедливой оплаты труда на земле, которая еще не стала полностью «общенародной» в полном смысле этого слова, может быть решен только при обязательном соблюдении двух условий. Первое: подробнейшее научное описание каждой пяди земли в пределах одного государства — состояние недр, почв, растительного покрова, среднее количество осадков, солнечных дней в году, удаленность от водных источников и рынков сбыта продукции, и т.д., и т.п. Это и должны учитывать составители земельного кадастра, которого в России нет до настоящего времени. Второе условие справедливой оплаты труда работников: земля не должна принадлежать одному человеку на правах частной собственности. Один человек, каким бы он добрым ни был, не сможет обеспечить справедливое вознаграждение труда всех. В распределении результатов коллективного труда на земле обязаны ПОГОЛОВНО участвовать все работники. Общее собрание того же колхоза могло вполне демократично решить — и решало, — что оставить на освоение целинных земель и создание новых рабочих мест в «винограднике», что выделить на строительство школы для детей работников и строительство новых дорог, сколько отдать музыкантам, которые устроят праздник сбора урожая и которых также нужно считать работниками. Легко увидеть, что при такой организации оплата труда будет производиться не по прихоти хозяина-деспота, который вообще не нужен, а по количеству часов, отработанных на общей земле, с учетом конкретных условий и особен-

ностей участка земли, определенных земельным кадастром.

Когда Новосельцева ознакомилась с моей курсовой работой, ее, как мне кажется, взяла легкая оторопь: «Вы обильно цитируете Библию, — заметила она, — но ни разу не удосужились процитировать документы партии по данному вопросу». В итоге за курсовую работу я получил «удовлетворительный» динарий и был вполне счастлив.

Проблем с учебой у меня не было. Уже на первом курсе я принял активное участие во встрече студентов и преподавателей факультета журналистики МГУ со студентами-американцами из Института Европы в Женеве. Американцы к тому времени погрязли во вьетнамской войне. По чистой случайности накануне встречи студентов двух стран на факультете журналистики «Литературная газета» опубликовала страшную фотографию: здоровенный американский солдат, картинно улыбаясь, позирует фотографу, держа в руках две отрубленные головы вьетнамцев. Я не высказал американским студентам своего возмущения. Я просто рассказал им, как по пути на ту встречу увидел припаркованную у гостиницы «Метрополь» (это в двух шагах от факультета журналистики МГУ) красивую машину с государственным флагом США на маленьком флагштоке. Это означало, что где-то рядом находился посол США в Советском Союзе. Охраны не было. В те годы в Москве, как и по всему Советскому Союзу, понятия не имели, что такое бандитизм, терроризм и прочие прелести рыночного общества. Не теряя времени, я аккуратно, по сгибу, вырвал фотографию американского фашиста из газеты, подошел к посольскому «кадиллаку», плюнул на лобовое стекло и приклеил листовку так, чтобы фотография была хорошо видна дипломату. Не все наши студенты

поняли мой взволнованный рассказ на английском языке. А студенты из США дружно аплодировали. После встречи декан факультета Засурский поблагодарил меня за активность, но предупредил: плевки в машины дипломатов могут кончиться для меня плохо.

И все-таки после той встречи декан начал мне покровительствовать. Особенно я в этом не нуждался. На первых курсах я учился только на «отлично». Занятия испанским языком сблизили меня со студентами из стран Латинской Америки. В частности, интернациональная супружеская пара — студентка нашего факультета мексиканка Магали и студент биологического факультета МГУ Даниэль Скап — стали моими близкими друзьями. Я помогал им с русским языком, после зимних каникул привез с Кубани пару соленых арбузов и научил товарищей пить не морщась русскую водку с такой закуской. Магали с восторгом брала у меня уроки русских народных песен. В свою очередь она снабжала меня записями баллад о Панчо Вилье, генерале Эмильяно Сапато и других героях Мексиканской революции 1918 года. Даниель знакомил меня с фантастическими романами Азимова, футуристической сатирой Оруэлла под названием «1984»... Последняя, кстати, не произвела на меня особого впечатления. Остался я равнодушным и к «Архипелагу ГУЛАГ» Солженицына. Он переходил из рук в руки студентов в виде фотокопий книжного текста. И если бы не подпольный привкус произведения Александра Исаевича, вряд ли я осилил бы его роман до конца.

Конечно, и на старуху бывает проруха. Покровительство декана Засурского мне все-таки пригодилось. На втором курсе меня хотели отчислить с военной кафедры. Произошло это из-за моего ироничного отношения к тамошнему обучению. У меня за плечами было боль-

ше трех лет службы в ракетных войсках, из них восемь месяцев беспощадной муштры в сержантской школе, остальное — в глухих лесах Прикарпатья на Западной Украине.

Самым тяжелым для меня был «дембельный» 1967 год. В сентябре того года Израиль напал на Ливан, Палестину, Сирию и за семь дней войны оккупировал палестинские земли к западу от реки Иордан, Голанские высоты и часть территории Ливана. Много позднее мои сирийские друзья Кадрий и Омар Багдаш повезли меня полюбоваться панорамой ночного Дамаска — с тех горных высот, где во время «семидневной» стояли советские ракетные установки класса «земля-воздух». То было настолько высокоточное оружие, что из ста израильских самолетов, вылетевших бомбить Дамаск, до древнейшего города Земли долетел всего один бомбардировщик, да и тот в панике сбросил свой смертоносный груз куда попало. И все-таки в 1967 году, по большому счету, израильскую агрессию, а возможно, и новую мировую бойню остановил стратегический ракетно-ядерный щит СССР. В первые же часы войны на Ближнем Востоке наша ракетная часть была поднята по боевой тревоге. И пока мы, заправщики, забирали на складах боевое топливо, над нами к юго-востоку на бреющем полете проносились эскадрильи МиГов. На стартовой площадке поступила команда выкатить из ангаров и расчехлить боевые «изделия». Еще через несколько минут к двадцатиметровой ракете стыковалась ядерная боеголовка, чего раньше ни на каких учениях, даже самых серьезных, не делалось. В тот день наша батарея, как и все советские ракетные войска стратегического назначения, была приведена в состояние постоянной повышенной боеготовности. До команды «пуск» оставались считаные минуты. В течение недели мы не покидали

пусковые площадки. Израиль и его покровители в США были прекрасно осведомлены о возможностях и точности ракет конструктора Королева, о надежности ракетных двигателей конструкторского бюро Глушко, посредством которых выводили на околоземную орбиту первые искусственные спутники и первого в мире космонавта Юрия Гагарина. Знал «цивилизованный» хищник и о том, что советские ракетчики — офицеры, сержанты, солдаты — готовы сгореть в атомном пламени, но приказ на пуск своих ракет выполнят. В 1967 году ракетно-ядерный аргумент СССР стал главным в глобальном, то и дело переходящем в открытую драку споре труда и капитала. Я до сих пор горжусь и считаю, что мне, сержанту ракетных войск стратегического назначения, довелось в те дни с классным оружием в руках защищать интересы труда в мировом масштабе...

Конечно, получив строевую подготовку в сержантской школе и имея за плечами реальный боевой опыт ракетчика, я с презрением относился к схоластике под видом военной подготовки на факультете журналистике. Однажды во время лекции по вооружению армии США я имел глупость вслух обратиться к «профессору» в погонах:

— Товарищ полковник! А зачем нам знать, как устроена граната, стоящая на вооружении армии США, если нашей главной гранатой был и остается марксизм-ленинизм?!

Курс хохотал, и полковник для виду тоже улыбнулся, но на зачете по структуре и вооружению дивизии армии США устроил мне публичную порку перед студентами, ни одного дня не служившими в армии. Я, памятуя армейскую заповедь, которая гласит, что с начальством спорят только круглые идиоты, слушал полковника и

молчал, как партизан. И тут полковник, воодушевленный моим молчанием, заявил:

— Вот из таких прохиндеев, отлынивающих от службы в армии, и вырастают предатели!

Меня прорвало:

— Слушай, полковник! Пока я три года глотал пары окислителя и обжигался перекисью водорода во имя безопасности нашей Родины, ты, штабная крыса, сделал себе бронь военной кафедры, чтобы остаться в Москве. Вот ты и есть предатель!

После этого я вышел из аудитории, хлопнув дверью. На следующий день на доске объявлений военной кафедры появился приказ о моем отчислении, что автоматически означало исключение из университета. Правом отменить приказ по военной кафедре обладал исключительно ректор МГУ по представлению декана факультета. Засурский обратился к ректору МГУ с ходатайством об отмене приказа по военной кафедре, и академик Рэм Хохлов вновь поставил свою подпись под документом, где упоминалась моя фамилия. Декан вызвал меня в свой кабинет и, глядя на меня сквозь толстые стекла своих очков, бесстрастным голосом сообщил:

— Вас восстановили на военной кафедре. Больше с ними не спорьте. И еще: завтра быть на совете военной кафедры аккуратно подстриженным.

Вечером того же дня в холле четвертого этажа третьего корпуса студенческого общежития МГУ на Ломоносовском проспекте открылся потешный театр под названием «Бесплатный постриг». Первой за ножницы взялась энергичная южанка Света Волкова и тут же подрезала мне правое ухо. Кровоточащего, меня передали Вале Шабановой, у которой был опыт стрижки овец в колхозах Поволжья. Под аплодисменты зрителей Валя через минуту-другую заявила, что

для такой ответственной работы ей нужны ножницы для стрижки овец-мериносов. Заинтригованный галдежом девиц, в холл заглянул мой сосед по комнате, негр из Судана Исса Хашим Мухамед. Девчонки почему-то решили, что у Хашима работа пойдет на лад, и передали ему ножницы. Хашим понял задачу на свой манер и выстриг мне на макушке тонзуру — как у воинствующих монахов доминиканского ордена. Пока Исса Хашим бегал за бритвой, чтобы завершить начатое дело и обрить мне макушку, к обряду бесплатного пострига присоединились девушки с исторического факультета. Первым делом Галя Волошина отняла у меня, плачущего от порезов и жалости к самому себе, зеркало: чтобы не вертелся, а затем довольно быстро и ловко оставила на моей бедной голове жалкую пионерскую челку. И только! Кто бы мог подумать, что скромная советская студентка опередила творческую мысль всех парикмахеров мира на 32 года и бесплатно (!) сделала мне прическу, идентичную той, что за 10 тысяч долларов делает лучшему нападающему бразильской сборной по футболу Роналдо его личный парикмахер.

На следующий день с чубчиком «под Роналдо» я предстал перед советом военной кафедры гуманитарных факультетов МГУ.

— Урок пошел вам на пользу! — заключили, осмотрев меня, полковники. — Вы будете восстановлены на кафедре, но прическу придется еще укоротить. Вам полчаса хватит добежать до парикмахерской?

Еще бы! После экзекуции в общежитии мне бы хватило и одной минуты. Я вышел от военных, побродил по колоннаде второго этажа журфака, откуда, по преданию, когда-то в XIX веке на головы богатеньких студентов бросал огрызки яблок Виссарион Белинский, и

ровно через тридцать минут распахнул двери военной кафедры:

— Вот теперь другое дело! — обрадовались полковники. — С такой прической у тебя от девушек отбоя не будет!

И действительно, после этого эпизода моя популярность возросла до такой степени, что меня избрали старостой курса, и даже закоренелый прогульщик Гриша Лернер обращался ко мне уважительно:

— Старик, учиться катастрофически не хватает времени. Хочешь покурить американских? Да, «Мальборо» — это класс! Только отметь, что я сегодня присутствовал на лекции...

С началом горбачевской перестройки Гриша Лернер выклянчит у Центробанка 50 тысяч долларов на открытие первого частного банка в России, ввяжется в умопомрачительные аферы по отмыванию грязных денег международных торговцев наркотиками, будет арестован в Москве и, сидя в тюрьме, заявит надзирателям, что он, в общем-то, неплохой парень, готов купить по холодильнику в каждую камеру и даже знаком с Анпиловым... Неизвестно, что подействовало больше, только Лернеру разрешили эмигрировать в Израиль, где он сменил свою «русскую» фамилию на более благозвучную «еврейскую», купил себе роскошную виллу, но опять был арестован, на этот раз уголовной полицией самого Израиля...

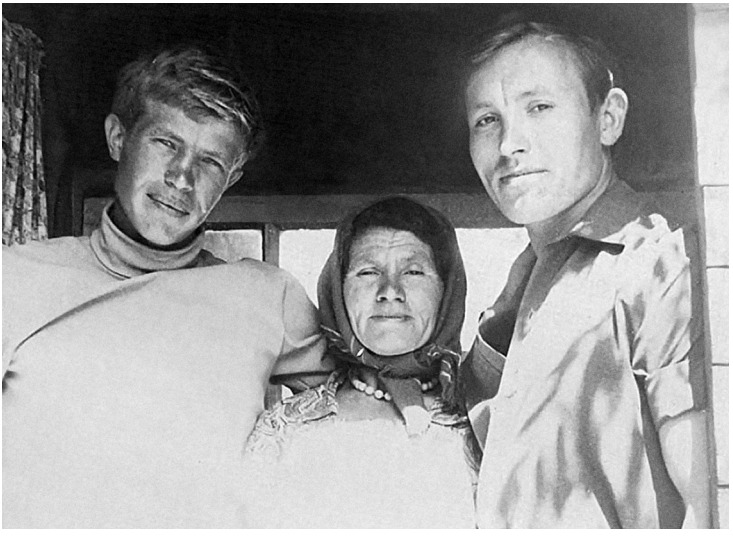
На втором году учебы в МГУ я похоронил отца. Мать осталась одна в доме, но за ней присматривал и помогал за всех нас старший брат Борис Иванович. Я почти постоянно получал повышенную стипендию — 45 рублей в месяц. Во время летних каникул в составе студенческих строительных отрядов мы выезжали (бесплатно!) в любую точку Союза: Казахстан, Сахалин, Саяны, Уренгой...

Сахалинский студенческий отряд. Будущий политик В. Анпилов вручает лопату В. Коклюшкину, будущему писателю-сатирику

Лично мне заработанных денег хватало, чтобы поддержать мать, подремонтировать крышу отчего дома да пошиковать на студенческих вечеринках месяц-другой под крышей высотного здания МГУ. Когда летние деньги испарялись, я прилаживался шабашить по выходным в бригаде под руководством аспиранта физфака МГУ Александра Кваши. В основном это были мелкие строительные работы или рытье траншей и прокладка аварийного кабеля к подстанциям московских предприятий. Последние работы оплачивались неплохо — 25 рублей за день. Двух дней в месяц было достаточно, чтобы обеспечить хорошую прибавку к стипендии и позволить себе пригласить девушку в приличное кафе в центре города.

А когда нужда прижимала, выручала студенческая столовая. В зоне «В» высотного здания МГУ на раздаче в столовой работала внешне непривлекательная, но

С матерью друга Марией Семеновной Котвицкой

удивительной душевной красоты женщина — тетя Таня. Она как-то разузнала, что моя мама тоже была поваром, и очень обрадовалась этому обстоятельству, постоянно справлялась о ее здоровье, просила передавать ей приветы. Однажды весной я привез тете Тане пасхальные крашеные яйца и кулич, испеченный мамой, что привело ее в неописуемый восторг и укрепило нашу дружбу. По крайней мере, тетя Таня всегда старалась подлить мне и моим товарищам побольше борща или положить побольше картошки в гарнир. Это понравилось моему товарищу по комнате в общежитии зоны «Д» Жоре Маценко, который всегда пристраивался в очереди за мной и радостно пугал мою покровительницу:

— Поизносились мы с вашим Витенькой, тетя Таня, до стипендии не дотянем, помрем с голодухи!

Тетя Таня бледнела и отпускала Жоре двойную порцию по цене одной... Нормальный обед в студенчес-

кой столовой МГУ стоил тогда 50—55 копеек. Не так давно я побывал в родных пенатах, в высотке на Ленгорах. Заглянул в столовую. Женщины на раздаче узнали меня, помянули (царство ей небесное!) тетю Таню. Обычный обед в студенческой столовой стоит теперь около 60 рублей. Выходит, при советской власти государство платило хорошо успевающему студенту один рубль пятьдесят копеек за один день учебы, и этого хватало на три обеда по цене 50 копеек за обед. Современные студенты вправе требовать от правительства восстановления покупательной способности своих стипендий на уровне 1991 года, как и предлагает программа «Трудовой России»: каждому студенту — 100 рублей за день учебы.

ПУЛЬС ЭПОХИ

Трое суток шагать, трое суток не спать
Ради нескольких строчек в газете.
Если снова начать, я бы выбрал опять
Бесконечные хлопоты эти...

Песня из кинофильма «Журналист»

По окончании университета я получил распределение на областное телевидение Волгограда. Из всего состава группы журналистов-международников (21 человек) на момент распределения у меня одного не было московской прописки. Декан, не скрывая иронии, прокомментировал:

— Что же вы, Анпилов?! Староста курса, так хорошо учились, а не смогли устроить свою личную жизнь. Женились бы на москвичке! А теперь со знанием двух языков поедете в провинцию. Даю вам месяц на размы-

шление. Если что-нибудь придумаете, зайдите ко мне. Перераспределим вас.

Мы вдвоем с Виктором Шарковым — ему предстояло ехать в Томск — крепко отметили распределение. А наутро я засел за единственный телефон на седьмом этаже общежития зоны «Д» и начал обзванивать по городскому справочнику все министерства подряд:

— Здравствуйте! Я выпускник факультета журналистики МГУ Виктор Анпилов. Хорошо знаю испанский язык. Готов работать переводчиком в любой точке земного шара.

Товарищи по общежитию посчитали, что у меня началась белая горячка. Да и сам я после десятка-другого грубых, а подчас и хамских ответов почти утратил веру в собственное начинание. И вдруг из конторы под будничным названием «Зарубежнефтегазстрой» на мой сакраментальный вопрос, нужен ли им хороший переводчик с испанского языка для работы за границей, прозвучало еще более неожиданное:

— А как скоро вы сможете оформить документы, чтобы вылететь на Кубу?

...Через два часа я уже был в кабинете Засурского, и он подписал мне выездную характеристику.

Я прилетел в Гавану 21 сентября 1973 года и поселился в отеле «Севилья», расположенном в старой колониальной части Гаваны, на знаменитом пешеходном бульваре «Эль Прадо». Моими первыми друзьями на Кубе стали проживавшие в этом отеле молодые чилийские ученые, работавшие в Кубинском институте леса: коммунист Браулио Мельядо и беспартийный Альфредо Мендоса. Только что, 11 сентября 1973 года, в Чили произошел фашистский переворот. Во имя «восстановления демократических свобод» был убит законно избранный президент Сальвадор Альенде. Кровавый диктатор

Пиночет завалил Сантьяго-де-Чили трупами. США аплодировали убийце, а журнал «Тайм» опубликовал сладострастный репортаж из моргов чилийской столицы, где тысячи обезумевших от горя людей пытались найти и опознать тела своих близких. Читая тот репортаж, Альфредо рыдал, Браулио ходил мрачнее тучи.

Вскоре из Сантьяго-де-Чили поступило сообщение о том, что на футбольном стадионе, превращенном путчистами в концлагерь, среди тысяч задержанных был опознан и убит без суда и следствия певец и композитор Виктор Хара. Его по праву называли поющим знаменем революции в Латинской Америке. Его песни высмеивали жадность олигархов и пошлость буржуазной культуры, звали молодежь бедных кварталов на самопожертвование во имя братства и справедливости на земле, разоблачали звериную сущность империализма, призывали крепить солидарность с народами Вьетнама, Кубы, других социалистических стран. Песни Виктора Хара, его музыку, пронизанную радостью жизни, его открытую солнечную улыбку любила прогрессивная молодежь всей планеты. Перед тем как убить Виктора, пиночетовская солдатня размозжила пальцы его рук каблуками кованых сапог, словно боялась, что певец даже мертвым продолжит играть на гитаре.

О мученической смерти Виктора Хара я узнал из рассказов молодых чилийцев, которым удалось вырваться из рук пиночетовских палачей и добраться до спасительной Кубы и Фиделя. К октябрю 1973 года непритязательные отели вдоль гаванского бульвара Эль Прадо были наполнены чилийской молодежью. У многих ребят были переломаны ребра, загипсованы ноги и руки, но на их лицах я ни разу не видел уныния. Напротив, довольно часто в их кругу звучал смех, и гитары звенели ритмами Виктора Хара.

Если не ошибаюсь, в конце октября 1973 года на громадной площади Революции в Гаване состоялся миллионный митинг солидарности с народом Чили. Вместе с моими чилийскими друзьями я был на том митинге и, думаю, никогда не забуду острое чувство личной причастности к судьбам народов Земли, которое охватывало каждого человека, присоединившегося к миллионному океану митинга. Выступил Фидель, который, как всегда, дал четкую классовую оценку фашистскому перевороту в Чили. Затаив дыхание, люди слушали рассказ Фиделя о его последней встрече с президентом Чили Сальвадором Альенде. Тогда, основываясь на данных кубинской разведки, Фидель предупредил чилийского президента о готовящемся военном перевороте и со словами «всякая революция чего-нибудь стоит, когда она умеет защищаться» подарил Альенде автомат Калашникова советского производства. Гуманист Альенде не верил предупреждению Фиделя до самого последнего момента, когда пиночетовские самолеты и танки начали методично бомбить президентский дворец «Ла Монеда». В последние минуты своей жизни президент Альенде взял в руки подаренный ему автомат, чтобы до последнего же патрона отстреливаться от ворвавшихся в его кабинет убийц...

После выступления Фиделя Кастро слово предоставили вдове погибшего президента Чили Ортензии Бусси Альенде. Она подошла к микрофонам трибуны, произнесла три слова: «Дорогие братья и сестры!» и замолчала. Люди на площади затаили дыхание. Слышно было, как тревожно свистел ветер в микрофонах. И вдруг раздались рыдания... Людской океан вздрогнул, словно его ужалили тысячи молний сразу: «Не плачь!» — закричала площадь. «No llores!!!» — кричал что есть мочи и я, обливаясь слезами гнева и, по озарению, вместе со всеми участниками митинга понимая, что слезы Ортензии

Бусси будут приятны врагам рода человеческого, убийцам ее мужа...

Пройдут годы, и мне самому доведется организовывать митинги в сто и двести тысяч человек и выступать на них. Это всегда эмоциональное потрясение. Но быть участником миллионного митинга — это ни с чем не сравнимое чувство познания души целого народа.

На Кубе я испытал это чувство дважды. Второй раз я стал участником миллионного митинга на площади Революции в Гаване в начале 1974 года во время визита на Кубу Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Фидель Кастро страстно, возвышенно и точно говорил о советско-кубинских отношениях, которые войдут в историю человечества как блестящий пример бескорыстия, братской дружбы и солидарности народов, созидающих коммунизм. В отличие от Фиделя стареющий Леонид Ильич читал по бумаге, подготовленной и тысячу раз выверенной в недрах аппарата ЦК КПСС, а потому правильной, но лишенной человеческих эмоций. Митинг слушал Брежнева вежливо и внимательно. Никто не заплакал и не засмеялся. Аплодировали по подсказке Фиделя. Брежнев, почувствовав, что безнадежно проигрывает Фиделю как оратор, в одном месте раздраженно бросил своему переводчику Олегу Дарусенко: «Читай!» Но в целом митинг, как и весь визит Брежнева на Кубу, оставил приятное впечатление. Советские специалисты расходились с площади поздно ночью, распевая вместе с кубинцами «Катюшу», «Подмосковные вечера» и «Cuba que linda es Cuba» — «Куба, какая красивая Куба!».

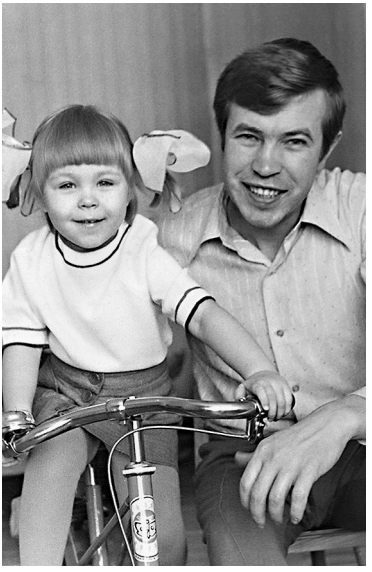
В мае 1986 года мне довелось вести репортажи на испанском языке для слушателей Латинской Америки об официальном визите на Кубу другого генсека — Михаила Горбачева. К тому времени слово «перестройка»

уже входило в моду, но никто, включая самого Горбачева, не мог пока предположить, чем она закончится. Меня как журналиста настораживали восторженные похвалы, которые расточали в адрес Горбачева средства массовой информации США, Англии, Германии, Израиля. Настораживали, но не более. Наблюдая за официальным визитом Горбачева на Кубу, я сделал вывод о том, что Горби подчеркнуто стремился быть гораздо ближе к недругам Советского Союза — Маргарет Тэтчер, Рональду Рейгану, Бушу-старшему, нежели к проверенным друзьям советского народа — таким, как Фидель Кастро. Во-первых, Горбачев исключил из программы своего пребывания на Кубе традиционный в этих случаях массовый митинг солидарности в Гаване. Во-вторых, еще не ступив на землю Острова Свободы, он повел себя недипломатично по отношению к кубинскому народу.

Дело в том, что отказ Горбачева от митинга кубино-советской дружбы лишил кубинскую сторону возможности продемонстрировать высокому гостю искреннюю благодарность советскому народу за политическую, экономическую и военную поддержку социализма на Кубе. Правительство Кубы призвало своих граждан выйти встречать Горбачева по маршруту его следования от международного аэропорта Хосе Марти до официальной резиденции в Мирафлорес, фешенебельном районе Гаваны. Сотни тысяч людей образовали живую многокилометровую стену, чтобы приветствовать руководителя СССР. Однако в назначенный час самолет с Горбачевым на борту в кубинском небе так и не появился. Кубинцы терпеливо ждали, но живая стена уже распалась, так как люди вынуждены были прятаться в тени деревьев от палящего тропического солнца. Температура в тот день была под тридцать. При такой

жаре и повышенной влажности пребывание в течение получаса на улицах большого города небезопасно и для здорового человека. Прилет Горбачева в Гавану задерживался на час, второй, третий... По маршруту следования официальной делегации, освобожденному от движения автотранспорта, зачастили машины «скорой помощи»: встречающие начали падать в обмороки... Если точность — вежливость королей, то визит Горбачева на Кубу начался не по-королевски, с опозданием на три часа. Погода в тот день над всей Атлантикой была летная. После приземления в аэропорту Хосе Марти Горбачев как ни в чем не бывало объяснил журналистам свое опоздание «затянувшимися и очень интересными переговорами» с премьер-министром Ирландии в аэропорту Шеннон. Стоявший рядом Фидель дипломатично отмолчался. То был уже не дружественный визит руководителя братской страны, а демонстрация своей собственной значимости и попытка за счет унижения гордого, независимого народа добиться благосклонности самой мощной и богатой империи мира.

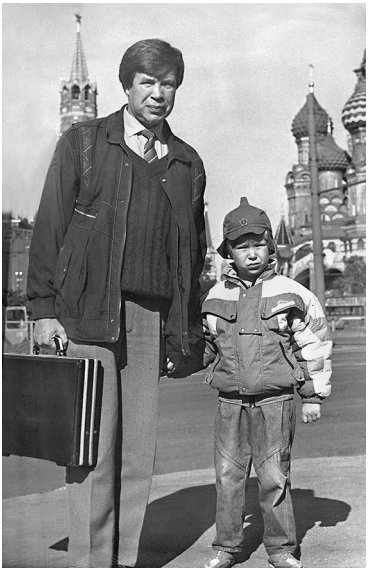
Пишу об этом с полным убеждением, потому что во время визита Горбачева на Кубу было еще одно обстоятельство, по которому можно было предсказать, что Горби, заискивающий перед США, готов предать наших друзей. Перед началом своего визита на Кубу Горбачев по тайным дипломатическим каналам поставил Фиделю условие: визит должны освещать не только советские и кубинские журналисты, но и западные, в том числе журналисты США, причем количество последних не должно ограничиваться. Куба не имеет дипломатических отношений с США, и вот уже десятки лет находится в жесткой экономической блокаде со стороны своего северного соседа. Правительство США официально запрещает своим гражданам выезжать на Кубу, проводить свой отпуск

С дочкой Настей. *1980*

на ее пляжах и тем более иметь с Кубой частные торговые отношения. А тут на время визита Горбачева в Гавану примчалось более трехсот американских журналистов, из которых более половины наверняка были агентами ЦРУ. Во всяком случае, на улицах Гаваны в те дни не было видно американских коллег с блокнотами и микрофонами. Янки разместились в лучшем отеле города «Гавана-либре», который до победы революции на Кубе принадлежал американскому международному картелю «Хилтон», о чем незваные гости напоминали кубинцам при всяком удобном и неудобном случае... В целом визит Горбачева на Кубу закончился безрезультатно и оставил в сердцах друзей Кубы горький осадок.

В творческом плане та командировка на Кубу была для меня удачной. Я укрепил связи с журналистами «Радио Ребелде». Так называлась известнейшая на Кубе радиостанция, основанная во время партизанской войны в Сьерра-Маэстро героем кубинской революции, легендарным команданте Че Геварой. В первый же день моей очередной командировки на Кубу я сделал несколько прямых репортажей для «Радио Ребелде», выступил в передаче кубинского телевидения «Утренний журнал». Вечером того же дня, на приеме в честь советских журналистов, прибывших в Гавану освещать визит Михаила

С сыном Серёжей на Красной площади. *1987*

Горбачева, заместитель председателя Гостелерадио СССР Юшкявичус не переставал удивляться:
— Анпилов — это не журналист, а ракета какая-то! Еду из аэропорта в гостиницу, по авторадио слышу его репортаж о прилете в Гавану хора русской песни «Воронежские девчата». Захожу в гостиничный номер — Анпилов ведет репортаж из Гаванского порта о разгрузке тракторов с борта советского корабля. Включил телевизор — он в прямом эфире рассказывает кубинцам, как ловят речных раков в местах, где родился Горбачев. Выхожу из душа — Анпилов опять в прямом эфире ведет интервью на улицах: чего ждут кубинцы от визита Горбачева... Этак он за один день выработает месячный лимит гонорара!

Действительно, гонорары мне платили немалые. Но для настоящего журналиста это не главное.

Настоящую радость приносила сама работа, сопричастность судьбе героев твоих репортажей, очерков, интервью. Лучше всего об этом говорится в песне Давида Тухманова «Мой адрес — Советский Союз»:

Я там, где ребята толковые,
я там, где плакаты «Вперед!»,
где песни рабочие, новые,
страна трудовая поет...

Если бы у человека была возможность хоть на минуту вернуться в самое счастливое, самое свободное для него мгновение жизни, я бы выбрал минуты осени 1987 года, когда вел репортажи из поезда, мчавшего на комсомольскую стройку газопровода «Уренгой — Помары — Ужгород» добровольцев молодежного отряда имени Юрия Гагарина, набранных из всех советских республик. Их провожали как героев с Ярославского вокзала Москвы, затем в Казани, в Тюмени... Больше других мне понравился «молдавский» вагон. Как и все добровольцы отряда, крепкие, здоровые парни из Молдавии не скрывали, что хотят хорошо заработать на строительстве мощнейшего в мире газопровода. Но им была не безразлична мировая политическая драчка, развернувшаяся вокруг стройки века. США не желали, чтобы Европа подпадала под энергетическую зависимость от поставок советского газа. Президенту США Рональду Рейгану удалось склонить Западную Германию к объявлению эмбарго на поставки труб большого диаметра для строительства сразу нескольких линий трансконтинентального газопровода из приполярного Уренгоя в Европу. Молдаване — народ музыкальный и талантливый. Даже из рыбьей чешуи, зажатой в зубах, они могут извлекать зажигательные мелодии. Бульдозеристы, шоферы, сварщики везли с собой на Крайний Север музыкальные инструменты: скрипочку, гитару, гармошку, небольшие барабаны — кто во что горазд. Они-то и сочинили музыкальный подарок слушателям Московского радио в Латинской Америке. В назначенный час молдавский вагон наполнился слушателями из других советских республик. Я включил микрофон, сказал в него несколько слов по-испански. Грянула зажигательная мелодия молдавского танца жок. Вагон поддержал ритм рукоплесканием. Песня вспыхнула, как огонь:

Газ открыли в Уренгое — гоп, гоп, гоп!
Рейган прыгал в Белом доме — гоп, гоп, гоп!
Не пущает газ в Европу — гоп, гоп, гоп!
Но приедут молдаване — гоп, гоп, гоп!
И трубу им вставят в ж... — гоп, гоп, гоп!

Когда я перевел куплет на испанский, вагон взорвался смехом: испанское грубо-просторечное слово culo понятно молдаванину без перевода. Тут же в вагоне я получил в награду за свой репортаж стаканчик терпкого домашнего вина из Молдавии.

Откуда бы я ни вел репортажи — с трассы БАМа или из самого протяженного в мире строившегося тогда Северомуйского тоннеля, с высоченной горной плотины Нурекской ГЭС в Таджикистане или из охваченной войной Никарагуа, — я искренне считал своих героев самыми важными людьми на свете. Люди чувствовали это и отвечали мне взаимностью.

В Никарагуа у меня случился конфликт с кинооператором только по причине разного восприятия действительности. Приедем, к примеру, на кофейную плантацию в горах. Урожай собирает интернациональная бригада добровольцев из стран Европы и Латинской Америки. У каждого молодого человека за плечами — автомат Калашникова. Работа идет в зоне боевых действий. Возможны вооруженные нападения «контрас». Девушки собирают с колючего кустарника красные зерна кофе. Парни несут полные мешки вниз. От зноя и тяжелой работы все взмокли от пота. Но зато какие прекрасные лица! Каким волшебным светом горят глаза смуглянок!

— Володя, — кричу оператору, — расчехляй кинокамеру! Поднимаемся в гору, «картинка» выйдет что надо!

Володя плотно закрыл все окна джипа «мицубиси», включил кондиционер, откинулся в кресле, поднял ноги в белых джинсах на баранку, надвинул белую кепчонку на глаза, делает вид, что спит...

— Володя! — стучу в окно джипа. — Бесценные кадры уходят. Давай работать!

— Да никуда они не денутся! — отвечает, не поднимая глаз. — Вот они сейчас закончат работу, спустятся все вместе вниз, в тенечек, тогда мы их и «срисуем» на кинокамеру...

Спустя много лет я пришел к выводу, что такое барское отношение к человеку труда помогло переродиться всему корпусу журналистов советского телевидения. Начиная с 1986 года в нашей собственной стране под флагом перестройки и гласности началось тотальное шельмование социализма, изо всех щелей полезли «жертвы сталинских репрессий» — то бишь откровенные враги власти трудящихся.

В июле 1989 года Горбачев с трибуны XIX Всесоюзной партийной конференции официально объявил о переходе страны на рыночную экономику. Давно оторвавшаяся от масс и ненавидевшая трудовой народ верхушка КПСС вмиг перекрасилась из «красных» в «белые». Ведущие средства массовой информации начали информационный террор против собственного народа. Журнал «Огонек» Коротича, еженедельник «Московские новости» Егора Яковлева, телевизионная программа «Взгляд» Влада Листьева буквально соревновались в очернении истории своей собственной страны. Процесс морального разложения народа подпитывался целенаправленным экономическим саботажем. Из розничной торговли вдруг начали исчезать товары широкого народного потребления: табак, стиральный порошок, мыло... Под предлогом «борьбы с пьянством

и алкоголизмом» верхушка правящей партии распорядилась ограничить время и места торговли спиртными напитками, что привело к невиданным очередям за водкой и дикой спекуляции спиртным.

Не проходило и дня, чтобы в печати, на телевидении и радио не смаковались подробности случаев коррупции в системе государственной торговли, продажности государственных чиновников и так далее. «Узбекское» дело, дело директора крупнейшего в Москве продуктового магазина «Елисеевский» Соколова, дело зятя Брежнева и первого заместителя министра внутренних дел Чурбанова — все они следовали одно за другим. Все государственное, все общественное высмеивалось, а частное предпринимательство, индивидуализм преподносились как высшее проявление «общечеловеческих ценностей». Духовным символом горбачевской перестройки стал фильм Абуладзе «Покаяние», в котором «путь к храму» открывался моральным уродам, способным разрыть могилу и выбросить труп собственного отца на городскую свалку.

Пока Горбачев не уставая повторял, что стране нужен «обновленный социализм с человеческим лицом», официальная внутренняя и внешняя пропаганда под руководством члена Политбюро академика Александра Яковлева шаг за шагом превращалась во взрывоопасный антикоммунистический коктейль. Яд антисоветизма отравлял сознание людей, стимулировал межнациональную вражду целых народов, сеял рознь в трудовых коллективах.

Перестройка продолжалась без каких бы то ни было позитивных результатов, и наш высококвалифицированный коллектив журналистов, переводчиков и дикторов системы радиовещания на зарубежные страны все больше походил на театр абсурда.

— Ну зачем вы показываете всему миру свои вонючие язвы?! — возмущался кубинский журналист из нашего отдела Хулио Рамон Менендес. — Кому это интересно? Богатые вас слушать не будут. Они и раньше вас презирали. Бедным людям слушать ваши саморазоблачения еще противнее. Такая «гласность» убивает всякую надежду на лучшую жизнь! Кому это выгодно?

В глобальном смысле перестройка была выгодна антикоммунистам, врагам бедных людей земли. Мракобесы всех стран торжествовали.

У нас на иновещании дело дошло до «очумения». Заместитель председателя Гостелерадио СССР, некто Александр Плевако, в приказном порядке обязал сотрудников «сломать девственность марксистам». На практике это означало — перевести на 92 языка мира и передать на все страны планеты сеансы психотерапии в исполнении Чумака. В отличие от другого шарлатана, по фамилии Кашпировский, Чумак употреблял значительно меньше слов, зато после каждого второго слова он смачно причмокивал губами и многозначительно замолкал на две-три минуты. Перевести скудный запас слов шаманствующего Чумака не представляло труда, но как изобразить его таинственные причмокивания?! Профессиональные дикторы языков хинди, арабского, китайского, суахили, японского старательно чмокали губами на волнах Московского радио, а совокупная пауза Чумака длилась не менее пяти часов в сутки ежедневно. И это при том, что стоимость минуты радиовещания на зарубежные страны обходилась стране не в одну тысячу долларов.

Работать в такой атмосфере стало неинтересно. К тому же коллектив иновещания раскалывался на своих и чужих по национальному признаку. Ярые горбачевцы во главе с американским эмигрантом Владимиром Познером

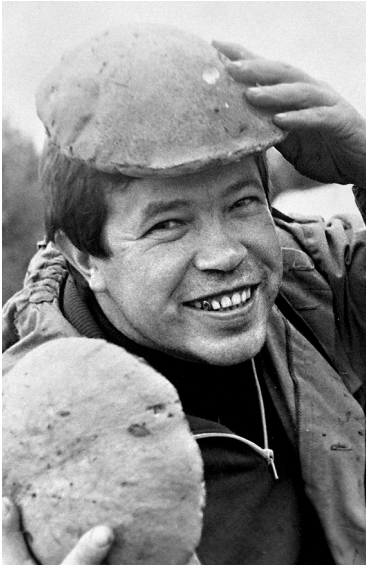

В Карелии. *1989*

В Карелии. *1989*

покидали международное радио, чтобы с телеэкрана продолжать идейную диверсию теперь уже против советских народов. Так поступили Влад Листьев, Евгений Киселев и многие другие работники иновещания. С другой стороны, опытные вдумчивые политические обозреватели, пытавшиеся осмыслить происходящее в стране или тем более подвергнуть сомнению поведение Горбачева или Ельцина, исчезали с экранов национального телевидения. Так исчез Игорь Фесуненко, первый корреспондент советского телевидения в Бразилии, долгое время работавший в Главной редакции радиовещания на страны Латинской Америки. Умный, самостоятельно мыслящий Фесуненко оказался не нужен. Ненужными стали и мои прямые репортажи на испанском языке о жизни в Советском Союзе.

В Карелии. *1989*

Однажды в ходе командировки в Ленинград я подготовил репортаж из однокомнатной квартиры Нины Андреевой, автора знаменитой статьи «Не могу поступиться принципами», и большое интервью с ней. На прослушивание репортажа пришли все творческие сотрудники Главной редакции. Слушали, затаив дыхание. Осторожный Леонард Косичев, только что сменивший на посту главного редактора не выдержавшего перестроечного бардака ветерана Великой Отечествен-

ной Бабкяна Амбарцумовича Серапионянца, покачал головой и сказал:

— Надо посоветоваться.

Не знаю, советовался он или нет, но мой репортаж с участием Нины Андреевой в эфире так и не воспроизвели. Цензура, о необходимости уничтожения которой так много говорили горбачевцы, оказалась сильнее моего личного знака качества.

Еще некоторое время я продолжал работать на Московском радио в свободном, безвизовом режиме. Однако «внутренний редактор» всегда будет сильнее внешней цензуры. Я начал обращаться к слушателям на эзоповом языке, стал скрывать свои мысли от начальства. Вот пример моего репортажа, переданного весной 1991 года по спутнику связи из Москвы для слушателей «Радио Ребельде» в Гаване. Привожу текст по памяти:

«Московское радио приветствует слушателей "Радио Ребельде". Из Москвы по спутнику связи с вами Виктор Анпилов.

В советской столице — чудесная погода. Температура воздуха — плюс десять градусов. Солнечно. Из окна кубинской редакции хорошо виден Московский Кремль. Под весенним солнцем горят золотые купола кремлевских соборов. В голубом небе зависла белая стайка голубей. Хорошо бы в такую погоду погулять по Красной площади. Но надо работать. В самом Кремле, как вы знаете, работали великие люди: Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев. Сейчас в Кремле находится официальная резиденция Президента СССР, автора перестройки и нового мышления для СССР и всего мира Михаила Горбачева. Перестройка идет тяжело, и, наверное, у Горбачева сегодня много работы...

Но не об этом говорят люди на улицах Москвы. В автобусах, в метро все оживленно обсуждают сенсационную

Выступление в Мраморном зале Моссовета

новость, опубликованную в популярнейшей газете "Московский комсомолец". Ее тираж — три с половиной миллиона экземпляров. Вы не поверите! Газета сообщает, что сегодня ночью в Москве, у станции метро "Коломенская", что к югу от Кремля, приземлился неопознанный летающий объект — НЛО. Минуты две "летающая тарелка" переливалась всеми цветами радуги. Затем из нее выдвинулся ярко светящийся трап. Открылась круглая дверь, и из нее по светящемуся трапу на московскую землю сошли инопланетяне небольшого росточка, в зеленых костюмах и огромных розовых очках. Пришельцы из космоса направились к входу в метро, приветливо помахивая руками редким в этот час пассажирам. Люди в панике бросились искать милиционера. Тот, запыхавшись, примчался. Но НЛО уже исчез. Место приземления еще дымилось. Милиционер попробовал дымящийся грунт наощупь — тот был холодным. Образцы грунта

с места приземления инопланетян направлены в Академию наук. Свидетели дают показания специалистам.

Так об этом пишет сегодняшний номер газеты "Московский комсомолец". Сам я у метро "Коломенская" еще не был. Меня удерживает одно любопытное обстоятельство: чем хуже идет перестройка, тем чаще на страницах наших газет и на экранах телевидения приземляются неопознанные летающие объекты.

Из Москвы по спутнику связи для слушателей "Радио Ребельде" — Виктор Анпилов».

Не знаю, правда или нет, но мой кубинский друг, репортер Умберто Браво позднее сообщил мне, что этот репортаж был включен в кубинский учебник по мастерству журналистики. А меня после этого вообще лишили доступа в открытый эфир. Затем закрыли мою передачу по письмам слушателей «Пресс-клуб». Уволить меня из Гостелерадио не могли, так как в 1990 году я был избран депутатом Моссовета и обладал депутатской неприкосновенностью.

Да мне и самому скоро надоело болтаться без дела и беспрерывно курить на лестничных площадках. Я написал заявление об увольнении с работы по собственному желанию.

ДУХОМ ОКРЕПНЕМ В БОРЬБЕ

Лишь тот достоин счастья и свободы,
Кто каждый миг за них идет на бой.

Гете. «Фауст»

Задолго до того репортажа я начал всерьез искать единомышленников. В 1989 году я познакомился с доктором экономических наук Алексеем Алексеевичем

Сергеевым, с доктором философских наук и бывшим главным редактором журнала «Коммунист» Ричардом Ивановичем Косолаповым, Михаилом Васильевичем Поповым из Ленинграда, Владимиром Якушевым и другими учеными-экономистами, учредившими Объединенный фронт трудящихся — ОФТ. Руководителем этой политической организации был избран народный депутат СССР, оператор прокатного стана Нижнетагильского металлургического комбината Вениамин Ярин.

То была первая попытка организовать сопротивление и сорвать быстро вызревавший антигосударственный переворот на территории СССР. Я стал активным членом ОФТ. Но так как это была малочисленная и пока единственная общественная организация, заявившая о своей коммунистической позиции и готовности отстаивать интересы рабочего класса, в нее тут же были засланы провокаторы. Их оказалось больше, чем самих отцов-учредителей ОФТ, они-то и начали подталкивать весь ОФТ к организационной самостоятельности, а активных членов — к выходу из КПСС. В то время стало модным выходить из рядов партии публично, сжигать свои партийные билеты. Так поступили режиссер Театра имени Ленинского комсомола Марк Захаров, экс-чемпион мира по тяжелой атлетике Юрий Власов и другие. Бегство из КПСС поощрялось самим Александром Яковлевым, членом Политбюро ЦК. Одновременно горбачевцы начали беспрецедентное давление на лидера ОФТ Вениамина Ярина. То был великолепный оратор, напоминающий Сергея Мироновича Кирова своей лаконичной, точной манерой излагать мысли. Рабочий от станка, имевший к тому же пусть и незаконченное, но высшее юридическое образование, Вениамин Ярин мог стать центральной фигурой в консолидации рабочего движения. Это прекрасно понимали скрытые и явные

враги рабочего класса в непосредственном окружении Горбачева. Не исключено, что именно поэтому Горбачев назначил депутата Ярина председателем комиссии Верховного Совета СССР по расследованию так называемого «узбекского дела». Во время нашей совместной встречи с рабочими Люблинского литейно-механического завода в Москве я предупредил Ярина о том, что за этим назначением явно стоит намерение «оттащить» его от рабочего движения, не позволить ему стать лидером рабочего класса страны. Ярин обиделся и сказал, что он не мальчишка, чтобы позволить кому бы то ни было «оттащить» его от своего класса.

Вскоре Горбачев посылает Ярина в США «познакомиться с работой американского конгресса». То была высокооплачиваемая командировка. На стодолларовой купюре Ярин написал: «В музей Революции: советские рабочие не продаются». Судьба той купюры, равно как и судьба остальных, полученных Яриным, мне неизвестна. По возвращении Ярина из США Горбачев вводит его в состав президентского совета, ему бесплатно предоставляется просторная квартира в элитном доме по улице Большая Якиманка в Москве. В итоге Вениамин Ярин не состоялся как лидер рабочего движения. В последний раз я видел его 22 апреля 1991 года в Ленинграде на втором съезде Движения Коммунистической инициативы. Сам Ярин тогда отказался от выступления, попросил не избирать его в президиум, но внимательно слушал выступавших, сидя в первом ряду и все время записывая что-то в свой красивый блокнот народного депутата.

Как обычно, я попросил слово для выступления по повестке дня и в своем выступлении констатировал факт превращения Политбюро ЦК КПСС в рассадник предательства, шпионское гнездо злобного антикоммунизма.

Оснований для такого заявления к тому времени было более чем достаточно. Горбачев, развязавший кровавые межэтнические конфликты на территории СССР, получил за это Нобелевскую премию мира. Шеварднадзе ублажил своих покровителей в США безвозмездной передачей американцам огромного газоносного участка Охотского моря. Яковлев возвел антикоммунизм в ранг государственной идеологии и попутно очернил всю историю страны после Октября 1917 года. Даже если в Политбюро и состояли такие люди, как Н.И. Рыжков, О.С. Шенин, Е.К. Лигачев, ставшие впоследствии членами КПРФ, тогда они единодушно поддерживали перестройку и гласность, равно как и горбачевский курс на рыночную экономику, не замечая, что этот курс несет погибель первому в мире государству рабочих и крестьян — СССР. Следовательно, приходилось делать заключение, что все члены Политбюро ЦК вольно или невольно помогали главным предателям.

Прослушав мое выступление, Вениамин Ярин встал и, не говоря ни слова, покинул зал заседаний съезда Коммунистической инициативы. Как стало известно впоследствии, уже спустя несколько часов Ярин лично доложил Горбачеву о нашем съезде как «сборище антигосударственных элементов». Больше мы о нем не слышали...

Из всего состава Съезда народных депутатов СССР на сторону борющихся коммунистов и «Трудовой России» твердо и последовательно встали народные депутаты Вавил Петрович Носов, Леонид Иванович Сухов и Анатолий Макарович Крышкин.

К чести ученых, политическое ядро ОФТ после бесславного исчезновения Ярина не распалось, а почти в полном составе вошло в руководство Коммунистической инициативы. Внутри партии продолжалась (и небезуспешно!) борьба против горбачевщины. Рядовые

коммунисты все настойчивее требовали созыва Чрезвычайного съезда, на котором можно было бы очиститься от предателей. Уступая давлению низов, горбачевское Политбюро вынужденно согласилось на подготовку и проведение Учредительного съезда Компартии РСФСР, чего добивалась Коммунистическая инициатива. Престиж самого Горбачева стремительно падал, в его демагогию уже никто не верил. В США все внимательнее присматривались к другому «могильщику коммунизма» из числа кандидатов в члены Политбюро. Его звали Борис Ельцин. Он уже успел многое: развалил Московскую городскую организацию КПСС, стал лидером московских «демократов» и основным оратором всех антисоветских митингов в Лужниках. И самое главное: Ельцин, пусть и в полупьяном виде, набрался смелости, чтобы на Октябрьском 1989 года Пленуме ЦК КПСС задать Горбачеву вопрос в лоб, не теряющий своей актуальности вот уже 20 лет:

— Пока мы слышим только обещания перестройки, а когда же наступят конкретные результаты, когда наступит улучшение жизни людей?

После этого вопроса дни Горбачева были сочтены. Конгресс США пригласил Ельцина прочесть в Вашингтоне «лекцию» на тему перестройки и гласности в СССР. Нам, рядовым советским коммунистам, предстояла борьба с двойным центром антикоммунизма на территории собственной страны.

Весной 1990 года состоялся Учредительный съезд Коммунистической партии РСФСР. Однако антигорбачевского центра внутри КПСС (за что боролась Коммунистическая инициатива) из этой партии не получилось. Основная масса делегатов съезда представляла не рабочих и крестьян, не низовые партийные организации России, а руководство обкомов, крайкомов пар-

тии, высший командный состав армии и флота, творческую интеллигенцию. Горбачев скрипя зубами принял участие в работе Учредительного съезда КП РСФСР и с кислой физиономией просидел в президиуме, ни разу не выступив. Многие делегаты съезда, успевшие разочароваться в «авторе перестройки и нового мышления для СССР и всего мира», с надеждой посматривали в сторону опального Ельцина. Московская делегация была представлена на съезде «птенцами гнезда Ельцина», откровенными антисоветчиками из числа назначенных им новых секретарей парткомов и райкомов партии. Первым секретарем ЦК КП РСФСР был избран Иван Кузьмич Полозков. На съезде Полозков выступил против очернительства советской истории, и этого было достаточно, чтобы осатаневшая свора московской прессы начала травить его днем и ночью до тех пор, пока Полозков сам не подал в отставку. После него, за несколько недель до антисоветского переворота в августе 1991 года, пост первого секретаря ЦК Компартии РСФСР занял Валентин Купцов, открыто заявлявший о своей поддержке горбачевской перестройки. Хотя тот же Полозков в своем выступлении на Учредительном съезде тоже заявил о поддержке курса на рыночную экономику, что в переводе с языка перевертышей означало согласие с курсом на капитализацию России.

Немногочисленные представители Коммунистической инициативы, которых избрали делегатами от первичных партийных организаций, выступили на съезде. Михаил Попов и Виктор Тюлькин (Ленинград), Михаил Золотов (город Горький), Иван Болтовский (Москва) предупредили коммунистов России о том, что курс на рыночную экономику угрожает самому существованию советского государства и ставит страну в зависимость от мирового капитала.

Борьба на съезде обострилась во время выборов председателя Центральной контрольной комиссии Компартии. Наши предложили съезду избрать на этот пост рабочего из Нижнего Новгорода товарища Бандужу. Наш кандидат открыто заявил съезду, что смысл своей деятельности на данном посту видит в защите интересов рабочего класса и советской власти от любых посягательств. На провокационный вопрос из зала, что он собирается защищать, если классовых интересов как таковых не существует, а есть интересы людей, Бандужа дал достойный ответ:

— Классовых интересов не бывает только в стае обезьян, но как только обезьяна спустится с деревьев на землю и перестанет ходить на четвереньках, у нее пробуждается классовый интерес.

«Демократы» московской делегации долго, напоказ хохотали после ответа рабочего и поддержали самовыдвиженца на пост председателя ЦКК — полковника Столярова. Этот, в отличие от рабочего Бандужи, говорил долго и ни о чем и закончил свою речь в духе Горбачева:

— Для меня нет ничего выше общечеловеческих интересов, вот их-то я и собираюсь защищать на посту председателя ЦКК.

Деклассированный горбачевский подхалим набрал гораздо больше голосов, чем рядовой коммунист из рабочих. Столяров был избран на высокий пост председателя ЦКК Компартии РСФСР, тут же получил повышение в звании и генеральские погоны. На посту председателя ЦКК генерал Столяров бездействовал, а после августа 1991 года окончательно перебежал на сторону разрушителей СССР.

Мне лично не довелось быть делегатом Учредительного съезда Компартии РСФСР. Но в качестве гостя мне удалось установить рекорд по количеству выступ-

лений от микрофона с балкона Кремлевского дворца съездов. Помог опыт бескомпромиссной, жестокой борьбы с «демократами» за слово с трибуны Моссовета, депутатом последней сессии которого я был избран. Я успел обратиться к Горбачеву непосредственно и предупредить съезд о пагубности проводимой тогда политики разрушения основ колхозно-совхозного строя в СССР. Я предложил съезду избрать в состав ЦК стойких ленинцев, а затем, не теряя ни единого дня, приступить к созданию собственных каналов телевидения и радио, собственных газет Коммунистической партии России.

Тогда съезд поддержал те предложения аплодисментами, но практических действий избранного ЦК в направлении борьбы за собственные СМИ коммунистов не последовало. У меня же вконец испортились отношения с начальством. Мои выступления на съезде Компартии РСФСР, где я представлялся не только как депутат Моссовета, но и как комментатор Гостелерадио СССР, вызвали взрыв негодования:

— Кто тебя уполномочил на такие выступления?!

Из всех коллег меня открыто поддержали только собратья по перу из кубинского отдела Анатолий Максимович Черняк да Анатолий Александрович Трусов. Секретарь партийной организации, он же заведующий отделом радиовещания на Чили, Геннадий Сперский советовал «не лезть на рожон, быть похитрее: все еще образуется». «Не лезть на рожон» для меня означало воспользоваться мандатом депутата Моссовета (депутата не имели права уволить с работы) и ничего не делать, так как писать гадости о собственной стране я бы не смог и под пыткой, а писать то, что я думал, мне уже не позволяли. Главный редактор Косичев все чаще и чаще стал намекать на возможность расстаться «по собственному желанию». Что я и сделал. Но до этого я успел учредить и наладить регу-

лярный выпуск газеты для рабочих «Молния», впоследствии печатного органа «Трудовой России».

Своим названием наша газета обязана замечательной традиции советских рабочих — выпускать небольшие настенные сатирические листки, которые оперативно сообщали о героях социалистического соревнования, а также высмеивали лодырей, пьяниц и бюрократов. Такие листки назывались «Молниями». Был соблазн повторить название ленинской «Искры», но уж слишком разнились исторические условия начала и конца XX века. Ленин «разжигал из искры пламя» пролетарской революции, а для того, чтобы остановить зарвавшуюся контру в конце века, нужна была молния, которая била бы предателей в лоб, несла бы людям свет большевистской правды. Меня даже подмывало заменить традиционный для коммунистической печати призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» названием одного из романов писателя Анатолия Иванова: «Молнии бьют по вершинам». В конце концов традиция оказалась прочнее.

Газета «Правда» в то время занимала прогорбачевскую позицию. «Советская Россия» была вынуждена писать эзоповым, не всегда понятным широким массам читателей языком. В условиях, когда все каналы Центрального телевидения оказались в руках антисоветских элементов, даже небольшая, но правдивая газета могла сделать большое дело.

Правда, у меня был уже печальный опыт неадекватного восприятия членами КПСС жесткой, без прикрас, правды. Однажды, еще до Учредительного съезда Компартии РСФСР, меня пригласили выступить перед ветеранами Дзержинского райкома партии. В этом районном комитете на учете состояли в основном коммунисты, сотрудники Комитета государствен-

ной безопасности СССР. Как потом объяснил первый секретарь райкома, бывший командир ядерной подводной лодки Михнович, мне пришлось выступать перед ветеранами советской внешней разведки. Я начал свою речь с очевидных фактов: антикоммунистическая истерия в средствах массовой информации, межнациональные конфликты в Закавказье, нечистоплотная спекуляция на «жертвах сталинских репрессий», взрыв национализма в Прибалтике... Рассказал о том, что премьер Великобритании Маргарет Тэтчер благоволила Горбачеву еще со времен его первого официального визита в Англию, когда он был секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству и успешно провалил Продовольственную программу. Впервые Горбачев приехал в Лондон со своей женой Раисой Максимовной и неожиданно для англичан попросил вместо традиционного посещения могилы Маркса дать ему время походить по магазинам и приобрести «сувениры на память». Английская пресса подсчитала, что тогда чета Горбачевых приобрела «сувениров» на 60 тысяч долларов. «Это наш человек!» — отреагировала на информацию спецслужб Маргарет Тэтчер. Я сообщил ветеранам о том, что главный идеолог КПСС, член Политбюро академик Яковлев личной телеграммой поддержал учредительный съезд ультранационалистического движения «Саюдис» в Прибалтике.

И когда я уже делал вывод о том, что в высшем штабе партии, в Политбюро ЦК КПСС, окопались предатели и враги нашего государства, из первого ряда поднялся ветеран-орденоносец с тяжелой тростью в руках:

— Слушай, сопляк! А ты в атаку на фронте ходил?! А ты сам писал перед боем: «Прошу считать меня коммунистом»?! Да как ты смеешь клеветать на руководство партии?! Вот как дам тебе костылем между глаз, чтоб

в другой раз неповадно было искать врагов не там, где нужно!

Старик с высоко поднятой тростью двинулся на меня, но его задержали другие ветераны, подоспел первый секретарь райкома... Словом, в 1990 году за жесткую правду могли побить и свои.

Однако молча наблюдать за происходящим не было сил. Правда прожигала путь к своей свободе. С планом создания газеты, твердо стоящей на позициях защиты власти трудящихся, я пришел в ЦК Компартии РСФСР. Меня принял инструктор идеологического отдела Виктор Черемных, выслушал и сказал, что дело создания собственных СМИ для партии настолько важно, что нужно добиваться встречи с самим Зюгановым. Я знал, что Зюганов длительное время работал в идеологическом отделе ЦК КПСС под началом Александра Яковлева, но затем опубликовал в «Советской России» две или три статьи против своего шефа: «Архитектор на развалинах», «Уж сколько гневались, а репа не растет»... Отбросив предубеждение ко всякому человеку, имевшему дело с Яковлевым, я согласился на встречу.

Через неделю я входил в затемненный, с кондиционированным воздухом кабинет члена Политбюро Коммунистической партии РСФСР Геннадия Зюганова. Он сидел за большим столом в высоком кожаном кресле и, как мне показалось, очень внимательно выслушал меня, одобрительно кивая лобастой головой в тех местах, когда я увлеченно излагал цель планируемой газеты:

— Время «Молнии» не должно быть долгим, — объяснял я Зюганову. — Пусть маленькая, экономически недорогая газета взломает взращенный «демократами» лед антикоммунизма, чтобы затем в освободившееся пространство «по чистой воде» вошли большие кораб-

С Геннадием Зюгановым в Государственной Думе

ли коммунистической печати — «Правда» и «Советская Россия». А «Молния» пусть погибнет в бою, но скажет народу и коммунистам всю правду, назовет предателей поименно.

Зюганов еще раз одобрительно боднул воздух, торжественно поднялся из своего кресла и пожал мне руку:

— План неплохой. Но надо действовать с умом. Приходите ко мне через недельку, обсудим все спокойно и без эмоций.

Точно через недельку, но уже без внутреннего трепета, я опять нарисовался в кабинете Зюганова.

— Мы тут посовещались и решили направить вас к Антоновичу, — приветливо улыбнулся мне Геннадий Андреевич. — В нашем Политбюро именно он курирует вопросы укрепления партийной печати.

Ивана Ивановича Антоновича, впоследствии, после разрушения СССР, ставшего министром иност-

ранных дел правительства Белоруссии, я к тому времени не только слышал, но и имел неудовольствие полемизировать с ним, если не ошибаюсь, на встрече читателей «Советской России» в Кунцевском райкоме партии Москвы. Выступая на той встрече, Антонович показал себя стопроцентным эпигоном идеи Горбачева по части примата общечеловеческих ценностей над классовыми.

— Мы переживаем глобальный информационный взрыв, и партийная печать, — уверял Антонович, — не имеет права стоять на узкоклассовых позициях, а должна учитывать интересы различных слоев населения, включая интересы религиозно настроенных граждан.

Пришлось напомнить тогда Антоновичу известные слова Ленина о том, что партийная печать не может быть «складом различных идей и мнений», иначе она превратится в вонючую идеологическую свалку, которая отпугнет своим дурным запахом не только рабочий класс, но и всякого мало-мальски грамотного человека.

Член Политбюро ЦК Компартии РСФСР Иван Иванович Антонович встретил меня как давнего приятеля, с распростертыми объятиями. Пришлось, хотя уже совсем без энтузиазма, повторить ему то, что уже говорил Зюганову. Иван Иванович слушал меня не менее внимательно, чем Геннадий Андреевич, а под конец повторил Зюганова почти слово в слово:

— Создание новой газеты — дело архиважное! Здесь надо действовать без лишних эмоций. Лучше семь раз отмерить, чем один раз запороть начатое дело. Приходите через недельку, мы проведем оперативное совещание ответственных работников отдела по этому вопросу.

И Антонович начал крупно писать в своем перекидном календаре, так, чтобы я видел: «Анпилов. Газета “Молния”. Оперативное совещание».

На оперативное совещание в кабинете Антоновича, не считая меня, собралось человек двенадцать. Каждый «ответственный работник» внес существенный вклад в обсуждение представленного мною проекта: где взять деньги и как обустроить материальную базу будущей газеты, где найти штатных работников и кого из известных авторов следует привлечь на общественных началах... Я слушал функционеров, а в памяти почему-то без конца повторялись слова монолога Гамлета:

... Так трусами нас делает раздумье,
И так решимости природный цвет
Хиреет под налетом мысли бледным,
И начинанья, взнесшиеся мощно,
Сворачивая в сторону свой ход,
Теряют имя действия...

После того совещания я прекратил посещения ЦК Компартии РСФСР, но от проекта «Молния» не отказался. Действуя не в ущерб семейному бюджету, я занял в кассе взаимопомощи Гостелерадио СССР 500 рублей (в те времена это был месячный заработок с гонораром хорошо работающего корреспондента) и с помощью директора книжного издательства «Советская Россия» Виктора Ивановича Смирнова купил два рулона газетной бумаги для многотиражки. Затем корреспондент ТАСС Наталья Иванова познакомила меня с товарищем Шелудяковым, первым секретарем Александровского городского комитета КПСС Владимирской области. Шелудяков гарантировал набор и печать первого номера «Молнии» в типографии своего города. В течение трех дней удалось собрать основные материалы для первого номера.

В передовой статье говорилось: «“Молния” — за экономические интересы трудящихся. Однако главная

наша цель — борьба за политические права рабочего класса. Сегодня люди труда вытеснены из "демократических" Советов, отодвинуты от политической власти. В этом — главный источник напряженности и кризиса в обществе. Только с восстановлением политических прав трудового народа общество вернется к гармонии, к творческому созиданию». Спустя много лет мне приятно повторить эти слова. Как учредитель и главный редактор «Молнии» я горжусь тем, что газета осталась верна своему кредо.

В первом же номере «Молнии» член ЦК КПСС доктор экономических наук А.А. Сергеев предупреждал читателей: «Программа "500 дней" академика Шаталина, равно как и президентская программа "Основные направления стабилизации экономики и перехода к рынку", берут курс на реставрацию капитализма через легализацию теневого капитала и допущение эксплуатации человека человеком». Здесь же профессор Сергеев делился с читателями интереснейшими и, как окажется впоследствии, прозорливыми наблюдениями за метаморфозами коммунистического движения в стране: «Хочу сказать, что идет процесс стриптизации отцов экономической перестройки. Они политически оголяются перед партией, перед народом. А наша главная беда заключается в том, что у нас в партийных аппаратах, к сожалению, очень мало людей, готовых рисковать ради коммунистической идеи, а не ради собственной карьеры».

В первом номере были опубликованы статьи рабочего ЗИЛа Василия Шишкарева об опыте борьбы рабочкома цеха МСК-2 за право рабочих участвовать в распределении прибыли предприятия, научного сотрудника НПО «Пластик» А. Коломак «Зри в корень» с разоблачением мифа буржуазной пропаганды о том, что «только собственник может по-хозяйски вести дело».

«Именно гласность в первую очередь обеспечила каждому из нас право бесцензурно и по любому поводу, на любом углу заявлять: “Подайте Христа ради!” И ради этого стоит претерпеть кое-какие временные экономические неурядицы». Такой краткой иронической репликой начиналась рубрика «Телебаты», которую вот уже 18 лет безвозмездно ведет один из лучших современных сатириков России, мой однокурсник и верный друг по факультету журналистики МГУ Виктор Шарков.

«Гражданская поэзия» — еще одна постоянная рубрика, открытая первым номером «Молнии» и привившаяся впоследствии практически во всех оппозиционных газетах России. В первом номере нашей газеты были опубликованы стихи малоизвестного поэта Виктора Кочеткова «Да что ж мы, русские, молчим?!»:

Да что ж мы, русские, молчим
В каком-то горестном смущенье,
Когда уже неотличим
Высокий суд от поношенья,
Когда насмешке отданы
Не обветшалые кумиры,
А мужество во дни войны
И дружество в годины мира,
Когда, крепчая на ветру
Средь нестихающего ора,
Как по бикфордову шнуру
Бежит сухой огонь раздора.

Открывали рубрику «Гражданская поэзия» стихи одного из лучших революционных поэтов конца XX века Бориса Гунько «К тебе, Ильич!»:

За клевету — они дадут ответ —
Лицом к лицу! Не со страниц газет! —

Кровавые прорабы перестройки.
Мы победим! И зорко будем впредь,
С тобой, Ильич, сверять походный компас.
Мы победим! Свобода или смерть!
На том стоим! И в том тебе клянемся!
Как было бы легко меня надуть
И в душу влить сомнения заразу,
Но ленинизм — надежный мой редут —
Спасает и оттачивает разум.
И пусть сегодня горя не объять
И не измерить черной вражьей силы,
Свети, Ильич! Уже поднялась рать,
Уже набат грохочет над Россией!
Уже вершится всенародный суд,
Уже родятся новые герои,
И снова в бой за Родину идут
Корчагины, Матросовы и Зои!
Им нет числа! Они и тут, и там!
Их не купить ни золотом, ни рентой!
И в судный час по праведным счетам
Оплатит нам Иуда все проценты.
И за позор всех этих черных лет,
За клевету — они дадут ответ —
Лицом к лицу! Не со страниц газет! —
Кровавые прорабы перестройки.
Мы победим! И зорко будем впредь
С тобой, Ильич, сверять походный компас.
Мы победим! Свобода или смерть!
На том стоим! И в том тебе клянемся!

Как бы ни складывались впоследствии наши личные отношения с Борисом Гунько, он всегда оставался желанным автором на страницах «Молнии». В рубрике

С Феликсом Чуевым, Вячеславом Марычевым – в Минск на Конгресс народов СССР. *1997*

«Гражданская поэзия» печатались и продолжают печататься стихи самых честных, самых искренних и чистых поэтов России: Феликса Чуева, Ивана Савельева, Валентина Нефедова, Юрия Губаря, ветерана Великой Отечественной войны Ивана Куликова... Последнего по праву можно назвать символом стойкости и верности коммуниста партийному слову. В преклонном возрасте, уже ослепнув, Иван Куликов печатал на своей фронтовой машинке сатирические стихи, косившие «дрянь в лоб, а не пятясь».

Не знаю, хорошо это или плохо, но, начиная с первого номера, мне приходилось писать в каждый выпуск «Молнии» по нескольку статей сразу. Мои литературные псевдонимы: В. Алов, В. Белоглинец, Правдолюб, Обозреватель, В. Иванов, Катюша Минометова... Доходило до курьезов. Однажды секретарь ЦК РКРП Виктор Тюлькин говорит мне:

— Слушай, у тебя в «Молнии» идут очень хорошие статьи за подписью Белоглинца. Ты познакомься с ним поближе и привлеки к партийной работе!

Для первого номера «Молнии» я написал передовую статью, полемические заметки «Взгляд на "Взгляд"», статью о поддержке Ельцина литовскими сепаратистами из «Саюдиса» и комментарий по поводу присуждения Михаилу Горбачеву Нобелевской премии мира, который подписал номером моего партийного билета — 00122122.

Когда директор типографии города Александрова ознакомился с содержанием текстов статей для первого номера «Молнии», он отказался печатать тираж в своей типографии, несмотря на все просьбы и заклинания первого секретаря горкома Шелудякова. Первый номер «Молнии» набирался подпольно по ночам в крошечной типографии Александровского радиозавода, там же был отпечатан первый тираж — 5 тысяч экземпляров. Рано утром 7 ноября 1990 года весь тираж был доставлен на мою квартиру. Я загрузил в туристский рюкзак две пачки по 500 экземпляров и пошел с ними на манифестацию в честь 73-й годовщины Октября, где газета и увидела свет, разлетевшись среди манифестантов в считаные минуты.

Второй номер газеты предложил отпечатать в Щигровском районе Курской области первый секретарь местного райкома КПСС Александр Николаевич Михайлов, впоследствии губернатор Курской области. Я приехал с материалами очередного номера «Молнии» в Щигры, но Михайлова вызвали в Курский обком КПСС, и в ожидании его возвращения, не скрою, я с большим удовольствием слушал, как работники местного Совета вслух читают Открытое письмо рядового коммуниста генсеку: «Нобелевская! За что?», подписанное моим партийным билетом № 00122122: «Куда ведет

советский народ Ваша перестройка, Михаил Сергеевич? В лагерь мироедов или в лагерь беспощадно эксплуатируемых? Мне представляется, что Вы надеетесь оказаться в лагере первых. По крайней мере, идейное стремление — налицо. Но даже этого достаточно, чтобы народы прокляли нас и ввергли цивилизацию в бесконечную череду региональных конфликтов, подобных возникшему в Персидском заливе в год присуждения Вам Нобелевской премии мира.

И, наконец, самое главное. Мира нет и в нашей собственной стране. За время перестройки в результате межнациональных конфликтов уже погибло около тысячи человек, ранено около 9 тысяч, количество беженцев приблизилось к миллиону. Советское общество приведено в состояние озлобленной нервозности, подозрительности друг к другу. Не сегодня — завтра может вспыхнуть гражданская война. Все это произошло в то время, когда Вы, Михаил Сергеевич, занимаете высшие руководящие посты советского государства и КПСС.

Считаю, что комитет по Нобелевским премиям нагло вмешивается во внутренние дела СССР, стимулируя посредством присуждения Вам престижной премии в сотни тысяч долларов дальнейший распад советского государства, основанного Владимиром Ильичом Лениным».

А вообще с Горбачевым я часто пикировался в прессе заочно. Он меня называл «горлопаном с красной тряпкой», я его — «иудой без стыда и совести». Кто из нас был ближе к истине, рассудит история.

Михайлов вернулся из Курска поздно и в плохом настроении: в обкоме посоветовали во избежание неприятностей не связываться с газетой «маргиналов из Коммунистической инициативы». Михайлов позвонил в соседний Горшечный район, где местным Советом руководил несгибаемый бесстрашный коммунист.

Его звали Иван Филиппович. Фамилию, к сожалению, я запамятовал.

— Я читал первый номер «Молнии», — сказал Иван Филиппович при встрече. — Надеюсь, второй будет не хуже первого.

Весь коллектив типографии Горшечного без лишних слов остался работать в ночь. И пока Михайлов, Иван Филиппович и я до третьих петухов с тревогой говорили о грядущей судьбе России, газета была сделана, упакована и готова к отправке в Москву.

В конце ноября 1990 года я успел выпустить еще один тираж. Третий номер «Молнии» печатался в Тольятти, в типографии Волжского автомобильного завода. Директором ВАЗа тогда был Каданников, народный депутат СССР, член Межрегиональной депутатской группы, которой руководил Ельцин. Рассчитывать на понимание директора с такой сомнительной политической подкладкой было бессмысленно. Директор типографии, ветеран Великой Отечественной войны, дал распоряжение набрать и отпечатать газету за одну ночь, чтобы до начала утренней смены и появления на заводе Каданникова вывезти тираж с территории завода. В полночь ко мне подошел дежурный мастер типографии:

— Я подобрал шрифт для названия газеты. По-моему, так будет лучше, — он протянул мне на ладони шесть крупных деревянных литер — «МОЛНИЯ» — в стиле большевистской печати начала XX века. — Это подарок газете от рабочих нашей типографии за статью «Долой команду Горбачева!». Советую вам снять с первой полосы две второстепенные информации и дать статью крупным шрифтом. Такие статьи — событие.

Действительно, после этой статьи популярность «Молнии» стала быстро расти. На мизерный, по сути,

тираж (10 тысяч) я получил массу писем в поддержку заявленной позиции.

Напомню читателям, что статья «Долой команду Горбачева!» была написана в 1990 году, когда высшая партийная и государственная власть в стране, пусть и формально, принадлежала Горбачеву. Вот выводы, которые делались в статье, после обобщения сообщений с мест о требованиях отставки Горбачева: «Межрегионалы пошли ва-банк. Они готовы принести в жертву идола, которого сами себе сотворили и при поддержке которого проводили антинародную политику. Вспомним! Разве не М.С. Горбачев еще на I съезде народных депутатов СССР дал Г. Попову неограниченное время для изложения плана капитализации нашей экономики и при этом поощрял его, находя в каждом постулате тогда еще скрытого, а теперь уже откровенного антикоммуниста и антисоветчика "немало конструктивного"? А разве не Горбачев сконфуженно молчал, когда Афанасьев упивался вульгарным поношением Ленина с трибуны съезда? Нет таким примерам числа...

А потому коммунистов сегодня не устраивают никакие реверансы в сторону М.С. Горбачева, имеющего "большие заслуги в развертывании перестройки". Кровью, страданиями, угрозой массового голода и войны обернулись для советских людей эти "заслуги". И не только Горбачев повинен в этом. Народ видел и знает поименно тех, кто играет в команде Горбачева.

Образно говоря, если Михаил Сергеевич разыгрывающий, то Борис Николаевич — главный забойщик. С помощью Ельцина Горбачев смело идет на изменение общественно-политического строя страны.

Выдающуюся роль в этой команде, безусловно, играет А. Яковлев, разрабатывающий хитроумные операции

по ликвидации КПСС, выхолащиванию ее классового, идейного содержания. В этой же команде играет А.Собчак, в один из самых критических моментов ловко подставивший мозг и язык для спасения провалившихся выборов Президента на II съезде народных депутатов СССР. Здесь же и Шеварднадзе, выражающий с трибуны ООН и других форумов готовность послать наших солдат воевать против Ирака, безо всякого на то согласия народа.

Бунич, Попов, Шаталин, Коротич, Шатров, Заславская... — вся президентская рать обнажила свою антинародную сущность. Дело не в одной или двух личностях. Надо менять команду».

Третий номер «Молнии» с этой статьей готовился специально к открытию отчетно-выборной конференции Московской партийной организации КПСС. Как депутат Моссовета я был в числе приглашенных гостей и к началу регистрации делегатов конференции уже развернул в холле Дома политпросвета на Цветном бульваре пахнущую свежей типографской краской «Молнию». Что тут началось! Газету буквально рвали из рук, и, продавая каждый номер по 20 копеек, я не успевал отсчитывать сдачи. 200 экземпляров испарились среди делегатов партконференции в считаные минуты. Ко мне подлетел депутат Моссовета, бывший первый секретарь элитного Куйбышевского райкома КПСС Николай Николаевич Гончар:

— Слушай, старик, попридержи газетку. Говорят, сюда едет Горбачев, хорошо бы ему вручить номерок!

Узнав, что у меня на руках не осталось ни одного экземпляра, Гончар тут же распорядился выделить мне свою персональную «Волгу», и я помчался из центра Москвы в Солнцево, чтобы забрать из квартиры еще 500 экземпляров. Двести из них, по моему возвращению на

партконференцию, забрал в свой Перовский район Валерий Шанцев, активно способствовавший распространению «Молнии» начиная с ее первого номера, но затем отошедший от коммунистического движения и в конце концов подставивший в качестве вице-мэра Москвы свой недюжинный интеллект Лужкову.

К сожалению, Горбачев на ту конференцию так и не приехал. Зато прибыл Яковлев, которому я и вручил самую популярную газету Московской отчетно-выборной конференции. С трибуны конференции первый секретарь МГК КПСС Анатолий Прокофьев вынужден был оправдываться перед Яковлевым:

— Московский комитет партии не имеет никакого отношения к газете «Молния», а тем более к статье, в ней опубликованной...

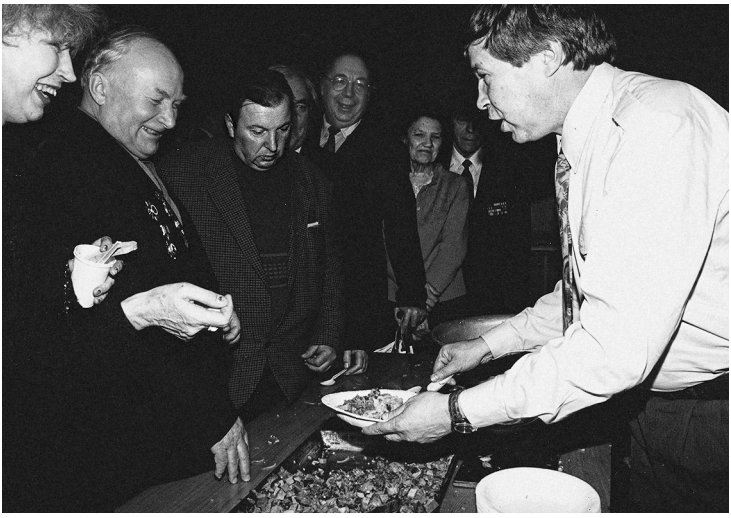
Но дело было сделано, и представьте мою неописуемую радость, когда спустя несколько дней член Политбюро ЦК КПСС и министр иностранных дел СССР Шеварднадзе встал на трибуне IV съезда народных депутатов СССР с «Молнией» в руках, поднял ее над головой и закричал:

— Вы посмотрите, что они пишут! Какие выражения: «Долой клику Горбачева!» Там еще добавляют Шеварднадзе и еще несколько фамилий!

В нашей публикации Шеварднадзе совершенно справедливо заменил нейтральное слово «команда» на более точное — «клика» и, напуганный до неприличия грядущим неминуемым возмездием за принадлежность к этой самой клике, подал в отставку.

А «Молния» осталась на своем посту надолго.

После долгих мытарств по районным типографиям России нам удалось прижиться в сельской типографии в Клепиках, районном городке под Рязанью. Я быстро сдружился с коллективом типографии, который всегда

Праздник газеты «Молния»

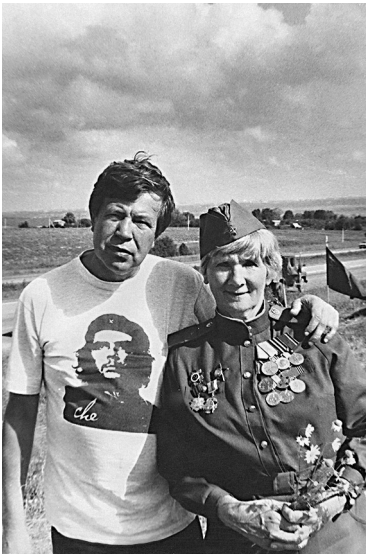
Читатели «Молнии» в Новосибирске

Читатели «Молнии» в Москве

вспоминаю с благодарностью. Газету в Клепиках делали «дедовским» способом: отливали текст для ручного набора на линотипе, набирали и верстали полосы вручную, печатная машина то и дело ломалась. Но печатник, мой тезка Виктор Иванович Смирнов, творил чудеса. Однажды во время печати стотысячного тиража нашего знаменитого номера со статьей «Короли и шестерки августовского путча» порвался главный передаточный ремень печатной машины. Запасных не было. Виктор Иванович, недолго думая, нашел на складе обычную веревку, толщиной сантиметра в три, сделал из нее петлю, затянул на шкивах машины, и печать пошла снова...

Уже после первого номера «Молнии» я получил материальную поддержку читателей. Во втором номере газеты мы открыли рубрику «Финансы “Молнии”», в которой подробно, до каждой копейки, давали отчет, откуда и от кого поступают добровольные денежные пожертвования на газету. Самыми преданными, самыми бескоры-

В пешем походе за СССР.
В. Анпилов и З. Иванова

стными читателями опять стали ветераны-фронтовики. Участник исторической встречи советских и американских солдат на Эльбе в 1945 году Герман Сергеевич Суслонов своими руками изготовил несколько прозрачных коробок из плексигласа для сбора пожертвований на «Молнию» во время митингов, пикетов и сам ежемесячно жертвовал на «Молнию». Ветеран войны Клавдия Николаевна Мевзрешвили (бабушка Клава) привлекла к регулярным сборам средств в фонд «Молнии» всю свою семью: детей, невесток, внуков, правнуков — всего около 25 человек. Значительную помощь газете оказали и оказывают фронтовая семья Страховых из Москвы, снайпер Волховского фронта Зинаида Константиновна Иванова, семья полного инвалида по зрению Юрия Константиновича Агуреева-Орлова, бывшая малолетняя узница немецких концлагерей Лидия Михайловна Каноненко, участник обороны Москвы Зинаида Тихоновна Юркова... Всех не перечислить.

Горячая поддержка читателей подсказала мне проект сбора средств на спутниковое Советское телевидение. Отклик был мгновенным: Краснодар, Новосибирск, Ленинград, Тюмень — откуда только ни откликнулись читатели. Проект поддержала даже Компартия Греции. В Афинах, в типографии ЦК Компартии Греции, специ-

Фронтовые друзья. Зинаида Иванова, Виктор Анпилов, Леонид Рогаль. *9 мая 2006*

ально для кампании сбора средств на Советское телевидение изготовили красочные номерные купоны. Сбор добровольных пожертвований на Советское телевидение набирал обороты, и многим это не понравилось.

Газета «Советская Россия» вместо того, чтобы объединять усилия, объявила, не поставив меня в известность, параллельную кампанию сбора средств на «народное телевидение». Читатели оппозиционной прессы спрашивали, что мы не поделили. Но больше всего мне досталось от «Московского комсомольца». В чем меня только ни обвиняли с его страниц: «Анпилов — пропивает деньги, собранные на Советское телевидение, бабушки «Трудовой России» поверили мошеннику»... Пришлось неоднократно защищать свою честь и достоинство в суде. Судья Ильин из Солнцевского районного суда откровенно подсуживал «Московскому комсомольцу». А вот в Лефортовском суде я выиграл свое

Пикет против газеты «Московский комсомолец»

дело. Закрепил победу в Московском городском суде. Но ответчик нашел покровительство в коллегии Верховного суда России, и мое дважды выигранное дело опять вернули в Лефортовский суд первой инстанции. Судья вызвала меня на собеседование и говорит:

— Виктор Иванович! Вы же здравомыслящий человек. Неужели вы не видите, что плетью обуха не перешибешь?! Зачем вы напрасно истязаете себя, тратите нервы свои и окружающих? Предлагаю оставить ваше дело «без движения». Пока. А там видно будет!

Я согласился. А вскоре и ленинградское руководство ЦК РКРП начало подозревать меня в корыстных намерениях. Проект спутникового Советского телевидения завял сам собой. Пришлось опять сосредоточить свой журналистский потенциал на газете. Я не жалею. И знаю, что даже за одну «Молнию» я буду достоин лежать с «легшими под Красным флагом».

ГОД 1991-й

Где стол был яств — там гроб стоит.
Г. Державин

Если цифровое обозначение года одинаково читается слева направо и справа налево, то этот год, уверяют суеверные люди, несет в себе отрицательную, сатанинскую энергию.

1991 год принес беду советским народам. Мощное, исполинское государство, Союз Советских Социалистических Республик, было предано собственными руководителями и беспощадно уничтожено, уже не без помощи иностранного капитала.

Разумеется, для нас, материалистов, порядок цифр в обозначении года 1991 никакого существенного значения не имеет. К этому времени поступательное, осмысленное развитие общества по направлению к коммунизму прекратилось. После эпохи Сталина, с уничтожением машинно-тракторных станций (МТС), товарно-денежные отношения между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством, не затухали, а, напротив, с каждым последующим годом приобретали все большее значение. Если Владимир Ильич Ленин говорил «Дайте нам 100 тысяч тракторов, и мы перевернем Россию!», то после экономических реформ Косыгина в высших управленческих эшелонах государства начинает доминировать другая идея: «Дайте нам больше прибыли, и мы произведем для вас 100 миллионов тракторов!». Подмена основной экономической цели социализма — удовлетворение постоянно растущих материальных и духовных потребностей людей — погоней за прибылью усиливала роль денег, возбуждала корыстные интересы целых коллективов и отраслей, противопос-

тавляла материальные интересы двух основных классов общества — рабочих и крестьян. С другой стороны, общественная собственность на средства производства — фабрики и заводы, землю и ее недра — диктовала необходимость разумной (по научно обоснованным планам) организации производства и распределения совокупного общественного продукта в интересах всех членов общества. Но вместо того чтобы привлекать к управлению государством миллионные массы трудящихся города и деревни, правящая в стране Коммунистическая партия сама монополизировала функции управления экономикой и распределения совокупного общественного продукта.

Советские обществоведы ввели в обращение два термина, которыми пытались объяснить состояние нашего общества к моменту начала перестройки: «развитой социализм» и «застой». Первый был изобретен, скорее всего, в надежде ублажить и как-то успокоить перед смертью «верного ленинца», доброго Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Однако термин «развитой социализм» антинаучен. Социализм есть переходный исторический период от капитализма к коммунизму, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как диктатурой пролетариата. Так учил Ленин. Но какой толк в бесконечном механическом повторении ленинских цитат без учета ленинской диалектики в понимании необходимости управления общественными процессами в государстве диктатуры пролетариата?

Никогда Ленин не абсолютизировал значение государства, нигде не говорил о «великой России», тем более под властью двуглавого царского орла. Ильич, как, впрочем, и Сталин, был в этом вопросе стопроцентным марксистом. Достойно гибели все, что суще-

ствует! Рано или поздно государство с его границами, тюрьмами, полицией, армией, с его деньгами и с его социальной несправедливостью исчезнет! В том числе исчезнет, отомрет, затухнет и государство диктатуры пролетариата, уступая место царству разума и справедливости — бесклассовому коммунистическому обществу. Путь к отмиранию диктатуры пролетариата (социалистического государства) лежит через ее развитие, через привлечение к управлению государством и всеми общественными процессами все большего и большего количества людей.

«Застой» — более верный термин для характеристики состояния нашего общества перед Горбачевым. Вместо того чтобы привлекать к управлению государством все большее и большее количество людей, правящая партия делала вид, будто признает право рабочих и крестьян на управление страной, а на самом деле приватизировала политическую власть. Причем приватизировала вместе с постыдными для всякого коммуниста привилегиями в виде спецмагазинов с продуктами лучшего качества, поликлиник и больниц с более квалифицированным медицинским персоналом, квартир повышенной комфортности, элитных школ для своих детей и так далее. Огромный партийно-государственный бюрократический аппарат оттеснил массу рабочих и крестьян от управления страной и сам превращался в класс, враждебный рабочим и крестьянам.

В 1990—1991 годах по всей России прокатилась волна шахтерских забастовок. Рабочие требовали покончить с привилегиями партийных чинуш, отстранить их вместе с Горбачевым от руководства страной, передать власть Советам.

Даже академик Сахаров приходил тогда на массовые митинги в Лужниках с плакатом «Вся власть Советам!».

Но скрытые враги советской власти использовали пробудившуюся классовую ненависть рабочих к привилегированному сословию бюрократов в своих целях, для уничтожения всей КПСС. По шахтерским горбам к власти шел Ельцин. Застой (правильнее будет, на мой взгляд, употреблять в этом случае термин «стагнация диктатуры пролетариата») закончился реставрацией частной собственности. Вслед за своими роскошными апартаментами в Плотниковом переулке Москвы партийные бюрократы, государственные чинуши и примкнувшие к ним комсомольские вожаки начали приватизировать банковское дело, нефть, газ и всю систему энергоснабжения страны...

К началу 1991 года всем думающим людям России стало ясно: слом общественно-политической системы идет через расхищение (приватизацию) общенародной собственности. Газета «Молния», признанная к этому времени печатным органом движения Коммунистической инициативы, с первых дней нового года повела борьбу за массы по двум стратегическим направлениям: рабочий класс и армия. Борьба шла далеко не на равных. На стороне «демократов» были все каналы национального телевидения, радио, газеты и журналы; совокупный объем вещания первых переваливал за сотни часов, а общий тираж печатных изданий — за сотню миллионов ежедневно. На нашей стороне — маленькая газетка тиражом 20—30 тысяч экземпляров раз в две недели, листовки разовым тиражом до ста тысяч экземпляров. И это все. Но у нас было то, чего не могло быть у наших врагов: убежденность в правоте нашего дела и неистребимая вера в конечную победу идей коммунизма.

В Москве практически ежедневно к проходным крупнейших заводов — ЗИЛа, АЗЛК, «Шинника», «Шари-

ка», НПО «Молния» и других — выходили наши пикеты, призывавшие трудящихся столицы принять участие в первом Съезде рабочих Москвы. На трубах заводских теплотрасс появлялись надписи типа: «Нет приватизации! Рабочий, гони буржуев на х... !». Одурманенные средствами массовой информации рабочие реагировали на наши пикеты слабо, отмахивались от нас, а иногда и посылали нас самих на три буквы.

Помнится, рабочий металлургического завода «Серп и молот» Владимир Шибаршин пригласил меня на встречу с рабочими своего цеха, обещал хорошую явку. Прихожу — в красном уголке всего два человека. Хоть плачь! Побеседовал с мужиками, а затем решили пройтись по цехам без всяких объявлений, подпольно. Обстановка сразу изменилась. У прокатных станов, рядом с раскаленным металлом, люди работали, сменяя друг друга через каждые тридцать минут. Вот на эти тридцать минут перерыва в курилки набивались все свободные от работы металлурги. Слушали внимательно, не перебивая, сами советовали действовать активнее и быстрее. Такие же полуподпольные встречи, без извещения администрации и профсоюзов, устраивали мне рабочие Владимир Соколов — на электроламповом, Юрий Бирюков — на заводе автоматических линий 50-летия СССР, Петр Скирта — на шарикоподшипниковом № 2, Василий Шишкарев и Юрий Картушин — в цехах ЗИЛа... Такие встречи заряжали энергией как ничто другое.

74 предприятия Москвы послали своих полномочных представителей на первый этап съезда рабочих Москвы, который проходил в кинозале Центрального музея В.И. Ленина в Москве. Мне показалось, что этого мало, однако на самом деле то был успех. Практически не имея средств и аппарата, на одном энтузиазме

нам удалось достучаться до рабочего класса столицы. Московский городской комитет партии вместо того, чтобы поддержать Коммунистическую инициативу, попытался ее перехватить. Второй этап съезда рабочих Москвы проходил в просторном Дворце культуры электромеханического завода имени Владимира Ильича под эгидой МГК КПСС и собрал уже представителей более 500 предприятий промышленности, транспорта, строительства и военно-промышленного комплекса. Устроители обеспечили количество, но не подумали о качестве съезда и предложили рабочим принять резолюцию в поддержку горбачевской перестройки. К тому времени демагогия о демократии и гласности надоела рабочим до тошноты. После дружных, напористых выступлений наших рабочих съезд провалил официальные резолюции, чем мы и воспользовались. Еще до съезда газета «Молния» подготовила и представила редакционной комиссии проекты резолюций против приватизации как главной угрозы целостности и самому существованию советского государства. Проекты резолюций, написанные мною, поддержали руководители Московского ОФТ: В. Якушев, В. Страдымов, В. Губанов — и они прошли «на ура!». То была серьезная победа в борьбе за рабочее движение в новых условиях. Если бы МГК КПСС под руководством своего первого секретаря А. Прокофьева поддержал съезд рабочих и опубликовал его резолюции в газете «Московская правда», общественный резонанс мог получиться ошеломляющим. Увы! Этого сделано не было. В «Московской правде» появился небольшой отчет о съезде рабочих, лишенный всякой страсти и накала борьбы. Газета «Молния» и лично я как ее главный редактор попались на провокацию. По рекомендации руководства Зеленоградским горкомом КПСС (город крупнейших научных центров

страны Зеленоград был оплотом «демократов» в борьбе против советской власти) печать тиража «Молнии» с резолюциями съезда была доверена типографии одного из научных институтов города. Демократы «замылили» тот номер, и он так и не увидел свет. Мне даже не вернули оригинал-макет: украли мою интеллектуальную собственность и до сих пор не возвращают...

И все же проведенный по нашей инициативе съезд учредил Совет рабочих Москвы, выдвинул на передний план борьбы таких несгибаемых, неподкупных лидеров движения, как Николай Васильевич Оводков, рабочий-ветеран завода «Фрезер», Александр Владимирович Рыбаков, машинист электровоза станции депо Москва-Сортировочная, Петр Скирта, токарь шарикоподшипникового завода, и многих иных.

Другим стратегическим направлением стала для нас борьба за коммунистов Советской Армии.

Сегодня, когда тем или иным политическим деятелям приписывается первенство в организации борьбы под Красным знаменем против постыдного курса на колонизацию нашей Родины, позволительно напомнить факты, о которых мало кто знает и помнит. В начале 1991 года «Молния» обратилась к солдатам и офицерам, слушателям военных академий Москвы с призывом выйти на улицы столицы в День Советской Армии и Военно-Морского Флота — 23 февраля. Отдельным тиражом было издано около 50 тысяч листовок с обращением к военнослужащим, предупреждающим их об опасности, нависшей над советским государством и его территориальной целостностью. За месяц до 23 февраля, практически ежедневно, мы стали проводить пикеты под Красным знаменем у военных академий имени Фрунзе, бронетанковых войск, военно-воздушной имени Жуковского. Офицеры последней с тех дней постоянно входи-

ли в состав руководства «Трудовой России». Слушатели военных академий так привыкли к нашим пикетам, что ставили нам в упрек, если мы два-три дня кряду не появлялись у них с нашими листовками и с нашей «Молнией». Настроение офицеров было боевым: надо выходить на улицы и площади Москвы, как выходили солдаты и матросы на улицы Питера в 1917 году.

За неделю до праздника ЦК и МГК КПСС опять перехватили нашу инициативу и заявили о намерении провести 23 февраля свой митинг с участием слушателей военных академий «против кампании очернительства армии, за демократизацию армейской жизни». На мою просьбу предоставить слово на митинге первый секретарь МГК Прокофьев пожал плечами:

— От рабочих слово на митинге будет предоставлено члену ЦК КПСС бульдозеристу Николаеву. Этого достаточно!

23 февраля колонны слушателей военных академий Москвы заполонили Манежную площадь города.

В колоннах вижу знакомые лица, но с трибуны льется все та же тошнотворная патока речей о «необходимости довести до конца дело перестройки». На трибуну нас не пустили, а кричать в мегафон на огромную площадь было бесполезно. Бульдозерист и член ЦК КПСС Николаев выступил неплохо, но в целом партийным бюрократам удалось выпустить пар армейского недовольства горбачевщиной и особенно пересмотром результатов Второй мировой войны в Европе, исключительно в интересах США, Германии и других стран НАТО. Наиболее сознательные офицеры и генералы остались дезориентированными в отношении политики ЦК КПСС. И потому в марте 1991 года, когда на улицах Москвы впервые появилась военная техника, никто не понимал, зачем, с какой целью ввели эту технику в Москву. Тогда тан-

ки и бронетранспортеры с улиц Москвы быстро убрали. А кампания очернения армии средствами массовой информации продолжалась и приняла злобный, истеричный характер.

У Дома Советов. *Сентябрь 1993*

Как показали события августа 1991 года, не только армия, но и остальные силовые структуры — Комитет государственной безопасности, Министерство внутренних дел СССР, — утратившие вместе с политической и классовую ориентацию, оказались недееспособными и не смогли предотвратить крушение советского государства.

Но прежде чем перейти к рассказу об антисоветском перевороте в августе, следует отметить два важнейших события, предшествовавших ему весной того же года.

17 марта 1991 года состоялся Всесоюзный референдум по вопросу сохранения Союза Советских Социалистических Республик как единого государства. Более 70 процентов советских граждан, принявших участие в голосовании, проголосовали ЗА СССР. Результаты Всесоюзного референдума никто не отменял и отменить не вправе. Вот почему «Трудовая Россия» считает все последующие законодательные акты, принятые на основе так называемых «суверенитетов», юридически ничтожными и противоречащими даже действующей Конституции России, согласно которой высшим источником

власти в государстве является ее многонациональный народ. «Трудовая Россия» и я как ее руководитель всегда боролись и будем бороться за возрождение СССР в границах, определенных в 1945 году Потсдамской конференцией держав — победительниц во Второй мировой войне и Хельсинкским совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе 1973 года. Согласно Всемирной Декларации прав и свобод человека, одобренной ООН, никто не может быть лишен гражданства против его воли. А потому сторонники «Трудовой России», выступающие за возрождение СССР, вправе считать себя советскими гражданами и действовать согласно последней советской Конституции 1977 года.

Сторонники Горбачева и Ельцина не признали результатов Всесоюзного референдума от 17 марта 1991 года, и они не имеют никакого морального права называть себя «демократами». В конце марта проигравшие Всесоюзный референдум «демократы» объявили о намерении провести в Москве манифестацию в поддержку Ельцина и «суверенизации» России. С учетом только что прошедшего Всесоюзного референдума цели манифестации противоречили выраженной воле народа и пока еще действовавшей Конституции СССР. Всегда трусливый по своей натуре Горбачев подписал Указ президента СССР о запрете массовых шествий и манифестаций в пределах Садового кольца Москвы. Однако никаких указаний КГБ, МВД о пресечении незаконных действий «демократов» не поступило, и они наплевали на указ Горбачева, на действующие законы и вывели на Садовое кольцо стотысячную манифестацию. После этого Горбачев затих и лишь изредка себе в утешение говорил о Ново-Огаревском процессе, необходимости обновленного Союзного договора, но его слова уже никто всерьез не воспринимал.

Летом 1991 года президент Ельцин, не без помощи председателя Верховного Совета РСФСР Хасбулатова, форсировал изменение действовавшей Конституции России, введение в нее нового Союзного договора, без какого бы то ни было обсуждения парламентом. К августу 1991 года на политическом теле Горбачева проступили трупные пятна, и он поехал лечиться в Крым на роскошную президентскую дачу в Форосе...

19 августа 1991 года в Москве был сформирован Государственный комитет по чрезвычайному положению, в который вошли вице-президент Янаев, премьер-министр Павлов, министр обороны Язов, председатель КГБ Крючков, министр внутренних дел Пуго — практически все высшее государственное руководство страны, а также секретари ЦК КПСС Шенин и Бакатин. Из видных общественных деятелей в ГКЧП вошел только народный депутат СССР, председатель Агросоюза Василий Стародубцев. В официальном заявлении ГКЧП говорилось о том, что чрезвычайное положение в стране вводится с целью спасения государства и недопущения анархии. Утром в Москву, подчиняясь сигналам дорожного движения и останавливаясь на красный свет светофоров, со скоростью пять километров в час вошли танки и другая бронированная техника. Никаких конкретных указаний об аресте Горбачева или Ельцина не поступило. Цели и задачи ГКЧП оставались неясными с первых и до последних минут его существования. Единственным понятным актом ГКЧП в глазах общественности стал запрет выпуска ряда газет и журналов — «Московского комсомольца», «Известий», «Московских новостей», «Огонька», скомпрометировавших себя антигосударственной пропагандой.

Однако «демократы», как выяснилось, были готовы к этому, и к вечеру 19 августа по всем станциям москов-

ского метро были расклеены чрезвычайные выпуски всех запрещенных газет. Словно в насмешку, а скорее всего по сговору, Государственное телевидение без конца транслировало в эфир балет Петра Ильича Чайковского «Лебединое озеро». Москвичи, ничего не понявшие в происходящем, бросались читать настенную «демократическую» прессу с еще большим желанием, чем обычно. Ничего не прояснила пресс-конференция членов ГКЧП, транслировавшаяся в прямом эфире по всем каналам национального телевидения. Бледный, с трясущимися руками, Янаев с испугу брякнул, что он «мечтает еще поработать вместе с Горбачевым». Сам Горбачев не воспользовался правительственной связью (то, что у него такая связь была, депутатам с фактами в руках доказал председатель Моссовета Н.Н. Гончар) и предпочел выжидать, когда гэкачеписты арестуют Ельцина, чтобы самому вернуться в столицу на белом коне. Впоследствии выяснилось, что группа «Альфа» КГБ СССР прибыла в загородную резиденцию Ельцина, но, не имея приказа о задержании, отпустила его восвояси в Москву. Одновременно к Дому правительства Российской Федерации (Белый дом) начали стекаться сторонники Ельцина, антисоветские элементы и просто зеваки, выгуливавшие своих собак. Вокруг Белого дома возникли хилые, показушные баррикады.

К вечеру 19 августа удалось обзвонить большинство членов Совета рабочих Москвы и принять обращение к трудящимся столицы СССР. 20 августа документ был опубликован газетой «Советская Россия». Вот полный текст написанного мной Обращения:

«Совет рабочих Москвы призывает трудящихся столицы сохранять выдержку и спокойствие в условиях чрезвычайного положения. Нет сомнений в том, что те же крикуны, которые вчера требовали: “Долой Горбаче-

ва!", сегодня начнут призывать рабочих к неповиновению и политическим забастовкам.

Рабочие! Давайте отпор анархистам, сторонникам капитализации нашей страны, подпевалам спекулянтов и мафиози. Напоминаем, что съезд рабочих Москвы выступил против курса на приватизацию, против антинародной политики Горбачева—Ельцина. Отстранение Горбачева от власти остановит сползание нашего общества к ничем не ограниченной профашистской диктатуре. Заявление ГКЧП продиктовано заботой о сохранении Союза Советских Социалистических Республик, стремлением прекратить братоубийственную войну, развязанную безответственными политиканами. Призываем трудящихся Москвы, Ленинграда, Нижнего Новгорода, Краснодара, Томска, Ижевска и других городов, где состоялись съезды рабочих, приступить к реализации решений съездов. Избирайте рабочие комитеты и советы рабочих по контролю деятельности администрации. Создавайте рабочие дружины по охране общенародной собственности, поддержанию общественного порядка на улицах наших городов, контролю над выполнением указов и распоряжений Государственного комитета по чрезвычайному положению.

Отстоим наше социалистическое Отечество!

Нет — анархии!

Да — созидательному труду во имя благосостояния всех советских людей.

Совет рабочих Москвы. 19 августа 1991 г.»

Вечером 20 августа собрался Совет рабочих Москвы, одобрил опубликованный «Советской Россией» документ и принял решение через МГК КПСС обратиться в ГКЧП с требованием немедленно арестовать Горбачева и Ельцина и ввести в состав ГКЧП рабочих «от станка», способных остановить дальнейшее разграбление собст-

венности народа. Совет рабочих рекомендовал ГКЧП назначить председателем Комитета народного контроля зиловского рабочего Василия Шишкарева. В два часа ночи 21 августа делегацию Совета рабочих Москвы принял в своем кабинете член Политбюро ЦК и первый секретарь МГК КПСС Прокофьев. Он уезжал на встречу с руководством ГКЧП и обещал донести до него наши требования. Прокофьев возвратился на Старую площадь к пяти утра и сообщил рабочим, что ГКЧП благодарит их за поддержку, но вводить рабочих в состав ГКЧП «нет надобности». Стало очевидно, что никаких шагов в сторону восстановления власти рабочих и крестьян в стране ГКЧП предпринимать не будет.

На второй день своего существования ГКЧП начал разлагаться. В нарушение приказа министра обороны СССР маршала Язова на сторону Ельцина перешли танки генерала Лебедя. Пользуясь безнаказанностью, ельцинисты блокировали и подожгли оставшиеся без командиров броневые машины пехоты. Один из членов экипажа БМП был сожжен заживо в подземном пересечении Садового кольца с Калининским проспектом. Два «защитника» Белого дома погибли в давке, еще одного погибшего от пулевого ранения неизвестного происхождения привезли с Арбата. Радиостанция «Эхо Москвы» непрерывно передавала в эфир сообщения о «кровавых злодеяниях гэкачепистов в Москве».

После бессонной ночи весь день 21 августа я вместе с Владимиром Якушевым готовил экстренный выпуск «Молнии». Предполагалось расклеить газеты по станциям московского метро и хоть как-то противодействовать провокационным слухам, циркулировавшим по столице. К полудню в абсолютно безлюдной редакции журнала «Профсоюзная жизнь», находившейся по соседству с огромным зданием КГБ СССР, был сверстан ори-

гинал-макет нашей газеты. Якушев непрерывно названивал в управление экономической безопасности КГБ с просьбой выделить нам ксерокс и бумагу на тысячу экземпляров газеты. Из управления генерала Шибаршина бесстрастным голосом робота отвечали: «Ждите указаний! Ждите указаний!». Часа через два неизвестный робот посоветовал нам убраться подальше от здания КГБ и больше их не беспокоить.

К вечеру у памятника Дзержинскому появилась машина со стационарной звуковой установкой. Еще через некоторое время мы заметили здесь главного редактора еженедельника «Московские новости» Егора Яковлева и заместителя председателя Моссовета Сергея Станкевича. Затем к памятнику Дзержинскому начала стекаться полупьяная толпа. Подкатили тяжелые краны, и под улюлюканье толпы памятник Рыцарю Революции был повержен.

Утром следующего дня радиостанция «Маяк» передала сообщение о том, что в квартиру министра внутренних дел СССР с командой неустановленных лиц ворвался известный «демократ» Григорий Явлинский и что вроде бы Борис Карлович Пуго вместе с супругой покончил жизнь самоубийством. Причем в голове министра и его супруги было обнаружено несколько пулевых отверстий. Без возбуждения уголовного дела по факту самоубийства на следующий же день чета Пуго была кремирована... В тот же день мы узнали о «самоубийствах» маршала СССР Сергея Ахромеева и управляющего делами ЦК КПСС, ответственного за финансы партии Кручины. 23 августа 1991 года «победители», действуя по сценарию фильма «Покаяние», раскопали могилу маршала Ахромеева, украли маршальский мундир и оставили труп воина Великой Отечественной войны рядом с осквернённой могилой...

Члены ГКЧП бросились в Форос просить прощения у Горбачева. А вернулись оттуда в наручниках. Ельцин выступал с брони одного из танков Лебедя, торжествуя пиррову победу над советской властью. У Белого дома бесновалась толпа. Вице-президент Руцкой стрелял из своего пистолета в воздух. Хазанов ругался матом в услужливо подставленные микрофоны, и все это транслировалось в прямом эфире на всю страну...

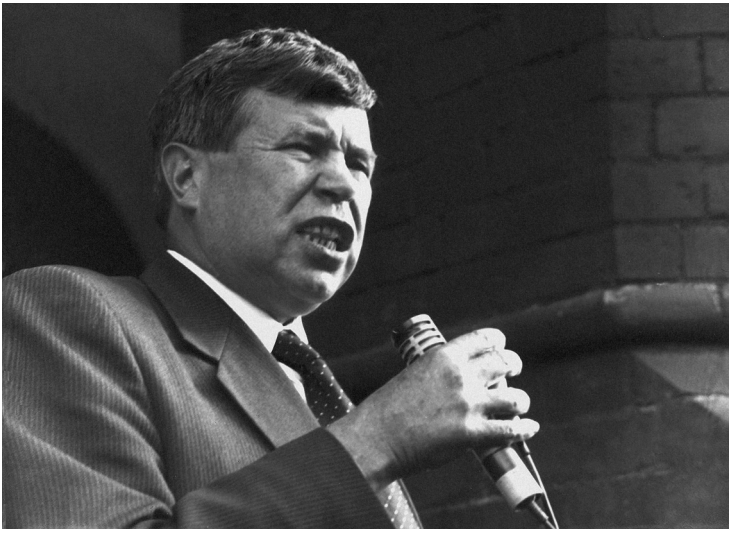
24 августа в малом зале Дома политпросвета Гавриил Попов устроил чрезвычайное заседание Моссовета, которое больше походило на фашистский шабаш. «Анпилова — в петлю! Повесить! Повесить!» — кричали мне в лицо Осовцев, Боксер, Дейнеко и другие «коллеги по демократическому Моссовету». Гавриил Попов поставил в повестку дня вопрос о лишении депутатской неприкосновенности первого секретаря МГК КПСС Прокофьева и аресте командующего войсками Московского военного округа генерала Малинина. Прокуратура Москвы возбудила уголовное дело по факту публикации в «Советской России» написанного мною Обращения Совета рабочих Москвы к трудящимся столицы СССР. До сих пор не могу понять, как у меня хватило сил выступить на той сессии в защиту Прокофьева и Малинина. Скорее всего, у меня уже выработался здоровый инстинкт политической борьбы, согласно которому лучший способ защиты — нападение.

Спровоцированный выступлением ГКЧП в августе 1991 года антисоветский переворот еще долго нуждался в идеологическом оформлении со стороны победившей «демократии». Ельцин не осмелился сразу объявить о реставрации капиталистических порядков в России. Формально Горбачев продолжал числиться президентом, но над Кремлем рядом с Государственным флагом СССР уже подняли триколор Белой гвардии Колчака, Деникина, Врангеля и генерала Власова.

В первых числах сентября началась бешеная атака «демократов» на Мавзолей и Центральный музей Владимира Ильича Ленина.

Новодворская, Собчак, Старовойтова и другие требовали перезахоронить тело вождя пролетарской революции, разрушить Мавзолей. Первыми на защиту Мавзолея поднялись ветераны Великой Отечественной войны и Совет рабочих Москвы. Уже к середине сентября мы организовали круглосуточную народную охрану Мавзолея. Были изготовлены десятки плакатов «Руки прочь от Мавзолея!», выписки из решения ЮНЕСКО о том, что Мавзолей Ленина является достоянием всего человечества, и даже цитаты из Ельцина о том, что Ленин — самый гениальный человек в истории человечества. Подстрекаемые прессой фашиствующие элементы рвали те плакаты из наших рук и плевались бешеной слюной на ветеранов Великой Отечественной войны, ставших в «живую цепочку» защиты музея и Мавзолея Ильича. Вместе с нами против готовящегося акта вандализма выступили сотни тысяч простых людей труда в России и за рубежом. В наш штаб, занимавший одну комнату в здании по проезду Куйбышева, рядом с Красной площадью, ежедневно поступали десятки писем и телеграмм в поддержку нашей борьбы. По воскресным дням число участников пикета возрастало до полутора тысяч человек, и мы начали проводить у Мавзолея Ленина открытые партийные собрания коммунистов и сочувствующих. Каждое такое собрание начиналось с вопроса, есть ли среди присутствующих члены ЦК КПСС или ЦК Компартии РСФСР. Таковых не объявлялось. Однажды среди случайных прохожих я заметил Геннадия Зюганова. Догнал его уже в подземном переходе от Красной площади до Охотного ряда:

— Геннадий Андреевич, пожалуйста, подойдите к ветеранам войны! Ободрите их! Скажите, что ЦК действует и не допустит вандализма в отношении Мавзолея.

У музея Ленина. *2005*

Краткий ответ Зюганова я запомню на всю жизнь:

— Виктор! — сказал он обреченно. — Мое время еще не пришло!

Еще долго Зюганов искал свое место в борьбе, а нам, рядовым коммунистам, пришлось самостоятельно готовить восстановительную конференцию партийной организации города.

2 октября 1991 года в Доме культуры «Чайка» такая конференция состоялась. Волею коммунистов на ней была восстановлена Московская организация коммунистов — МОК, руководить которой после альтернативных выборов товарищи доверили мне. В качестве ближайшей задачи было намечено проведение 7 ноября манифестации трудящихся Москвы в честь 74-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. На более отдаленную перспективу ставилась задача подготовки и участия в проведении восстановительной

конференции Коммунистической партии Советского Союза.

Должен признать, что по второму вопросу я лично совершил ошибку и признаю свою вину перед рабочими России. Дело в том, что если до августа 1991 года мы в Коммунистической инициативе боролись за создание и укрепление Коммунистической партии РСФСР как антигорбачевского центра внутри КПСС, то после августа 1991 года надо было всеми силами защищать именно КПСС. К сожалению, я поддался на уговоры Михаила Попова (Ленинград), Сергея Крупенько (Новосибирск) и поддержал курс на учреждение Российской коммунистической рабочей партии — РКРП.

В начале декабря в Свердловске состоялся Учредительный съезд РКРП, от которого ленинградские товарищи (Тюлькин, Терентьев, Долгов, Попов) оттеснили принципиально верное движение Нины Андреевой за Всесоюзную Коммунистическую партию, в потенциале способное предотвратить дробление всего общего движения. Драгоценное время для сохранения единой коммунистической партии было потеряно.

В октябре 1991 года партийная номенклатура еще пряталась по щелям, а мы уже вовсю готовились к манифестации 7 ноября. Массовым тиражом до 100 тысяч экземпляров были выпушены две листовки, которые призывали коммунистов и трудящихся города выйти на улицы Москвы вопреки запрету на проведение шествия, который издал мэр Москвы Гавриил Попов. Интерес москвичей к той манифестации был огромен. Наши листовки буквально рвали из рук. Еще бы! Впервые после 70 лет советской власти листовки звали не подчиняться властям и выйти на улицы. По нашим оценкам, на улицы Москвы 7 ноября могло выйти до 50 тысяч человек. Московские власти были вынуждены снять

запрет и разрешили проведение манифестации по запутанному маршруту: через Москворечье, до Красной площади, не далее. За день до манифестации, 6 ноября, Ельцин в надежде запугать нас подписал свой указ о запрете деятельности КПСС и КП РСФСР.

На следующий день под Красное знамя встало не менее 100 тысяч человек.

7 ноября 1991 года в неравной борьбе с предателями советской власти родилась массовая общественно-политическая организация с гордым именем «Трудовая Россия».

Когда мощная, решительная колонна «Трудовой России» взошла на Москворецкий мост, все увидели, как милиция спешно убирает барьеры, преграждавшие вход на Красную площадь. Ничто и никто — ни мэры, ни президенты — не смогли бы остановить нас. Путь на Красную площадь был открыт! Ликование охватило колонны. Участники манифестации обнимались, кричали «Ура!», десятки тысяч душ выдохнули в едином порыве: «Ленин! Сталин! Социализм!».

В этот момент ко мне подбежали офицеры из комендатуры Кремля:

— Виктор Иванович, вы откуда будете выступать — с Мавзолея или прямо с площади?

Подниматься на трибуну Мавзолея было неловко. Реальной власти у нас нет, а от великого до смешного — всегда один шаг. Посовещавшись с организаторами, членами Совета рабочих Москвы, решили открыть митинг без всяких трибун, с брусчатки Красной площади. Необычно волнующе прозвучали куранты Кремля, и наши первые слова слышались как клятва верности тем, кто не щадя жизни боролся за советскую власть и отстоял ее в первой смертельной схватке человечества с мировым злом — фашизмом. Выступив сам, я слушал

7 ноября 1991. Манифестация на Красной площади

товарищей, повторяя про себя слова поэта, обращенные к борцам, захороненным под Красным знаменем у Кремлевской стены: «Тише! Товарищи, спите! Кто ваш покой отберет?! Встанем, штыки ощетинивши, с первым приказом: вперед!»

В тот день пусть и не столь многочисленные, как в Москве, манифестации трудящихся состоялись во Владивостоке, Тюмени, Ленинграде... Организованно, с революционной статью прошла в тот день манифестация в Краснодаре, где коммунистов и сочувствующих вывел на улицы Виктор Даньяров, пассионарный трибун, по убеждению и страсти вселявший в каждого, кто его слышал, непоколебимую веру в торжество нашего дела. Даже после смерти такие, как Виктор Даньяров, остаются в рядах «Трудовой России».

После ноябрьской манифестации в Москве очнулась армия. В армейских кругах все чаще и настойчивее тре-

бовали ответа на вопрос, что происходит с территориальной целостностью страны, с какой целью и почему высшее политическое руководство страны соревнуется, кто быстрее и больше сделает Западу односторонних уступок: Горбачев или Ельцин?..

В конце ноября 1991 года в Кремлевском Дворце съездов состоялось Всеармейское совещание офицеров, от которого ждали многого. «Трудовая Россия», как могла, подготовилась к встрече офицеров, прибывавших со всех концов Союза. По обе стороны главной дорожки Александровского сада, начиная от Могилы Неизвестного солдата до Кутафьей башни Кремля, выстроились наши сторонники: ветераны войны и труда, рабочие. Получился своего рода народный «почетный караул». Люди держали в руках государственные флаги СССР, флаги родов Вооруженных Сил и Военно-Морского Флота СССР. Когда участники совещания подошли от гостиницы «Москва» к нашим рядам, небольшой духовой оркестр «Трудовой России» грянул «Прощание славянки». Офицеры сжимали кулаки, в наших рядах заплакал кто-то из женщин...

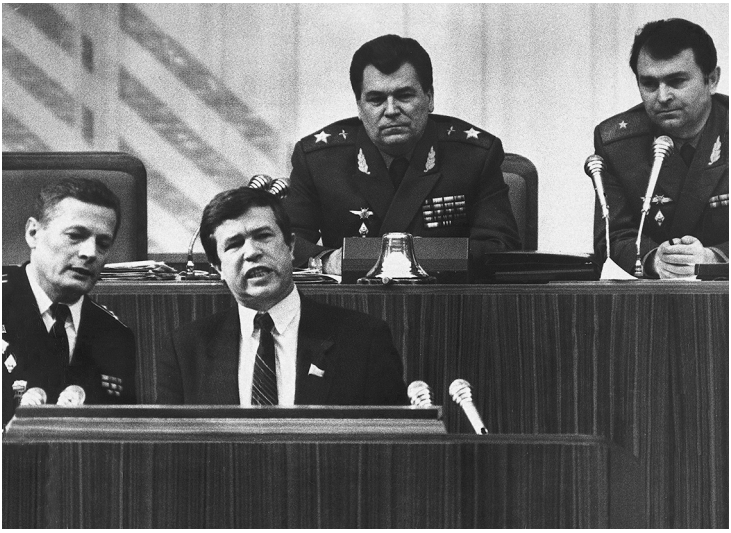
Вместе с народным депутатом СССР Вавилом Петровичем Носовым я прошел в Кремлевский Дворец съездов. Огромный зал на пять с половиной тысяч человек переполнен. Почти автоматически замечаю, что младших офицеров в зале практически нет: все больше генералы, адмиралы, полковники... Плохой знак! В президиуме — теперь уже последний министр обороны СССР маршал авиации Шапошников. Рядом, в новенькой генеральской форме, — Столяров. Помните? Борец за «общечеловеческие интересы», избранный председателем Центральной контрольной комиссии ЦК КП РСФСР и ни словом не обмолвившийся по поводу указа Ельцина о запрете деятельности КПСС и

КП РСФСР. Столяров молчал как вяленая рыба, отрабатывал генеральские погоны. В президиуме появились Ельцин и Назарбаев. Никто не встал, никаких аплодисментов не слышно. Хороший знак! В своем выступлении Ельцин не сказал тогда ничего конкретного о дальнейшей судьбе армии. Он даже чем-то стал похож на Горбачева, только «под мухой» был или с сильного «бодуна». Выступление Назарбаева оказалось прагматичным, он высказался за сохранение единых Вооруженных Сил и явно дал понять, что Казахстан выступает против расторжения Союзного договора, да еще за спиной Казахстана... Видимо, Назарбаев знал о готовящемся сговоре «демократических славян» в Беловежской Пуще. Развернувшиеся на Всеармейском совещании прения вращались вокруг да около главного вопроса: быть или не быть СССР. Депутат Носов начал выталкивать меня к микрофонам в зале. Прошу слова от микрофона. Шапошников и Столяров делают вид, будто не замечают. Сидевший рядом со мной генерал вдруг крикнул:

— Анпилов, вперед!

Это был приказ, и я двинулся к главной трибуне Дворца съездов. Представился депутатом Моссовета, капитаном запаса, успел сказать несколько фраз:

— Товарищи офицеры и генералы! Как военные люди вы не могли не заметить сегодня, что над Кремлем подняты два знамени. Одно, с серпом и молотом, символизирует единство армии и народа, готовность солдата защищать социалистическое отечество до последней капли крови, это символ нашей Победы. Другое, трехцветное, символ неминуемого поражения офицеров, выступающих против своего народа. Трехцветный флаг — символ измены военной присяге во время боевых действий, совершенной генералом Вла-

Всеармейское совещание офицеров. На трибуне Дворца съездов. ***1991.***
Фото Майи Скурихиной

совым. Товарищи офицеры, сегодня, не покидая этого зала, вы должны сделать выбор...

Больше я ничего не успел сказать. Шапошников отключил у меня микрофон. Какое-то время я еще продолжал говорить, не понимая, что в зале меня уже не слышат. Шапошников сделал знак, к трибуне подошел блестящий офицер в морской форме и прошептал:

— Вас никто не слышит!..

Обернулся к президиуму — генерал Столяров смотрел на меня глазами высушенной воблы... С горечью от собственного бессилия я покинул зал заседаний Всеармейского совещания офицеров, а там пошла рубка. За пособничество развалу Вооруженных Сил СССР выступавшие требовали привлечь к трибуналу Верховного Главнокомандующего Горбачева, а заодно спросить и с Ельцина, куда он повел страну. Маршал Шапошни-

ков вертелся, как уж на сковороде, защищая то одного, то другого. Наконец один из выступавших предложил подать в отставку самому Шапошникову.

— Я и сам уйду! — заявил маршал и направился к выходу.

Какой хороший был знак! Увы!.. Наперерез Шапошникову бросился мой друг, народный депутат СССР Носов:

— Куда?!! — заревел по простоте душевной северного крестьянина Вавил. — Так каждый из нас бросит порученное дело, и что со страной будет?! Мы маршалами бросаться не будем. Назад!

И Шапошников, прислушавшись к «голосу народа», вернулся на свое место в президиуме — и, соответственно, остался в кресле министра обороны СССР. Впрочем, сидеть ему там предстояло недолго. Позже совместная борьба выявила истоки крестьянской непоследовательности моего друга Вавила Носова. В июне 1992 года, во время акции «Осада империи лжи» в Останкино, он был жестоко избит дубинками ОМОНа. После, сидя у меня дома, Вавил, постанывая, ощупывал свои раны и приговаривал:

— Это мне голову разбили за то, что я голосовал за Горбачева, а этот синяк на плече — за Ельцина!..

В середине декабря 1991 года, уже после Беловежской Пущи и развала СССР, «Трудовая Россия», верная интернациональному долгу с первых дней своего существования, поднялась на защиту командира Рижского ОМОНа Сергея Парфенова. Офицер советской милиции Сергей Парфенов вместе с подчиненными ему бойцами ОМОНа организовал сопротивление антисоветскому, националистическому мятежу в Риге. Не получи латвийские сепаратисты прямой поддержки от перерожденцев в Политбюро ЦК КПСС типа Яковлева, Латвия оставалась бы совет-

ской. Придя к власти в Прибалтике, недобитые последователи Гитлера бросили за тюремную решетку командира Рижского ОМОНа Сергея Парфенова, а затем и первого секретаря ЦК Компартии Латвии Альфреда Рубикса. Вместе с другими патриотами «Трудовая Россия» осадила пикетами посольство Латвии в Москве, требуя немедленно освободить героя советской милиции. С этим же требованием в конце декабря мы провели митинг в центре Москвы. Резолюцию митинга мы принесли для передачи Ельцину к Спасским воротам Кремля. Впервые на моей памяти Спасские ворота Кремля закрылись перед народом. Никто к нам не вышел. Клеймя «демократов» позором, люди начали расходиться. Я тоже пошел к штабу «Трудовой России», находившемуся по соседству на улице Куйбышева. И уже взялся за ручку входной двери, когда за моей спиной резко затормозил военный автобус, из которого высыпал взвод омоновцев. Под душераздирающие крики наших женщин они сбили меня ударами дубинок по ногам на землю, затащили в автобус и бросили на пол ничком. Машина рванулась с места. Трое или четверо здоровенных бугаев, усевшись на меня верхом, дружно подпрыгивали и крушили мне ребра своими свинцовыми задами. Задыхаясь от грязи и боли на полу автобуса, я делал выводы: «Если булыжник оружие пролетариата, то полицейский зад — оружие буржуазии». В полубессознательном состоянии меня доставили в 118-е отделение милиции города Москвы, что на улице Горького (теперь Тверская). В то время я уже был достаточно узнаваем, и никому не приходило в голову спрашивать у меня партбилет, чтобы убедиться в моей принадлежности к коммунистам. А тут я сам предъявил мандат депутата Моссовета. Дежурный по отделению офицер отказался составлять протокол о задержании, заявив: «Пусть протокол составляет тот, кто отдал приказ о задержании

депутата». Выяснилось, что приказ отдал генерал Управления внутренних дел Москвы Довжук и что он едет в отделение милиции.

Мне стало плохо. Как определит впоследствии судебно-медицинский эксперт, у меня были сломаны ребро и правая ключица. Вызвали «скорую помощь». Врачи, напуганные событиями недавнего августа, дали мне болеутоляющее средство, но моя просьба зафиксировать побои осталась без ответа. Приехал генерал Довжук, и меня повели к нему в кабинет следователя. У меня перед глазами еще плыли круги, и лицо генерала я не запомнил. Помню только длинное кожаное пальто да несвязную речь:

— Вы что, думаете, нам легко?! Да у нас эта война законов вот где сидит! — генерал похлопал себя почему-то по ляжкам. — А я тоже коммунист! Партбилет у меня в сейфе лежит...

Здесь я не выдержал и заговорил с палачом на языке Трудовых резервов времен моей юности:

— Слушайте, генерал! Придет время, и таких «коммунистов», как вы, положат у параши, а подтираться вы будете своим партийным билетом!

После обмена «любезностями» уже через пару минут я подписал протокол о моем задержании. По факту задержания и избиения депутата прокуратура Москвы возбудила уголовное дело, которое в конце концов было оставлено «без движения», хотя следствие легко установило всех исполнителей преступного приказа генерала Довжука, даже тех, кто ломал мне ребра тяжелыми полицейскими задницами.

Солидарность коммунистов и всех честных людей России вырвала Сергея Парфенова из застенков латышской тюрьмы, но лично мне так и не удалось поздравить его на свободе.

А в тот день меня самого отпустили не по милости генерала Довжука, а потому, что уже через несколько минут после моего задержания к 118-му отделению милиции пришли сотни людей, требуя освободить депутата. Людмила Власкина, Якушев, Валерий Скурлатов встретили меня на пороге отделения милиции и проводили до штаба «Трудовой России». Туда, за информацией из первых рук, уже примчалась вездесущая Майя Скурихина, легендарный фотокорреспондент газеты «Правда», впоследствии ставшая большим другом «Трудовой России» и ее газеты «Молния». После фотосъемки и беседы с Майей, забыв о переломанных ребрах, я поехал подбодрить пикетчиков «Трудовой России», вставших на защиту укрывшегося в посольстве Чили бывшего руководителя Германской Демократической Республики — Эриха Хоннекера.

После того как Горбачев в одностороннем порядке перечеркнул Потсдамское соглашение держав — победительниц во Второй мировой войне и сдал ГДР на милость капитала Западной Германии, вскормившего в свое время Гитлера, бывший руководитель ГДР и выдающийся деятель международного коммунистического движения Эрих Хоннекер был вынужден остаться в качестве эмигранта на территории Советского Союза. Семья Эриха Хоннекера после уничтожения ГДР эмигрировала в Чили, где к тому времени кровавый Пиночет был отстранен от власти, а вернувшиеся в страну политические деятели не скрывали своей благодарности за гостеприимство на территории ГДР во время их собственной вынужденной эмиграции.

Можно только представить себе, что пережил престарелый, больной Хоннекер, когда на его глазах разрушался Советский Союз! Ведь он по праву считал СССР своей второй Родиной. В 1938 году, скрываясь от пресле-

дований гитлеровских нацистов, молодой антифашист Эрих Хоннекер эмигрировал в Советский Союз. Наравне со всеми он работал на ударной комсомольской стройке Магнитогорского металлургического завода, жил в обычном рабочем общежитии. Теперь, когда Эриха Хоннекера нет среди нас, уместно напомнить, что он искренне любил советских людей и был верен им до последнего удара сердца.

Желая перещеголять Горбачева в глазах немецких властей, Ельцин отказал Эриху Хоннекеру в праве на политическое убежище. «Трудовая Россия» не сомневалась: в любую минуту иммунитет чилийского посольства, в котором укрылся Эрик Хоннекер, мог быть нарушен, и послушный воле президента спецназ выкрадет антифашиста, чтобы сдать его режиму Германии.

Последние дни уходящего 1991 года мы провели в круглосуточных пикетах у посольства Чили в Вешняках. Здесь же, сменяясь через каждые шесть часов, постоянно дежурили два автобуса с вооруженными спецназовцами, готовыми по первому приказу штурмовать здание посольства. «Трудовая Россия» в количестве 20—30 человек, греясь по ночам у костров, бессменно стояла у ворот посольства.

Конечно, тогда, в последние дни 1991 года, у ворот посольства Чили нас в любую минуту могли смять превосходящие силы противника. Но вместе с нами у посольства Чили круглосуточно дежурил немалый корпус иностранных журналистов. Все понимали: советские коммунисты не сдадут Эриха Хоннекера без боя. А проливать кровь на глазах всей мировой общественности Ельцин еще не решался. И вся интрига — по крайней мере, у ворот посольства Чили — заключалась в том, кто упорнее, кто сильнее духом: советские ком-

мунисты или полиция на службе у предателей. В ночь перед Новым 1992 годом, впервые за две недели противоборства чести и национального достоинства, с одной стороны, и вероломства и гнусной подлости — с другой, к воротам посольства с внутренней стороны подошел чилийский дипломат с большим термосом в руках. На мой вопрос, заданный на испанском языке, как себя чувствует наш друг, дипломат кратко ответил по-русски, чтобы все слышали:

— Ваш друг чувствует себя лучше. Он просил передать всем вам русское «спасибо». Скоро он будет в Сантьяго-де-Чили. А это вам — новогодний подарок от сотрудников нашего посольства!

С этими словами дипломат открыл термос — и в зимнем московском воздухе взорвался аромат настоящего кофе из Латинской Америки. То был самый горячий, самый человечный, самый вкусный глоток кофе в моей жизни.

ВЕЧЕ

Из десятков, если не сотен митингов, шествий, пикетов и других массовых выступлений трудящихся России в защиту своих экономических прав, за восстановление советской власти наиболее мощным и организованным в Москве было Вече народов России 17 марта 1992 года.

Прошел всего год со дня Всесоюзного референдума, на котором советские народы однозначно высказались за сохранение Союза Советских Социалистических Республик. Съезд народных депутатов СССР никто не распускал. Де-юре действовала норма Союз-

ного договора от 30 декабря 1922 года, закрепившая добровольный Союз Советских Социалистических Республик. Беловежский сговор Ельцина (Россия), Шушкевича (Белоруссия) и Кравчука (Украина), вероломно осуществленный за спинами народов Казахстана, Азербайджана, Грузии, Армении, Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, Молдавии и других советских республик, никто всерьез не воспринимал. Популярность идеи возрождения СССР была огромной.

Стихийный митинг на ул. Горького.
23 февраля 1992

В начале 1992 года «Трудовая Россия» выдвинула лозунг о созыве Съезда народных депутатов СССР и проведении одновременно со съездом Вече советских народов в Москве.

«Если мы разрешим коммунистам провести съезд и так называемое вече в центре Москвы, — писал в те дни московский мэр Попов в «Московском комсомольце», — то они соберут огромную толпу, изберут главу государства и на своих плечах внесут его в Кремль». К дипломированному перевертышу можно относиться по-разному, но нельзя отказать Гавриилу Попову в проницательности, умении в нескольких словах выразить политическую суть явления. Конечно же, при условии широкой поддержки масс — 200—250 тысяч человек,

В. Анпилов: слово В. Жириновскому. *Октябрь 1992*

Первый спор с В. Жириновским на телеэкране. *1995*

участников Вече, — Съезд народных депутатов СССР мог взять на себя всю полноту власти в стране, включая назначение главы государства и предание суду изменников Родины.

С отключенным электричеством, при свечах, Съезд народных депутатов СССР состоялся в подмосковном поселке Вороново. В поддержку депутатов в тот же день в центре Москвы, на Манежной площади, собралось около полумиллиона человек. Однако опасения Гавриила Попова оказались напрасными. Все закончилось шумными речами на митинге, «ушло в свисток», как говорят в народе. Почему так произошло? Почему был упущен уникальный шанс восстановления СССР? Конечно, после драки кулаками не машут, однако извлекать уроки из поражений необходимо. Попытаемся восстановить события с самого начала.

Сразу после Нового года в штабе «Трудовой России», что на проезде Куйбышева, по инициативе ее руководства состоялось совещание с группой народных депутатов СССР. Присутствовали депутаты Макашов, Носов, Умалатова, Голик, Крайко, Крышкин, Сухов. «Трудовую Россию» представляли Р.И. Косолапов, В.М. Якушев и автор этих строк. Мы предложили депутатам взять на себя инициативу по созыву Чрезвычайного съезда народных депутатов СССР и подписать соответствующее Заявление. Депутаты Голик, Крайко сразу же заявили, что это провокация, которая может закончиться кровопролитием, призвали других депутатов «отказаться от глупой затеи уличных маргиналов» и покинули совещание.

Вот, пожалуй, первый урок на будущее: надо было действовать по-ленински — лучше меньше, да лучше! Нельзя всерьез воспринимать совещания, комитеты и всякие «координационные советы», если в их работе

участвуют ваши политические противники, пусть даже и бывшие. Депутаты Голик и Крайко входили в состав Межрегиональной депутатской группы, формальным лидером которой был Ельцин, духовным лидером — академик Сахаров, а тайным идейным вождем, скорее всего, — член Политбюро ЦК КПСС Яковлев. Рабочий с Украины, таксист из Харькова Леонид Сухов, постоянно разоблачавший на Съезде народных депутатов СССР «царские амбиции» Горбачева, поначалу также входил в «межрегионалку», но он вовремя разобрался в ее антисоветской сущности и вышел из этой группы задолго до событий августа 1991 года. А депутаты Голик и Крайко оставались в «осином гнезде» до последних дней советской власти.

После того как эти двое покинули совещание, у оставшихся депутатов не оставалось сомнений: надо подписывать Заявление о созыве Чрезвычайного съезда народных депутатов СССР. Я набросал краткий проект Заявления. Ричард Иванович Косолапов отредактировал текст. Кто подпишется первым?.. «Трудовая Россия» настаивала на том, чтобы первым поставил свою подпись наш товарищ, член исполкома «Трудовой России» и член ЦК РКРП генерал-полковник Макашов. Но Альберт Михайлович неожиданно для меня включил задний ход:

— Не могу! Я и так в каждой бочке затычка: чуть что против власти — Макашов уже там. Я устал дразнить гусей!

Начали обсуждать другие кандидатуры. Рабочие Леонид Иванович Сухов (Украина) и Анатолий Макарович Крышкин (Казахстан) справедливо полагали, что первым документ должен подписать депутат от России.

— Я готов! — не колеблясь, заявил Вавил Петрович Носов (Коми АССР).

Среди участников совещания произошло замешательство: по-крестьянски чистый и беспредельно преданный своему народу, Вавил Петрович не был широко известен и кроме того, как он сам признавался, иногда голосовал за людей, того не заслуживающих.

— Семь бед — один ответ! — рассмеялась Сажи Умалатова и первой поставила свою подпись под документом, став таким образом председателем Оргкомитета по подготовке и проведению Чрезвычайного съезда народных депутатов СССР. Вслед за Умалатовой поставили свои подписи Макашов, Носов, Сухов и Крышкин.

Умалатова приобрела широкую известность и любовь народа после того, как на Съезде народных депутатов потребовала от Горбачева подать в отставку. В отличие от Носова, который сам, с гармонью в руках, агитировал за себя на берегах Печоры, гордая чеченская красавица Сажи Умалатова была избрана народным депутатом СССР по партийному списку КПСС, или, как тогда говорили, «по списку черной сотни Горбачева».

На момент подписания Заявления Оргкомитета по созыву Съезда народных депутатов Сажи Умалатова не входила ни в одну из существовавших на тот момент коммунистических партий или движений и не поддерживала их: ни ВКП(б), ни РКРП, ни «Трудовую Россию». И когда после отказа Макашова лидирующая роль «упала» в руки Умалатовой, надо было предвидеть, что долго вне партии она не протянет. Как ни один человек не может оставаться вне политики, так и любой политический деятель не может быть «независимым», вне партии. Рано или поздно «независимые» определяются со своей партийной принадлежностью или же сами создают партию под себя, чтобы открыто выражать интересы того или иного класса. Так и произойдет впоследствии с Сажи Умалатовой. Она создаст «Партию Мира и Согласия»

и открыто заявит, что стратегическая цель ее партии — поддержка президента России Путина.

После подписания Заявления распределили обязанности. Оргкомитет во главе с Умалатовой созвал Съезд народных депутатов СССР, «Трудовая Россия» обеспечила съезду массовую поддержку, провела в день открытия съезда Вече советских народов и делегировала на съезд народных представителей тех депутатов, которые не захотели участвовать в работе съезда. По прошествии десяти лет я думаю, что такое «распределение обязанностей» прошло по порочному элитарному признаку: «благородную», высокоинтеллектуальную работу делают немногие избранные, а черновая работа в массах достается фанатикам-добровольцам. Теория «элит», в том числе «национальных элит», порочна, так как изначально несет в себе проклятое семя раскола на «своих» и «чужих».

На следующий день, уже без всякого участия «Трудовой России», депутаты Крайко и Голик «передумали» и вошли в Оргкомитет Чрезвычайного съезда народных депутатов СССР по согласованию с Умалатовой. Более того, учитывая, что Крайко был, если не ошибаюсь, доктором или кандидатом юридических наук, Умалатова доверила ему подготовку проектов решений съезда. Группа подготовки решений была расширена за счет привлечения других ученых неопределенной политической ориентации. Подготовка съезда и вече велась практически раздельно. «Трудовая Россия» издавала листовки, агитировала в Краснодаре, Ростове-на-Дону, Тюмени, Владивостоке, в Балакове Саратовской области за избрание народных представителей с мест взамен тех, кто отрекся от звания народного депутата СССР и отказался ехать на съезд.

Интересную, как мне представляется, работу на свой страх и риск вел Вавил Носов. Он был одер-

жим идеей, подсказанной нам Гавриилом Поповым: избрать на Съезде народных депутатов Президента СССР, утвердить избранную кандидатуру на Вече советских народов и на плечах народа внести избранника в Кремль. Вавил наметил две кандидатуры на пост главы государства и начал их «обрабатывать», иногда для пущей убедительности привлекая меня. Первым в списке Вавила стоял народный депутат СССР, командующий Военно-Морским Флотом адмирал Чернавин. Десятки раз Вавил ходил на прием к адмиралу, но тот своего согласия выдвигаться на пост главы государства не давал. Наконец Вавил привел к адмиралу меня. Поговорили. Чернавин считал, что в тот момент ему следовало не о президентстве думать, а о том, как спасти от раздела Черноморский флот. Я напомнил адмиралу поговорку: снявши голову, по волосам не плачут, давая понять — не восстановив державу, мы не только не спасем единый Черноморский флот, но и пустим по ветру остальной Военно-Морской Флот России. Адмирал не согласился со мной и в Съезде народных депутатов СССР не участвовал.

Вторым кандидатом в Президенты СССР Вавил Петрович наметил тогда не менее известного народного депутата. Даже сейчас я закрываю глаза и вижу залитую мартовским солнцем тропинку, ведущую к новому зданию Академии Генерального штаба Вооруженных Сил на юго-западе Москвы. Впереди бодро шагает Вавил. Я — за ним, со своими сомнениями:

— Как же так, Вавил Петрович?! Мы зовем генерала встать во главе и повести народ к восстановлению советской власти, а Ельцин уже доверил ему пост начальника самой престижной военной академии в мире?! Неужели и впрямь без генералов никак не обойтись?

Вавил даже не оборачивается на мои сомнения:

— Иди, иди! Сейчас сам увидишь, что это за генерал!

Действительно, торжественная галерея парадных портретов блистательных полководцев от Суворова до Жукова, мимо которой мы прошли в кабинет начальника Академии Генштаба, настроила на серьезный лад. Генерал Игорь Родионов торжественно и в полном молчании жмет нам руки. Загадочный взгляд в потолок, и все ясно: много говорить нельзя. Но Вавил Петрович в этом кабинете уже не в первый раз и шепотом, способным пробудить от вечной спячки мамонта, пересказывает сценарий избрания Президента СССР. Родионову приятно слышать свое имя в числе кандидатов на этот пост. Да еще под номером один. Генерал, бывший когда-то командующим Закарпатским военным округом, встает, идет в дальний угол своего огромного кабинета к сейфу. Возвращается с сияющей улыбкой:

— Чача! Самая что ни на есть натуральная!

Генеральская чача действительно хороша. Вавил Петрович продолжает рисовать картину народного вхождения в Кремль во главе с генералом Родионовым. Генерал помалкивает и знай подливает чачу. После третьей стопки огненного зелья Петрович доходит до самого сокровенного: «арест предателей СССР».

Генерал молча наливает «стременную», еще раз бросает многозначительный взгляд на потолок, а затем — на выход: пора и честь знать!.. Никакого толку от наших заигрываний с генералами не вышло. Как это ни печально, но приходится признать, что весь генералитет СССР к 1991 году переродился, а если и шагнул вперед генерал Рохлин, то тот шаг ему стоил жизни...

Утром 17 марта 1992 года в холле гостиницы «Москва» — толчея невероятная: народные депутаты, народные представители, сторонники «Трудовой России» — с

красными флагами, патриоты — с андреевскими, богомольные старушки с иконками и, как всегда, очень много серьезных спортивного вида молодых людей с отсутствующими взглядами. Последних больше, чем всех нас вместе взятых. Это бывшие офицеры КГБ, перешедшие на сторону Ельцина, но все еще выходящие на задание с партийным билетом члена КПСС в кармане. Неожиданно людей в холле поубавилось...

— А ты что здесь стоишь?! — налетел на меня Виктор Даньяров, избранный на съезд народным представителем от Краснодарского края. — Тебя все наши обыскались. Съезд состоится в Подмосковье. Автобусы отходят через пару минут!

Вместе с Даньяровым бежим к Васильевскому спуску Кремля и едва успеваем на последний автобус в Вороново. Пока выезжаем за пределы Москвы, на душе копится неприятный осадок: «Почему Умалатова не предупредила о том, что местом проведения съезда будет Вороново? Неужели «элитная» группа Крайко намерена отсечь от участия в съезде народных представителей?»

К сожалению, мои предчувствия оправдались. Предложение «Трудовой России» — признать полномочия и наделить правом решающего голоса народных представителей, прибывших на съезд вместо народных депутатов СССР, отказавшихся участвовать в его работе, — не прошло и даже не было поставлено на голосование. Естественно, для такого огромного съезда, каким был Съезд народных депутатов СССР, кворума не хватило. К тому же весь пафос выступлений на съезде сводился к жесткой критике Горбачева, что было уже бесполезно: «мавр» сделал свое дело, и его «ушли» за ненадобностью. Даже отключение электроэнергии во Дворце культуры в Вороново, где проходило заседание съезда,

не отрезвило народных депутатов. Ругань в адрес Горбачева и других предателей СССР продолжалась. Вавил Носов безуспешно пытался прорваться на трибуну с идеей избрания главы государства и назначения силовых министров СССР, слова Носову так и не дали. Съезд «при свечах», как его окрестили журналисты, явно не оправдывал чаяний масс. С первым же автобусом я возвратился в Москву.

Настроение было прескверное. Иду от гостиницы «Россия» по Красной площади к Манежу, а сердце сжимается в недобром предчувствии: «А вдруг и на вече народ не придет?! Зачем было собирать народных представителей, тратить средства на их проезд? Зачем вообще ты полез с этой идеей вече? Да, в старину на Руси это было красиво: в трудную минуту, когда князь не мог решить вопросы войны или мира в одиночку, бил вечевой колокол, звал народ на совет. И все, кто способен был держать в руках оружие, пахать землю, ковать мечи, шли с равным, как и у князя, голосом решать судьбу народа. И выступали старцы на вече не для того, чтобы блеснуть пустословием перед электоратом, а для того, чтобы всем и каждому стало ясно, за что он будет голосовать. И наступал миг, когда каждый творил историю и должен был решить, на какую сторону встать, по правую руку от князя или по левую. Сам князь мог стать только на сторону большинства народа. Вече — высшее выражение общинного, коммунистического духа русского народа, лучшее доказательство того, что в развитии демократических форм управления обществом Древняя Русь намного опережала деспотические режимы Запада».

Чем ближе я подходил с этими мыслями к Манежу, тем сильнее нарастал шум людского моря. Я ускорил шаг... Сработала! Идея вече сработала! Какая радость!

На площадь вышло не менее 500 тысяч человек! Сердце рвется из груди навстречу каждому, кто узнает тебя, улыбается, пожимает тебе руку, приветствует издали поднятым над головой кулаком... Разум работает четко, усталости как не бывало. Чуть позже подъехали депутаты, участники Чрезвычайного съезда народных депутатов СССР. Сажи Умалатова радовалась, как дитя:

— Какие вы молодцы, «Трудовая Россия»! Это же сколько народу пришло?!

Прозвучал Гимн СССР, и мы все вместе поднялись на трибуну. Сажи доложила народу о том, что Съезд народных депутатов не признал позорного Беловежского сговора, избран Постоянный Президиум Съезда народных депутатов СССР. А в это время мой друг Вавил Носов толкал меня в спину:

— Будешь выступать, предложи избрать президентом Макашова.

Вопрос был явно не подготовлен. Я ни разу не говорил с генералом на эту тему. Альберт Михайлович мог расценить такое предложение как провокацию, и я от него во время выступления на вече отказался.

Ни до, ни после оппозиции не удавалось вывести столько людей на улицы, сколько их вышло 17 марта 1992 года. Люди ждали от Съезда народных депутатов восстановления органов государственной власти СССР и призыва к вооруженной защите этой власти. Съезд не сумел ответить чаяниям народа. А потому после съезда в рядах оппозиции начались дробление и борьба за лидерство. Не имея реальной власти, Постоянный Президиум Съезда народных депутатов во главе с Сажи Умалатовой взял на себя функцию награждения советских граждан орденами и медалями СССР, присвоения звания Героя Советского Союза, а также воинских званий, вплоть до генерала армии. Массовые награждения орде-

нами и раздача генеральских погон противопоставляли офицеров запаса действующему офицерскому корпусу и девальвировали в итоге советские ордена, включая боевые. Сама Сажи Умалатова по-прежнему держалась вне партий, хотя и принимала участие во всех крупных шествиях и митингах, проводившихся в Москве под Красным знаменем.

Помнится, в Кировской области принимала меня семья коммунистов, где дочь, студентка Кировского педагогического института, поделилась со мной наблюдениями за московскими митингами и задала вопрос:

— В основном на ваших митингах собираются бедные люди. Выступает Анпилов, говорит о том, что нищета в России станет еще отвратительнее, если трудящиеся, то есть бедные люди, не возьмут власть в свои руки. Выступает Сажи Умалатова. Критикует Ельцина. Тоже правильно! Но у нее — соболья шуба до пят, и как-то не вяжется это с интересами бедных людей. Скажите, Виктор Иванович, что у вас с ней общего?

Я не знал, что ответить студентке. Сажи говорит, что она сама, своими руками шьет себе платья. И это здорово! Но неужто она и собольи шубы себе сама тачает?!.

После аморфного Съезда народных депутатов СССР в Вороново активизировалась русская национальная идея. Группа депутатов Верховного Совета РСФСР во главе с Ильей Константиновым заявляет о создании Фронта национального спасения — ФНС, и целая команда членов ЦК РКРП и Исполкома движения «Трудовая Россия» — генерал Макашов, генерал Титов, профессор Косолапов, Якушев — не поставив в известность ни свою партию, ни движение, вошла в руководящие органы ФНС. На очередном съезде РКРП в Челябинске Московская организация РКРП, являвшаяся политическим ядром всего движения «Трудовая Россия», ставит вопрос

об исключении нарушителей партийной дисциплины из партии. Съезд РКРП поддержал мою инициативу. В дальнейшем все исключенные из РКРП товарищи вошли в КПРФ Зюганова и заняли там видное положение.

Это был первый раскол. Он отрицательно сказался и на самой «Трудовой России». В наших рядах началась бесплодная дискуссия по национальному вопросу. Хотя большевики устами И.В. Сталина, заявившего: «Для нас рабочий вопрос — выше национального», — казалось бы, раз и навсегда поставили точку в этом вопросе. Непримиримая борьба «Трудовой России» против грабителей и эксплуататоров трудового народа под лозунгом «Смерть предателям СССР!» снискала ей огромную популярность в народе. Зная это, националисты лезли в наши ряды, как мухи на сладкое. И откуда только у них берутся деньги на издание бесчисленной «антижидовской литературы», поносящей Октябрьскую революцию, Ленина, интернационалистов и все советское с еще большей злобой и ненавистью, чем это делали в своих книгах Волкогонов, Яковлев и прочие? Но хуже всяких книг была и до сих пор остается зараза, которую националисты разносят по умам шепотом: «А ты знаешь, Анпилов — полукровка, сам признался!», «слушай, в руководстве «Трудовой Россией» — одни жиды!», и т.д. и т.п.

Второй раскол, произошедший практически одновременно с первым, нам навязывали под националистическим соусом, но уже при явном содействии со стороны новых властей. В середине апреля 1992 года в Большом мраморном зале заседаний Моссовета (сама «Трудовая Россия» к тому времени и по сегодняшний день ютится по нежилым подвалам) состоялось учредительное собрание «Трудовой Москвы». Готовилось это собрание втайне от исполкома «Трудовой России»,

мы приняли решение участвовать в нем в последний момент. Практически все организаторы были представлены в президиуме: лидер ФНС Илья Константинов, будущий член ЦК КПРФ Евгений Доровин, генерал Титов, лидер Союза офицеров Станислав Терехов, депутат Моссовета по списку «Демократической России» Сергей Белашов и еще ряд неизвестных мне личностей. Среди них были люди, возможно, и уважаемые. С некоторыми из них мы поддерживаем союзнические отношения и сегодня, но ни один из членов президиума того собрания (за исключением, пожалуй, генерала Титова) не участвовал в первых акциях «Трудовой России»: ни в обороне музея и Мавзолея В.И. Ленина в Москве, ни в организации манифестации трудящихся Москвы 7 ноября 1991 года.

Сторонников «Трудовой России» в Мраморном зале Моссовета было большинство, и мы в принципе были не против структурирования нашего движения по регионам, включая Москву. Но мы настаивали на том, чтобы «Трудовая Москва» была составной частью всего движения «Трудовая Россия», а его руководящий орган, по нашему мнению, должен был избираться от административных районов Москвы. К тому времени мы имели в Москве хорошо налаженную порайонную структуру, что облегчало связь с активистами движения и их быструю мобилизацию в случае необходимости. Президиум собрания (и особенно Доровин, Терехов, Титов, Белашов) настаивал на самостоятельности «Трудовой Москвы» и избрании руководящего органа по принципу ФНС, то есть представительства от партии или общественной организации, которая войдет в «Трудовую Москву». Президиум отказался ставить на голосование наши предложения, но не выносил на голосование и свои, так как наших в зале было явное большинство. Гвалт и

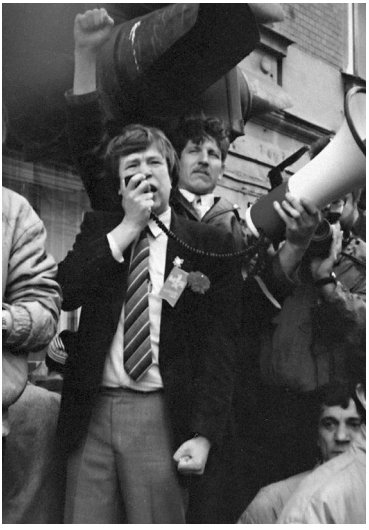
ругань стояли неимоверные. В конце концов Белашов по праву депутата, получившего разрешение на проведение того собрания в официальном здании «демократического» Моссовета, стал звать на помощь милицию. Чтобы избежать скандала с властями, «Трудовая Россия» приняла решение покинуть зал. Оставшись в меньшинстве, президиум быстро завершил задуманную провокацию: с целью дезориентации масс в пику «Трудовой России» была создана новая общественная организация с похожим названием «Трудовая Москва». Естественно, московские власти не препятствовали ее официальной регистрации. Многие люди до сих пор считают, что «Трудовая Россия» и «Трудовая Москва» — это одно и то же. На самом деле за похожей вывеской спрятались провокаторы. В настоящее время вывеской «Трудовая Москва» пользуется КПРФ Зюганова.

И все-таки, несмотря на навязываемые нам расколы и провокации, «Трудовая Россия» оставалась в авангарде всех уличных боев 1992 года.

С начала марта 1992 года «Трудовая Россия» практически возглавила уличную борьбу за освобождение из-под стражи членов КГЧП, брошенных в застенки тюрьмы «Матросская Тишина».

На 9 мая мы наметили «Антифашистский марш свободы» с требованиями: «Свободу патриотам Родины! За решетку — предателей СССР!».

Забегая вперед, скажу, что перед этим мы провели подряд несколько крупнейших массовых акций, что резко повысило наш авторитет в глазах трудящихся, заставило власть считаться с нами. Перед 9 мая в мэрии состоялось совещание с участием руководителей служб общественного порядка в городе и «Трудовой России». Вел совещание начальник правового управления правительства Москвы, некто Донцов. Не скрывая своей

Выступает Виктор Анпилов

злобы, этот «правовед» в присутствии свидетелей начал угрожать мне:

— Будете митинговать у «Матросской Тишины» — получите пулю в лоб. И вы, господин Анпилов, первый кандидат в покойники. Ваш портрет вручен всем снайперам. Так что подумайте хорошенько, прежде чем призовете штурмовать тюрьму.

Призвать к штурму «Матросской Тишины» без оружия мог только умалишенный. Хотя — и теперь я могу признаться в этом без последствий для бывших членов ГКЧП — была и другая задумка. Когда за день до проведения антифашистского марша свободы на «Матросскую Тишину» мы провели рекогносцировку, то обнаружили, что трамвайные пути рядом с тюрьмой ремонтируются. Брусчатка мостовой на протяжении двух-трех километров была разобрана, и булыжник аккуратно, как будто по заказу пролетариата, был сложен в кучи. Если бы каждый участник манифестации взял в руки по булыжнику, этого было бы достаточно, чтобы завалить все входы и выходы тюрьмы. От идеи пришлось отказаться: ибо к решеткам, ограничивающим свободу товарищей, добавились бы еще и наши камни...

9 мая десятки тысяч людей пришли принять участие в антифашистском марше свободы. Пришел даже Владимир Жириновский со своей командой под голубы-

«Трудовая Россия» на первомайской манифестации. *1992*

ми знаменами ЛДПР. Кстати, к тому моменту «время Зюганова» так и не пришло: его с нами не было. Пока собирались, в толпе был замечен одетый в гражданский светлый костюм начальник московской милиции Мурашов, тот самый, который устроил первую кровавую бойню на улицах Москвы 23 февраля 1992 года. Женщины, старики, народ в буквальном смысле заплевали «демократа». На его светлый, с иголочки, костюм было тошно смотреть.

А выступать на митинге пришлось действительно под прицелами снайперов. Все заключенные из тюремных камер со стороны улицы Матросская тишина были переведены в камеры внутреннего двора, а их место заняли спецназовцы, в том числе снайперы. Впоследствии и Валентин Иванович Варенников, и Василий Александрович Стародубцев неоднократно подчеркивали роль «Трудовой России» в освобождении их лично

и других товарищей, арестованных по так называемому делу ГКЧП. Но из самой тюрьмы после того митинга мы получили любопытную записку — совет на будущее: «Если уж вы пришли к стенам тюрьмы, надо было требовать свободы не только для «избранных», а для всех заключенных. В таком случае тюрьма поддержала бы ваши требования бунтом изнутри. Учтите на будущее!».

«Трудовая Россия» продолжала набирать популярность своими активными действиями. Конечно, нас могут упрекнуть и упрекают в том, что мы спешим, не всегда учитываем субъективные и объективные предпосылки вызревания революционной ситуации, совершаем ошибки. Что тут ответить? Не ошибается, как всем известно, тот, кто ничего не делает. И еще Че Гевара говорил, что долг революционера не в том, чтобы сидеть сложа руки и ждать, когда созреют субъективные и объективные предпосылки революционной ситуации, а делать все от него зависящее, чтобы эти предпосылки вызревали как можно быстрее. Помнится, после встречи с рабочими завода «Динамо» в Москве, где-то весной 1992 года, ко мне обратился пожилой рабочий:

— Ты все правильно говоришь, сынок! Власть у рабочих и крестьян при нашем собственном попустительстве выкрала кучка негодяев. Ну, а как ты думаешь, когда мы сможем вернуть нашу власть?

— Так ведь если бы наши мерзавцы были одни, — отвечаю, — тогда уже в этом году мы бы с ними управились. Но на их стороне — весь мир капитала, поэтому борьба будет нелегкой и, наверное, растянется на десятилетие.

Ветеран огорченно взмахнул рукой:

— Э! Так я уж не доживу!

Коммунисты России находятся в таком неоплатном долгу перед ветеранами войны и труда, что нам непоз-

волительно теоретизировать по давно решенным марксизмом-ленинизмом вопросам. Надо драться и размышлять по ходу драки.

В начале июня 1992 года «Трудовая Россия» уведомила власти Москвы о намерении провести многодневное круглосуточное пикетирование телецентра в Останкино. Наши основные требования были следующие.

1. Отстранить от работы дикторов и тележурналистов, пропагандирующих социальное паразитирование и эксплуатацию человека человеком, а также занимающихся в эфире постоянной клеветой на советскую историю.

2. Предоставить эфирное время для ежедневной телевизионной информационной программы, предназначенной для людей, занимающихся общественно полезным трудом.

3. Провести аттестацию среди работников радио и телевидения России на предмет владения русским литературным языком и произношением.

Эта акция получила кодовое название «Осада империи лжи». Одновременно в Конституционном суде начало слушаться дело о незаконности указа Ельцина о запрете деятельности КПСС и КП РСФСР. И это было не совпадение, а точно и далеко просчитанный ход политического противника. Указ Ельцина о запрете деятельности КПСС и КП РСФСР больно ударил по партийной верхушке, не успевшей приспособиться или переметнуться на сторону антисоветчиков. Низы партии в массе своей ждали сигнала из центра. И сигналы пошли. Но не из ЦК партии, откуда Горбачев под предлогом обновления и омоложения кадров в свое время «вычистил» всех коммунистов-ленинцев, а снизу, с улиц Москвы. Еще до августовского 1991 года переворота в газете «Молния» был опубликован проект Программы

КПСС, который развеял миф о неспособности низов партии действовать самостоятельно. После переворота, презрев угрозы, запреты, репрессии, рядовые коммунисты Москвы сплотились в «Трудовую Россию» и первыми подняли Красное знамя борьбы за восстановление власти самих трудящихся, а не власти перепуганных партийных чиновников. Из сферы интриг, подлости, обмана и предательства политика переходила в массы, становилась понятной и доступной огромному числу людей. Наблюдая гигантские манифестации «Трудовой России», Горбачев, Яковлев, Ельцин и другие понимали, что во главе поднимавшегося снизу движения надо поставить своих людей. Спасти предателей могла только политическая реанимация сгнившего от бездействия и трусости старого партийного аппарата, который в благодарность за продление своего существования уведет массы коммунистов в болото парламентаризма, подальше от непримиримой борьбы на улице.

Такой реанимацией занялся Конституционный суд России, в который с жалобой на неконституционность указа Ельцина о запрете деятельности Компартии РСФСР обратился ряд депутатов Верховного Совета. Сторону коммунистов в Конституционном суде защищали Егор Лигачев, Юрий Слободкин, Виктор Зоркальцев. Зюганов присутствовал на заседаниях суда, но, по-моему, не выступал. «По-моему», потому что ни одного яркого выступления, хотя бы отдаленно напоминающего речь антифашиста Димитрова на Лейпцигском процессе или речь Фиделя Кастро «История меня оправдает», я не услышал. Вся линия «защиты» свелась к тому, что КП РСФСР не имела никакого отношения к действиям ГКЧП в августе 1991 года, не плела и никаких заговоров против «законной власти» Ельцина. Конституционный суд признал запрет Ельцина в части

деятельности КП РСФСР не соответствующим Конституции. Однако деньги и собственность партии, конфискованные после 1991 года, коммунистам не вернули.

Пока в здании бывшего ЦК КПСС на Старой площади шел спектакль под названием «конституционный суд», «Трудовая Россия» начинала у Останкинской телебашни многодневную «Осаду империи лжи».

Утром, когда участники первого митинга в Останкино ехали к пункту сбора, правительство Москвы, в надежде запугать нас, приказало отключить эскалаторы метро станции глубокого залегания «ВДНХ». Глубоко под землей возникла давка с угрозой для жизни людей. Ветераны войны, останавливаясь и хватаясь за сердце, с трудом поднимались по маршам замерших эскалаторов. Молодые поддерживали стариков и готовы были на плечах вынести их наверх. Кто-то запел «Варяга»: «Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает, врагу не сдается наш гордый "Варяг", пощады никто не желает!» Ветераны распрямили плечи и пошли вверх чуть быстрее. А вскоре наша молодежь отловила сбежавшего со своего рабочего места оператора машин эскалаторов и заставила его включить их.

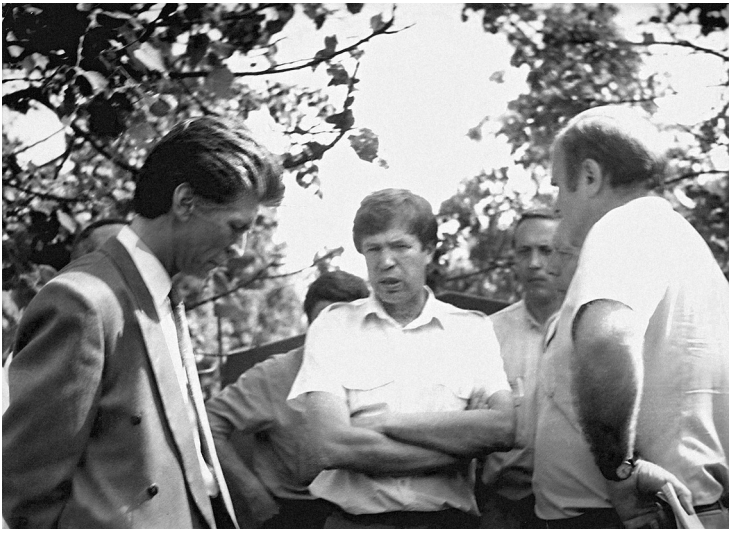
Первый же день борьбы показал, что если место и цель массовой акции выбраны правильно, то борьба приобретает высокоорганизованный характер и к ней примыкают неожиданные союзники. После запланированного митинга у подножия телебашни организаторы акции намеревались, как и было заявлено властям, передать резолюцию митинга руководству российского телевидения (в то время все каналы национального телевидения еще принадлежали государству). Но подходы к телецентру были перекрыты мощными милицейскими кордонами. И тогда из масс «Трудовой России» выдвинулась вперед довольно многочисленная группа мужчин с

военной выправкой. Молча, с быстротой десантников, они вступили в рукопашный бой и буквально в секунды разбросали вяло сопротивлявшихся милиционеров. Путь к телецентру был свободен. Первое желание толпы — разбить стекла ненавистного народу «осиного гнезда». Но те же мужчины с военной выправкой быстро заняли позиции по периметру телецентра, и ни одного стекла не было разбито. Через несколько минут охрана телецентра предложила организаторам акции пройти внутрь телецентра для переговоров с председателем Гостелерадио России Егором Яковлевым. Сколько помню, вместе со мной на переговоры пошли Владимир Гусев, Наталья Белокопытова, диакон Русской православной церкви Виктор Пичужкин, Владимир Якушев — все из «Трудовой России», а также еще один Гусев из числа бывших «демократов», разочаровавшихся в Ельцине. Егор Яковлев встретил делегацию угрозами:

— Сейчас мы прервем показ сериала «Рабыня Изаура», откажемся транслировать матч «Спартака», и сюда придет толпа телезрителей, которая разорвет вас в клочья!

Мы заявили, что в таком тоне переговоры вести не будем, а подождем реакции москвичей на события в Останкино.

Реакция москвичей не замедлила себя ждать. Весть о том, что телецентр взят в осаду, что в Останкино разбит палаточный городок и его обитатели требуют прекратить очернение истории народа, запретить пропаганду насилия и порнографии, требуют предоставить слово с экрана простым людям труда, облетела столицу и ее окрестности. Уже на второй день акции, после рабочего дня, на митинг в поддержку «Осады империи лжи» приехали не менее пяти тысяч человек. Многие привезли с собой горячую картошку, выпечку, фрукты.

Осада Останкино. А. Стерлигов, В. Анпилов, Г. Зюганов. *Лето 1992*

Мы не знали, куда девать продукты. Как-то раз, от имени «освобожденной территории СССР», мы устроили народный обед на несколько тысяч человек и пригласили к столу ОМОН и милицию, которая круглосуточно дежурила в Останкино и следила за нами. Милиция обедать по полной программе отказалась, но черешню от народа взяла.

Вместе с народом в Останкино потянулись и политики: генерал Стерлигов, депутат Алкснис... Впервые на акцию «Трудовой России» приехал и Геннадий Зюганов.

Александр Проханов в рамках «Осады империи лжи» организовал день газеты «Завтра» и вытащил на него главного редактора журнала «Наш современник», поэта Станислава Куняева. Последнему участвовать в акции коммунистов было, наверное, не совсем удобно. Мы же от всего сердца приветствовали патриотическую

интеллигенцию, открыто поддержавшую наш протест у стен Останкино.

Каждое утро в Останкино начиналось с торжественного подъема Государственного флага СССР под звуки Гимна СССР, усиленного мощными динамиками «Трудовой России». Генеральный секретарь Компартии Ирака, будучи в аэропорту Дамаска, увидел по телевидению репортаж о подъеме Государственного флага СССР в Останкино, тут же сдал билеты в Багдад и вылетел в Москву. Представьте наши удивление и радость, когда этот высокий седой человек отыскал меня среди участников акции в Останкино и, широко улыбаясь, представился по-английски:

— Я генеральный секретарь ЦК Компартии Ирака. Приехал в Москву, чтобы приветствовать настоящих коммунистов России в борьбе.

Наши переговоры с руководством российской телерадиокомпании продолжались безрезультатно. Яковлев ни в какую не хотел обсуждать с нами вопрос предоставления «Трудовой России» эфирного времени для постоянной информационной программы, предназначенной для людей труда. В знак протеста наша делегация вынуждена была объявить голодовку, не покидая кабинета Егора Яковлева. Вмешалась милиция. Нас просто начали выносить из кабинета по одному вместе со стульями, на которых мы сидели. Оторванные от основной массы пикетчиков, мы мало что могли сделать. На следующий день переговоры были прерваны окончательно.

По ночам, когда тысячи москвичей, поддерживавших и подкармливавших «Трудовую Россию», разъезжались по домам, милиция задерживала и подвергала допросам каждого, кто отдалялся от палаток на два-три метра. Особую свирепость проявлял полковник милиции Федулов, до антисоветского перевоpo-

та в августе 91-го работавший заведующим отделом патриотического воспитания ЦК ВЛКСМ. Предатель постоянно угрожал нам расправой. На десятую ночь противостояния в Останкино на палаточный городок напал отряд ОМОНа. Они сбивали дубинками наши плакаты, палатки и уносили их в подогнанные грузовики. Чудом удалось удержать людей от драки. Круглосуточная «Осада империи лжи» продолжалась, но уже в малокомфортных условиях.

20 июня Ельцин вылетел в США, чтобы в очередной раз доложить своим хозяевам, что «с коммунизмом в России покончено». На время отсутствия Ельцина обязанности главы государства исполнял вице-президент Александр Руцкой. Нет никаких сомнений в том, что именно Руцкой, выслуживаясь перед Ельциным, отдал приказ атаковать пикетчиков в Останкино в символические день и час. 22 июня 1992 года, в 4 часа утра, на спящих под открытым небом пикетчиков «Трудовой России» обрушилась охранка режима. Ударами дубинок по головам, по ногам спящих людей поднимали с асфальта и гнали их прочь от телецентра. Тех, кто успевал схватить заготовленные на случай реализации угроз полковника Федулова колья, сбивали с ног и избивали до потери сознания. Особой жестокостью среди нападавших отличались люди в штатском. Эти брали потерявших сознание людей за руки и ноги, раскачивали обездвиженные тела и били их головой о бордюрный камень мостовой улицы Королева...

Поднять по тревоге «Трудовую Россию» удалось только к 8 часам утра. Люди бросились в Останкино спасать товарищей. Собирались у станции метро «ВДНХ». Сюда же прибыли депутаты Верховного Совета России Бабурин, Исаков, Саенко, народные депутаты СССР Носов, Алкснис. Разведка «Трудовой России» доложила, что в

окрестностях телецентра никого из пикетчиков обнаружено не было, а подходы к Останкино со стороны метро «ВДНХ» перекрыты ОМОНом.

Посовещавшись с депутатами, мы приняли решение идти колонной по проспекту Мира в центр города, где должен был состояться митинг по поводу очередной годовщины нападения фашистской Германии на Советский Союз — 22 июня 1941 года.

Пока шли от метро «ВДНХ» до Рижского вокзала, колонна увеличивалась за счет догонявших нас людей и насчитывала не менее 15 тысяч человек. Но уже с моста у Рижского вокзала стало видно, что дальше к центру города хода нет. Проспект Мира был заблокирован полком ОМОНа в шлемах, с титановыми щитами и дубинками в руках. Мы решили обойти ОМОН справа, по улице Гиляровского. Но там из бесчисленных подворотен навстречу нам выползли все те же чудища в касках, с титановыми щитами, резиновыми дубинками в руках. У входа на улицу Гиляровского завязалась жесткая скоротечная схватка с кровопролитием. На насилие «Трудовая Россия» отвечала насилием. В сторону ОМОНа полетели увесистые булыжники, вывернутые из отмостки трамвайных путей. «Оружие пролетариата» быстро сбило спесь с ОМОНа. Но и наших сил в узкой улице оказалось явно недостаточно, чтобы прорываться к центру города. Иван Петухов, рядовой солдат Великой Отечественной, оставивший свою подпись на стене поверженного рейхстага, предложил быстро «слетать» за подмогой в центр города, где проходил митинг с участием Зюганова. И пока солдат выполнял данное самому себе задание, «Трудовая Россия» останавливала движение троллейбусов у Рижского вокзала и начала сидячую забастовку протеста на площади. С крыши замершего троллейбуса выступали депутаты Верховно-

го Совета, активисты «Трудовой России», которые клялись отмстить за пролитую народную кровь. К закату долгого дня 22 июня 1992 года с Манежной площади вернулся Иван Петухов. Солдат пробился на трибуну митинга в центре города, сообщил собравшимся о том, что происходит у Рижского вокзала. Но помощь к нам из центра города так и не подошла...

1993

Это время гудит
телеграфной струной,
это
сердце
с правдой вдвоем.
Это было
с бойцами
или страной,
или
в сердце
было
в моем.

В. Маяковский. «Хорошо»

«Утро красит нежным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся советская земля»... Слова и мелодия этой песни, как и многих других советских песен, навсегда останутся в сердце народа, и не только как напоминание о том, какими мы были, а как призыв к тому, какими мы должны быть всегда.

Утром 1 мая 1993 года Москва в районе Октябрьской площади, Крымского Вала и Парка Культуры имени Горького напоминала фашистский концлагерь. У выхода из метро «Октябрьская» служебные собаки бешено

лаяли на участников первомайской манифестации, собиравшихся у величественного памятника Ленину в центре площади. Начало улицы Большая Якиманка оказалось закупорено отрядами ОМОНа в полном боевом снаряжении. Позади омоновцев — тяжелые самосвалы с гравием. Крымский мост был перекрыт сплошной стеной из омоновских титановых щитов в два этажа. Впереди титанового динозавра — конная милиция. Под мостом и по обе стороны Крымского Вала, насколько хватает глаз, — войска и зловещие серые «автозэки» с зарешеченными окнами... Международная Конвенция по правам человека запрещает использование вооруженных сил и особых вооруженных отрядов полиции для устрашения мирных манифестаций. И чтобы понять, почему московские власти сознательно попирали международные договоренности, почему шли на насилие, не будем забывать ряд серьезнейших обстоятельств как внутреннего, так и международного, глобального, как нынче модно говорить, характера.

К маю 1993 года «демократы первой волны» свое отыграли. Ушел в небытие «автор перестройки и нового политического мышления для СССР и всего мира» Горбачев. Пещерный антикоммунизм Волкогонова и даже призывы Гавриила Попова «узаконить взятки чиновникам» уже никого не удивляли. Уже полтора года Ельцин безраздельно правил Россией, а улучшений в жизни народа не было никаких. Напротив, спад производства, инфляция, преступность и обнищание основной массы народа на фоне роскоши новых богачей стали еще заметнее, еще ужаснее. Ельцин без конца меняет состав правительства России, отстраняет от власти и московского мэра Гавриила Попова, и своего же назначенца, начальника московской милиции Аркадия Мурашова. На место первого пришел Юрий Лужков. Место второ-

го перешло к бесцветному генералу Панкратову. За несколько дней до Первомая Ельцин в очередной раз вылетел в Вашингтон, чтобы доложить хозяину Белого дома: «С коммунизмом в России покончено!»

После таких заявлений московский мэр Лужков обязан был умереть, но не допустить массовой манифестации под Красным знаменем в Москве. Вот почему мэрия дала официальный ответ организаторам первомайского шествия не за пять дней до ее начала, как этого требует закон, а менее чем за сутки. Причем власти существенно ограничили заявленный нами маршрут стотысячной манифестации. Вместо традиционного шествия от Октябрьской площади до центра города нам разрешили пройти от площади до Крымского Вала — не более 200 метров дистанции.

Из мэрии мы бросились искать защиты у депутатов Верховного Совета России. Шла сессия, и хотя в зал заседаний нас, естественно, не пустили, с балкона зала заседаний, куда допускалась пресса и депутаты субъектов Федерации, мы сбросили записку для депутата Шашвиашвили с просьбой огласить наш протест-предупреждение в связи с готовящейся в Москве кровавой провокацией. Иван Шашвиашвили сумел прорваться к микрофону и изложить суть нашего протеста. Но председатель Верховного Совета Руслан Хасбулатов в своей обычной манере затянул:

— Ну что вы драматизируете?! Провокации! Провокации!.. Ну, подумаешь, первое мая! Во всем мире ходят на манифестации в этот день. Пойдут и в Москве...

Утром первого мая 1993 года одного взгляда на полчища полицейских и скопление спецтехники у Крымского моста было достаточно, чтобы понять: власть готова к провокации, а наша задача — избежать ее. Организаторы шествия решили посовещаться, как это сделать, у подножия памятника Ленину. Помимо руководства

«Трудовой России» в той тревожной политической «оперативке» принимали участие лидеры других общественно-политических организаций: Сажи Умалатова и Олег Шенин от постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР, Станислав Терехов — от Союза офицеров, Илья Константинов — от Фронта национального спасения, Валерий Скурлатов — от движения «Возрождение», Анатолий Лукьянов и Геннадий Зюганов — от КПРФ. Если мне не изменяет память, в том совещании участвовал и Сергей Бабурин.

Мнение всех участников совещания было единодушным: если идти на прорыв боевых порядков ОМОНа, то крови не избежать, а власти только этого и нужно. Одобрили предложение «Трудовой России» — от шествия не отказываться, но повести колонны людей не в центр, а из центра города, на Ленинские горы, к Московскому государственному университету. Лучшего места для маевки не найти. К тому же, как мне казалось, студенты обязательно должны были присоединиться к нам, и университет вновь хоть на один день станет красным.

Коллективное решение было принято, и люди нас поняли. Колонны двинулись по Ленинскому проспекту в сторону площади Гагарина. Противная сторона оторопела и в течение первых десяти минут не знала, что делать. Офицеры ОМОНа надрывно кричали в свои рации: «Они уходят из центра». К сожалению, несколько десятков человек откололись от основной массы людей и пошли в сторону Крымского моста. Чтобы не допустить провокации, мне пришлось вернуться из головы основной колонны и убедить товарищей не делать глупостей. Рядом со мной работала фоторепортер Майя Скурихина. Мы бегом вернулись на Октябрьскую площадь, где нас попыталась обогнать колонна машин с омоновцами. Сомнений не было: враг опомнился и бро-

сает свои основные силы вдогонку нашему шествию. На площади еще оставалось немало людей, и я через мегафон попросил их задержать автоколонны. Машины остановили, но слева по Садовому кольцу в подземный переезд молчаливым удавом вползала другая колонна.

...Задыхаясь от волнения, опять бежим по Ленинскому проспекту. Догнали процессию, а от ее головы уже доносились удары полицейских дубинок, там шел бой. Противник перебросил на площадь Гагарина тысячи единиц личного состава и перекрыл проспект грузовыми автомобилями. Презрев удары по пальцам, наши откинули борта грузовиков и легко овладели первым рядом баррикад. Однако в промежутки между наспех поставленными машинами в бой бросались все новые и новые подразделения полиции. ОМОН лютовал, не щадил ни стариков, ни женщин. Но и наши советские женщины не упали на колени перед извергами. Сдирая в кровь пальцы, они голыми руками разбирали асфальтовые дорожки Нескучного сада и передавали асфальтовые камни на нашу сторону баррикад. Кстати, именно в этот момент женщины заметили, как по дорожкам Нескучного сада к Парку культуры имени Горького убегал с поля боя Зюганов...

На моих глазах здоровенный детина сбил с ног ветерана с боевыми наградами участника Великой Отечественной войны на груди. Старик уже был обездвижен, из его головы на мостовую лилась кровь, а подонок добил его тренированным ударом кованого армейского ботинка в живот. Наши отбивались древками знамен, трофейными титановыми щитами и касками. Станислав Терехов поражал в рукопашной одного за другим, но и на его руки, ноги и спину сыпались десятки ударов полицейских дубинок. В этой мешанине я нашел комсомольца Игоря Малярова. У него была разорвана и кровоточила

левая щека. Но Игорь держался молодцом: комсомольцы где-то раздобыли старые подшипники, и они со свистом полетели в сторону вражеских баррикад.

Я дал Игорю совет:

— Надо завести грузовики без ключей зажигания и закрыть ими бреши в баррикадах.

Пока я разговаривал с комсомольцем, у меня самого над головой засвистела полицейская дубинка, и мой единственный телохранитель Саня Захаров буквально выхватил меня за руку из-под удара. Кончик дубинки всего лишь чиркнул мне по позвонку, хотя и этого оказалось достаточно, чтобы в дождливую погоду поврежденный позвонок еще долго напоминал мне о том Первомае.

Машины удалось завести. И когда один грузовик сдавал назад, чтобы закрыть брешь в баррикаде, под него попал кто-то из омоновцев. Бой закипел с новой силой. Водомет окатил нас какой-то вонючей жидкостью. Мы не отступили. Затем в воздухе поплыл тошнотворно-кислый запах отравляющего газа.

— «Черемуха»! — догадался осетин Юрий Цховребов. — Обожди, командир!

И с этими словами он растворился в драке. Через несколько минут машина с баллонами, заполненными отравляющим газом «Черемуха», была объята пламенем. Это мой Юра поджег газету «Молния» и сунул ее в бензобак. Вскоре из прогоревших баллонов со свистом начал вырываться сжатый газ. Перед угрозой взрыва баллонов со сжатым отравляющим газом все участники боя отпрянули на безопасное расстояние, и битва начала затихать...

— О, наконец-то, наши баррикады!

Это голос Бориса Гунько. Он написал эти стихи за час с небольшим, что длился бой, закончившийся

вничью на Ленинском проспекте. По телевидению к москвичам обратился мэр Юрий Лужков. Оправдываясь перед Ельциным, мэр обзывал нас коммунистами, экстремистами, террористами, повторяя избитый прием буржуазной пропаганды: вали с больной головы на здоровую, ври, ври и ври — авось что-нибудь в головах и останется.

3 мая я был вызван на допрос в следственный отдел по особо важным делам Генеральной прокуратуры России. В нарушение Уголовно-процессуального кодекса мне устроили перекрестный допрос с участием нескольких следователей, но без моего адвоката. В комнату то и дело входили люди в штатском, с окровавленным щитом, под которым 1 мая в массовой драке на Ленинском проспекте погиб милиционер. Лицом ко мне, внимательно наблюдая за моей реакцией, сидел только начальник следственного отдела. Остальные, человек пять, сидели повернувшись к экранам телемониторов, ко мне спиной. То и дело загорался то один, то другой экран, сыпались неожиданные вопросы:

— Вот человек, который был за рулем машины, раздавившей милиционера. Когда вы его видели в последний раз?

— Этот с кепкой похож на Лужкова. Я его вообще там не видел.

— А себя самого вы узнаете?

На экране я вижу себя под пенной струей пожарной машины:

— Изображение нечеткое. Но пиджак вроде мой...

В комнату опять вносят окровавленный щит погибшего милиционера, стараясь зацепить им меня. Начальник следственного отдела впивается в меня взглядом:

— А где вы были и что делали в момент гибели милиционера?

— Когда милиция на Ленинском проспекте зверски избивала ветеранов войны, я это видел своими глазами. О гибели милиционера узнал из телевизионных сообщений...

И так — более часа. После того допроса я едва держался на ногах. Но повода для собственного ареста я следователем не дал, имен товарищей не назвал. И когда я шаткой походкой выходил из прокуратуры, вслед мне полетела угроза:

— Все равно, Анпилов, мы тебя достанем!..

Еще во время первой командировки на Кубу, в 1973 году, чилийские друзья познакомили меня с семьей революционеров из Гватемалы. Глава семейства провел в застенках диктатуры не один год, две его дочери тоже стали профессиональными революционерами, а старшая — Анна-Мария — командующей одной из партизанских колонн. Слушая их рассказы о подпольных тюрьмах, о похищениях профсоюзных лидеров и молодежных активистов, о том, как во время футбольного матча для устрашения населения на переполненный стадион с вертолета могут сбросить труп замученного патриота, — я им верил не до конца. Но и в кошмарном сне я тогда не мог представить, что нечто подобное будет происходить в моей собственной стране, что я сам, на своей шкуре, испытаю все прелести буржуазной демократии.

8 мая 1993 года наймиты министра внутренних дел Ерина похитили меня и увезли на мучения в подпольную тюрьму. Вот как рассказал об этом заместитель министра МВД России Андрей Дунаев автору книги «МВД в лицах», генералу милиции Владимиру Никитину:

«В 1998 году, через 5 лет, мы с Дунаевым продолжаем беседу о событиях 1993 года:

— Значит, в мае 1993 года Ельцин вас поздравлял, а в июле уволил. Что же за это время произошло? Дело только в поездке ваших с Баранниковым жен в Швейцарию или есть и другие обстоятельства?

— Ерунда все это. Хотя Ельцин и пишет об этом в своей книге, но фактически все выглядело не так. Первого мая 1993 года была демонстрация. Я активно участвовал в том, чтобы там не пролилась кровь. Погиб милиционер. Готовилась провокация на 9 мая. Встал вопрос о том, чтобы изолировать на эти дни людей, которые способны пойти на такие провокационные действия. Первым среди таких значился Анпилов. Ко мне позвонил Ерин (министр внутренних дел. — В.А.) и говорит: "Подумай, как изолировать Анпилова, чтобы его на 9 мая не было". Поразмыслив, я пришел к выводу, что это не милицейское дело. Анпилов не преступник. Он депутат и имеет право на неприкосновенность. А потом и Баранников мне сказал, что ты сейчас получишь задание, но выполнять его не спеши. На оперативное совещание собрал начальников подчиненных мне главков МВД. Они высказались за то, что изолировать Анпилова по обстановке надо бы, тем более что проводится расследование трагических обстоятельств, связанных с 1 Мая. Но в то же время и нельзя идти на нарушение его депутатской неприкосновенности.

Когда я доложил наши мнения Ерину, то он ответил: "Это меня не удовлетворяет. Я же тебе сказал, чтобы его не было 9 Мая". Отвечаю ему: "Ты запомни, Виктор Федорович, что Ежов, Берия, Абакумов, после того как начали делать подобное, прожили лишь по два года. И ты хочешь со мной вместе уйти? Я лично этого не хочу". Ерин: "Тогда у нас с тобой разговора не было".

Я снова пригласил к себе начальника управления разведки генерала Николаева. Поставил ему задачу, чтобы

он создал две бригады разведки в усиленном варианте и отвечал бы за каждый шаг Анпилова, чтобы с ним ничего не случилось. Периодически бы докладывал мне. Николаев — молодой генерал, 45 лет, очень дисциплинирован. 8 мая 1993 года я еду на работу в 8 часов утра и вдруг слышу по радио, что Анпилова украли. Значит, с ним все сделано по сценарию Ерина, но другими руками. А мои подчиненные не сработали, не сумели этого упредить. Срочно вызываю к себе Николаева и, не здороваясь с ним, резко спрашиваю: "Где Анпилов?" Генерал весь белый, трясется и отвечает: "Не знаю". Говорю ему: "Иди, пиши рапорт". Уходит, ложится в госпиталь и через три дня умирает».

На мой взгляд, генерал МВД Николаев не умер, а его убрали «коллеги» по МВД, потому что он знал, кто отдал приказ о моем похищении. Вот как это было на самом деле.

Утром 8 мая я был вызван на допрос в качестве свидетеля по делу о массовых беспорядках в Москве, связанных со смертью и насилием над людьми. В этот раз допрос вел следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ Чуглазов. На мой взгляд, это был высококвалифицированный специалист советской школы, за что его в конце концов и уволили из прокуратуры. В целях экономии времени на составление протокола допроса я сам предложил Чуглазову провести допрос с записью на видеомагнитофон. Мне нечего было скрывать, и я подробно рассказал следователю о тех вопиющих нарушениях закона, которые допустили власти Москвы во время подготовки и проведения манифестации 1 Мая, ответил на вопросы.

Допрос окончился примерно к полудню. Выйдя из кабинета следователя, я повстречал на улице моего

сопровождающего Юрия Цховребова. Не успели мы обменяться приветствиями, как во дворе следственного управления тенью мелькнул человек в спортивном костюме. Возможно, мне показалось, но «спортсмен» как будто хотел мне что-то сказать: он оглядывался и явно замедлял шаг. Как всякий кавказец, Юра сразу учуял недоброе и показал незнакомцу средний палец руки. Тень растворилась в московских кварталах.

В тот день в Парке культуры и отдыха имени Горького проходил праздник газеты «Правда», а рядом с ее стендами наши сторонники устроили нечто вроде ретроспективной выставки всех номеров газеты «Молния». Если мне не изменяет память, тогда главным редактором «Правды» был Геннадий Селезнев, он любезно предоставил мне слово для выступления. Потом со мной подошли познакомиться гости праздника «Правды» — коммунисты Италии. Разговорились, и вдруг глава итальянской делегации Мауро Казадиньо говорит:

— Виктор, мне кажется, за тобой слежка!

Мы распрощались, и я вместе с Юрой быстро направился к метро. После 1 Мая я не приходил ночевать домой. Спал на квартире нашего товарища в районе Бутово. На метро несколько раз сменили направление и только после этого сели в автобус до Бутово. Вышли на нашей остановке, у старого кладбища. И вдруг за кладбищенской оградой я вижу иномарку — БМВ, битком набитый крупными, спортивного вида мужиками. Все они пристально смотрели в нашу сторону.

Сейчас, спустя столько лет после тех событий, я думаю, что только советская власть давала человеку незыблемую уверенность в собственной безопасности. Даже после первого избиения, даже после массового насилия над людьми 1 Мая мы никак не могли поверить, что живем уже в другой системе, что нужно быть

осторожными. А ведь меня вели не две «усиленные бригады разведки», но, наверное, целый полк подчиненных министра Ерина, а возможно, то был уже «эскадрон смерти», «тон-тон макуте», тайная полиция самого Ельцина?.. Не могли же «свои» убрать затем свидетеля генерала МВД Николаева?!.

Пошли вниз к кварталам у Кольцевой автомобильной дороги. И вдруг я вижу, как наперерез мне бегут вооруженные пистолетами люди. Я оборачиваюсь, ищу взглядом Юру, а у меня за спиной визжат тормоза желтого микроавтобуса «раф». Дверь машины распахнулась, и в горло мне впилась тонкая веревка. Перед глазами поплыли красные круги. Пытаюсь схватиться левой рукой за дверь машины, но подбежавший первым крепыш бьет мне рукояткой пистолета по кисти левой руки. Последнее, что я успеваю увидеть: светлые, чуть вьющиеся волосы нападавшего и раздробленную косточку, выскочившую из моего пальца. Рука обмякла. Удавка рванула меня кверху, внутрь машины. Руки заломили за спину. Щелкнули наручники. Одновременно мне вязали ноги тонким шнуром и бинтовали глаза тяжелой марлевой повязкой. Как только в рот забили кляп, на грудь, в пах и живот посыпались тяжелые кулачные удары. Машина набирала скорость и, скорее всего, уже выехала на Кольцевую дорогу. Били молча еще минут пять, затем чей-то хриплый голос прорычал:

— Хватит! Отойди! Сейчас мозги полетят!

С моих губ сорвали пластырь, и металл пистолета ударил мне по зубам:

— Отойди, говорю! — рычал все тот же голос. — Сейчас мозги полетят! Забрызгают всего...

Нет, то была не акция «изоляции», то была симуляция расстрела захваченного в плен депутата-коммуни-

ста. Минут через тридцать после начала экзекуции я почувствовал, что машина сбросила скорость и свернула на проселочную дорогу. Остановились. Дверь «рафика» распахнулась, и дохнуло свежестью подмосковного леса: ель и сосна вперемежку с березой и осиной. Чьи-то руки начали снимать с меня верхнюю одежду. Нижнее белье оставили. Приглушенные голоса отдалились. Видимо, совещаются. Ныла перебитая кисть руки, кровоточили расшатанные дулом пистолета зубы. В голову полезли мрачные мысли: «Сейчас убьют здесь в лесу, а труп бросят в яму с водой. Будет потом Вера сходить с ума, разыскивая тебя по глухим местам... Только не жалей себя, слышишь! Только не вздумай просить этих ублюдков оставить тебе жизнь. Они ждут этого. Ты же знаешь, почему кубинцы кричали вдове Сальвадора Альенде: "Не плачь!" Генерал Карбышев не плакал и не умолял оставить ему жизнь...»

Захватчики опять сели в машину, и мы тронулись. Вскоре вновь остановились. Скрипнули ворота. Машина медленно въехала во двор. Раздетого, с завязанными глазами и в наручниках, меня вынесли из машины. «В своем дворе убивать не станут», — подумалось мне. Меня понесли вверх по лестнице.

— Влад, посмотри, куда положим, — зашептал чей-то голос.

— Без имен! — оборвал шептавшего знакомый рык.

Меня положили на кровать. Часа два ко мне никто не подходил. С интервалом минут в пятнадцать работала рация. После очередного сеанса связи меня подняли, чтобы сводить в туалет. Еще часа через три приехал доктор; не снимая повязки с моих глаз, он выслушал мне сердце, осмотрел раненую руку и перебинтовал ее. Поднес к губам таблетки:

В больнице после похищения. *Май 1993*

— Не бойся! Это таблетки от сердечной боли.

Доктор ушел, и все стихло. Рация стала работать с интервалом в полчаса. Я все пытался высвободить здоровую правую руку из наручников, но они сжимались все сильнее, и я только ранил себе другую кисть. Повязка чуть сползла с глаз, и я увидел краешек окна. Светало. За окном слышался веселый птичий щебет. Кто-то подсел на койку, снял пластырь с губ, приподнял мне голову и поднес чашку к губам. Водка!

— Давай выпьем за наших отцов, — предложил уже знакомый мне хриплый голос. — Ведь сегодня День Победы. Пей, не бойся!

— Я не боюсь и за нашу Победу выпью, — процедил я в ответ. В чашке было граммов сто пятьдесят. Закусить не предложили.

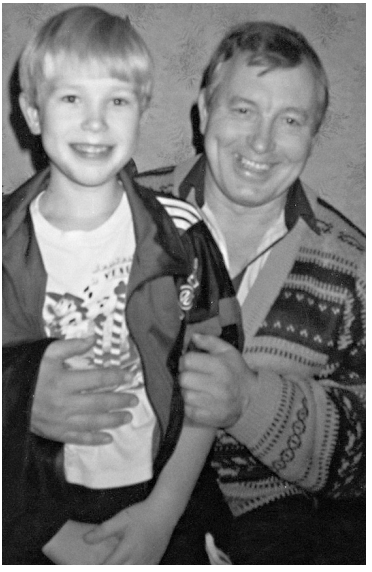
— А я ведь тоже коммунист, — явно рассчитывая на исповедь, продолжал хрипун.

— Твой партбилет лежит в сейфе! — подсказал я ему уже знакомую мне песню. — Пожалуйста, оставьте меня в покое, а исповедоваться будете у священника.

После этого ко мне никто не подходил еще часа три. Затем меня подняли, спустили вниз, одели и погрузили в машину. Часа через полтора немыслимых виражей и поворотов остановились. Все еще связанного, меня вынесли на улицу.

— Да я и один справлюсь. Он легкий, — прохрипел мой ночной собеседник, взвалил меня на плечи и побежал в сторону от дороги. Потом остановился и, тяжело дыша, опустил меня на землю. — Сейчас я сниму наручники, а ноги сам развяжешь. Шоссе найдешь по шуму машин. Ближайший поселок налево в пяти минутах ходьбы.

То были его последние слова. Я еще не знал, что от смерти меня спасла стотысячная манифестация москвичей, выдвинувшая в День Победы лозунг «Руки прочь от коммуниста Анпилова!»...

Друг Виктор Котвицкий с сыном Виктора Анпилова Серёжей. *1993*

20 сентября 1993 года примерно в третьем часу дня в нашу двухкомнатную квартиру в Солнцево нагрянул мой студенческий друг Виктор Х. Убежденный коммунист (на курсе мы звали его комиссаром), Виктор приглянулся органам безопасности. После окончания факультета ему предложили продолжить учебу в Академии КГБ СССР, и он стал профессиональным разведчиком.

...В те времена такая карьера была характерна для многих выпускников факультета журналистики МГУ. И когда бывший шеф личной охраны Ельцина генерал Коржаков в своей книге опубликовал выписки из личного дела офицера КГБ СССР Евгения Кисе-

лева, выпускника факультета журналистики МГУ, известного теперь своими антикоммунистическими взглядами, я не удивился. Считаю, что для советского журналиста быть еще и офицером разведки почетно и престижно. Киселев позорник не потому, что он был разведчиком, а потому, что он изменил присяге, которую давал советскому народу, получая погоны и звание офицера КГБ. И в мой адрес пресса неоднократно бросала упрек, что я «полковник КГБ». Однажды эту утку запустил бывший секретарь МГК КПСС Валерий Шанцев. Это было вскоре после того, как Конституционный суд отменил запрет на деятельность Компартии России. Мы с Шанцевым встретились в президиуме собрания коммунистов Перовского района Москвы, обсуждавшем, за кем идти коммунистам. Шанцеву очень не хотелось, чтобы они пошли за «уличными вождями». Выслушав его, я в сердцах зашептал ему на ухо:

— Слушай, Валерий Павлинович! Мне очень жаль, что я не офицер КГБ и никогда им не был. Будь я офицером КГБ, я бы не сбежал позорно из здания горкома партии в августе 91-го, как ты. Верь мне, по долгу коммуниста и офицера КГБ я бы постарался влепить пьяной контре пулю меж глаз, когда она пришла выгонять вас из здания горкома...

— Дружище! — без обиняков начал разговор мой студенческий комиссар. — Через час по телевидению выступит Ельцин. Съезд депутатов Верховного Совета распускается. Не мне тебе объяснять, что вместе с этим отменяются конституционные гарантии прав и свобод. Тебе следует как можно скорее уехать из Москвы. Машина внизу.

В том, что за моей квартирой велась слежка и меня могли в любую минуту арестовать, я не сомневался.

После похищения, организованного тайной службой министра внутренних дел Ерина по приказу Ельцина, я даже привык к этому ожиданию и еще долго не обращал на слежку внимания. Однажды, уже после октябрьских событий 1993 года, сразу после денонсации Госдумой Беловежского сговора, я возвращался домой после очередного Всеармейского совещания офицеров, которое пытался возродить генерал Ачалов. Во дворе моего дома увидел две иномарки, битком набитые мужиками в камуфляжной форме.

— Видишь, — сказал я, смеясь, сопровождавшему меня Василию Васильевичу, — начальник приехал к любовнице, а личная охрана его стережет!

Присмотрелся, а у «охраны» в руках автоматы Калашникова. Они тоже меня узнали и сразу все выскочили из машины. Немая сцена: я смотрю на них, они на меня. Сосед вышел из подъезда и сразу сообразил что к чему:

— Виктор Иванович, да уходи ты от греха подальше!

Я развернулся и пошел прочь от дома, в сторону леса за станцией «Солнечная». Конечно же, «охрана» приезжала ко мне на дом, но приказа «брать» еще не поступило, а взять инициативу на себя ребята не пожелали...

Я искренне верю, что 20 сентября 1993 года мой друг Виктор пришел ко мне на квартиру предупредить об опасности по своей собственной воле, а не по приказу лиц, заинтересованных в том, чтобы меня в те дни в Москве не было.

— Спасибо, комиссар, что предупредил, — говорю другу, — но давай вместе послушаем, что скажет Ельцин, а затем примем решение.

Президент Ельцин озвучил «страшилку» демократов о том, что Верховный Совет России препятствует укреплению молодой демократии, что во имя спасения демократии парламент распускается, Конституи-

ция отменяется. Должен сказать, что «Трудовая Россия» предвидела подобное развитие событий. В июне 1993 года по инициативе докторов наук А.А. Сергеева и Б.С. Хорева мы провели в Москве антифашистский конгресс, который пришел к выводу о неизбежности фашизации режима Ельцина и попрания им конституционных гарантий в стране. Классовый, строго научный подход в оценке политической ситуации в стране позволил «Трудовой России» спрогнозировать события с точностью до одного дня! В резолюции антифашистского конгресса, состоявшегося в июне, прямо говорилось о том, что в результате бандитской приватизации, то есть неслыханного грабежа общенародной собственности, противостояние классов обострится в конце сентября, а «поджога рейхстага» следовало ожидать 3 октября. На этот день еще в июне 1993 года «Трудовая Россия» объявила сбор Всенародного вече на Октябрьской площади. Случай в научной социологии беспрецедентный!

Выслушав телевизионное обращение Ельцина к «дорогим россиянам», я согласился с тем, что ночевать в квартире будет небезопасно, но прежде чем выехать из Москвы, надо было посмотреть, как отреагировал народ на телевизионное выступление Ельцина.

— Давай проедем мимо Белого дома и посмотрим, что там делается. А там видно будет, как быть дальше, — предложил я другу студенческих лет. На том и порешили. К 19.00, когда мы подъехали к Белому дому, там, у подъездов со стороны Горбатого моста, уже шел стихийный митинг тысяч и тысяч людей. На вызов диктатора народ ответил восстанием.

— Мое место здесь, — сказал я другу.

— Здесь будут стрелять, — отозвался он будничным, ровным голосом.

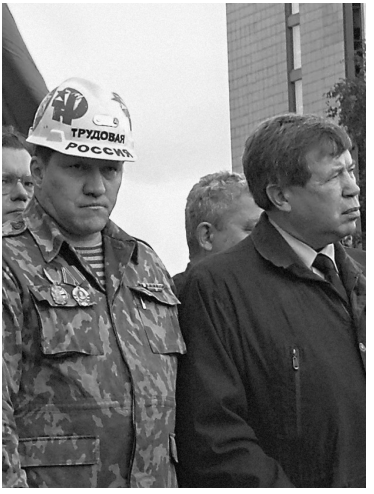
Мы пожали друг другу руки, и после этого я его больше не встречал.

Как всякое стихийное народное восстание, октябрьское 1993 года собрало у стен Верховного Совета разные политические силы. Во-первых, сам Верховный Совет во главе с вице-президентом Александром Руцким и председателем Верховного Совета России Русланом Хасбулатовым представлял ту часть национальной буржуазии, которая оказалась отодвинутой от дележа — расхищения общенародной собственности — более наглой, более подготовленной к условиям капитализма криминальной, компрадорской буржуазией, ориентированной на США. Во-вторых, многочисленные патриотические организации — казаки, православные патриоты, Русское национальное единство — представляли вчерашних рабочих, служащих, которые после слома общественно-политической системы в условиях безработицы и массовых невыплат заработной платы вынуждены были заняться мелким бизнесом, уличной торговлей — то есть пока не оформившуюся окончательно мелкую буржуазию. Очень серьезную силу, выступившую на стороне Верховного Совета, являли собой военные: как организованные — Союз офицеров, Всеармейское собрание офицеров, — так и отдельные, по своей воле пришедшие защищать Верховный Совет офицеры и генералы, проходившие на тот момент службу в Москве. Офицеров у Белого дома объединяло стремление восстановить единые Вооруженные Силы и, следовательно, единую державу — Союз Советских Социалистических Республик. По своей идеологии офицеры и генералы, участвовавшие в народном восстании, были для «Трудовой России» ближе других. Мы выступали за быстрое развитие народного восстания до вооруженного и восстановление власти самих трудящихся в

форме Советов. КПРФ к тому времени просуществовала всего год и проявляла естественную политическую осторожность, ориентировалась на фракцию коммунистов в Верховном Совете. Уместно напомнить, что координатором фракции коммунистов был тогда Иван Рыбкин, в последующем перешедший на сторону Ельцина и получивший от него пост председателя Совета безопасности России.

Условно расклад политических сил в те дни можно было определить по тому, где, в каком месте ночуют эти самые политические силы. Руцкой и Хасбулатов имели свои просторные кабинеты, с секретным ходом в комнаты для полноценного отдыха. У депутатов Верховного Совета также были свои кабинеты, в которые по ночам набивались спать их помощники и случайные люди. В коридорах верхних этажей, на сдвинутых креслах, на ковровых дорожках спала публика, которая всегда вертится рядом с теми, кому может перепасть власть. Неподалеку от Верховного Совета под крышей спортивного зала ночевали баркашовцы из РНЕ. Руцкой, назначенный Верховным Советом исполняющим обязанности президента России, симпатизировал баркашовцам. И, должен сказать, они выгодно отличались от всей массы защитников Дома Советов своей камуфляжной формой, дисциплиной строя и приветствием «Слава России!» с выбрасыванием вперед вытянутой ладони правой руки. Телевизионщики тут же уловили сходство с нацистским приветствием и без конца транслировали на всю страну утренний ритуал баркашовцев, запугивая обывателя «фашистской угрозой». Часть офицеров также ночевала под крышей Верховного Совета, рядом с кабинетом назначенного министром обороны генерала Ачалова. Богомольные казаки, похоже, по ночам ходили спать

домой. На баррикадах «казацкой заставы» оставались только самые отчаянные и казаки сотни Виктора Морозова. И, наконец, «Трудовая Россия» все ночи проводила на баррикадах под открытым осенним небом. Пределом ночного комфорта для нас были палатки, которые разбили на газоне у Горбатого моста дружинники «Трудовой России» во главе с невозмутимым при любых обстоятельствах Андрисом Рейниксом и секретарем ЦК «Трудовой России» по оргвопросам Юрием Худяковым.

С заместителем председателя Исполкома «Трудовой России» Юрием Худяковым

Невероятно, но факт: наши товарищи, прибывавшие на подмогу Верховному Совету из провинции — отряд Парахина из Белгорода, отряд Глаголева и Толчеева из Воронежа и другие, — отказывались спать даже в палатках, предпочитая ночные бдения у костров на брусчатке Горбатого моста.

Именно сюда к полуночи подтягивались действующие офицеры и генералы, в том числе из Генерального штаба Вооруженных Сил России. За отсутствием на ночных баррикадах известных политиков генералы сердито «доставали» меня:

— Почему к нам третий день не может выйти Руцкой?! Почему с действующими офицерами никто не работает?! Если к нам не выйдет сейчас же Руцкой, значит, вы здесь спектакль устроили!

Бросаюсь на верхние этажи Дома Советов, искать Руцкого или на худой конец Ачалова или Макашова. В темных коридорах нашел помощника Ачалова подполковника Черновила (прошу не путать с украинским националистом!). Привел его к генералам на баррикады. Генералы не захотели с ним разговаривать.

Сам я первые три ночи у Дома Советов вообще не спал. Затем спал урывками у костров или на полу гардероба подъезда № 7. По ночам здесь не было толчеи и можно было неплохо выспаться, пристроившись на чьем-то плече, бедре или ботинках. Однажды и я «пригрелся» на груди неизвестной девушки. Заснул почти мгновенно, но через полчаса девчонки начали шептаться, и особенно горячо это делала та, на груди которой я устроился спать:

— А ты знаешь, Анпилов убежал спать домой!

— Не может быть! Я видела его совсем недавно.

— Говорю тебе, убежал! Что я, Анпилова не знаю?! Я сама видела, как он уходил.

Мне стало смешно и неловко и пришлось вступить в тот ночной разговор:

— Слушай, дорогая, если у тебя на груди лежит не Анпилов, то, значит, меня зовут Ельцин Борис Николаевич!

Вокруг дружно захихикали, а девушка напряглась и смолкла. Слышно было, как тревожно забилось в груди ее сердце. Пришлось подняться с «теплого места» и уйти к кострам на баррикады...

«Нельзя играть в восстание!» Памятуя ленинский наказ, «Трудовая Россия» с первого до последнего дня противостояния у Дома Советов требовала от Руцкого и Хасбулатова раздать народу оружие. А стволов в оружейных комнатах осажденного Верховного Совета было немало. В первую же ночь восстания вместе с

генералом Макашовым мне удалось убедить Руцкого выдать хотя бы десяток автоматов офицерам, пришедшим защищать Белый дом. В августе 1991 года сторонники Ельцина практически бесконтрольно выдавали оружие всякому, кто называл себя «демократом». Сохранилась фотография, на которой известный музыкант Ростропович снят в роли «стража русской демократии»: взял в руки автомат Калашникова и заснул с ним в обнимку.

Вице-президент Руцкой прекрасно знал историю с выдачей оружия «демократам» в августе 91-го. Но в сентябре 93-го долго сопротивлялся и не хотел открывать оружейные комнаты Верховного Совета. Однако в конце концов он согласился на это, и человек пятнадцать из многих тысяч, пришедших в первую же ночь к Дому Советов, получили оружие под расписку. Открыли оружейные комнаты, где оно хранилось в заводских ящиках и заводской смазке. Вот откуда знаменитая фраза Руцкого при аресте руководителей восстания 4 октября:

— Вот мой автомат. Он в заводской смазке. Я из него ни одного выстрела не сделал!

Гораздо позже, на Учредительном съезде НПСР, куда «Трудовая Россия» не вошла, мне пришлось объяснить с трибуны съезда нашу позицию: без несущей конструкции широкого народного фронта сопротивления, без единства коммунистов всякие союзы рано или поздно превратятся в рассадники предательства. Тогда Руцкой, сидевший в президиуме рядом с Геннадием Зюгановым, ткнул пальцем в мою сторону:

— Вот видите! Пойдете за ним, опять будет кровь!

Я вынужден был задержаться на трибуне:

— Генерал! Любой рядовой знает, что перед боем оружие протирают от смазки. А вы игрались с ним, как

28 сентября 1993

мальчишка. А потому кровь народа на вашей совести!..

Но вернемся в оружейные комнаты Верховного Совета. Пока разбирали автоматы и вскрывали банки с патронами, успеваю отметить, что там же хранятся и армейские гранатометы, причем в немалом количестве. При желании можно было организовать оборону Дома Советов по всем требованиям военной науки.

Первое время обороны Дома Советов можно назвать вялотекущим. Днем, и особенно после рабочего дня, сюда стекались огромные толпы людей. С балкона над 7-м подъездом практически беспрерывно шел митинг, оглашались телеграммы в поддержку Верховного Совета с мест, выступали депутаты, политики отталкивали друг друга локтями от микрофона, стараясь заполучить слово...

В первые дни московская милиция старалась поддерживать нейтралитет. На подступах к Белому дому уже были установлены милицейские кордоны. Однако и депутаты, и сторонники Верховного Совета проходили к зданию хоть со скандалом, но без особых проблем.

Пошла пропагандистская война, в которой бесспорное преимущество было на стороне Ельцина. Призыв актрисы Ахеджаковой: «Да что это за конституция такая?! Раздавить надо эту гадину!» — в те дни был

характерен для информационных программ российского телевидения и радио. Кроме того, «демократы» подогнали к гостинице «Мир» боевую машину пехоты, раскрашенную в желтоватый маскировочный цвет, с мощной звуковой установкой на броне, и начали пропагандистскую войну непосредственно против защитников Дома Советов, стоявших на баррикадах. Народ тут же окрестил установку «Желтым Геббельсом». Усиленный до тысячи ватт лай «Желтого Геббельса» без конца повторял одно и то же: депутатам, которые сложат с себя полномочия, гарантируется сохранение всех привилегий, пособие в размере трехмесячного оклада и немедленное трудоустройство. Голова раскалывалась от громкого звука. Пришлось покинуть баррикады, одному идти на переговоры к «Желтому Геббельсу» и напомнить милицейскому начальству о том, что эта машина стоит на вооружении действующей армии, ее применение равносильно применению обычного оружия. Заодно пришлось и пригрозить:

— Если радиовойна не прекратится, «Трудовая Россия» подожжет «Желтого Геббельса» коктейлем Молотова.

После этого предупреждения «Геббельс» замолк, а затем, изрыгнув тучи зловонного дыма, взревел двигателями и убрался восвояси в неизвестном направлении.

Что касается информационного обеспечения со стороны Верховного Совета, то, как мне кажется, и Руцкой, и Хасбулатов больше надеялись на свои пресс-конференции для отечественных и иностранных журналистов. Огромные издательские возможности типографии Верховного Совета использовались только для распечатки многочисленных резолюций, принимаемых Съездом депутатов Верховного Совета. О массовом издании листовок для москвичей никто не думал, хотя, как мне гово-

рили рабочие типографии, они готовы были выполнить любое задание в любое время суток. «Трудовая Россия» потребовала увеличить тираж листовок после того, как наши пропагандисты у проходных ЗИЛа, АЗЛК, металлургического завода «Серп и молот» обнаружили, что московские рабочие судят о конфликте вокруг Верховного Совета только по передачам официального телевидения. На наши призывы объявить забастовку, прийти поддержать Верховный Совет рабочие ЗИЛа отвечали руганью:

— Ельцин, Гайдар, Руцкой, Хасбулатов — какая разница?! Они дерутся за власть, а нам кровь за них проливать? Пошли они все...

По ночам к Дому Советов подтягивались полки дивизии имени Дзержинского. Пока на разведку. Но тут «Трудовая Россия», имевшая огромный опыт устной пропаганды при непосредственном контакте с потенциальным противником, «отрывалась по полной». Уже через час-два общения с нашим активом солдаты были готовы перейти на сторону трудового народа, и их спешно увозили назад в казармы. На следующую ночь у баррикад появлялись другие.

Наиболее сильный удар в первые дни противостояния Ельцин получил оттуда, откуда меньше всего ждал. Сессия депутатов Московского Совета под председательством Николая Гончара большинством голосов осудила антиконституционные действия Ельцина и признала полномочия исполняющего обязанности президента России Александра Руцкого. После такого решения надо было занимать здания Моссовета на улице Горького и организовывать его вооруженную охрану, чтобы депутаты могли продолжить свою работу и обеспечить общественный порядок в городе. Однако сам Руцкой никак не среагировал на выгодную для него ситуацию. Сессия Моссовета

«зависла» в ожидании, а в Моссовет заявились «демократы» во главе с Гайдаром и Шойгу. Теперь они взяли на себя «охрану» Моссовета, в смысле недопущения депутатов к работе на сессии московского парламента. Так что последнее решение сессии депутатов Моссовета было преступно проигнорировано Руцким и Хасбулатовым.

Замечу попутно, что на последней сессии Моссовета меня, да и всех депутатов, рассмешил прокурор города Геннадий Пономарев. Когда депутаты попросили Пономарева доложить сессии о правовой ситуации в Москве, он заявил, что для доклада ему хватит одной минуты, вышел на трибуну и потребовал лишить меня депутатской неприкосновенности и арестовать в зале заседаний. Пономарев уложился в 30 секунд, но согласия сессии на мой арест прокурор Москвы не получил.

Резкое обострение ситуации, ужесточение блокады Дома Советов, запрещенная международной конвенцией спираль колючей проволоки Бруно, массовые избиения людей, идущих к Дому Советов, отключение энергоснабжения Белого дома — все это началось после неудавшейся попытки группы Станислава Терехова захватить Объединенный командный пункт армий СНГ на Ленинградском проспекте.

Акция Терехова — один из самых сложных и до сих пор до конца не выясненных эпизодов Московского восстания. В результате случайно вспыхнувшей перестрелки на Ленинградском проспекте от шальной пули погибла пожилая женщина, был убит милиционер, в бою погиб один из самых преданных «Трудовой России» бойцов Вильнюсского ОМОНа Сергей.

В военном отношении штаб на Ленинградском проспекте не представлял собой ничего значительного. По этой причине объект на Ленинградском проспекте охранялся небольшим подразделением солдат срочной служ-

бы. Связь с войсками осуществлялась совсем из другого, засекреченного места в Подмосковье. Даже если бы Терехову сопутствовала удача, на связь с войсками он бы не вышел.

Часа за три до попытки захвата командного пункта армий СНГ Станислав подошел ко мне в сопровождении начальника штаба Союза офицеров подполковника Черновила:

— Получено задание захватить штаб армий СНГ. Прошу сейчас никому об этом не сообщать. А ровно в 19.00 объявите по громкоговорящей установке о том, что мы пошли на штурм и просим помощи.

Станислав Терехов в те дни был официально назначен помощником министра обороны России генерала Ачалова. Не верить ему у меня не было оснований: ни один уважающий себя военный не пойдет на такую операцию без команды своего командира. Но когда ровно в 19.00 я объявил снизу о том, что группа Станислава Терехова пошла на штурм штаба армий СНГ и просит помощи, сверху, от микрофонов установки на балконе Верховного Совета, генерал Титов закричал: «Провокация!» Рядом с Титовым стоял генерал Макашов, также назначенный на те дни первым заместителем министра обороны России. Макашов смолчал. Терехов, даже в минуты откровенного разговора с ним, всегда избегал прямого ответа на вопрос: кто дал команду на штурм штаба армий СНГ? Знал ли об этой акции генерал Ачалов, назначенный Верховным Советом министром обороны? Сам генерал никогда публично не осуждал действия непосредственно подчиненного ему в те дни подполковника Терехова, но и не одобрял их. Ачалов и Терехов до сих пор поддерживают нормальные товарищеские отношения. И именно это дает мне основания предположить, что и генерал Ачалов, и его первый заме-

ститель генерал Макашов заранее знали о намерениях Станислава Терехова. Лично я по прошествии многих лет считаю те действия ошибочными, неправильными, но провокационными — никогда.

Буквально через несколько минут, когда основная масса сторонников «Трудовой России» бросилась на помощь Терехову, офицеры Терехова скрутили меня и готовы были четвертовать на месте за клевету на своего командира. С трудом уговорил их подняться вместе к генералу Ачалову, чтобы выяснить, по чьей инициативе действовал их командир. Навстречу нам вышел из лифта подполковник Черновил и на мой вопрос «кто просил объявить о начале штурма штаба СНГ?» честно ответил, потупив глаза:

— Терехов!

Офицеры, заломившие мне руки за спину, опешили и отпрянули от меня...

На следующий день, выступая с балкона Верховного Совета, я расценил действия Станислава Терехова как жест отчаяния, стремление перевести народное восстание от обороны к нападению. Оборона — смерть любого восстания. И даже после трагической неудачи Терехова надо было искать путь к жизни, переходить от обороны к наступлению. Я призвал Руцкого и всех депутатов Верховного Совета немедленно сформировать и вооружить полк охраны исполняющего обязанности президента России, как это позволяла нам сделать Конституция страны. В сопровождении народа, под охраной президентского полка Руцкому, Хасбулатову вместе со всем парламентом надо было идти к Генеральному штабу, КГБ, Министерству внутренних дел, проводить назначенных Верховным Советом силовых министров на работу. Тем более что и в Минобороны, и в здании КГБ СССР ждали появления и личных приказов Руц-

кого. Сидеть сложа руки в осажденном Белом доме не имело далее никакого смысла.

— На работу! — закончил я выступление, обращаясь к силовым министрам, и площадь у Дома Советов поддержала меня, еще долго скандируя:

— На ра-бо-ту! На ра-бо-ту!!!

Увы, после обострения ситуации и ужесточения блокады Дома Советов Руцкой предпочел наступлению переговоры с Ельциным при посредничестве Русской православной церкви в Свято-Даниловом монастыре.

Утром 29 сентября сторонники «Трудовой России» выстроились в три шеренги по всему фронтону здания Верховного Совета, обращенному к Горбатому мосту. И я, считая, что кровавая развязка неминуема, от имени товарищей, вставших на баррикады, пошел искать Руцкого с требованием выдать народу оружие. Руцкой избегал меня. «Трудовая Россия» осталась на баррикадах с кольями в руках.

Хасбулатов вел себя не лучшим образом. Предвидя кровавый финал, он попытался купить москвичей резолюцией Верховного Совета о раздаче земли в Подмосковье всем желающим.

— Руслан Имранович, — заметил я Хасбулатову, — люди, поднявшиеся на защиту Верховного Совета, готовы и будут умирать за идею. А вы их хотите купить за шесть соток земли. Ельцин и больше даст всем, кто согласится перейти на его сторону!

— Да?! — отрешенно спросил бледный от волнений и недосыпания спикер парламента России. — Вы так считаете? Ну, тогда мы не будем обнародовать этот документ.

На подходах к Дому Советов, у выходов из станций метро «Баррикадная» и «Площадь восстания» милиция начала избивать сторонников Верховного Совета: утром, днем и вечером. Причем то была уже не мос-

ковская милиция, а подразделения ОМОНа, срочно переброшенные в Москву из других регионов страны. Вечером 30 сентября, когда над головами людей, собиравшихся у высотного здания на площади Восстания, засвистели полицейские дубинки, «Трудовая Россия» блокировала движение транспорта в районе площади по Садовому кольцу. Баррикада возникла стремительно, из ничего. Александр Рыбаков, машинист электровоза депо Москва-Сортировочная, вместе с товарищами притащил из окрестных дворов подвесные площадки для ремонта фасадов. Он же быстро договорился с водителями троллейбусов, и те поставили машины поперек движения. Другие обнаружили во дворах компрессор на колесах, прикатили его в центр улицы, сообща раскачали и повалили набок, намертво перекрыв центральную часть улицы. Сотни людей, подобно муравьям, работали молча и сосредоточенно. Через десять минут самая крупная баррикада тех дней была готова. К этому моменту подоспел депутат Илья Константинов:

— Виктор, давай такую же баррикаду построим на Калининском, поближе к Кремлю!

Бежим с группой молодежи к Калининскому проспекту, где нам в тыл пристраивается ОМОН, начинает лупить по пяткам и рассеивает по одному. Осмысливая уроки Московского восстания, я думаю, что не надо нам было уходить с баррикады на площади Восстания. Баррикада — могучий символ. Чем дольше она продержится, тем больше шансов, что к восстанию присоединятся другие силы. Поэтому на Садовом кольце рядом с первой баррикадой надо было строить, в пределах одного жилого дома, вторую. В таком случае у восставших не было бы тыла: и впереди, и сзади — баррикады. А с флангов их надежно прикрыли бы стены жилого дома.

1 октября с группой товарищей я весь день агитировал у проходных заводов Пролетарского района, призывал рабочих выйти на Вече 3 октября. 2 октября рано утром забежал домой, чтобы принять поздравления от жены и детей с днем рождения и успеть вернуться к 10 утра на Смоленскую площадь, где намечался митинг ФНС. Приехал туда в половине десятого, а площадь перед высотным зданием МИД оцеплена милицией, движение по Садовому кольцу перекрыто плотными рядами ОМОНа в странной камуфляжной форме: черные пятна на светло-голубом фоне. Народный язык тут же подобрал к ним точное словцо: «крапатые».

Оказалось, это был ОМОН, переброшенный в Москву из родного города Ельцина — Свердловска. От «крапатых» несло чесноком и уральской самогонкой. Действовали они нахраписто и нагло. На митинг ФНС, через дорогу от МИДа, пропускали только с Андреевскими флагами, «красных» же оттеснили от «патриотов» и прижали к самой стене высотного здания. И пока наши — Борис Хорев, Владимир Гусев, Игорь Маляров — митинговали через мегафон, я присматривался, куда отводить людей, если «крапатые» атакуют «Трудовую Россию» по фронту. На тот день московские власти, имитируя спокойствие и праздничное настроение москвичей в мятежном городе, наметили празднование 800-летия Арбата. Вдоль знаменитого пешеходного бульвара срочно выстроили сцены, поставили фанерные лавки, разукрашенные «под Ваньку без головы». А самую большую сцену, как раз на углу МИДа, там, где Арбат выходит на Смоленскую площадь, достроить не успели. У сцены валялись арматура, железные уголки, другие крепежные детали: готовое оружие для самообороны. Между недостроенной сценой и углом здания МИД остался проход шириной метра в полтора. И когда «крапатые» побежа-

ли с дубинками наперевес на «Трудовую Россию», явно надеясь размазать нас по стене высотки, по этому узкому проходу удалось увести людей из-под удара, а затем метанием гаек, болтов отсечь разъяренный ОМОН от людей. В ход пошли даже бутылки с кока-колой, которые мы с Игорем Маляровым «национализировали» у лавочника, разодетого на потеху публике под американского ковбоя. Наши тут же овладели недостроенной сценой и подняли над ней красный флаг, как над баррикадой. «Крапатые» предприняли вторую попытку прорваться в наш тыл с Арбата, теперь уже и со стороны гастронома «Смоленский», и это им удалось. В наших рядах было два безногих инвалида: один ветеран войны, другой помоложе. К сожалению, вспомнить имена героев теперь уже невозможно. Один из «крапатых» настиг инвалида помоложе и страшным ударом дубинки по голове свалил его с костылей. На красноватый асфальт Арбата полилась алая кровь человека...

— Мужики! Бей их арматурой! — закричал высокий, статный Валерий Сергеев, бывший подполковник пограничных войск, и взял в руки полутораметровый «уголок». Вслед за советским пограничником арматуру быстро разобрали не только мужчины, но и женщины, и даже одноногий ветеран на протезе поднял с асфальта арматурину. Московская милиция (и это хорошо видно на фотографиях) не вмешивалась. Бой с «крапатыми» пошел на равных. Омоновцы из Свердловска, только что безжалостно избивавшие женщин, стариков, инвалидов, теперь умылись и собственной кровью.

На помощь «крапатым» в обход по левому флангу со стороны станции метро «Смоленская» бросился батальон внутренних войск. Но здесь, у выхода из метро, собралась огромная толпа молодежи, желавшей примкнуть к восставшему народу. Редкое оцепление москов-

ской милиции сдерживало ребят. Но когда молодежь увидела бегущих на нее солдат с дубинками, молодая, упругая пружина распрямилась и сама пошла в контратаку. Это уже походило на интифаду Палестины. Кулаками, камнями молодые смяли хорошо экипированного противника, обратили его в бегство и освободили всю проезжую часть Садового кольца от проспекта Калинина до Смоленской площади включительно. На самой Смоленской площади в мгновение ока возникли баррикады, перед которыми запылали автопокрышки...

Для меня то был самый счастливый миг восстания. Отступились «крапатые» и от баррикады «Трудовой России» на Арбате. На сцене, недостроенной фанфаронами у власти, начался митинг восставшего народа. «Крапатые», оттесненные к правому углу здания МИД, внимательно слушали выступления советских людей — русских, грузин, украинцев, белорусов, — клеймивших позором предателей СССР... И все-таки — что за чудо наш народ! Пока шел митинг, женщины стали подходить к шеренгам «крапатых» и предлагать им хлеб и воду. А ведь только что те же самые омоновцы избивали тех женщин в кровь!..

Баррикады на Смоленской площади продержались до глубокой ночи. Отсюда до осажденного Дома Советов было не более 15 минут пешего хода. До Моссовета — еще ближе, и восставшие без труда могли занять этот главный стратегический пункт города, чтобы обеспечить продолжение работы сессии депутатов Моссовета, презревшего диктатора и оставшегося на стороне закона. Однако Руцкой, уповая на посредничество Патриарха Русской православной церкви, опять проигнорировал выгодное для него развитие ситуации. Вечером 2 октября, уже после того, как кровь в Москве проливалась неоднократно, Патриарх заявит:

— Первый, кто прольет кровь в Москве, будет предан анафеме.

Ночь я провел в штабе «Трудовой России», который действовал все дни восстания в небольшом помещении, предоставленном нам депутатами Октябрьского районного Совета Москвы. Рано утром 3 октября мы вместе с товарищами решили «просочиться» в блокадный Дом Советов, чтобы согласовать с руководством наши действия во время Всенародного Вече, объявленного «Трудовой Россией» на этот день еще в июне. Соблюдая все меры предосторожности, мы шли к Белому дому краснопресненскими переулками со стороны станции метро «Улица 1905 года». Все подходы к блокадному кольцу были забиты войсками, милицией, ОМОНом. Один из старших офицеров милиции, знавший меня еще по обороне музея Ленина в сентябре 1991 года, увидев, счел нужным предупредить:

— К набережной не ходи, Виктор Иванович! Там свердловский ОМОН, а они на тебя зело обижены за вчерашнее.

Приняли решение идти как раз к набережной и не ошиблись: из-под тентов грузовых машин, где сидели «крапатые», доносился характерный звон граненых стаканов, им было не до бдительности. Беспрепятственно подошли к Дому Советов, но тут меня опознал полковник московской милиции. В черных очках, жующий жевательную резинку на манер американского полицейского, он приказал задержать меня и тотчас связался по рации со своим начальством:

— Задержан депутат Анпилов. Как поняли? Прием!.. Есть доставить в штаб!

Под конвоем трех офицеров меня повели вверх, в сторону посольства США. Но у ближайшего переулка

старший по званию, темноволосый майор милиции остановился:

— Виктор Иванович! Ты уходи дворами! Мы тебя не видели!

— Спасибо. Как вас зовут? — Майор промолчал. — Вы — с Кавказа?

— Я из Азербайджана! — был ответ...

К 11 часам утра на Октябрьской площади — толпы восставшего народа. Вокруг памятника Ленина — оцепление солдат внутренних войск. За ними — ОМОН. Люди хотят пройти поближе к памятнику, но их не пускают. То тут, то там вспыхивает перебранка.

И вдруг словно стон вырвался из сотен сердец: неожиданным ударом омоновской дубинки повержен на мостовую человек. И опять (наваждение какое-то!) удар принял на себя безногий инвалид. Толпа расступилась вокруг лежащего без сознания человека.

— Убили! Убили! — раздались гневные голоса.

Машина «скорой помощи» была на месте первого в тот день кровопролития уже через три минуты. Московские медики работали на пределе человеческих возможностей и делали все, чтобы спасти раненых.

Поверженного инвалида увезли, а кольцо ОМОНа начало сжимать народ на Октябрьской площади. Надо было как-то раздробить силы противника. Я передал через своих записку Владимиру Гусеву: «Уезжаю на площадь Ильича. Передай по цепочке нашим: будем строить баррикады у завода». Мой расчет был прост. Завтра, 4 октября, — понедельник, и если наша баррикада продержится до начала рабочего дня, то мы не только отвлечем ОМОН, но и расширим географию народного восстания до металлургического завода «Серп и молот», где наверняка получим поддержку рабочих.

Примерно через час на площади Ильича собралось около сотни сторонников «Трудовой России». В основ-

Октябрьская площадь. *Утро 3 октября 1993*

ном — пожилые женщины. Молодых было мало. Пока искали строительный материал для баррикады, подкатили около 20 автобусов с ОМОНом. На площадь высыпало не менее пятисот человек в полном боевом снаряжении. Такой махине не составило труда щитами выдавить нас с площади на железнодорожную платформу «Серп и молот».

На электричке отправились в центр города. И когда вернулись на Октябрьскую площадь, узнали, что многотысячная колонна уже ушла оттуда к осажденному Дому Советов. В районе Крымского моста поток восставших попытались остановить оставшиеся без ОМОНа кордоны внутренних войск МВД России. Но эти, не выдержав и десятиминутной стычки с восставшими, бросились бежать. Водометы, которыми хотели остановить лавину людей на Смоленской площади, забросали булыжниками. Ничто не могло удержать людей, стре-

мящихся снять ненавистную блокаду с осажденного Дома Советов...

Официально начало Второго Всенародного Вече на Октябрьской площади было намечено на 17 часов. Но из района блокадного Дома Советов доносилась приглушенная стрельба, и люди требовали идти на помощь осажденным, не дожидаясь назначенного часа. Вторая колонна восставших (не менее 50 тысяч человек), скандируя «Конституция! Ельцина — на нары! Руцкой — президент! Советский Союз! Ленин! Родина! Социализм!», двинулась к Дому Советов. Шли скорым шагом. На верхней эстакаде транспортной развязки Садового кольца и Кутузовского проспекта увидели военные грузовики под красными флагами. Еще не понимая, что произошло, колонна закричала «Ура!!!» Грузовики, автобусы под Андреевскими и красными флагами ждали нас и под мостом на Садовом кольце.

— Блокада прорвана! — кричали нам с грузовиков. — Мэрия взята! Вперед, на Останкино!

Даже если бы я скончался в этот момент от радости, то народ, опьяненный счастьем первой победы, не заметил бы этого. Не спрашивая позволения, десятки дружеских рук подняли меня, и я, песчинка народного восстания, полетел в кузов грузовика. Упал на колени Ильи Константинова.

— Витя! — кричал Илья, пытаясь обнять меня в давке кузова, переполненного людьми. — Мы им вмазали! Ты бы видел, как они бежали! Ельцину — конец! Едем брать Останкино. Колонну ведет Макашов!

По дороге в Останкино нас обгоняли другие грузовики и автобусы с защитниками Дома Советов: наша машина была перегружена. Даже сверху, на тенте, сидели люди. Постовые ГАИ отдавали нам честь и указывали жезлами в сторону Останкино: «моя милиция меня

бережет»! Полная эйфория... Только раз сердце наполнилось недобрым предчувствием. На проспекте Мира мы обогнали остановившуюся армейскую колонну бронетехники. Солдаты и офицеры доброжелательно приветствовали нас. И почему генерал Макашов не приказал остановиться, чтобы присоединить колонну бронетехники к нам?! Внешне солдаты и офицеры были настроены дружелюбно. Но народное восстание после штурма и взятия мэрии переросло в вооруженное. 3 октября в Москве уже шли боевые действия, и в этих условиях оставлять у себя в тылу целую колонну бронетехники было неосмотрительно.

Но вот и телецентр в Останкино. Ненавистная нам «империя лжи». О «штурме телецентра» 3 октября 1993 года написано море статей, мемуаров и немало книг. Открытые враги, вопреки фактам, обычно приписывают мне авторство призыва к штурму. Друзья — Александр Проханов, Надежда Гарифуллина, — будучи не в силах объяснить причины поражения восстания, также грешили против истины, путали последовательность развития событий, приписывали мне какую-то зловещую роль вождя, для которого свои амбиции превыше всего. В связи с этим хочу заявить следующее: народное восстание в Москве в октябре 93-го года потерпело поражение по той причине, что его руководство в лице Руцкого, Хасбулатова и всего Верховного Совета России с самого начала исключало вооруженное развитие конфликта и не готовилось должным образом к вооруженному противостоянию. Отсюда нерешительность Руцкого — раздавать или не раздавать оружие народу, его слепая вера в миротворческую миссию Патриарха РПЦ. Отсюда досадные оплошности Макашова, оставившего колонну бронетехники в собственном тылу и приказавшего таранить вход в ОТРК грузовиком, размеры которого были в два раза больше необходимого.

Отсюда — неясность задачи, поставленной перед участниками штурма: если телецентр в Останкино надо было взять для того, чтобы обеспечить исполняющему обязанности президента России Руцкому выступление в прямом эфире телевидения, то тогда первым в Останкино должен был приехать сам Руцкой, а он выжидал, когда каштаны из огня вытащат для него другие.

В отличие от Хасбулатова и Руцкого, Ельцин готовился к вооруженному насилию над собственным народом и не скрывал этого: в августе—сентябре демонстративно посетил дивизии Кантемировскую и имени Дзержинского под Москвой, провел инспекцию новейших образцов стрелкового оружия, повысил в должностях и званиях преданных ему лично генералов. Не исключено, что сдача мэрии могла быть и военной хитростью ельцинских генералов, рассчитанной на дальнейшие непродуманные действия Руцкого.

Первым в 17-й подъезд основного «стеклянного» здания телецентра вошел генерал Макашов и несколько человек из его охраны. Я зашел в этот же подъезд с мегафоном практически одновременно, сразу же вслед за Макашовым. Охранники, в том числе мой телохранитель Захаров, шли сзади нас.

Вторая, внутренняя стеклянная дверь подъезда была наспех забаррикадирована письменными столами, и за ней можно было хорошо видеть вооруженных автоматами Калашникова и снайперскими винтовками спецназовцев в черных масках.

— Это «витязи», — определил Макашов и, обращаясь ко мне, поставил задачу: — Разагитируй спецназ. Говори, что мы пришли не стрелять, а требовать выступления законного главы государства по телевидению. Без моей команды никаких самостоятельных действий не предпринимать!

Макашов с охранниками вышел, а в пространство между первой и второй дверью мне на подмогу вошли Юрий Цховребов, Наталья Белокопытова и Александр Захаров. Вчетвером, под прицелами «калашей» и снайперских винтовок, мы начали «разагитацию» спецназа. «Витязь» теперь уже находился на расстоянии 20 метров. Я говорил, не прерываясь, минут 30—40. О чем, не помню.

Говорил о Родине, об отцах, которые проливали кровь в боях за ее свободу и независимость. О матерях, которые ждут нас в отцовском доме после подвигов во имя народа. О том, что ни один президент, а тем более его должностное кресло не стоит того, чтобы ради них проливать народную кровь... Наверное, то было не самое худшее мое выступление. Минут через десять непрерывной агитации с моей стороны «витязи» опустили стволы. На двадцатой минуте присели на стулья. На тридцатой — сняли с лиц черные маски и удивленно смотрели на меня синими русскими глазами, как будто я был пришельцем с другой планеты.

За стеклянной дверью забегали люди, которые стали кричать нам, что сейчас вниз спустится Брагин. Бывший первый секретарь Смоленского обкома КПСС Брагин переметнулся на сторону Ельцина в августе 91-го и занял пост председателя Российской телерадиокомпании сразу после Егора Яковлева, слетевшего с этого поста вскоре после нашей «Осады империи лжи» в июне 92-го. Брагин появился внизу, прокричал в нашу сторону, что он не уполномочен решать вопрос о предоставлении прямого эфира для выступления Руцкого, и тут же испарился, словно его и не было. Я послал Юру Цховребова передать эти слова генералу Макашову. Обратно Юра не вернулся. Агитировать «витязей» и дальше было бессмысленно. Вышел из подъезда и начал обращаться к молодым солдатам внутренних войск МВД, стоявшим в оцеплении

по периметру телецентра. Минут через десять оцепление вокруг телецентра сняли, солдат увели. А к телецентру продолжали прибывать автобусы с восставшими. На ступеньках подъезда № 17 начался митинг.

Здесь же присутствовали иностранные журналисты многочисленных телевизионных компаний, упрашивавшие дать для них прогноз событий: Венгрия, Германия, Бразилия... После многочисленных интервью меня замучила жажда. У 17-го подъезда стояла автомобильная цистерна с надписью «Вода». Я залез на цистерну зачерпнуть воды через верхний люк и увидел, как к телецентру медленно приближается уставшая колонна «Трудовой России», пешком преодолевшая 20-километровый путь от Октябрьской площади до телебашни в Останкино.

Не успел зачерпнуть воды, как справа у центрального подъезда здания телецентра раздался хлопок гранаты, и началась беспорядочная стрельба. Освещение обоих зданий телецентра было выключено, а улица, напротив, была ярко освещена уличными фонарями, и людей было видно как на ладони. Люди бросились на землю, кто-то побежал, а кто-то уже упал, сраженный пулей... Трассирующие били с верхних этажей того и другого здания. Люди на улице Королева оказались под прицельным перекрестным огнем. Ветераны, подходившие к телецентру пешком из центра города, отпрянули назад. Кто помоложе успел добежать до дубовой рощи и укрыться в ней. Мы с Захаровым бросились к зданию телецентра, откуда стрельба велась наиболее интенсивно. Добежав до угла здания, попытались докричаться до стрелявших через мегафон. Напрасный труд! Стрельба, стоны раненых, крики о помощи заглушали наш мегафон. Отступили в дубовую рощу. И тут со стороны телебашни на улицу Королева выкатил первый бронетранспортер — вполне возможно, из числа тех, что остались у

нас в тылу на проспекте Мира. Боевая машина, не останавливаясь, развернула башенные пулеметы вправо и полоснула трассирующим пулеметным огнем по окнам верхних этажей телецентра.

— Наши! Ура!!! — закричали голоса в дубовой роще.

БТР, проносившийся мимо, полоснул злой, неприцельной очередью по голосам, успел обстрелять верхние этажи другого здания и врезался на скорости в угол дома, как раз в том месте, откуда мы только что пытались вести пропаганду через мегафон.

— Пьяные, гады! — догадались голоса в дубовой роще. А еще через пару минут здесь обнаружили труп человека, разорванный шальным выстрелом из крупнокалиберного пулемета...

Хаотичная стрельба по живым мишеням с верхних этажей телецентра затихла, чтобы через пару секунд возобновиться редкими одиночными выстрелами: снайперы добивали раненых.

— Как же это? Что делать? Что делать? — без конца, не без раздражения, спрашивали укрывшиеся в дубовой роще люди.

Я и сам не понимал, как же такое могло случиться: Макашов не говорил мне ни слова о намерении штурмовать телецентр, связи с ним не было, и я был в полном неведении, где генерал и что с ним. Ярость людей нарастала:

— Ты видишь, куда ты нас привел? А где оружие? Где оружие, я тебя спрашиваю?!

— Оружия у меня нет, — отвечаю, — и я пришел сюда вместе с тобой по собственной воле.

— Тогда говори, что делать!

— Возьми бутылку с бензином и подожги их!

— А где взять бензин?!

— Я не знаю. Помочись в бутылку, но подожги!

Часть этого диалога воспроизвела на своих страницах «Комсомольская правда», когда я уже сидел за решеткой следственного изолятора в Лефортово. Значит, возможно, что сами «комсомольцы» и спровоцировали тот диалог. А бензин нашелся. Его одолжили восставшим московские рокеры, помогавшие вывозить из-под огня раненых на своих мотоциклах.

В первом часу ночи стрельба у телецентра стихла. Наконец передали, что меня желает видеть Макашов. Генерал был предельно краток:

— Здесь все кончено. Уводи людей назад, к Белому дому!

Я все понял: у телецентра народное восстание в Москве потерпело военное поражение. По цепочке я передал сторонникам «Трудовой России», чтобы они расходились по домам. Возвращаться под новую бойню у Дома Советов, на мой взгляд, не имело смысла, и я не выполнил приказ Макашова.

На рассвете 4 октября в штабе «Трудовой России», в здании Октябрьского райсовета Москвы, удалось провести небольшое совещание. К тому времени CNN — крупнейшая телевизионная компания США — установила вокруг Дома Советов антенны спутниковой связи для прямой трансляции телевизионного репортажа о расстреле парламента России. В Москву, помимо дивизии имени Дзержинского, в полном боевом снаряжении вошли Тульская воздушно-десантная, Кантемировская и Таманская дивизии Вооруженных Сил России. Танки двигались по Кутузовскому проспекту и выходили на позиции огня прямой наводкой по Дому Советов. Расчеты танковых экипажей были наняты за большие деньги только из числа офицеров-добровольцев. После расстрела парламента и убийства сотен людей телевизионщики, убивавшие в те дни своими передачами сотни тысяч морально, возьмут

интервью у старшего лейтенанта Андрея Русакова, «наводчика» одного из таких экипажей. Вопрос ведущего:

— Что вы испытывали, когда видели, что снаряды вашего танка ложатся точно в цель?

«Герой» штурма Верховного Совета ответил:

— Мне хорошо заплатили, а я хорошо делал свою работу!

Через год тот же «герой» подрядился делать свою «работу» на войне в Чечне, но попал в плен. И то же самое телевидение показало деградировавшего офицера без погон, с гримасой животного страха на лице. Внештатный фотокорреспондент газеты «Молния» Майя Скурихина смогла запечатлеть для истории и тот, и другой моменты...

На совещании в штабе «Трудовой России» узнаем, что накануне, сразу после событий в Останкино, Геннадий Зюганов призвал членов КПРФ покинуть обреченный Верховный Совет. Считаю, что Зюганов в этом случае поступил правильно. После бойни в Останкино надеяться на пощаду со стороны ельцинских палачей было бы верхом политической и военной глупости. Совсем по-другому я расцениваю решение Зюганова принять участие в референдуме по «расстрельной» Конституции и в парламентских выборах «на крови» в декабре 1993 года. Это было предательство. И так же я расцениваю неоднократные заявления Г. Зюганова, в контексте октябрьских 1993 года событий, о том, что «КПРФ не партия мщения». Прощения палачам и предателям народа быть не может. Павшие в Останкино и у Дома Советов не уполномочили Зюганова прощать убийц...

Посовещавшись, приняли решение предпринять еще одну попытку обратиться к военным и с их помощью предотвратить бойню у Дома Советов. Выбор пал на Академию бронетанковых войск имени маршала Рыбалко. Офицеры академии, включая ее командова-

ние, хорошо знали «Трудовую Россию» и меня лично еще по пикетам февраля 1990 года.

Но теперь, когда мы попытались войти в здание академии, оказалось, что все входы и выходы здания забаррикадированы. Ни один офицер не набрался смелости подойти к нам, чтобы прояснить ситуацию. Рядовые солдаты в ответ на наши просьбы сообщить командованию о визите недоуменно пожимали плечами.

К 11 часам утра из района Дома Советов отчетливо доносилась стрельба из автоматического оружия, а затем — и залпы танковых орудий. Курсом на Дом Советов летели боевые вертолеты... Напрасно мы дежурили у КПП Академии бронетанковых войск: в эти трагические для России часы даже мышь из нее не высовывалась...

Ветеран Вооруженных Сил Анна Емельяновна Бельянинова и участник Великой Отечественной войны Вадим Валентинович Пустовалов посчитали, что, пока в городе неразбериха, мне необходимо срочно выехать из Москвы. Я согласился. Выбрали южное направление с первой остановкой в Туле, в надежде далее добраться до Абхазии, народ которой во главе с президентом Ардзинбой уже тогда твердо стоял на позициях борьбы за восстановление семьи советских народов — СССР.

В три часа дня подслеповатый Вадим Валентинович Пустовалов на своих стареньких «жигулях-копейке» увозил меня по Симферопольскому шоссе к Туле. Лидером «Трудовой России» в Тульской области был тогда честный, порядочный человек Александр Шикалов. Без лишних слов он определил меня на дачу к своим хорошим знакомым. Там из телевизионных репортажей я узнал первые подробности расстрела парламента и ареста Руцкого, Хасбулатова, Макашова, других руководителей восстания. Тогда же сообщили о розыске Малярова, Баркашова и Анпилова.

Я решил переждать в Туле несколько дней, отпустить бороду, как-то изменить внешность, а затем двигаться дальше. 6 октября я начал писать манифест «К оружию!». Этот документ, написанный мною собственноручно, лежал на письменном столе и был изъят следственными органами в день моего ареста. Хозяева дачи, честнейшие и порядочные люди, не могли меня выдать. Скорее всего, когда я однажды вышел на улицу нарубить дров, меня увидели и опознали соседи, и среди них — бывшие ответственные работники Тульского обкома партии. Партноменклатура Тульской области, особенно из числа приближенных к бывшему губернатору Севрюгину, почему-то невзлюбила меня с 1991 года. По факту моего выступления в Туле, где содержались призывы к свержению Ельцина, подписавшего преступный Беловежский сговор, в том году было возбуждено уголовное дело, закрытое Генеральной прокуратурой за недоказанностью состава преступления. Замечу, что впоследствии «защитник» Ельцина губернатор Тульской области Севрюгин проворовался в таких масштабах, что, даже доказав свою верность высочайшему покровителю в Кремле, попал-таки за тюремную решетку.

Впрочем, таковой оказалась участь очень многих приближенных Ельцина. То была власть, о которой в народе говорят: жулик на жулике сидит и жуликом погоняет.

Мой манифест «К оружию!» был окончательно отредактирован, когда в окно второго этажа дачи я увидел приближавшуюся колонну бронетехники. Быстро спустился вниз предупредить хозяев. Анатолий Кириллович принял решение спрятать меня на чердаке, куда вела потайная внутренняя лестница. На чердаке я залег за рулон стеклоткани, откуда через довольно широкую щель между стеной и потолком можно было хорошо слышать и видеть, что происходит на втором этаже. Через минуту-другую послы-

шался звон разбитого стекла (как мне потом рассказывали хозяева, в окно вдвинули ствол крупнокалиберного пулемета). Затем с улицы послышались крики:

— Сдавайся!

Хозяева вышли на улицу, затем вернулись в помещение. Начался допрос: где Анпилов? Анатолий Кириллович так запудрил мозги незваным гостям, что его и жену вынуждены были отправить на продолжение допроса в УВД Тульской области. Чтобы окончательно сбить ищеек со следа, Анатолий Кириллович надел мои туфли, оставив на их месте свои грубые рабочие ботинки, которые затем и показало телевидение: вот в чем ходит Анпилов. На второй этаж дачи, судя по звукам, поднялось сразу несколько человек. Начался обыск. Увидели на столе и начали читать вслух манифест «К оружию!». Сообщили по рации о находке.

— Он должен быть здесь! — заявил командный голос так близко от меня, что если бы они прекратили ходить и на минуту затихли, то услышали бы, как стучал в груди молот моего сердца. Один из военных, наверное, и услышал тот набат, он подошел вплотную к щели, и мы встретились взглядами. Я видел карие глаза, лейтенантские погоны и подсумки с патронами на груди. Мои глаза должны были отражать свет, и лейтенант не мог не заметить их блеска. Не мигая от напряжения, мы смотрели друг на друга.

— Здесь никого нет! — доложил офицер.

— Никуда он не денется! Он здесь! — отреагировал командный голос. Затем по потолку крепко стукнули кулаком, и рядом со мной зазвенели пустые стеклянные банки:

— Там чердак! Ищи лаз!

Через минуту на чердак поднялись два офицера и пошли, согнувшись, с направленными в мою сторону стволами автоматов.

— Я здесь! Оружия нет. Выхожу! — сказал я и не узнал сам своего голоса: от волнения в горле все пересохло.

Спустились вниз на первый этаж. Обладатель командного голоса, здоровенный верзила-подполковник с большой бородавкой на левой щеке, надел на меня наручники, а затем, ни слова не говоря, сшиб меня с ног ударом кулака в ухо.

— А без наручников слабо было? — спросил я, поднимаясь с пола. Верзила ничего не ответил и начал выворачивать мои карманы: удостоверение депутата Моссовета, одна стодолларовая купюра. Все.

— Вот видишь, ты с долларами ходишь, а я, офицер, не могу прокормить семью! — прокомментировал результаты обыска подполковник.

Те сто долларов мне подарил на Смоленской площади 2 октября аргентинский журналист Клаудио Соломон.

— Теперь тебя повысят в звании, и у тебя будет много долларов! — не смог удержаться я от иронии.

Военные, производившие арест, отвезли меня к начальнику Управления внутренних дел Тульской области, но генерал не пожелал «светиться» и замахал руками:

— Ведите к следователям!

Первый допрос — чисто формальный: где родился, где крестился. Протокол изъятия личных вещей, в том числе манифеста «К оружию!», я подписывать в отсутствии адвоката отказался. В комнату для допроса ввели оператора телевидения из МВД. Особо снимать было нечего, кроме грубых рабочих ботинок, оставленных мне Анатолием Кирилловичем, которые я попытался спрятать под стул, когда на них навели телекамеру. Повели в наручниках на улицу. Телекамера впереди, снимает:

— Голову вниз! Голову — вниз! — кричат конвоиры и тычут в затылок кулаками.

«Хрен вам! — думаю. — «Трудовая Россия» перед врагом голову не склоняет!»

Пока меня этапировали в Москву с почетным эскортом из милицейских «канареек», из столицы навстречу возвращалась по Симферопольскому шоссе Тульская воздушно-десантная дивизия... 180 километров проскочили за два часа. Остановились у въезда во двор Министерства внутренних дел России на Октябрьской площади. Долго ждали. Очень хотелось в туалет. Наконец вышел заместитель министра в погонах генерал-полковника. Наклонился к окну машины:

— А, Анпилов! Ну, пусть живет. Пока!

С первых моментов тюрьма «Лефортово» запомнилась жестким порядком, где все определено инструкцией, и никто — ни надзиратели, ни подследственные или осужденные — не имеют права от нее отклоняться. Когда поздно ночью меня доставили в следственный изолятор, служащий тюрьмы потребовал от моих конвоиров сдать оружие. Офицеры МВД запротестовали:

— Кому нужна эта морока?! Зайдем всего на одну минуту, сдадим арестованного и выйдем!

Тюремщик был непреклонен и даже ироничен:

— В тюрьму заходить с оружием не положено. Кто знает, что у вас на уме: зашли на минуту — вышли через десять лет!

Конвой сдал оружие, но сдать меня за минуту у них и вправду не получилось: наручники не расстегивались в течение получаса. Как только за мной закрылась тяжеленная дверь приемника, надзиратель будничным голосом сказал:

— Руки за спину! Первым делом идем в туалет.

Кажется, у Ремарка герой повести «На Западном фронте без перемен» вспоминает, как легко ему мочилось, пока шло наступление, и какие рези в мочевом канале у него начались с отступлением. Никогда я не

мочился с таким наслаждением, как в первые минуты моего пребывания в тюрьме «Лефортово». Даже в физиологическом отношении тюремный порядок был гораздо лучше античеловечного беспредела времен Ельцина.

Первые три дня провел в одиночке. Таков порядок. Видимо, трех дней достаточно, чтобы тюремщики могли определить психологическое состояние узника. Затем перевели в общую камеру на троих: два с половиной метра в ширину, пять метров в длину, умывальник с краном холодной воды и унитаз в виде бетонной воронки. Первые дни в тюрьме — самые тяжелые. Раздражает глазок в двери камеры, через который за тобой наблюдают днем и ночью. Стоит ночью укрыться с головой на одну секунду, как тут же откидывается притвор стальной двери и металлический голос надзирателя напоминает: «Голову — наружу!». Если днем ты задержался в «мертвом пространстве» у двери, где тебя не видно в глазок, опять та же история: откидывается притвор и металлический голос напоминает: «Отойти от двери!». Но самое тяжелое испытание для человека в тюрьме — безделье. Если не сломиться в первые же дни, если ежедневно делать гимнастику ума — писать, читать, заучивать наизусть стихи — то даже тюремщики будут тебя уважать, и собственное самочувствие будет лучше.

В период моего пребывания в «Лефортово» начальником тюрьмы был полковник Растворов. Это «привилегированная» тюрьма КГБ СССР для особо опасных государственников преступников. Там неплохая библиотека: по каталогу можно выписать в камеру на десять дней до пяти книг на одного человека. В дневное время в камеру можно взять также шахматы, шашки или домино. Кормят хоть и безвкусной тюремной баландой, но горячей и три раза в день. Питаться с такой регулярностью я на свободе возможности не имел. В камере от подъ-

ема до отбоя работал вмонтированный в стену радиоприемник, настроенный на радиостанцию «Маяк», и я получал самую свежую информацию о событиях в стране и за рубежом. Однако в те дни общенациональный эфир «Маяка» ежедневно после 20.00 на полтора часа бесплатно (!) предоставлялся японской террористической секте «Аум-Синрикё». И это было хуже пытки. Как только в камере звучали ее позывные, мы вздрагивали, как от электрошока, и бросались уменьшить звук до минимума. Как всем известно, после атаки «боингов» на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года тема борьбы с международным терроризмом стала супермодной. Но о факте сотрудничества властей России с ультратеррористической организацией, каковой являлась секта «Аум-Синрикё», никто из высокопоставленных чинов Кремля не заикается.

Три раза в неделю в камеры тюрьмы «Лефортово» поступала также свежая пресса. Помнится, одна из газет опубликовала интервью полковника Растворова. На вопрос, как себя ведут узники «Лефортово», проходящие по делу о массовых беспорядках в Москве 3—4 октября, начальник тюрьмы ответил:

— По-разному. Одни впали в депрессию, отказались от прогулок, весь день смотрят в одну точку. Другие — напротив, активны, насколько позволяют условия содержания: делают утреннюю зарядку, много читают и пишут.

Не знаю, кого имел в виду под «первыми» полковник Растворов, но себя я по праву причислил ко вторым — активным. Я ежедневно работал по три-четыре часа над книгой «Лефортовские диалоги», написал несколько статей на испанском языке, начал изучать японский (японским языком владел один из моих сокамерников, бывший офицер КГБ), перечитал в оригинале Джека Лондона — «Железная пята», «Зов предков», «Белый

клык», освежил в памяти весь цикл «Цыганских романсов» Федерико Гарсиа Лорки. Никогда ни при какой погоде я не отказывался от ежедневных получасовых прогулок по зарешеченной клетушке на крыше тюрьмы. Иногда под стон русской вьюги я забывался и начинал на прогулке декламировать Лорку в полный голос и со всей силой страсти его бесподобных, пропитанных зеленым ветром свободы стихов:

Verde, que te quiero verde!
Verde viento, verdes ramas,
El barco sobre la mar
Y el caballo en las montanas...

Часовой в тулупе, наблюдавший за прогулкой с верхней галереи, на минуту останавливался, прислушиваясь к незнакомым ему звукам и соображая, не спятил ли зарешеченный человек, но быстро вспоминал об обязанностях своих и заключенного:

— На прогулке в полный голос говорить не положено!

По сравнению с другими заключенными у политических, проходивших по делу о московском восстании, была одна существенная привилегия: раз в неделю ощущать солидарность извне. По воскресным дням, как раз во время тюремного обеда, к «Лефортово» подходили пикеты «Трудовой России» с требованием освободить политических заключенных. Их пытались вытеснить ОМОНом — бесполезно. Каждое воскресенье примерно в 13.00 за стенами тюрьмы начиналось скандирование, хорошо слышное в камере. Сначала повторялся лозунг октябрьских дней 1993 года: «Руцкой — президент!». Через две недели содержание лозунгов для скандирования поменялось на более широкое:

— Руцкой — свободу! Макашов — свободу! Анпилов — свободу!

А месяца через три список сократился до одного слова: «Ан-пи-лов!». Если скандирования по каким-то причинам не было слышно, мои сокамерники начинали возмущаться и подтрунивать надо мной:

— Ну, вот видишь, вся солидарность прошла. Забыли вас, Виктор Иванович! Так проходит земная слава!

Но «Трудовая Россия» не покидала меня. И пусть иногда с задержкой, но все равно за стенами тюрьмы звучало требование свободы политзаключенным, в том числе и для меня лично. Дважды мне разрешили свидание с женой Верой Емельяновной, в том числе один раз вместе с сыном Сергеем. Вера рассказала мне, что в нашу квартиру со словом поддержки, с материальной помощью семье приезжали люди со всей России и других республик Советского Союза. Но я и не подозревал, какая мощная волна солидарности с политзаключенными «Лефортово» поднялась во всем мире.

Под давлением глобальной солидарности коммунистов режим Ельцина вынужден был под предлогом амнистии освободить всех руководителей московского восстания. Александр Руцкой, заросший бородой, как граф Монте-Кристо, настолько ослабел за пять месяцев тюрьмы, что ему помогли дойти до «мерседеса». Генерала Макашова и других также побыстрее увезли на машинах. А у меня машины не было, я имел счастье уйти от тюрьмы вместе с женой и товарищами по борьбе пешком. Вернее, у нас был «уазик» со звукоустановкой, на котором меня приехали встречать Юрий Лесин, Владимир Гусев, Игорь Маляров, Юрий Худяков, Алла Аверина, Валентина Козенкова, Наталья Белокопытова — все друзья из «Трудовой России». Не успели за мной захлопнуться двери тюрьмы, а мне уже дают микрофон:

— Говори!

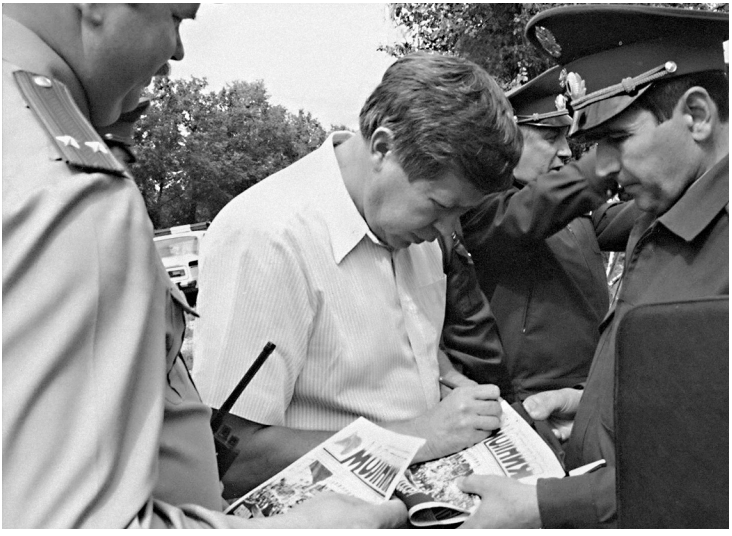
Я знаю, что митинг не санкционирован, но отказаться от слова уже невозможно: микрофоны многочисленных телекамер ждали, что скажет «Трудовая Россия»:

— Друзья! Товарищи мои дорогие! Спасибо вам, что вырвали нас из застенков. Что вам сказать? Если за то время, пока я сидел за решеткой, хлеб стал дешевле, если блага прогресса стали доступнее людям труда, тогда прав Ельцин, и борьба с ним бессмысленна. Но если хлеб стал дороже, если нищета трудового народа стала еще отвратительнее на фоне роскоши и богатства немногих, тогда наша борьба с капиталом продолжится. Вместе — победим!

В ПОХОД!

Трижды «Трудовая Россия» поднимала своих сторонников в поход за советскую власть. Идея походов навеяна всемирно известной песней «По долинам и по взгорьям», последний куплет которой подводит итог триумфального шествия советской власти и гражданской войны в России: «Разгромили атаманов, разогнали воевод и на Тихом океане свой закончили поход».

По большому счету, истоки этой идеи — в глубинах отечественной истории, в походах восставшего народа под предводительством Ивана Болотникова, Емельяна Пугачева против деспотизма крепостников, за освобождение крестьянства от рабства. Идея народного шествия глубоко национальна. На протяжении веков Русская православная церковь успешно эксплуатирует ее в виде «крестных ходов». Царь Иван Грозный, бежавший из Москвы в Александровскую слободу, согласился вернуться на трон лишь после того, как народ при-

Поход за СССР. *1998*

шел к нему на поклон «крестным ходом». Этот эпизод очень мощно показан в фильме Эйзенштейна «Иван Грозный».

В России слова «ходок», «поход», «дорога» имеют особый, мистический смысл. Даже Кровавое воскресенье 1905 года не смогло отвратить русских от той простой идеи, что народ в движении — сила, которую нельзя не уважать.

В современном международном рабочем движении русскую идею походов давно и успешно используют наши братья за рубежом. В 1995 году шахтеры Италии возглавили поход трудящихся на Рим и добились снижения пенсионного возраста для шахтеров с 55 до 50 лет, а также регулярной индексации (повышения) пенсий для всех трудящихся в зависимости от индекса роста цен в стране. Это то, что сегодня нужно, как воздух, и России.

В 1996 году, за год до первого похода «Трудовой России» на Москву, Движение 8 Октября в Бразилии организовало народный поход на столицу страны — город Бразилиа. Большинство участников бразильского похода было студентами и учащейся молодежью. Войдя в столицу — сравнительно небольшой ультрасовременный город, построенный по замыслу архитектора Оскара Нимейера, — молодые люди ускоренным маршем прошли к сдвоенному зданию конгресса и парламента, ворвались в зал заседаний последнего и потребовали отставки коррумпированного президента страны Колора. Финал акции транслировался в прямом эфире телевидения Бразилии. И через неделю была созвана коллегия адвокатов страны, которая, согласно конституции Бразилии, инициировала процесс импичмента президента. А еще через месяц президент Колор — кстати, друг Горбачева — вылетел из своего кресла. Так совпало, что к тому времени в Бразилии была переведена на португальский язык и издана моя книга «Лефортовские диалоги», и я, будучи приглашен на официальное представление книги, стал свидетелем финальной части тех событий.

Походы на Москву- 97 и -98 проходили под лозунгами отставки президента Ельцина, суда над предателями СССР, восстановления советской власти.

Первый же поход показал, что подавляющее большинство населения России поддерживает лозунги и основные цели борьбы «Трудовой России». Это чувствовалось во всем. Мы пошли на Москву двумя колонами из Тулы и Рязани. Рязанское направление возглавлял председатель Союза офицеров Станислав Терехов.

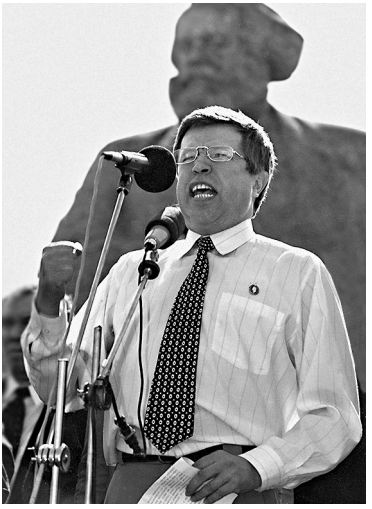
Тула проводила нас проливным дождем. К сожалению, губернатор Тульской области Василий Александрович Стародубцев не вышел из своего кабинета ска-

«Ельцина – на рельсы!» Пикет у Госдумы. ***Весна 1998***

Пикет у Госдумы. С фронтовиком Виктором Ефимовичем Никитенковым

1 мая 1998

зать нам напутственное слово, хотя все участники похода этого ждали. Милиционеры, неотступно сопровождавшие нас, напротив, во время первой же ночевки в лесу подсели к нашим кострам, делили с нами хлеб, соль и возмущались властью «новых русских», которая подставляет рядовых милиционеров под бандитские пули и в России, и в Чечне. Работники лесной охраны выделяли нам для ночевок самые удобные и самые красивые места Тульской области и Подмосковья. К местам ночных привалов тотчас приходили жители окрестных сел, деревень, много молодежи. Они приносили нам горячую картошку, выпечку, варенье к чаю. У костров завязывались по-настоящему братские беседы. Мы все ощущали себя единой семьей, в которую пришла большая беда.

Колонна проходила в день примерно 30 километров. Небольшим автобусом отказывались пользоваться даже ветераны, а молодые под руководством полковника Зиновьева вообще предпочитали «марафонский бег» по маршруту. Помнится, после перехода по мосту через реку Ока все участники похода буквально повалились с ног на привале в березовой роще. Лежали как бездыханные. И вдруг «наш грузин» Владимир Мелитонович Габискирия (а в старике не меньше 120 килограммов

веса!) вскочил на ноги, запел гортанным голосом что-то грузинское и пошел плясать на цыпочках, как мальчишка. Тут и наша агитбригада поднялась, Зинаида Иванова, Анна Ермакова, Валентина... Пошли плясать русскую «барыню» — куда подевалась усталость!

«Тульская» колонна шла по старому Симферопольскому шоссе. По маршруту много деревень, старых русских городов: Серпухов, Чехов, Климовск, Подольск... Заходит наша краснознаменная колонна в любую деревню, мальчишки бегут впереди, кричат как оглашенные:

— Красные идут!

Бабушки выходят, крестятся с радостью:

— Слава богу, советская власть возвращается! — И наливают нам в кружки свежего молока.

В Серпухове местные пчеловоды подарили нам бочку меда. В Подольске на митинг пришло никак не меньше двух тысяч подольчан. Участник обороны Дома Советов легендарный казацкий сотник Виктор Морозов (впоследствии зверски убитый мафией) встретил нас по-братски: подарил «на всех» около сотни арбузов, помог в организации сбора средств на Советское телевидение, организовал шествие от места митинга до окраины Подольска. Одна женщина, назвавшая себя Марией, внесла в фонд Советского телевидения 200 рублей, напоила нас козьим молоком, а затем упросила колонну свернуть с маршрута на тридцать метров, чтобы испить кристально чистой воды из ее колодца...

Перед Москвой мы соединились с «рязанской колонной» и остановились на ночлег в лесу, у Кольцевой дороги, между Бутово и Варшавским шоссе. Разбили лагерь. Здесь к нам присоединились «нацболы» Лимонова и большая группа сторонников «Трудовой России» из Ленинграда под руководством Вячеслава Марычева. Депутат Государственной Думы первого постсоветского созыва

Вячеслав Антонович Марычев запомнился всем своей экстравагантностью и высоким актерским мастерством издевательства над буржуазным парламентаризмом. Чего стоит его костюм уличной женщины с обнаженной грудью, в котором он появился на последнем заседании Думы, избранной на крови народа! Намек был понятен даже школьнику: парламент во все времена был и останется продажным. Марычев был избран в Думу от списка ЛДПР Жириновского. Но затем разошелся с ним, не желая поддерживать Ельцина и его «реформы». Еще будучи депутатом, Вячеслав Антонович активно поддержал акцию «Трудовой России» против совместных военных учений России и США на Тоцком полигоне. И затем, в самые трудные для нас моменты, Марычев был вместе с «Трудовой Россией». Организованные им в Питере пикеты в защиту Дворца Боссе от частнособственнических посягательств Розенбаума и многие другие акции сделали бы честь любой партии.

К вечеру в лагерь участников похода-97 пришли представители руководства московской милиции. С точки зрения закона — уведомления властей города о намерении «Трудовой России» провести шествие по Варшавскому шоссе от Кольцевой дороги до Кремля и митинг на Васильевском спуске — все было сделано правильно. Власти Москвы без всяких мотивов отказали нам в проведении митинга у Кремля, выделив для этого Октябрьскую площадь. Официального отказа в шествии не было. Заверив милицию в том, что мы будем действовать в рамках закона и подарим всем полковникам по экземпляру майки участника похода с эмблемой с изображением памятника Минину и Пожарскому, расстались по-доброму. Однако когда колонна вошла в Москву, нам сообщили, что шествие разрешено только до станции метро «Пражская». Руководство похода заявило представителю правительства Москвы, что намерено идти заявленным

маршрутом. Минуту спустя вдоль Варшавского шоссе появились цепи ОМОНа. По наблюдениям депутата городской Думы и члена руководства московской организации «Трудовой России» Ольги Сергеевой количество омоновцев в районе метро «Пражская» достигало не менее трех тысяч. Всякие надежды прорвать заслон, втрое превосходивший нас по численности, силами «Трудовой России», в колонне которой шло немало женщин и ветеранов, были иллюзорными. О чем я и сказал Станиславу Терехову. Он согласился, что противника надо перехитрить, и принял предложение устроить сидячую забастовку на проезжей части Варшавского шоссе. В колонне были старшие пятерок, они и оповестили скрытно всю колонну. Не доходя пятидесяти метров до входа в метро, она неожиданно для милиции остановилась, все сели на асфальт. Полчаса ушло на осмысление ситуации и согласование действий милиции и московских властей. А тем временем из соседних домов к нам потянулись москвичи: кто-то предлагал воду, кто-то — сигареты...

На Варшавском шоссе начинался стихийный митинг. Попытка наиболее ретивых омоновцев растащить сидящих на земле людей по одному ничего не дала: наши бабульки отбивались руками и ногами и не давали подойти к мужчинам. Одновременно вперед, к шеренгам ОМОНа, вышли опытнейшие агитаторы «Трудовой России»: началось моральное «разложение противника». Власть не придумала ничего лучшего, как пустить воду по Варшавскому шоссе. Сидячая забастовка переместилась на газон. Группа офицеров Терехова предприняла попытку прорвать цепи ОМОНа — безрезультатно. Одновременно Ольга Сергеева вела интенсивные переговоры с московским правительством по мобильному телефону. Только во второй половине дня вся колонна смогла найти брешь в шеренгах ОМОНа и пробиться на площадку

перед проходной оптико-механического завода у метро «Пражская». Власти города вынуждены были согласиться с тем, чтобы мы провели здесь первый митинг.

На следующий день на Октябрьской площади состоялось Вече. Но народу пришло не так много, как хотелось бы, потому что сторонники «Трудовой России» ждали нас здесь днем раньше. Приняв резолюцию с требованием немедленной отставки президента Ельцина и предания народному суду предателей СССР, мы вместе с народными депутатами СССР В.П. Носовым и Т.Г. Авалиани поехали в Кремль вручать документ администрации президента. Никогда в жизни я не видел Кремль в оцеплении бронетехники и грузовых автомобилей с живой силой внутренних войск России. Ельцин всерьез испугался, и, если бы поход-97 на Москву поддержала КПРФ, результат первой попытки мог быть другим...

Второй поход состоялся в августе 1998 года на фоне забастовочного движения, охватившего всю трудовую Россию, «рельсовой войны» и противостояния шахтеров правительству на Горбатом мосту.

В отличие от пешего похода-97, в 1998 году мы готовили комбинированное (в городах — пешком, по трассам — машинами) движение с пяти направлений. Приходилось много ездить по стране и одновременно налаживать связи в шахтерском стачкоме, который действовал на Горбатом мосту у Дома правительства России. Необходимо учесть, что за влияние на шахтеров как самую организованную и сплоченную рабочую силу соперничали все политические партии России.

Мы знали и о том, как средства массовой информации преподносят шахтерам «Трудовую Россию», а потому выслали своих агитаторов навстречу поезду из Воркуты с заданием подготовить почву «для знакомства». В Ярославле в шахтерский поезд сели двое наших: Вавил Носов и воркутинец Владимир Сорокин. За неполные

Встреча шахтеров Воркуты на Ярославском вокзале Москвы. *1998*

сутки они распространили среди шахтеров более тысячи экземпляров различных номеров «Молний» и листовок «Трудовой России». На перроне Ярославского вокзала Москвы самые красивые девушки «Трудовой России» встретили горняков хлебом-солью. Ледок недоверия начал подтаивать.

Лидер профсоюза «Защита» шахты «Варгошорская» Константин Пименов принял предложение провести стихийный митинг встречи у памятника В.И. Ленину на площади у Ярославского вокзала. Но пространство у памятника оказалось оцеплено голубыми знаменосцами ЛДПР Жириновского. Пока определялись с местом, выяснилось, что мэр Лужков предложил шахтерам комфортабельный дом отдыха под Москвой и туда уже отправили вещи прибывших в столицу забастовщиков. Лидеры профсоюзов помалкивали, рядовые шахтеры возмущались:

— Мы приехали сюда не отдыхать!

Решили идти пешком от вокзала до самого Горбатого моста — километров 10—15 пути под палящим солнцем. «Жириновцы» укатили на автобусах. «Трудовая Россия» пошла пешком с шахтерами. Горняки перестали коситься на наши красные флаги. Прошли мимо Думы, по Калининскому, вот и Горбатый мост, где милиция предусмотрительно соорудила из железных оград «загончик» для шахтеров. «Трудовую Россию» отсекли от шахтерской массы, и не успел я опомниться, как меня выхватили из толпы и бросили в милицейский «воронок». Кое-кто из шахтеров видел момент задержания, но пока никто за меня не вступался. К исходу дня Краснопресненский межмуниципальный суд не нашел в моих действиях, выразившихся в присоединении к несанкционированному шествию шахтеров, криминала и ограничился устным предупреждением. К вечеру того же дня я вернулся на Горбатый мост.

На следующий день вокруг шахтерского пикета на Горбатом мосту закрутилась московская политическая карусель. Из думских ковровых кабинетов политический бомонд шагнул на камни Горбатого моста. За день здесь можно было встретить и смеющегося над собственным остроумием Бориса Немцова, и вездесущего Владимира Вольфовича, и важничающего Зюганова, и все понимающую Сажи Умалатову, и все отрицающую Ирину Хакамаду... Чаще всего около шахтеров видели генерала Льва Яковлевича Рохлина. И не только на Горбатом мосту. Рохлин — единственный политик из Государственной Думы, который приехал к бастующим горнякам, ведшим «рельсовую войну» в городе Шахты на юге России.

Случайность или закономерность, но в моменты обострения классовой борьбы мне больше приходится встре-

Рельсовая война. Выступление перед жителями г. Шахты

чаться с политическими соперниками, нежели с друзьями. В Шахты мы приехали одновременно с Борисом Немцовым: он уговаривать шахтеров прекратить акцию, я — просить шахтеров продержаться как можно дольше и возглавить затем Всероссийскую политическую стачку: не уходить с рельсов, пока Ельцин не уйдет в отставку.

На следующий день в поддержку и развитие линии «Трудовой России» в Шахты прибыл генерал Рохлин. Других политиков из Москвы среди бастующих видно не было. Шахтеры, сидящие на рельсах, не пропускали через Шахты ни один грузовой состав. К Шахтам была срочно переброшена десантная дивизия «Дон», офицеры и солдаты которой имели честь и мужество заявить высшему командованию в Москве, что силу против шахтеров они не применят даже под угрозой расстрела. Население города присоединилось к бастующим под лозунгами: «Горнякам — зарплату! Ельцина — на рельсы!». Возник реаль-

ный шанс восстановления советской власти в отдельно взятом городе. Но шансом этим могли воспользоваться только сами шахтеры. Однако даже руководители забастовочного комитета шахты «Майская», инициировавшие «рельсовую войну», предпочитали держаться несколько в тени, не выпячиваться и не называть имена руководителей, не без оснований опасаясь репрессий.

Шахтеры на «ура» восприняли предложение «Трудовой России» взять в заложники прибывшего к ним заместителя председателя правительства России Бориса Немцова и держать его взаперти до тех пор, пока правительство не отдаст шахтерам все долги по зарплате. Но для руководителей акции эта была «идея со стороны», и они прекрасно понимали, что вслед за таким шагом надо будет сжигать мосты переговоров с правительством, выдвигать политический лозунг «Долой правительство!». Выдвинуть такой лозунг и реализовать его рабочий класс способен только в том случае, если у него есть своя партия. Трагедия рабочего класса России после эпохи Сталина состоит в том, что у него нет своей массовой политической партии.

КПРФ Зюганова еще на своем Учредительном съезде отказалась быть партией рабочего класса России.

В июле—августе 1998 года стачка шахтеров дала толчок стачечному движению по всей России. К горнякам присоединились машиностроители Ростова-на-Дону, металлурги Череповца, строители города Сарапул в Удмуртии и многие другие. Высочайший уровень самоорганизованности показали моторостроители Ярославля и Тутаево, перекрывшие по примеру шахтеров железнодорожную линию на Москву и установившие на прилегающей к железной дороге территории свою рабочую власть. «Рабочий пикет» в Ярославле дал всему рабочему движению в России бесценный опыт объединения

всех сил общества во имя восстановления советской власти. Однако рабочее действие в Ярославле началось уже после пика противостояния шахтеров правительству на Горбатом мосту, после похода «Трудовой России». Вот что писала в те дни газета «Молния»:

ДРАТЬСЯ, РАЗМЫШЛЯЯ

Прямые действия рабочих Ярославля — перекрытие железной дороги, организация постоянно действующего пикета и палаточного городка — пробуждают надежду не только в Ярославле. На предложение приехать в Ярославль посоветоваться перед 7 октября откликнулось около десятка регионов, приехал и принял активное участие в подготовке и проведении встречи депутат Госдумы РФ Г.А. Куевда, приехали представители политических и общественных организаций. Рабочий пикет придал второе дыхание профсоюзам области. Кстати, благодаря активной позиции Совета областных профсоюзов встреча в Ярославле была прекрасно организована, всем желающим предоставили возможность высказаться, всех гостей накормили в столовой завода топливной аппаратуры. Значит, структура профсоюзов, сохраняющаяся еще с советских времен, не вся шмаковская, она может и должна послужить делу организации рабочего класса в борьбе за свои права. Но самое главное — Рабочий пикет объединил вокруг себя все патриотические силы Ярославля, выступающие против реакции. Палаточный городок живет за счет пусть и скудных, но от чистого сердца пожертвований народа. На территории Рабочего пикета постоянно можно видеть известных представителей интеллигенции города: поэтов, артистов, деятелей церкви и, конечно же, известных политиков.

Однако, по большому счету, у рабочих Ярославля, как и всей России, вся борьба впереди. Пока участники Рабочего пикета единодушны в одном: нужны совместные, синхронные действия рабочих России, чтобы свалить Ельцина. Дальше в умах — сумятица. На территории Рабочего пикета все время вспоминается ленинский завет рабочим: вести непримиримую борьбу против класса эксплуататоров на всех направлениях — политическом, экономическом и идеологическом. На практике сегодняшнего дня эта триада означает:

1. Борьбу за возобновление деятельности единой партии рабочего класса на всей территории СССР и формирование органов будущей государственной власти рабочих и крестьян.

2. Отрицание результатов приватизации, ренационализация средств производства и банков, восстановление социалистической экономики.

3. Признание классового характера борьбы под знаменем пролетарского интернационализма.

Рабочие Ярославля ввязались в драку по всем трем направлениям. Пока стихийно. Пока, как свидетельствуют интервью и заявления участников Рабочего пикета, четкого понимания классового характера борьбы нет. Сказывается идеология партии, отрицающей необходимость насильственного подавления класса эксплуататоров и отстаивающей идеи «национально ориентированного капитала». Вот почему рабочие пока видят «главного врага» за бугром, а не на своей земле. Вот откуда угроза — подменить реальную борьбу за смену режима борьбой за «хорошего» президента или губернатора, приправленной, разумеется, патриотической риторикой и срывающейся,

как водится, в истерический национализм мелкого буржуа.

Как ни странно, лично мне ближе всего мысли, высказанные русским священником отцом Александром (в миру Кузяев Александр Сергеевич). Об остальном пусть судят читатели.

Кузяев Александр Сергеевич (отец Александр):

Меня с оппозицией связывают давние отношения. Честно могу сказать, что я с первых дней пребывания Ельцина на посту президента был противником всех его действий, всех его реформ, будь они прокляты! Потому и с нынешней оппозицией у меня давние связи. Я хорошо знаком с секретарем Ярославского обкома КПРФ Владимиром Ильичом Корниловым, другими товарищами.

Я вижу в Ельцине и его режиме главную угрозу существованию государства и самой нации. Это режим предательства, он несет смерть моему народу. И я очень был недоволен голосованиями думской оппозиции, особенно соглашательским утверждением Кириенко. Надо было еще тогда набираться мужества и идти на роспуск Думы. Я сторонник того, что с этим режимом невозможны никакие компромиссы.

Корр.: Скажите, какую характеристику Вы, русский священник, могли бы дать участникам Рабочего пикета, которые ведут непримиримую борьбу с режимом Ельцина здесь, в Ярославле?

Кузяев: Здесь стоят прежде всего патриоты земли русской, люди, которые поняли, глубоко осознали гибельную сущность ельцинского режима. Они отстаивают здесь не личные интересы, а именно интересы всего государства. Я считаю, что это и есть передовые люди нашего общества. Это герои, кото-

рые борются за Россию. Здесь по территории палаточного городка проходит линия фронта борьбы за Россию против всего мирового зла. Я счастлив стоять вместе с этими людьми.

Корр.: Вы верите, что народу удастся сбросить режим Ельцина?

Кузяев: Верю! Хотя пока я вижу и разобщенность, которая мешает добиться цели. Вместе с тем, на мой взгляд, в сознании людей уже произошел резкий перелом. Большинство здравомыслящих людей сегодня понимает, что именно Ельцин, именно этот режим, именно вся приватизаторская политика — это и есть реализация планов Запада по окончательному разрушению и закабалению нашей страны.

Геннадий Хохлов, контролер Ярославского моторного завода, цех 73, заместитель председателя забастовочного комитета завода:

Мы изучили обстановку в некоторых регионах России. Мы были в Костроме. Приезжали к нам вологжане, делегация из 16 человек. Были в Иванове. Пришли к выводу, что там не все гладко. Кое-где слишком много у нас появилось, знаете, наполеончиков маленьких. То ли маленькая партия, то ли маленький стачком, и сразу же он — Наполеон. Значит, все остальные дураки — он умный. Мы в Ярославле объединились на умении подчинить свою волю воле большинства. Поэтому у нас цель и была свести здесь всех вместе: профсоюзы, РКРП, КПРФ, комсомол, ДПА, — все, что есть протестного сегодня, надо объединить, чтобы каждый сумел свое «я» убрать в далекий ящик, а вперед выдвинуть общие цели.

Корр.: Каковы эти общие цели?

Хохлов: Убрать Ельцина как виновника общих бед. А затем уже формировать новое правительство. Хотя вести подготовку к формированию нового пра-

вительства, как представителей трудящихся, надо сейчас.

Корр.: Как Вы относитесь к идее «Трудовой России» об устранении института президентства вообще?

Хохлов: Я в принципе против президентской власти в России. Против. Но на сегодняшнем этапе нужна жесткая власть, чтоб разгрести эту дрянь. Значит, нужно взять пост президента и воспользоваться им.

Второе. Ваша ошибка в утверждении, что у нас появились капиталисты, то есть буржуа. А их нет. В стране идет ворократия. Буржуа ведь это те, которые копили копейка к копейке, чтобы затем развить свое производство. Конечно, это грабитель рабочего класса, он присваивает прибавочную стоимость, но этот буржуа вкладывал и немало труда. А сегодня, скажите, ну как можно нажить миллионы долларов за четыре года? Только воровским путем! Значит, когда вы говорите о капитале, его нет. Капитал должен приносить дивиденды, а дивидендов ни у кого нет.

Корр.: Значит, капиталистов нет, а есть хорошие предприниматели и банкиры: Березовский, Потанин?

Хохлов: Это украденные деньги! Воровские. Честным путем такие деньги не получишь. Для того чтобы определить правильно врага, надо определить его сущность, надо видеть его.

Корр.: Вы можете сказать, кто наш главный враг?

Хохлов: Главного врага мы видим сегодня за бугром, а ставленники его управляют нами из Кремля. И в первую очередь надо его скинуть оттуда. А буржуа у нас нет. У нас воровье коррумпированное. Идет всеобщее ограбление народа. И все. Вот приходил к нам деятель один, Серега, крутой мужик, и начал доказы-

вать, как он, шофер, зарабатывает миллионы. Я говорю, Сережа, так ты нам помоги чем-нибудь! А он в ответ: «А вот кругом все пьяницы, а я их нанимаю». Оказывается, он кидает рабочих. Кидает очень просто. Нанимает рабочих без договоров, а потом выгоняет, не платит. Вот он богато и живет.

Корр.: Вот это и есть буржуа! Только маленький. Он богато живет за счет жесточайшей эксплуатации рабочих. А государство его поощряет...

Хохлов: Это не буржуа. Буржуа платит, а этот ничего не платил.

Корр.: Я с вами не согласен, но это долгий спор. Вернемся к нашей общей цели — сбросить Ельцина. Вы сами верите, что Ельцин и его кремлевское окружение уйдут добровольно?

Хохлов: Добровольно он может уйти, когда его заставит окружение. Тут тоже надо правильно определиться и сказать: если вы, окруженцы, не уберете Ельцина, вы будете «Дружбой» без бензина пилить лес. Тогда они ему скажут: уходи-ка, друг, ты всем надоел. Но это проблематично. Я надеюсь на здравомыслие и патриотичность нашей армии, органов ФСБ и милиции.

Корр.: Но милиция — это не только офицеры и рядовые участковых отделений, вынужденные разгребать грязь режима, но это и элита: спецназ, ОМОН, внутренние войска...

Хохлов: У вас в Москве хуже, потому что там нагнали ОМОН неизвестно откуда. И вы им не родные. У нас здесь другое дело. Семьи милиционеров живут в нашем городе. Они прекрасно понимают, что в случае изменения обстановки придется отвечать не только им. Я знаю одного крупного чиновника милиции, у которого жена живет в Тутаево. Они живут в такой же нищете, как и наш брат рабочий.

И они вынуждены от своей зарплаты отстегивать, чтобы воспитывать ребятишек.

Корр.: Вы считаете, что милицию можно перетянуть на нашу сторону?

Хохлов: Не надо никого перетягивать, они уже на нашей стороне. Это доказал наш последний выход на дорогу. Когда мы перекрыли железную дорогу, сюда прибыло подразделение милиции. Перед нами выступил генерал Юрий Крокшин, начальник управления линейной милиции Северной железной дороги. Сам он бывший рабочий моторного завода. Он даже сказал, что перед выходом на нас они получили аванс в 140 рублей. «Я не только генерал милиции, но я и ваш генерал!» — заявил Крокшин. Милиция охраняла нас.

...На Горбатом мосту в Москве политические страсти закипели на два месяца раньше. В июле там продолжалась борьба за влияние на шахтеров. Должен сказать, что большинство патриотов Москвы, коммунистов и беспартийных, бескорыстно помогали шахтерам: приносили им на Горбатый мост горячую пищу, овощи, фрукты, приглашали к себе домой помыться в душе. Все действующие в столице коммунистические партии оказали финансовую помощь стачкому на Горбатом мосту. «Трудовая Россия» помимо этого выделила шахтерам безвозмездно в постоянное пользование свой микроавтобус «УАЗ», отстояла в суде право на проведение шествий солидарности с шахтерами и провела у Белого дома четыре шествия и митинга в поддержку требований горняков. Шахтеры ответили признанием Красного знамени на Горбатом мосту, провели митинг и возложили венки на месте гибели защитников Дома Советов, почтив память погибших минутой молчания.

Наша тактика по отношению к шахтерскому пикету состояла в следующем:

— не растаскивать шахтеров по политическим партиям, а самим учиться у них умению сплачивать людей;

— не уводить шахтеров с Горбатого моста в парламент за помощью от добрых депутатов, а депутатов вытаскивать из кабинетов на Горбатый мост, постепенно приучая их к мысли, что без рабочего управления никаких перемен к лучшему в России не будет;

— не навязывать шахтерам свои политические лозунги, а поднять всю трудовую Россию, в том числе провести поход на Москву в поддержку основного политического требования самих шахтеров: Ельцина и правительство — в отставку!

Позицию «Трудовой России» открыто, недвусмысленно поддержал лидер Движения в поддержку армии генерал Лев Яковлевич Рохлин. В июле того года генерал подписал директиву об участии в походе на Москву всеми силами ДПА под лозунгом «Долой банду Ельцина!». Считаю, что сотрудничество генерала Рохлина с «Трудовой Россией» вызвало приступ бешенства у врагов народа и заставило их поднять руку на одного из лучших сынов России...

Наша «непримиримая» позиция получила также поддержку самих горняков. В начале августа вместе с «Трудовой Россией» делегация шахтеров с Горбатого моста выехала на шахты Тульской области для агитации за главенствующее участие тульских горняков в походе на Москву. Мы посетили шахты «Бельковская», «Новомосковская», где во время пересмены прошли рабочие собрания. Мне доводилось и раньше, в 1997 году, агитировать тульских горняков за участие в таком походе. Помнится, меня поразил шахтер, здоровенный мужик, рыдавший навзрыд потому, что ему пять месяцев не платили зарплату и ему нечем было кормить детей. Еще

Митинг «Трудовой России» и Союза офицеров. *23 февраля 1999*

Учредительный съезд избирательного блока «Сталинский блок за СССР». *1999*

тогда, открыто обсудив предложения «Трудовой России», шахтеры Тулы заявили:

— Пойдем на Москву! Возьмем комельки, лопаты и пойдем!..

Проголосовали все «за». Но на следующий день на те же шахты прилетел Чубайс с мешком денег, и вопрос участия в походе был снят с повестки дня. Теперь, когда «Трудовая Россия» вернулась к горнякам вместе с воркутинскими шахтерами, ситуация была иной, и тем не менее нашлась пара человек, которые сразу начали кричать:

Виктор Анпилов. *Фото Хайди Холлинджер*

— Воркутинцев мы приветствуем. С ними говорить будем. Но при чем здесь Анпилов?!

Воркутинцы не дали мне и рта раскрыть, сами ответили на этот вопрос. Владимир Сорокин рассказал о помощи, которую «Трудовая Россия» ежедневно оказывает бастующим шахтерам на Горбатом мосту, и инцидент был исчерпан. Мне предоставили равное со всеми участниками собрания право голоса. Дошло дело до открытого голосования:

— Кто за то, чтобы 22 августа вахтенными автобусами направить в Москву делегацию нашей шахты для поддержки шахтеров, бастующих на Горбатом мосту?

Все, даже те, кто возражал против «Трудовой России», проголосовали «за»! Но наступит 22 августа, колонны участников похода на Москву-98 войдут в столицу, проследуют мимо Кремля, выйдут к Горбато-

му мосту, где нас будут ждать горняки России, а тульских шахтеров в наших колоннах не будет. Как мне сообщили позднее, теперь уже не Чубайс, а товарищ Зюганов вместе с Василием Стародубцевым объехали после нашего визита шахты Тульской области и уговорили шахтеров «сохранять благоразумие», «не поддаваться на призывы авантюристов».

И все же Поход-98 на Москву состоялся, и на следующий день премьер правительства России Кириенко подал в отставку. Пустячок, а приятно! Приди тогда шахтеры Тулы со своими лопатами и комельками в Москву — вверх тормашками полетел бы не только Кириенко!

Поход-99 за СССР разрабатывался и проходил накануне парламентских выборов как часть избирательной кампании Сталинского блока за СССР и нуждается в обстоятельном анализе причин поражения на выборах при том огромном внимании и популярности, которым пользовалась тройка лидеров блока, включая внука Сталина — Евгения Яковлевича Джугашвили. Придет время, и об этом будет написана отдельная книга, самые волнующие страницы в которой будут о том, как нас встречали старейшины Северной Осетии на Кавказе и как на самом высоком здании города Южно-Сахалинска мы поднимали флаг СССР, освященный в Брестской крепости.

ЧАСТЬ 2

РАЗМЫШЛЕНИЯ. ПУБЛИЦИСТИКА. ИЗБРАННОЕ

НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ

El mundo es una escalera: el que no sube, pues, baja.
Мир — это лестница: кто не поднялся, значит, опустился.

Вьолета Парра

Куда ни приедешь, всюду обязательно зададут вопрос: в чем ваши разногласия с Зюгановым? Вопрос мне не нравится. Есть в нем что-то от иждивенчества обывателей, людей, давно отвыкших читать и еще раньше разучившихся мыслить и сравнивать. Геннадий Андреевич Зюганов и ваш покорный слуга — люди разных мировоззрений. Он — идеалист с религиозной подкладкой, я считаю себя материалистом с подкладкой революционного энтузиазма. Чтобы не быть голословным, я предлагаю читателям взять в руки книгу Геннадия Зюганова «Постижение России» (М.: Мысль, 2000), набраться терпения и проанализировать страницу за страницей, мысль за мыслью, чтобы понять суть наших с ним разногласий. В эту книгу включены статьи, доклады, интервью Г.А. Зюганова за период с 1990 года, а также резолюции пленумов и съездов возглавляемой им партии и «плод коллективной мысли» — обращения, заявления, которые Геннадий Андреевич подписывал совместно с другими общественными и политическими деятелями страны. Постараемся подробно остановиться на тех

фрагментах книги «Постижение России», которые как нельзя лучше иллюстрируют не только наши разногласия, но и наши противоречия в оценках окружающей нас действительности и в наших действиях.

«Допрос коммуниста» — так называется интервью Зюганова газете «Совершенно секретно» (1996, № 4), опубликованное в его книге «вместо введения» на с. 4—10. Вот первый пассаж, о который пришлось споткнуться и снова вспомнить 1991 год:

> «Корреспондент: Что происходит с людьми? Вот случайный, ничтожный пример: генерал, герой Громов, выводивший войска из Афганистана, подписал вместе с вами "Слово к народу" накануне августа 91-го. И после этого же августа трагически погибает маршал Ахромеев, относившийся к Громову как к сыну, и — маршала некому хоронить! Боевые генералы прячутся по щелям, а соболезнование прислал один человек — американский президент! И что же, это происходит потому, что людей бьют по морде?!
>
> Зюганов: Нет, это не тот случай. Извините, я не знаю ответа на этот вопрос... Наши военные для меня загадка. У них отнимают будущее, даже в виде обеспеченной старости. Их настоящее жалко — армия деградирует. У них отнимают смысл их труда. А они спокойны, только в душах смятение. Я в детстве очень любил кино, ходили всей семьей, это был праздник. Я не мог смотреть картины, где четверо эсэсовцев ведут тысячу наших пленных — молодых ребят. Я шептал, ну-ну, бегите в разные стороны, не всех же успеют убить... А они шли и шли...»

И это ответ одного из ведущих политиков России?! Жалкий лепет идеалиста! Зюганов никак не среагировал на политическую ангажированность и дремучую

неосведомленность корреспондента, у которого и генерал Громов «герой», и президент США — «единственный» человек в мире, который прислал соболезнования семье убитого в августе 91-го маршала Ахромеева. Интервью состоялось в 1996 году, и корреспондент, конечно же, знал, что после похорон маршала СССР Ахромеева во время августовского путча ельцинисты надругались над могилой солдата и коммуниста: раскопали могилу и украли маршальский мундир у покойника, а труп бросили рядом с развороченной могилой. Но даже после этого ни на девятый день после смерти, ни на сороковой никто из «боевых генералов» к могиле маршала СССР так и не пришел. Но почему туда не пришел сам Зюганов? Вот вопрос, который действительно интересовал корреспондента и миллионы читателей «Совершенно секретно». «Я не знаю ответа на этот вопрос...» — пролепетал Геннадий Андреевич и пошел корить военных за трусость. А ведь настоящие коммунисты не побоялись прийти к могиле маршала Ахромеева, выразить соболезнования его семье и передать им скромную материальную помощь — всю наличную выручку от реализации очередного номера газеты «Молния», разоблачившей королей и «шестерок» августовского путча. А Зюганов вспоминает фильм, увиденный в детстве, как четверо эсэсовцев ведут тысячу наших пленных... Вранье все это! Такая «беспечность» эсэсовцев и рабская покорность наших пленных на реальной войне, возможно, и были. Но в советском кинематографе времен нашего с вами детства, Геннадий Андреевич, такого позора показать не могли! Такое с готовностью изобразят в наше подлое время Михалков, Сокуров и другие «мастера экрана», но зачем же коммунистам за них фантазировать?!

«Вы православный?» — корреспондент задает коммунисту № 1 вопрос в лоб. Вообще-то еще перед первыми президентскими выборами, в надежде собрать дополни-

тельные голоса «православного электората», Геннадий Андреевич Зюганов крестился «полным чином» в ванной своей четырехкомнатной квартиры, о чем в свое время рассказала газета «Советская Россия». Ничего удивительного в этом нет. Ельцин тоже любил постоять с похмелья перед телекамерами в православном храме со свечечкой в руках. Зюганов, слава богу, трезвенник, но прямо, как и все идеалисты, на вопрос не отвечает и пускает мистические пузыри на всю Вселенную:

> «Зюганов: Ну, я человек с верой. Без веры плохо представляю себя. Это широкое состояние. Когда смотришь на мироздание, когда представляешь нашу Землю — она вращается, несет на себе континенты, и одновременно ось ее смещена, и одновременно она летит в пространстве со скоростью тридцать километров в секунду, в космосе движутся кометы с жуткой закономерностью, и, когда Уран входит в эпоху (!) Водолея, это касается и земной цивилизации, у нас происходят осложнения, катаклизмы».

Бедный, бедный Геннадий Андреевич! По-моему, он решил перещеголять Ходжу Насреддина, который так же, слово в слово, пытался втолковать эмиру причины социальных и космических катаклизмов.

А если говорить без шуток, то Зюганов, как всякий законченный идеалист, в упор не видит основного противоречия эпохи между трудом и капиталом, что, кстати, признано Программой «Трудовой России» и последними документами ежегодного совещания коммунистических и рабочих партий в Брюсселе. А вот что пишет в своей книге Зюганов (с. 43): «Главное противоречие переживаемого исторического момента — это противоречие между антисоциальными, антигосударственными силами, опирающимися на компрадорский

капитал и проводящими политику разрушения России, и государственно-патриотическими силами, союз которых только еще оформляется». Недопустимая для коммуниста и тем паче доктора наук нечеткость формулировок! Что такое «антигосударственные силы, опирающиеся на компрадорский капитал»? И как могут эти «темные силы» составить «главное противоречие переживаемого исторического момента» с силами, «союз которых только еще оформляется», — другими словами, силами, которых в природе пока не существует?

Тут без гороскопа не разберешься! Но еще одно противоречие между «Трудовой Россией» и КПРФ очевидно: мы остались на классовых позициях. Зюганов эти позиции покинул давно.

Теоретическая несостоятельность Зюганова в определении главного противоречия современной эпохи постоянно уводит его в теоретические тупики при оценке прошлого нашей страны и постановке задач текущего момента, обусловливает постоянные противоречия в собственных суждениях.

«Трудовая Россия» считает, что Октябрьская революция 1917 года потому и была названа Лениным Великой, что она впервые в истории человечества обобществила средства производства, ликвидировала частную собственность на землю и в массовом порядке привела к политической власти, особенно на местах, бедняков, ранее жестоко эксплуатируемых людей наемного труда. Итог Октября — победа общественного способа производства над частнокапиталистическим способом. Идеалист Геннадий Зюганов в оценке Октября предпочитает путаную, деклассированную терминологию:

> «Зюганов: Итог Октябрьской революции и Гражданской войны — это победа революционно-демократического способа спасения и собирания России над

способом реакционно-бюрократическим. Именно соединение назревших преобразований с необходимостью перехода власти в руки трудящихся, как условие их реализации, и предопределило социалистический характер Октябрьской революции».

Разорвав вопросы обобществления собственности и перехода политической власти в руки трудящихся, Зюганов не в состоянии объяснить непримиримую вражду между классом собственников и пролетариатом (классом неимущих), которая при вооруженной интервенции иностранных государств обусловила гражданскую войну в России. Так, на с. 9 книги Зюганова читаем: «Монархия может быть только православной, а православное сознание воскрешается очень медленно... Для меня выход в другом. В Гражданскую войну белые воевали за "единую и неделимую", а красные воевали за "мир без угнетенных". Эти две идеи надо объединить».

Бред какой-то! Да, любая монархия нуждается в освящении себя религией, церковью. Однако история человечества знает монархии католические, буддийские... Древние египтяне, инки, майя, ацтеки тоже обожествляли своих правителей, верховная власть которых передавалась по наследству. И что означает многоточие после слов «православное сознание воскрешается очень медленно»? Что, лидер КПРФ сожалеет об этом? Зюганову хочется, чтобы «православное сознание воскрешалось гораздо быстрее»?.. И уж совсем неправдоподобно в устах Зюганова звучит предложение объединить «красную» и «белую» идеи. Объективно белая гвардия генералов Колчака и Деникина вела войну не на жизнь, а на смерть с Рабоче-крестьянской Красной Армией за интересы дворянства, духовенства (независимо от конфессии), помещиков, фабрикантов — класса эксплуататоров, жаждав-

ших вернуть в свою собственность конфискованные у них земли, фабрики, заводы, железные дороги и пароходства. «Белые» ненавидели «красных» лютой классовой ненавистью, обзывали их «солдатней», «матросней», «быдлом», «кухаркиными детьми» и при случае вешали «красных» рабочих и крестьян без суда и следствия. Гениальный, честный писатель Михаил Булгаков рассказал об этом в своей пьесе «Бег». Другое дело, что многие русские офицеры, не поняв великого демократического содержания Октября, примкнули к «белым генералам», мучились от того, что им приходится воевать против собственного народа, и в конце концов самые честные переходили на сторону «красных». Лучше всего эта драма раскрыта в гениальном романе Алексея Толстого «Хождение по мукам». С другой стороны, было немало случаев, когда рабочие и крестьяне сражались на стороне «белых» или метались то в одну, то в другую сторону. Сомневающимся советую перечитать роман еще одного советского гения — «Тихий Дон» Михаила Шолохова. Ценой неисчислимых жертв и мучений победу в гражданской войне одержали «красные», бывшие батраки, солдаты и рабочие. И никто из павших на той «единственной, гражданской» героев, никто из сонма замученных, повешенных, сожженных белогвардейцами заживо в паровозных топках не уполномочивал Геннадия Зюганова «примирять» героев-победителей с побежденными врагами.

В своей книге (с. 317) Зюганов признает, что криминальный передел собственности в России, тотальный грабеж общенародного достояния «породили внутреннюю войну компрадорских кланов и вплотную подвели общество к социальному взрыву и гражданской войне “классического типа”». Объяснение правильное, но дальше надо говорить, что делать! И здесь Геннадий Андреевич опять начинает фантазировать:

> «Зюганов: Мы — за самые решительные действия государственной власти. Но при этом мы настаиваем на том, что власть сильна не произволом, а непосредственным участием в ней народа, контролем над ней со стороны народа».

А вот здесь уже начинаются наши коренные разногласия. «Трудовая Россия» никогда не питала иллюзий по поводу сущности буржуазной государственной власти: она антинародна, продажна с головы до пят и никогда добровольно не согласится на какой-либо контроль над ней со стороны народа и уж тем более не согласится добровольно вернуть народу отнятую у него собственность. Программа «Трудовой России» утверждает, что приватизация общенародной собственности разрушила и продолжает разрушать экономическую среду обитания народов России. Это и есть геноцид в действии, хорошо продуманная политика депопуляции, то есть ускоренного уничтожения народов России с целью захвата ее жизненного пространства международным капиталом при возможном участии немногих «отечественных предпринимателей и банкиров». Тут сценарий покруче, чем в фильме о четырех эсэсовцах и тысяче наших пленных. Ничтожная кучка банкиров ведет на уничтожение целые народы! Почему же взрослый теперь дядя Зюганов не шепнет народу заветное: «К восстанию, братья! Не бойтесь класса “цивилизованных хищников”, угрожающих стрелять в народ за собственность. Они могут только нанимать убийц, а сами стреляют плохо. Поэтому никакой гражданской войны с восстановлением справедливости, с возвращением собственности народу не будет! И даже если в отдельных эпизодах ради спасения жизни миллионов людей, ради жизни самой России придется подниматься под

пули наймитов капитала, коммунисты поднимутся первыми. Где автомат Руцкого? Отдайте его мне! Я протру его от заводской смазки и пойду с ним в последний и решительный бой, чтобы отвоевать добро народа!» Но Зюганов этого не говорит. Здесь закавычена всего лишь «фантазия» Анпилова.

«Трудовая Россия» считает, что мирный процесс возвращения народу отобранной у него собственности начнется с восстановлением всей полноты политической власти трудящихся России. Вдохновители, идеологи и организаторы геноцида народов под флагом приватизации — Горбачев, Бурбулис, Гайдар, Чубайс, Гавриил Попов, академики Аганбегян, Заславская, Абалкин и другие — должны ответить за содеянное перед народным судом. Вместе с ними на скамью подсудимых должны сесть лица, участвовавшие в краже общенародной собственности и последующей перепродаже краденого с целью личного обогащения.

До Маркса философы так или иначе пытались объяснить мир. После Маркса и Ленина коммунисты не только объясняют, но и делают все от них зависящее, чтобы изменить мир в лучшую сторону, освободить мир от эксплуатации одного человека другим, одного народа — другим народом. Зюганов любит объяснять мир с чистого листа, как будто до него люди никогда не задумывались о смысле бытия и мироздания, а потому его объяснения еще больше запутывают картину мира, но явно претендуют на истину в последней инстанции. Сравните у Маркса: «Революции — локомотивы истории». А вот Зюганов: «В России лимит на революции исчерпан». Выходит, революции, в том числе Октябрьская, это плохо. И если лимит на них исчерпан, то, значит, нет и причин для революции — и слава богу, поживем тихо и мирно, никому не мешая.

«Пугать сегодня людей новым переделом собственности и сопутствующими ему потрясениями — верх лицемерия и цинизма», — пишет в своей книге Геннадий Зюганов (с. 317). «Трудовая Россия» считает, что это — в наш адрес. А все последующие объяснения Зюганова — о том, что «чудовищное надругательство над общенародной собственностью» уже состоялось, о том, что «непрерывный взаимный отстрел банкиров и коммерсантов, междоусобица криминальных группировок это и есть самая настоящая "экспроприация экспроприаторов" и одновременно настоящий белый террор», — суть преднамеренная подмена понятий, политическое шулерство. «За каждым капиталом прячется преступление», — справедливо утверждал Карл Маркс. Во все времена своего существования капиталисты убивали друг друга, грызли друг другу горло в жесткой конкурентной борьбе. Сегодня эта борьба приняла межнациональный, планетарный характер. И до Зюганова никому в голову не приходило назвать кровавые разборки свирепых акул капитала «экспроприацией экспроприаторов».

Зюганов считает, что усмирить кровожадных акул можно «решительными действиями сильной государственной власти» (с. 317), при условии «контроля над ней со стороны народа». Это серьезное разногласие. «Трудовая Россия» считает, что «решительные действия сильной государственной власти» были уже продемонстрированы Ельциным в октябре 93-го. «Такой хоккей» нам не нужен! Только власть самих трудящихся (а не «государственная власть под контролем трудящихся») остановит беспредел в России, вернет народу принадлежащую ему собственность, восстановит на ее основе все величайшие достижения социализма: бесплатное медицинское обслуживание, образование, всеобщую занятость, гарантированное государством бесплатное

получение жилья и участков земли для строительства дач, ведения личного подсобного хозяйства.

Зюганов настаивает на том, что нынешнюю власть еще не поздно «подправить». На с. 318 его книги читаем: «Государственная власть из "хлебного места" должна превратиться в удел подвижников, людей, действительно болеющих за Отечество, за дело народа. Им будет сказано: "Если вы согласны работать на этих условиях — идите к нам, милости просим, все старые обиды будут забыты. Если нет, если боязно, не обессудьте — выгоним немедленно и на пушечный выстрел к рычагам власти не подпустим"».

«Трудовая Россия» исходит из ленинского предупреждения о том, что «всякая власть портит», и считает, что самым верным средством избавления от коррупции, взяточничества, шкурничества будет восстановление принципа правительства Парижской Коммуны, по которому заработок каждого министра не должен был превышать заработок квалифицированного рабочего. У нас же министры нищей России хотят получать и получают (со взятками!) не меньше министров богатых стран, а парламент, призванный, по мнению Зюганова, контролировать правительство от имени народа, установил своим депутатам зарплату министров, плюс многочисленные льготы, плюс бесплатная квартира в Москве, плюс пожизненная министерская пенсия... Поневоле задумаешься, а надо ли Зюганову менять установившийся порядок вещей во вред самому себе?..

«Трудовая Россия» считает, что для всех ветвей власти Российского государства, включая парламент, суды, Совет Федерации, превыше всего защита интересов собственников, то есть тех, кто как раз и ограбил народ. Кстати, власть этого и не скрывает. Премьер Касьянов во время одного из своих визитов в Италию заявил:

«Для правительства России интересы собственника стоят на первом месте, интересы государства — на втором»! Вот это и называется цинизмом, Геннадий Андреевич! А потому не обессудьте, «Трудовая Россия», в отличие от Вас, считает, что уродливая, дорогостоящая, антинародная государственная машина России ремонту не подлежит, ее нужно отправлять на слом вместе с постом президента, осточертевшей народу Думой, правительством и бесчисленной армией чиновников. И уж, конечно, сотрудничать, «врастать» в исполнительные органы такой власти просто неприлично!

Каждый идеалист в глубинах своего сознания все равно остается материалистом. Справедливости ради отметим, что эта же формула в обратном ее чтении применима и к материалистам, но в гораздо меньшей степени, так как окружающая нас объективная реальность постоянно способствует утверждению материалистического взгляда на мир. А идеальное действует только в сфере сознания, никаких материальных подтверждений опытом не получает, а потому материалист в идеалисте проявляется гораздо сильнее, чем идеалист в материалисте. Блестящий пример сказанного — «Диалектика духа» Гегеля.

Идеалист Зюганов, не замечающий основного противоречия эпохи между трудом и капиталом, тем не менее знает, что труд никогда не примирится с деспотизмом капитала, рано или поздно столкновение двух антагонистических сторон социальной действительности произойдет. «Трудовая Россия» считает, что коммунистам России нужно как можно быстрее объединиться, чтобы серьезно подготовиться к схватке самим и, самое главное, просветить и подготовить к ней класс рабочих и крестьян в союзе с прогрессивной, антиимпериалистически настроенной молодежью, военнослужащими и милицией, не желающими защищать с риском для соб-

ственной жизни интересы толстосумов. Зюганов панически боится неизбежной классовой схватки и потому пугает рабочих и крестьян, а также их потенциальных союзников гражданской войной, неуправляемым социальным конфликтом, насилием. В доказательство можно цитировать Зюганова через каждую страницу.

> «Растущее социальное расслоение, углубление противоречий между нуворишами и массой нищающего населения грозит социальным взрывом и гражданской войной "классического типа"» (с. 317).
>
> «Сегодня насильственный путь грозит не только национальной, но и глобальной по своим масштабам катастрофой, в которой не будет ни победителей, ни побежденных, ибо "поле битвы" радикально изменило свой контур к исходу XX столетия. Оно насыщено и перенасыщено оружием, в том числе массового поражения, сложнейшими и весьма опасными производствами. Неизбежное при силовой конфронтации нарушение работы хотя бы части производственно-технической инфраструктуры может повлечь за собой цепочку катастроф и привести к катастрофе не только региональной, но и глобальной» (с. 316).

Отметим еще раз, что подобная «техногенная» демагогия противоречит фактам реальной действительности. В 1998 году рабочие, инженеры и служащие Смоленской атомной станции, доведенные до отчаяния невыплатами заработка, пошли по примеру «Трудовой России» в поход на Москву, чтобы оказать «силовое давление» на правительство и добиться выполнения своих требований. На производственном ритме Смоленской АЭС эта акция никак не отразилась, техногенной катастрофы под Смоленском не произошло. А вот режим Ельцина был

всерьез напуган выступлением атомщиков, да еще и возникшей возможностью их союза с «Трудовой Россией».

За день до 1 мая 1993 года, находясь с официальным визитом в США, президент России Ельцин заявил своим американским боссам, что «с коммунизмом в России покончено». На следующий день в подтверждение этого заявления московские власти применили насилие против десятков тысяч людей, вышедших на первомайскую демонстрацию под Красным знаменем коммунизма. «Трудовая Россия» не опустила Красное знамя, не бросила лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а дала бой «насильникам, грабителям, душителям идей». Повторись подобная ситуация сегодня, мы действовали бы точно так же.

А вот какой вывод из первомайских 1993 года событий в Москве сделал ЦИК КПРФ на своем Пленуме 29 мая 1993 года. Документ включен в книгу Г. Зюганова на с. 34—35, что дает основания считать его авторской работой самого Геннадия Андреевича:

> «Экстремизм, ставший государственной политикой в России, представляет реальную угрозу отечественной государственности, исторически сложившимся общенациональным устоям, самой многонациональной общности россиян... В условиях нависшей над Отечеством опасности нельзя отдаться во власть чувств, какими бы благородными они ни были, и следовать принципу: на неконституционные действия президента ответим неконституционными действиями — история нас оправдает. Именно такие действия нужны антинародному режиму, чтобы оправдать чинимое им насилие. Ему нужен политический экстремизм в коммунистическом и патриотическом движении, чтобы превратить про-

цесс распада России в необратимый. Надо набраться мужества и признать: политический экстремизм в коммунистической среде имеет место, он есть выражение мелкобуржуазной революционности и питающей ее психологии поведения — или завтра мы победим, или погибнем».

Конец цитаты. И какой!!! Наберемся терпения и вернемся еще раз к оригинальному тексту документа КПРФ, чтобы подвергнуть его научному, критическому анализу и еще лучше понять наши разногласия.

1. Действия «Трудовой России» 1 мая в Москве расценены документом КПРФ как проявление «политического экстремизма в коммунистической среде». Такая оценка не соответствует истине. Почему? Да потому что в рядах демонстрантов 1 мая 1993 года большинство составляли беспартийные! Во-вторых, термин «экстремизм» введен в обращение буржуазными идеологами, которые шельмуют этим термином коммунистов-революционеров — открыто, со времен «Коммунистического манифеста» заявляющих о насильственном свержении всего существующего строя. Буржуазная пропаганда Западной Европы давно отработала клише-триаду: коммунист — экстремист — террорист. Своей оценкой действий «Трудовой России» 1 мая 1993 года Зюганов сам себя поставил в один ряд с буржуазными идеологами. Мы же остались коммунистами.

2. Время принятия документа КПРФ — 29 мая 1993 года. Через три месяца и две недели Ельцин пошел на антиконституционный переворот и устроил кровавую баню в центре Москвы. «Трудовая Россия» смогла предвидеть наступление фашизма и обострение государственного терроризма (вот термин историков-материалистов!) с точностью до одного дня и призвала народ на

Вече 3 октября, чтобы не допустить кровавой вылазки фашиствующего режима на улицах Москвы. А к чему призывает анализируемый нами документ Зюганова? «Нельзя... следовать принципу: на неконституционные действия президента ответим неконституционными действиями — история нас оправдает». Трудно сказать, чего больше в этой фразе: ничем не обоснованной веры идеалиста в верховенство закона или боязни, что на насилие и государственный терроризм властей народ сумеет ответить революционным насилием, не спрашивая на то позволения КПРФ? И того, и другого здесь с избытком! После 23 февраля 91-го года, после пьяного сговора в Беловежской Пуще, после кровавого насилия над участниками «Осады империи лжи в Останкино», после кровавого разбоя на улицах Москвы 1 мая 93-го ждать от Ельцина «конституционных действий» могли только утратившие чувство реальности политики. Расстрел парламента России в октябре 93-го отрезвил КПРФ и Зюганова. Ненадолго. Перед референдумом 12 декабря 1993 года по ельцинской Конституции в оправдание своего отказа присоединиться к бойкоту выборов и референдума «на крови» всеми другими коммунистическими партиями и движениями Всероссийская конференция КПРФ от 26 октября 1993 года заявит (с. 37): «Устроители выборов... рассчитывают на то, что при низкой активности избирателей им удастся не только создать видимость единодушного избрания «своего» парламента, но и протащить в спешке состряпанную «демократическую» Конституцию, что окончательно развяжет руки диктатуре».

Своим участием в тех выборах КПРФ как раз и помогла Ельцину протащить в спешке состряпанную «демократическую» Конституцию, что окончательно развязало руки диктатуре: она начнет войну в Чечне. Однако вскоре после выборов, 25 декабря 1993 года,

Зюганов, испугавшись диктатуры с «развязанными руками», настраивает КПРФ на... сотрудничество с этой самой диктатурой. В докладе Зюганова Пленуму ЦИК КПРФ 25 декабря 1993 года говорилось (с. 40), что единственно разумной альтернативой гражданской войне в этой ситуации должна стать «сложная и кропотливая работа по восстановлению законности и правопорядка на основе отказа от насилия и поиска взаимоприемлемого баланса общественных интересов». Зюганов и КПРФ зовут к отказу от насилия над преступным режимом, зовут к сотрудничеству с ним. Это их право. Но зачем же при этом походя опошлять героизм настоящих коммунистов в других странах мира?

3. Вернемся на с. 35 книги Зюганова и не поленимся еще раз задуматься над уже цитированной фразой: «Нельзя следовать принципу: на неконституционные действия президента ответим неконституционными действиями — **история нас оправдает**». В этот раз мы выделили жирным шрифтом всего три слова. Коммунисты, честные образованные люди всех стран мира хорошо знают, кто, когда и по какому случаю сказал: «Вы можете меня осудить. Не важно! История меня оправдает!» Эти слова принадлежат Фиделю Кастро. Сказаны они были во время суда над участниками штурма казарм Монкада, героями руководил Фидель. Суд был устроен кубинским кровавым диктатором Батистой. Авторы цитированного документа хорошо знали первоисточник, но предпочли литературный плагиат, чтобы неосведомленные люди не смогли догадаться, о ком идет речь.

4. Шельмуя революционеров, выставляя нас людьми, мыслящими примитивными лозунгами, Геннадий Зюганов вообще приписывает революционность классу мелких буржуа. «Политический экстремизм... — есть выражение мелкобуржуазной революционности и пита-

ющей ее психологии поведения — или завтра мы победим, или погибнем». Обратите внимание, в конце этой фразы опять нечистоплотный перифраз лозунга кубинской социалистической революции: «Социализм — или смерть!». Комментарии излишни. Что касается «мелкобуржуазной революционности», то хочется напомнить доктору философии Зюганову, что революционность не бывает мелкобуржуазной. Во время революций отличительной чертой мелкой буржуазии закономерно становится запах ее собственного дерьма, а революционностью там и не пахнет!..

Не поняв сути основного противоречия современной эпохи, отринув теорию классовой борьбы вместе с великим интернациональным лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», Зюганов страшится любых действий революционного класса, пугает общество гражданской войной и насилием. С другой стороны, он вынужден обращаться к буржуазным теориям «социального мира и общественного согласия», «национальных элит» и пр.

В книгах Зюганова мы не встретим доброго слова в адрес Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева, Салавата Юлаева и других вождей народных восстаний против деспотизма самодержавия и крепостного права в России. А вот добрых слов в адрес генерала Колчака, в адрес церкви, освящавшей крепостное право и торговлю людьми в России, — сколько угодно! С особым рвением Зюганов идеализирует имперскую Россию (с. 228):

> «На протяжении многих столетий Россия сознавала себя предназначенной для того, чтобы явить миру сокровища человеческого духа, реализованные в личной жизни и семейном укладе, общественном устрой-

стве и государственной, державной форме. В течение долгих веков эта идея принимала разнообразные мировоззренческие, религиозные и идеологические формы. Она вдохновляла творцов вселенской формулы "Москва — третий Рим", окрашенной в суровые, мужественные, аскетические тона русского православия, она же, облеченная триединством российского имперского лозунга "Православие, Самодержавие, Народность", собирала под величественные своды русской государственности "двунадесять языков", составивших единую семью российских народов».

После такого панегирика самодержавию так и хочется при очередной встрече сказать Зюганову: «Геннадий Андреевич! Перечитайте на досуге классиков великой русской литературы: Толстого, Чехова, Достоевского! После них у вас язык не повернется нахваливать самодержавную "тюрьму народов". Перечитайте Пушкина, наконец: "Самовластительный злодей! Тебя, твой трон я ненавижу, твою погибель, смерть детей с жестокой радостию вижу"»...

Да, Зюганов и без наших советов читает классиков русской литературы. Однако его прочтение, как нам представляется, схематично и слишком однобоко для русской души. Думаю, что именно в разном прочтении величайших проявлений русского духа и начинаются истоки всех наших разногласий. Для иллюстрации этой мысли позволю себе остановиться на с. 323—324 книги Геннадия Зюганова, чтобы затем и самому разобраться, кто мы такие и почему никак не можем договориться между собой.

Зюганов: «Самой надежной отмычкой, с помощью которой проникали в наши души, была всесветно

знаменитая цитата о том, что высшая общественная гармония не стоит слезинки хотя бы одного только замученного ради нее ребенка. Большинство авторов почему-то приписывает этот тезис лично Ф. Достоевскому. Не хотят видеть, что принадлежит он нравственному антиподу писателя — Ивану Карамазову, умственному аристократу, нашедшему в нем "моральную" санкцию вседозволенности и отцеубийства. Достоевский же, наоборот, шлет нам из прошлого свое предупреждение о том, что возможна чудовищная подмена понятий, нравственная ловушка. Он подробно анализирует, как эта абстрактно-гуманистическая истина становится в руках Карамазова все более отвлеченной и софистичной, пока не вырождается, наконец, в смердяковщину — в лакейский суд над действительностью, в лютую ненависть к России, ко всякому проявлению духовной, национальной самобытности».

По какому праву?! По какому праву Зюганов выставляет одного из героев всемирно известного романа Достоевского «нравственным антиподом» самому писателю?! Он желает выставить нравственность самого Достоевского в более выгодном свете, чем о ней известно читающей публике? Но это низко, хуже, чем выдумать какие-то гадости о жизни гения русской литературы. Достоевский не нуждается в сомнительных услугах Зюганова. Тем более в них не нуждается литературный герой Иван Карамазов! За что Вы его, Геннадий Андреевич, оскорбили «умственным аристократом»? Достоевский его так не называл. Напротив, писатель любовался мощным, бунтующим разумом Ивана. Думается, Достоевский и нарек своего героя таким именем, чтобы подчеркнуть важнейшую черту русского национального характера — совесть, не

желающую смириться с грязью и несправедливостью окружающего нас мира. И на каком основании Зюганов обвиняет Ивана Карамазова в «отцеубийстве»?! Иван не убивал! Его алиби подтвердил сам Достоевский. В романе написано, что за день до убийства Иван уезжает в Москву. В вагоне не спит, думает о своем: «На душу сошел вдруг такой мрак, а в сердце заныла такая скорбь, какой никогда он не ощущал прежде во всю свою жизнь. Он продумал всю ночь; вагон летел, и только на рассвете, уже въезжая в Москву, он вдруг как бы очнулся. "Я подлец!" — прошептал он про себя». А пока Иван подъезжает к Москве, его отец Федор Павлович мучается ревностью к собственному сыну — Дмитрию Карамазову, но сердце его «купается в сладкой надежде»: сейчас придет Грушенька, и надо, ни секунды не мешкая, отворить ей дверь по условному сигналу, о котором знали Смердяков и Митя Карамазов... Кто из них убийца? Это тайна, которую гениальный писатель заключил в название своего романа «Братья Карамазовы». И не надо, товарищ Зюганов, приписывать Смердякову «лакейский суд над действительностью». Вы же православный человек! Как же Вы могли не увидеть, что лакей Смердяков — тоже брат! Этого не желает признать Иван Карамазов, один вид Смердякова вызывает у него отвращение, но он брат Алеше, Мите и Ивану. Брат кровный по отцу Федору Павловичу, хотя и зачатый им «причуды ради» рядом со сточной канавой с пьяной гулящей бабой по прозвищу Смердящая. «Были бы братья, — говорится в главе "Житие старца Зосимы", — будет и братство». Иван, стремящийся к всемирному братству, считающий «потребность всемирного соединения... последним мучением людей», не желает признать в лакее Смердякове своего брата. Отсюда его мучения. А «подлецом» Иван назвал себя заслуженно: зная, что произойдет убийство человека, он ничего не сделал для того, чтобы предотвра-

тить зло. А ведь только что измучил своего брата Алешу вопросом, что бы он сделал с генералом-помещиком, затравившим на глазах крепостной матери ее маленького сына только за то, что он бросил камнем в господскую собаку, попал ей в ногу, и она охромела. Вот этот страшный эпизод из жизни России, которая, как считает Зюганов, «из века в век... стремилась воплотить в жизни государства и общества идеалы вселенского Братства, Любви и Гармонии»:

«Мрачный, холодный, туманный осенний день, знатный для охоты. Мальчика генерал велит раздеть, ребеночка раздевают всего донага, он дрожит, обезумел от страха, не смеет пикнуть... "Гони его!" — командует генерал, "беги! беги!" — кричат ему псари, мальчик бежит... "Ату его!" — вопит генерал и бросает на него всю стаю борзых собак. Затравил в глазах матери, и псы растерзали ребенка в клочки!.. Генерала, кажется, в опеку взяли. Ну... что же его? Расстрелять? Для удовлетворения нравственного чувства расстрелять? Говори, Алешка!

— Расстрелять! — тихо проговорил Алеша, с бледною, перекосившейся какою-то улыбкой подняв взор на брата».

Не без внутреннего мучения смиренный Алеша Карамазов признает: есть зло, на которое надо отвечать насилием, вплоть до расстрела. А Геннадий Зюганов даже после убийства сотен невинных людей на глазах всего мира (напомню, американская телекомпания вела прямой репортаж о расстреле парламента России и безоружных защитников Верховного Совета на весь мир) призывает «отказаться от насилия», «не допускать политического экстремизма в рядах коммунистов», заявляет, что «КПРФ не партия мщения».

И не стоило Геннадию Андреевичу распахивать душу, когда в нее, как он пишет, «проникали с помощью самой

надежной отмычки — всесветно знаменитой цитатой о том, что высшая общественная гармония не стоит слезинки хотя бы одного замученного ради нее ребенка». Цитата передернута «медвежатниками от демократии». В оригинале все гораздо сложнее. Иван Карамазов не желает, отказывается от «высшей гармонии», при которой «мать обнимется с мучителем, растерзавшим сына ее». Иван Карамазов рассказал Алеше также историю, в которой образованные, интеллигентные родители-деспоты истязают розгами и побоями свою пятилетнею дочь, да еще на ночь запирают ее в отхожее место, мажут ей лицо калом, мать заставляет девочку есть этот кал — и все за то, что девочка «не просилась ночью». История эта дошла до суда, и суд присяжных оправдал родителей. Иван подчеркивает: «Я взял одних деток, для того чтобы вышло очевиднее. Об остальных слезах человеческих, которыми пропитана вся земля от коры до центра, — я уж ни слова не говорю, я тему сузил». Накал мысли в этом месте романа растопит даже каменное сердце. И нет ничего предосудительного в том, что Достоевский мучается вместе со своим героем, если устами Ивана Карамазова говорит сам писатель: «Пока еще время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачонком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к “боженьке”! Не стоит потому, что слезки его остались неискупленными. Они должны быть искуплены, иначе не может быть и гармонии. Но чем же ты искупишь их? Разве это возможно? Неужто тем, что они будут отомщены? Но зачем мне их отмщение, зачем мне ад для мучителей, что тут ад может поправить, когда те уже замучены? И какая же гармония, если ад: я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали боль-

ше. И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены. Не хочу я, наконец, чтобы мать обнималась с мучителем, растерзавшим ее сына псами! Не смеет она прощать ему! Если хочет, пусть простит за себя, пусть простит мучителю материнское безмерное страдание свое; но страдания своего растерзанного ребенка она не имеет права простить, не смеет простить мучителя, хотя бы сам ребенок простил их ему!»

Жуткую вселенскую несправедливость, из-за которой Достоевский и его герои терзают свои сердца и души, в современном прочтении можно выразить вопросом: почему жалкая кучка мучителей помыкает сегодня всем миром и почему миллионы людей не восстанут против своих мучителей? «Великий инквизитор» Достоевского объясняет это послушание, это раболепие миллионов слуг перед немногими «избранными» господами — великой Тайной. Сам писатель надеется, что через веру в Христа слуги и господа рано или поздно побратаются: «Неужели так недоступно уму, что сие великое и простодушное единение могло бы в свой срок и повсеместно произойти меж наших русских людей? Верую, что произойдет, и сроки близки». Здесь идеалист Достоевский уподобляется Зюганову и желает примирить непримиримое: класс угнетателей и класс угнетенных. Но вера писателя в чудо слаба. Материалист Достоевский прекрасно видит, что именно разделяет людей: «Никогда люди никакою наукой и никакою выгодой не сумеют безобидно разделиться в собственности своей и в правах своих. Все будет для каждого мало, и все будут роптать, завидовать и истреблять друг друга». Разве не понятно теперь, что Достоевский, несмотря на занудное богоискательство, вплотную подошел к основной идее коммунизма по

Марксу: уничтожьте частную собственность на землю, на ее недра, на заводы и фабрики — и путь к братству будет открыт. Отсюда — рукой подать до Ленина и разгадки «тайны» того, что жалкая кучка мучителей правит миром и истязает народы земли. Как только собственность переходит в руки всего общества, все его члены закономерно хотят участвовать в управлении этой собственностью и самим обществом. И никакой такой особой «тайны избранных», единственно умеющих управлять обществом и людьми, нет. Каждый грамотный и, главное, честный человек сможет управлять государством в тысячу раз лучше, чем управляет им банда, жаждущая (говоря словами Алеши Карамазова) «власти, земных грязных благ, порабощения»... Лишим банду собственности, тогда и кухарку можно научить управлять государством. И только в том случае, когда кухарка будет участвовать в управлении государством наравне с физиком, хирургом, учителем, исчезнет деление на слуг и господ, только тогда и придет «высшая гармония», только тогда и наступит братство и единение «меж наших русских людей», и не только русских. На том стояла и стоять будет «Трудовая Россия».

ПОДНЯТЬ ЖИВЫХ

Статья Сергея Глазьева «Объединение или смерть» (газета «Завтра» №30 (610) за июль 2005) заслуживает самого пристального внимания и свободного товарищеского обсуждения хотя бы на страницах патриотической печати.

«Лидеры оппозиции должны понять, что действующая власть ставит их перед выбором — превратиться в политических кукол или стать героями народного сопро-

Митинг коммунистов в годовщину народного восстания. *3 октября 2004*

тивления». При всей словесной изящности этого вывода Сергея Глазьева он не вселяет оптимизма в сердца и души тех, кто никогда и ни при каких обстоятельствах не заигрывал и не выпрашивал подачек у действующей власти, будь то при Горбачеве, Ельцине или Путине.

За это убили Рохлина

Вся новейшая история сопротивления в России учит: как только известные лидеры оппозиции и даже вожди отдельных политических партий заговаривают об объединении ради совместного участия в парламентских, губернаторских или президентских выборах — жди подвоха. Уж на что Батько Кондрат — патриот из патриотов, но и тот оконфузился со своим преемником на посту губернатора Краснодарского края. Как только Ткачев (при поддержке КПРФ и «Отечества» Кондратенко) стал губер-

натором Кубани, он вскоре принес клятву на верность Путину и переметнулся в ряды «Единой России». «Красный пояс» оппозиции почернел от стыда. А перебежчик из коммунистов в «единороссы» нижегородский губернатор Ходырев?! А курский губернатор Александр Михайлов?! Ведь он, будучи еще секретарем Щегринского райкома партии, с открытым забралом отстаивал советскую власть. Еще в 1990 году Михайлов поддержал Коммунистическую инициативу и Учредительный съезд РКРП, регулярно писал в газету «Молния» и распространял ее в Щегринском и соседнем Горшечном районах. Пойди наш товарищ этим путем и дальше, он бы стал не только героем, но и подлинным вождем народного Сопротивления. Но Ельцин своевременно распорядился «разрешить» деятельность КПРФ, и Михайлова переманили туда, дав место в Государственной Думе. Яркий политик, прекрасно владеющий собой, Михайлов вполне мог составить конкуренцию лидеру КПРФ при выдвижении единого кандидата от оппозиции на президентских выборах уже в 1996 году, а к 2000 году — и стать кандидатом на пост президента России от КПРФ, но руководство последней предложило ему безусловную поддержку на выборах губернатора Курской области. И вот, став губернатором, Михайлов вышел из КПРФ Зюганова и перешел в «Единую Россию» Путина. Курский областной комитет КПРФ тут же утратил всякое доверие масс, а во главе протестного движения и многотысячных митингов курян против грабежа народа под флагом реформ ЖКХ стал беспартийный Александр Федулов.

Не лучше обстоит дело и с вхождением оппозиции во власть представительскую. Помнится, среди первых писем «Молнии» в 1990 году пришло письмо с далекой Камчатки. Автором письма был тогда рядовой член партии Машковцев Михаил Борисович.

Как и бывший первый секретарь Щегринского райкома КПСС Михайлов, Машковцев еще тогда горячо поддержал идею созыва Чрезвычайного съезда КПСС, призванного размежеваться с перерожденцами и предателями, окопавшимися в высших штабах партии: Горбачевым, Ельциным, Шеварднадзе, Яковлевым и прочими перевертышами. Вплоть до 1993 года Машковцев был негласным распространителем «Молнии» на Камчатке. Но как только Ельцин дал добро на восстановление структур компартии, Машковцев встал под знамена КПРФ. И вроде бы не без пользы для себя: он возглавил обком КПРФ, был избран депутатом, а затем и председателем Законодательного собрания области. Теперь на предложение возобновить контакты с «Трудовой Россией» и газетой «Молния» Михаил Борисович отвечал уклончиво:

— А как на это посмотрит ЦК моей партии? А почему бы вам не объединиться с Зюгановым?

О необходимости «ниспровержения всей системы власти в России» речь уже не шла. Где сейчас Машковцев? С кем он остался после раскола КПРФ? Неизвестно.

После вхождения в представительскую власть, как мне кажется, закатилась и еще одна политическая звезда. Вот уж третий год ничего не видно и не слышно о лидере рязанских коммунистов, бывшем председателе Рязанской областной Думы и члене Совета Федерации Владимире Федоткине. Его последние статьи в «Советской России» свидетельствуют о разочаровании автора в идеях научного коммунизма и переходе на сомнительные позиции национализма и клерикального патриотизма. Среди коммунистов области — разброд и шатания. Бывший депутат Госдумы и первый секретарь Рязанского горкома КПРФ Надежда Корнеева оказалась замешана в скандале с получением новой квартиры от власти исполнительной... Некогда боевой отряд сопро-

тивления в Рязани неуклонно утрачивает свое влияние в области. И так — по всей России.

Лишь один политик из числа депутатов Государственной Думы в 1998 году поднялся сам и попытался поднять передовую часть общества на открытую схватку — Лев Яковлевич Рохлин. Он же открыто называл врага по имени и объединял все силы общества на свержение Ельцина.

Должен сказать, что генерал Рохлин не был коммунистом. В последние дни своей жизни, на встрече с бастующими шахтерами Воркуты, Рохлин с печалью констатировал, что во время избрания председателя думского Комитета по обороне фракция КПРФ в Государственной Думе отвергла его, отдав свои голоса представителю Ельцина. В благодарность Ельцин подарил КПРФ пост Полномочного представителя президента по правам человека. Последний достался бесцветному коммунисту Олегу Миронову. Чавкающее болото власти поглотило Миронова без всякого сопротивления с его стороны. Следов в истории от него не осталось...

Но не надо делать из генерала Рохлина и государственника, да еще с монархическими иллюзиями. Напрасно скульптор Клыков осенил памятник Рохлину на его могиле триколором, наконечник которого венчается двуглавым орлом. Лев Яковлевич был лишен всякого тщеславия, тем более — монаршей надутости и стремления стать «помазанником Божьим», что демонстрирует действующий сегодня президент. Искренне открытый для всякого, кто страстно желал облегчить участь народа, Рохлин был образцом советского офицера. Именно поэтому вокруг него быстро консолидировались различные отряды Сопротивления: шахтеры, офицеры действующей армии, спецназ, хорошо знавший Рохлина по участию в боевых действиях на Кавказе.

В июне 1998 года генерал Рохлин, официально возглавлявший Общероссийское общественное движение в поддержку армии, подписал обращение-приказ к региональным и местным отделениям движения: поддержать «Трудовую Россию» всеми имеющимися силами и выступить совместно в поход за СССР, намеченный на период с 14 по 23 августа 1998 года. Единство, о котором говорили так много и так долго, свершалось. Шахтеры Воркуты, Кизляра, Донбасса, машиностроители Ярославля и Ростова-на-Дону приняли решение продлить забастовку и не снимать палаточный городок у Дома правительства на Горбатом мосту до конца августа. Забастовочное движение под лозунгом отставки правительства охватило всю Россию: в Удмуртии, Приморье, Воронежской и Ярославской областях, на севере и юге страны рабочие стихийно перекрывали железные дороги и автомобильные трассы. О намерении поддержать поход за СССР заявили офицеры Сталинграда. Близился решающий час... Но 3 июля тайные лазутчики врага убили князя Русского Сопротивления. Убийство Рохлина вырвало из наших рядов главное звено.

На следующий же день после похорон генерала в Москве собрался Чрезвычайный съезд Движения в поддержку армии. Зал заседаний съезда кипел офицерской яростью. В считаные минуты преемником Рохлина на посту Председателя ДПА съезд избрал члена ЦК КПРФ, тогда еще председателя думского Комитета по безопасности Виктора Илюхина. Генерал юстиции Илюхин (под разными псевдонимами сотрудничавший с «Молнией» еще в 1990 году и опубликовавший в ней возбужденное им от имени Генеральной прокуратуры СССР уголовное дело против Горбачева) поклялся перед офицерами «довести до конца дело генерала Рохлина». Однако когда автор настоящих строк от имени

«Трудовой России» предложил съезду ДПА подтвердить намерение выполнить политическое завещание Рохлина — выступить в поход за СССР 14 августа с целью свержения тирана, — председательствующий на съезде Илюхин заговорил не по-военному:

— Ну зачем спешить с непродуманными декларациями. Приходи на заседание исполкома ДПА (а оно состоится в ближайшее время), там все спокойно обсудим!

... Приказ Рохлина был дезавуирован съездом ДПА...

Не могу не добавить к этой истории еще несколько слов. Как только генерал Рохлин пошел на открытый союз с «Трудовой Россией», очень многие видные политики из числа депутатов Госдумы при встрече нашептывали мне:

— Да ты с кем объединяешься, Виктор Иванович? С Рохлиным?! Да он же еврей-полукровка! Будь осторожен!

После убийства генерала те же самые политики бьют себя в грудь:

— Таких патриотов, как Рохлин, больше не будет! Все нынешние вожди только и думают, что о своей шкуре!

Время Дмитрия Донского

Пятнадцать лет правит на Руси постылый режим. Пятнадцать лет лишений и безвременья. Где кнутом репрессий для свободолюбивых, где пряником вседозволенности ради личного обогащения для нищих духом власть капитала загоняет в свою поганую утробу молодежь. Опытных бойцов подкупают или обезвреживают молчанием. Предатели и перерожденцы множатся. Да есть ли живая душа в поле?! Одному с супостатом не справиться! Маяковский был прав: «Горе одному! Один не воин! Каждый сильный ему господин, и даже слабые — если двое».

Если личности, претендующие на роль лидеров левых народно-патриотических сил, не смогут понять друг друга и объединиться, то тогда — смерть, небытие, бесславная гибель русского животворящего общинного начала в тысячелетней борьбе человечества со всемирным злом бесплодного индивидуализма. Здесь Глазьев прав: «Объединение или смерть».

Мистика? Пусть так! Но сегодняшняя общественно-политическая ситуация в России заставляет всех честных думающих людей оглянуться на времена Дмитрия Донского, чтобы взять у Великого Московского князя бесценный опыт объединения народных сил. 625 лет назад перед битвой на Куликовом поле Дмитрию Донскому было не легче, а, пожалуй, потяжелее нашего. Княжеская междоусобица раздирала Русь. Брат шел на брата, колол ему глаза и вырывал язык, лишь бы войти в доверие к ханам Золотой Орды и получить от них ярлык на княжение. Князь Рязанский Олег предал Дмитрия из опасения потерять княжество:

— Пойду с Дмитрием — Мамай, как не раз бывало, сожжет Рязань!..

И не пошел Олег с Дмитрием. А в Московском Кремле в великой тайне от вездесущих лазутчиков Орды по приказу Дмитрия уже ковались мечи, копья и кольчуги для будущего воинства. Дмитрий действовал сообразно бессмертному кличу: «Свобода или смерть!» — и назад для него пути уже не было. Князь точно указал русским на их главного врага и сам взял в руки меч на смертную битву. Видя решимость и непреклонность московского князя, к нему присоединились не только русские дружины, но и дружины литовских князей Ольгердовичей и даже темники татарской конницы, мечтавшие о собственных вотчинах, независимых от Золотой Орды.

Сегодня очень многие деятели, и в первую очередь Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, утверждают, что без церкви, без благословения Сергия Радонежского Дмитрий Донской не осмелился бы пойти на Куликово поле. Мягко говоря, церковники грешат против истины.

Войско Дмитрия готовилось скрытно и вышло из Кремля без лишней, как принято говорить сегодня, пропагандистской шумихи. До Сергиева Посада оставалось еще пять дней пешего хода, а в сердца русских князей проникло смущение: «Нас мало! Одолеем ли Мамая такими силами?!»...

Между Рязанским и Каширским шоссе, на правом берегу Москвы-реки, у самой МКАД стоит крестовая церковь деревни Беседы. На этом месте 625 лет назад Дмитрий Донской провел военный совет (беседу) с князьями воинства на марше. Великий князь приказал никого, кроме своих союзников, выступивших в поход, в избу не впускать и велел закрыть ставни, чтобы ничто не мешало беседе. Разговор получился тяжелым. Князья сомневались. С великими трудами достигнутое единство, казалось, рассыпалось на глазах. И тогда Дмитрий велел распахнуть ставни! Князья бросились к окнам. И было на что посмотреть! По левому берегу реки, на юг от Москвы, сколько хватало глаз, двигались колонны и обозы русского войска. В клубах пыли молчаливой грозовой тучей шли пешие ратники, на рысях двигалась конница, ржали кони, мычали волы, скрипели тяжелые обозы с провиантом... Сомнений быть не могло: битвы с Мамаем не избежать!

— Веди нас, Дмитрий, на победу! — вскричали воспрянувшие духом князья.

Только через четыре дня войско подойдет к Сергиеву Посаду, и Сергий Радонежский со слезами радости

на глазах, под звон колоколов выйдет навстречу воинству, чтобы благословить его. По-иному быть не могло! В отличие от Рязанского княжества 625 лет назад, перед битвой на Куликовом поле, Русская православная церковь, которую Золотая Орда не притесняла и дальновидно не подвергала гонениям, предпочла роль духовного наставника вооруженного народа.

Сегодня только слабоумный не видит, что и православная, и мусульманская церкви в России обслуживают антинародный режим, укрепляют его. И если сегодня самопровозглашенные «лидеры» народно-патриотических сил заигрывают с попами, ищут у них благословения, то они заслуживают лишь презрения народа, стонущего в ярме постыдного рабства. Только разбив это ярмо, только отстояв независимость России, можно рассчитывать на признание народа. Этому нас учит история. И только ради этого в сонме предателей и политических мертвецов надо найти единомышленников-единоверцев, чтобы вместе поднять народ на святую борьбу. И не надо путать веру и церковь.

«На словах, — пишет Сергей Глазьев, — все лидеры народно-патриотических сил высказываются за объединение. На практике, как только дело доходит до составления партийных списков, объединения не получается. Причина очень проста — корпоративные и личные интересы неизменно оказываются важнее общенародных». Помилуйте, Сергей Юрьевич! Зачем же клеветать на всех лидеров народно-патриотических сил? Если Вы постоянно общаетесь с правящей кликой, то там — да: «корпоративные и личные интересы неизменно оказываются важнее общенародных».

Вообще-то «общенародных» интересов в природе не существует, как не существовало никогда интересов «общечеловеческих». Сегодня в России одна, ничтожно малая часть народа беспощадно истязает и наживается

на эксплуатации и грабеже подавляющего большинства народа. Ответьте на вопрос, с какой из этих частей народа Вы стремитесь объединиться, Сергей Юрьевич, и сразу же отпадет необходимость «составлять партийные списки». А значит, дело объединения стронется с места.

Бойкот похабным выборам

После внесения Думой драконовских поправок в избирательное право и принятия похабного Закона о политических партиях парламентские выборы в России окончательно превращаются в грязный, циничный фарс. После того как верная президенту «Единая Россия» провела через парламент ряд законов, ликвидировавших все социальные блага и достижения социалистического общества, «демократические ценности» оказались не нужны власти. В одночасье десятки миллионов беспартийных граждан России лишились активного избирательного права: выдвигать кандидатов в депутаты Госдумы или выдвигаться самим. Выброшен за борт и изгажен конституционный принцип равенства общественных объединений граждан перед законом. От лозунга «департизации» власти остались только воспоминания. Партиям, не способным самостоятельно преодолеть семипроцентный барьер, запрещено блокироваться с другими. Армию и профсоюзы и раньше не подпускали к выборам, теперь же вся страна превращена в казарму, чтобы на парламентских выборах 2007 года по команде голосовать за «Единую Россию». А что вы хотите? Сам президент Путин заявил:

— Административный ресурс был, есть и будет!

Понимайте так, что фальсификации, подкуп избирательных комиссий, подчинение средств массовой информации интересам одной единственной партии — «Единой России» — гарантированы на самом высоком уровне.

Остальным парламентским партиям — КПРФ Зюганова, ЛДПР Жириновского, СПС («Яблоко») Явлинского, Аграрной партии Харитонова — остается только внутренняя грызня во время составления партийных списков. Кому это выгодно?..

Ответ очевиден! При такой системе парламентских выборов абсолютное большинство мест в парламенте будет отдано «Единой России».

Что касается лидеров партий и движений, уже оставшихся за бортом грядущих парламентских выборов, им следует как можно быстрее заявить о намерении бойкотировать (игнорировать) выборы без выбора и решительно размежеваться с теми партиями и лидерами, которые заявляют о своем намерении участвовать в них.

За русские «праймериз»

На словах все известные лидеры оппозиционных парламентских фракций признают, что предстоящие выборы Госдумы будут фарсом. Но не более того. На деле и Зюганов, и Рогозин, и Харитонов, а в последнее время и Явлинский с Жириновским ищут возможностей сепаратных переговоров с Кремлем. Вот как оценивает в своей статье «Объединение или смерть» перспективы таких переговоров Сергей Глазьев: «Желающие о чем-либо договориться с президентской администрацией должны избавиться от иллюзии какого-либо партнерства. Так же, как партнерство с мафией может вестись только на основе полного подчинения ее правилам и безусловного исполнения приказов вышестоящих по иерархии преступного сообщества, так и партнерство с нынешней властью любого из “независимых политиков” неизбежно предполагает отказ и от независимости, и от политики». Комментарии, как говорится, излишни! Напомним, что по наводке председателя ЦИК Вешняко-

ва кремлевская власть украла у народа конституционное право на референдум. А раз так, то избирателям ничего другого не остается, как игнорировать выборы, не принимать в них участия. И до поправок в законы о выборах и политических партиях более 60% избирателей России стихийно отказывалось принимать в них участие. Через предварительное голосование и голосование «на дому» власти на местах с трудом дотягивали явку до 25 процентов, при которых выборы считаются состоявшимися. Но даже с участием популярного Василия Шандыбина на довыборах Госдумы в Брянске на избирательные участки пришло менее 20 процентов избирателей. Значит, партии, которые продолжают призывать народ к участию в парламентских выборах, действуют вопреки воле народа, в интересах укрепления антинародной власти. И наоборот, те партии, которые выступят, по крайней мере, за пассивный бойкот (неучастие в выборах), получат поддержку широких народных масс.

Разумеется, одного пассивного бойкота парламентских выборов недостаточно, чтобы изменить вектор развития политической системы в России. Бойкот должен быть дополнен по возможности повсеместным народным контролем за количеством избирателей, принявших участие в выборах. Добровольных контролеров на входах в избирательные участки (а для такого контроля не требуется специального разрешения избирательных комиссий!) найдется более чем достаточно. И как только данные народного ЦИКа коренным образом разойдутся с данными официальных избирательных комиссий, у организаторов народного контроля над выборами появятся основания для призывов к народу выйти на улицу.

Живые поднимутся. И победа придет, если мы вспомним реченное Дмитрием Донским на Куликовом поле:

«Под каким стягом стал в начале сечи, под тем и стой до конца ее!»

Не бегай из партии в партию! Не мечись перед битвой и не заискивай перед коварным врагом! Победим только вместе. А для того чтобы народное восстание было организованным и не превратилось спонтанно в гражданскую войну, еще до дня официальных выборов в Думу следует организовать действительно народные, прямые, открытые (с подсчетом бюллетеней на глазах у народа) выборы в Верховный Совет России. Это будут своего рода русские «праймериз», на необходимости проведения которых автор этих строк настаивал еще перед президентскими выборами 1996 года. Пусть в бюллетенях для народного голосования фигурирует как можно больше кандидатов из числа тех, кто бойкотирует официальные выборы по партийным спискам. И не надо бояться, что среди таковых может оказаться чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров.

И не надо бояться открытой честной борьбы за народное признание среди лидеров Сопротивления. Чем больше имен будет в бюллетенях народных выборов, тем лучше. В Воронежской области пусть там будут фамилии Костина и Рогозина, при условии, что оба они призовут народ отказаться от участия в официальных выборах. Пусть и тот, и другой едут в города и села области, пусть рассказывают, как они обустроят Россию без наследников Горбачева и Ельцина. Народ наш мудр, и каждый из них — Костин и Рогозин — получит признание и любовь народа. В Питере в бюллетень для народного голосования можно включить Юрия Шутова. Вот уже пятый год режим без суда держит Шутова за решеткой только за то, что он разоблачил преступления банды Анатолия Собчака. Рядом с именем Юрия Шутова я поставил бы имя «неувядаемой комсомолки», заняв-

шей при поддержке Путина пост мэра Санкт-Петербурга — Валентины Матвиенко. Голосовать в этом случае выйдут, как при Сталине, поголовно все избиратели... В положительном исходе таких выборов можно не сомневаться.

Идею проведения народных выборов в Верховный Совет России, равно как и идею формирования Объединенного фронта «Трудовой России» с целью бойкота предстоящих официальных выборов, мне лично подсказал бывший депутат Госдумы по списку ЛДПР Александр Пронин. Вместе мы приступили к поиску новых, не желающих сотрудничать с режимом лидеров. Как всегда, на бумаге было гладко...

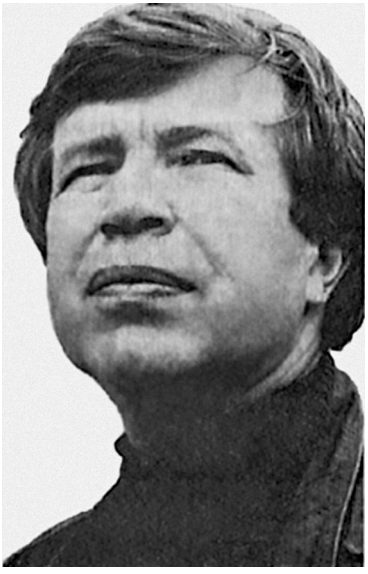
— Согласен ли ты начать подготовку бойкота официальных выборов в Госдуму и возглавить проведение народных (альтернативных) выборов депутатов Верховного Совета России? Согласен ли ты сделать соответствующее заявление, сидя за одним столом с Василием Шандыбиным?

С такими вопросами я обратился к Александру Федулову, набросившемуся в свое время с кулаками на Василия Ивановича в стенах Госдумы, когда там опять спровоцировали обсуждение постылого вопроса о закрытии Мавзолея Ленина. Федулов задумался, но ответил прямо:

— Да, я согласен! И готов работать на идею с кем угодно.

Этот же вопрос я адресовал моему другу Василию Шандыбину. Ответ последовал незамедлительно:

— С Федуловым?! Ни за что! Кроме того, я намерен опять баллотироваться на довыборах депутата Госдумы в Брянске. Губернатор Денин обещал не мешать мне. И Зюганов обещал помочь. Как же я буду агитировать за бойкот?

Виктор Анпилов. *Фото Хайди Холлинджер*

Конечно, я не имею права отговаривать товарища. Но на Куликовом поле XXI века с такими подходами нам вряд ли доведется побрататься. А жаль! И обидно до слез, потому как Куликово поле без нас с Шандыбиным займет враг, устроит там потешные бои, напоит участников официального шоу водкой, и они впадут в беспамятство и начнут восхвалять врага... Нет, только не это! Даже если останешься один, вспомни о князе Дмитрии, вспомни генерала Карбышева и Мусу Джалиля... Они не дрогнули и выстояли сечу до конца под тем стягом, под который встали в начале ее. Пусть трусливые гагары и жирные пингвины стонут и мечутся перед грядущей битвой. Что нам до них?! С ними ли объединяться?.. У нас другая история. У нас другие герои, отдавшие жизнь за свободу и независимость своего народа. У нас другой язык, язык горьковского Сокола, мечтающего подняться в небо со смертельной раной в груди: «О, если б в небо хоть раз подняться!.. Врага прижал бы я к ранам груди, и захлебнулся б моей он кровью!» Да, Сокол погиб. Но мы знаем, что «будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света»... Так было. И так еще будет. Вместе победим!

Август 2005.

ПРОРОК ЕСЕНИН СЕРГЕЙ

В первые дни нового века случилось мне быть по делам в Рязани. Депутат, назначивший мне встречу, запаздывал, и я, коротая время в его кабинете, начал листать подшивки местных газет. По первым страницам практически всех рязанских изданий торжественно шествуют попы. По сегодняшним временам в этом нет ничего удивительного: во имя прибыли, во имя наживы реставрация дикого капитализма уничтожает все живое и в оправдание своей звериной сущности ищет и находит себе опору в религии. При поддержке осатаневшего телевидения, пошлого садистского кино, тошнотворной порнорекламы мракобесы в рясах, ермолках, чалмах и без них насаждают в душах неверие и ненависть ко всему советскому, не гнушаются паразитировать на высших достижениях культуры советского периода.

В день памяти Сергея Есенина 28 декабря 2000 года газета «Рязанские ведомости» опубликовала подборку материалов, свидетельствующих о том, какая свирепая борьба идет вокруг имени гениального русского поэта. С одной стороны, главный хранитель Государственного музея-заповедника С.А. Есенина в селе Константиново Л. Архипова в статье «Восстает тело духовное...» пытается выставить поэта этаким религиозным ягненком, который «с самого раннего его возраста имел постоянную, прочную связь... с семьями священнослужителей... не был обойден их вниманием и сам тянулся к ним». С другой стороны, в статье «Русее их двоих нет» в рубрике «Литературная переписка» явно прослеживается стремление поставить на один поэтический и политический уровень несоизмеримые фигуры русского гения и мало кому известного поэта Павла Васильева, активно выступившего против коллективизации деревни и расстрелянного за антисоветскую деятельность по приговору суда

в 1937 году. Не называя национальности П. Васильева, один из авторов «литературной переписки» В. Шибков цитирует безапелляционное мнение В. Ходасевича: «История русской литературы есть история изничтожения русских писателей». После этого русским писателям, поэтам и народу в целом остается самая малость — покаяться, признать свою неполноценность и обратиться за помощью к другому народу, к другим пророкам...

Сегодня на трагическом изломе истории русского народа эти две линии в осмыслении жизни и творчества Сергея Есенина пересекаются, образуют крест, на котором опять распинают поэта.

Бунтующая душа

Ах! Какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в Бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Эти стихи Есенина взяты эпиграфом к статье Л. Архиповой «Восстает тело духовное». Далее автор прямо пишет (и в доказательство даже иллюстрирует свою статью членским билетом рязанского отделения Союза безбожников), что «после свершения Октябрьской революции по всей России шла борьба с религией, повсюду насаждался дух воинствующего атеизма... и возникало как следствие этой кампании — чувство раздвоения, которое выразил Сергей Есенин в вышеприведенных строках». Автор предисловия к сборнику стихов Сергея Есенина «Москва кабацкая» (М.: Воскресенье, 1995) Иван Жуков еще более категоричен и обвиняет Октябрьскую революцию в уничтожении питательных, по его мнению, корней поэзии Есенина: «...Замолкли колоко-

ла церквей, срублены церковные главы, а подвижники-церковнослужители, а также странники, с которыми он мальчишкой вместе с матерью или бабушкой уходил на богомолье, поклониться любви и кресту, и о которых он рассказал в ранних стихах светлыми, сердечными словами, унижены, оскорблены или даже уничтожены физически. И поэт, с молоком матери впитавший святую веру, горько кается, вдруг попав в стан холодных, бездушных атеистов, умоляет, обращаясь к друзьям:

Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной,
Чтоб за все за грехи мои тяжкие, —
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать».

И в первом, и во втором случае авторы грешат против истины. Ведь если бы источником вдохновения для Есенина была религиозность или несправедливость «бездушных атеистов», уж он бы об этом сказал в своих стихах, тем более что при жизни поэта его стихи никогда не отвергались по политическим мотивам. Печаталось все, что приносил Есенин в литературные журналы.

Да, ранние стихи Есенина религиозны. Но именно поэтому сам поэт относился к ним снисходительно. В предисловии к последнему собранию своих стихов Есенин пишет: «Самый щекотливый этап — это моя религиозность, которая очень отчетливо отразилась на моих ранних произведениях. Этот этап я не считаю творчески мне принадлежащим. Он есть условие моего воспитания и той среды, где я вращался в первую пору моей литературной деятельности. На ранних стихах моих сказалось весьма сильное влияние моего деда. Он с трех лет вдалбливал мне в голову старую патриархальную

церковную культуру. Отроком меня таскала по всем российским монастырям бабка. Литературная среда 1913, 1914, 1915 годов, в которой я вращался, была настроена приблизительно так же, как мой дед и бабка; поэтому стихи мои были принимаемы и толкуемы с тем смаком, от которого я отмахиваюсь сейчас руками и ногами. Я вовсе не религиозный человек и не мистик. Я — реалист, и если есть что-нибудь туманное во мне для реалиста, то это — романтика, не старого нежного и домообожаемого уклада, а самая настоящая земная, которая скорей преследует авантюристические цели в сюжете, чем протухшие настроения... Мистики напоминают мне иезуитов. Я просил бы читателей относиться ко всем моим Иисусам, Божьим Матерям и Миколам как к сказочному в поэзии».

Как видим, сам поэт, при всей его любви к деду и бабке, употребляет ироничную оценку их методов воспитания: дед «вдалбливал в голову церковную культуру», бабка «таскала по монастырям»... Елеем здесь и не пахнет. Религия приучала к послушанию в страхе перед смертью. «Пред сонмом уходящим я всегда испытываю дрожь», — признавался поэт. Отголосок этого страха прослеживается во всем творчестве Есенина. Но это не религиозный страх, а мучительное напряжение чувств перед неизбежностью главной антитезы жизни — смертью:

Дар поэта — ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черной жабой
Я хотел на земле повенчать.
«Мне осталась одна забава». 1923 г.

Борьба жизни и смерти, добра и зла, горя и радости — вот обнаженные нервы искусства вообще и мировой поэзии в частности. Религиозный страх убивает

творческое воображение, и тогда даже зрелый гений терпит фиаско. Сравните, к примеру, «Мадонну Литта» Леонардо да Винчи и «Возвращение блудного сына» Рембрандта. Обе картины написаны на библейские темы. Но в первой не осталось никаких элементов церковной иконографии, здесь все дышит гармонией продолжения жизни: и мудрый взгляд младенца, и божественной красоты лицо земной женщины, и бесконечный пейзаж за окном. На полотне Рембрандта, напротив, доминирует черный цвет страха, лохмотья блудного сына контрастируют с роскошью отцовских царских одежд, лицо возвращенца едва угадывается, нарочитое столкновение роскоши и нищеты удручает...

В ранних религиозных стихах Есенина чувствуется налет страха, но в них уже прорастают семена «великой ереси» всей русской литературы от Пушкина и Гоголя до Толстого, Достоевского, Горького, Шолохова: каждый человек, каким бы маленьким и бедным он ни был, рождается свободным и по своим мыслям, страданиям, по своей любви способен быть выше богов. И если бессмертный Гомер уподоблял героев «Илиады» полубогам и сами боги спускались на землю, чтобы помочь им, отрок Сергей Есенин в стихотворении 1914 года «Шел Господь пытать людей в любови» руками старого деда подает качающемуся от голода и разочаровавшемуся в людях Господу пышку: «На, пожуй... маленько крепче будешь». А еще через четыре года в поэме «Инония», появившейся «золотым словесным яйцом» по горячим следам Октябрьской революции в 1918 году, Есенин поднимается бунтарем против любого духовного рабства:

Не устрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей, —
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.

Время мое приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплевываю изо рта.

После «Инонии» поэт никогда больше не вернется к религиозным сказкам своего детства. Даже в момент отчаяния, когда Есенин, уставший от кабацкой, не понявшей его Москвы, пишет шедевр лирики «Письмо матери», он остается реалистом:

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад...

...И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Вот эталон сыновней любви, которую святоши считают греховной, хотя в Библии сказано без экивоков: «возлюби ближнего своего, как самого себя». И еще, к сведению «главных литературных хранителей»: Сергей Есенин испытывал отвращение к священнослужителям и монахам, которые обагрили свои руки кровью ближних в гражданской войне. Вот эти обличительные строки из «Руси бесприютной»:

Над старым твердо
Вставлен крепкий кол.
Но все ж у нас
Монашеские общины
С «аминем» ставят

Каждый протокол
И говорят,
Забыв о днях опасных:
— Уж как мы их...
Не в пух, а прямо в прах...
Пятнадцать штук я сам
Зарезал красных,
Да столько ж каждый,
Всякий наш монах.
Россия-мать!
Прости меня,
Прости!
Но эту дикость, подлую и злую,
Я на своем недлительном пути
Не приголублю
И не поцелую.

Месть иезуитов

Бездари, святоши и иезуиты досаждали и по сей день досаждают Есенину больше, чем атеисты.

Это о них писал другой поэт той эпохи: «Все вы на бабочку поэтиного сердца взгромоздитесь, грязные, в галошах и без галош». Поднимаемая сегодня на щит «жертва сталинских репрессий» Николай Бухарин, давно забытый всеми Карл Радек, изрыгнувший отвратительное: «Есенин умер, ибо ему не для чего было жить», — сколько их было и сколько их будет?..

Вот Л. Архипова пишет: «Нет необходимости говорить о его (Сергея Есенина) жизни с ее страстями и ошибками, грехами и падениями». Нет необходимости, так и помолчала бы! Уж лучше бы поплакала в память о поэте под какой-нибудь старой березой в Константиново — может быть, именно ее обнимал Сережа, «как жену чужую»... Или вы, святоши, считаете, что и это грех тяж-

кий? Но кто вы такие, чтобы судить поэта, по какому праву вы лезете ему в душу и судите, грешен он или нет? Лучше в свою душу загляните и вспомните Сергея: «если черти в душе водились, значит, ангелы жили в ней». От бесконечных нравоучений Есенин страдал больше, чем от физической боли в детстве:

Как тогда, я отважный и гордый,
Только новью мой брызжет шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.
И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
— Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет.

«Все живое особой метой». 1922 г.

Эта месть «хохочущего сброда» началась еще при жизни Есенина и продолжается без конца. Бездари, прорвавшиеся в литературную власть сразу после Октябрьской революции, высокомерно поучали, сравнивали шедевры с безвкусными поделками, натравливали гениев русского слова друг на друга и в конце концов затравили и того, и другого: и Есенина, и Маяковского. Гениев ненавидели за то, что они бесконечно любили свою Родину, истерзанную войной, измученную голодом, тифом, но рвущуюся к свету наперекор сытой уверенности нэпманов.

Закружилась листва золотая
В розоватой воде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду...

С таким вдохновением, с такой силищей, способными воскресить увядшую жизнь и указать ей путь к звез-

дам, могут писать только пророки. Его не признавали таковым ни тогда, ни сейчас. И он сам, подобно Пушкину, Лермонтову, назвал себя пророком. В первые дни нового, 2001 года один из телевизионных каналов составил список из десяти «самых лучших поэтов России XX века». Назвали имена Пастернака, Блока, Ахмадулиной... Есенина в списке не оказалось! За что они его так не любят? Да за его беспамятную любовь к России, за его верность своему народу:

Черная, потом пропахшая выть!
Как мне тебя не ласкать, не любить?
1914

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».
1914

Тебе одной плету венок,
Цветами сыплю стежку серую.
О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую.
1915

О пашни, пашни, пашни,
Коломенская грусть,
На сердце день вчерашний,
А в сердце светит Русь.
1917—1918

Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:

Дайте мне на родине любимой,
все любя, спокойно умереть!
июль 1925

Для поэта все любить — дорогого стоит, ибо любовь сжигает, требует взаимности или хотя бы признательности. Не случайно же Гамлет мучается шекспировскими вопросами: «Кто снес бы плети и глумленье века, гнет сильного, насмешку гордеца, боль презренной любви, судей неправду, заносчивость властей и оскорбленья, чинимые безропотной заслуге, когда б он сам мог дать себе расчет простым кинжалом?»... Наш рязанский поэт пропустил через свое измученное сердце не только трагедию собственной, непонятой любви к женщине: «Ты меня не любишь, не жалеешь!» — он как никто другой на свете переживал и мучился болью «братьев наших меньших»: бедной собаки, у которой отняли и утопили «рыжих шестерых щенков», печалью журавлиного клина, покидающего Россию, и даже болью яблони, теряющей «листьев медь»...

Достояние человечества

Как всякий великий поэт, Сергей Есенин универсален. Даже если он сам признает себя «последним поэтом деревни», неправильно, кощунственно говорить о нем как о «деревенщике». От этого ярлыка, приклеенного нашими литературоведами Есенину, Рубцову, Шукшину и другим талантливейшим поэтам и писателям России, один шаг до оскорбления ярлыком «деревенщина».

Девчонка! Дай мне
Поднять твою юбку,
Раскрой в моих пальцах старых
Живота голубую розу!

Красавица, бросив свой бубен,
Бежит без оглядки в горы,
Ветер-мужик за ней гнался
Своей раскаленной шпагой.

Это подстрочный перевод стихов из цыганских романсов неподражаемого испанца Федерико Гарсиа Лорки. Кому взбредет в голову назвать Лорку хулиганом, грешником или поэтом-деревенщиком? Никому! А вот наш Есенин с теми же мотивами, только по-русски мягкими, нежными, «без кинжальных хитростей и драк»:

Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол,
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.

Великих поэтов XX века роднит не только система образов, они братья по мироощущению, по отрицанию бездуховности, торжества и всевластия денег над тончайшими движениями человеческой души. «И правда, на кой черт людям нужна эта душа, которую у нас в России на пуды меряют, — с иронией писал Есенин на Родину из Нью-Йорка. — Совершенно лишняя штука эта душа». И тут же выражал свою горькую иронию стихами:

Места нет здесь мечтам и химерам,
Отшумела тех лет пора.
Все курьеры, курьеры, курьеры,
Маклера, маклера, маклера.
От еврея и до китайца
Проходимец и джентельмен,
Все в единой графе считаются
Одинаково — business men.
На цилиндры, шапо и кепи

Дождик акций свистит и льет.
Вот где вам мировые цепи,
Вот где вам мировое жулье.
Если хочешь здесь душу выржать,
То сочтут: или глуп, или пьян.
Вот она — мировая биржа.
Вот они — подлецы всех стран.

«Страна негодяев». 14 февраля 1923

Чуть позже в Нью-Йорке находился и Федерико Гарсиа Лорка. Его ощущения от «американского рая» такие же, как у Есенина, только в них больше сюрреализма: в отеле — бабочка, утонувшая в чернильнице, на улице — собака с разбитой головой, в небоскребе — банкир, слушающий в ночи «жестокое молчание монет».

Символичное совпадение: и Федерико, и Сергей — выходцы из крестьянских семей, и потому они так тонко и точно понимали и радость, и горе, на которые обрекает крестьянина земельная собственность. Вот диалог отца невесты с матерью жениха из «Кровавой свадьбы» Гарсиа Лорки:

«ОТЕЦ: Меня ты побогаче, сваха. Твой виноградник стоит капитал. И знаешь, мне так больно видеть наши земли, разделенные чересполосицей... Вот если бы волов пар двадцать взять, да подтащить поближе твой виноградник. Вот была бы радость!..

МАТЬ: Умру, продайте мой участок. И купите землю поближе к дому вашему...

ОТЕЦ: Продать... Продать... Купить побольше надо! Скупить всю землю, вместе с той горой, до самого ручья. Пускай она богато не родит — своим трудом мы сделаем ее богаче, и наши дети с ней разбогатеют на радость нам...»

Мечтам отца невесты не суждено сбыться. Любовь оказалась сильнее инстинкта частной собственности.

Невеста бросает богатого жениха и бежит с любимым мужчиной. Жених и его родня настигают их, соперники схлестнулись в поножовщине и убивают друг друга...

От земли — все: и любовь, и хлеб, и смерть. В поэме Есенина «Пугачев» сторож крестьянин-казак говорит:

Видел ли ты,
Как коса в лугу скачет,
Ртом железным перекусывая ноги трав?
Оттого, что стоит трава на корячках,
Под себя коренья подобрав.
И никуда ей, траве, не скрыться
От горячих зубов косы,
Потому что не может она, как птица,
Оторваться от земли в синь.
Так и мы! Вросли ногами крови в избы,
Что нам первый ряд подкошенной травы!
Только лишь до нас не добрались бы,
Только нам бы,
Только б нашей
Не скосили, как ромашке, головы.

Здесь, в отличие от испанского, русский крестьянин пророчествует: если не освободимся от тысячелетних пут частной собственности, народ как траву косить будут; по одному не спасемся — только вместе, только всем миром... Это есенинский гимн коллективизму, без которого в России немыслима индивидуальная свобода, без которого сегодня — всем нам смерть.

Вода живая и мертвая

Есенин боготворил «страну березового ситца», ее народ, ее пашню. Нынешние «мастера культуры» предали народ и пошли на поклон всемирной денежной мош-

не. А потому ничего выдающегося, ничего, способного одной строкой взволновать человека до слез, они создать не смогли и не смогут. Максимум, на что способны творческие импотенты, так это осквернить человека своими собственными поделками и унизить притворной лестью великих художников Советской России.

Есенин не нуждается в запоздалых комплиментах Бориса Пастернака, их надо было говорить при жизни поэта. И зачем ставить рядом Есенина и Васильева?! Да они даже внешне очень разные. Неужели русский язык так труден для восприятия Натальи Павловны, дочери поэта?

Вот она пишет: «Что же касается внешнего сходства Есенина и Васильева, то именно такое сходство и имело место, и то весьма относительное. Да, оба красивые. Да, оба кудрявые. Но у Есенина типично русское лицо, мягкие черты, а у Васильева — скулы, раскосые глаза: азиат! Скорее, сходство было в судьбе поэтов — оба неугодные власти, оба бездомные, не прописанные в Москве и в то же время превосходящие всех в мастерстве стиха». Так все-таки было сходство, или его не было? И почему «у Есенина русское лицо», а Васильев — «азиат»? Неполноценный, что ли? Мы, русские, тоже азиаты. Оба кудрявые? Васильев, судя по фотографии в газете, да: у него кудри кучерявые, завитые. У Есенина кудри волнистые — такие, что сразу вспоминается волшебное из «Шаганэ ты моя, Шаганэ!»: «про волнистую рожь при луне по кудрям ты моим догадайся». Никакого внешнего сходства у Васильева с Есениным нет, еще более разнятся их стихи. Вот строки Васильева, которые цитирует в «Рязанских ведомостях» его дочь Наталья Павловна:

Мы никогда не состаримся, никогда,
Мы молоды, как один.
О, как весела, молода вода,

Толпящаяся у плотин!
Мы никогда
Не состаримся,
Никогда —
Мы молоды до седин.
1932

Ну скажите на милость, что здесь общего с тихой грустью Есенина: «увяданья золотом охваченный, я не буду больше молодым»? Система поэтических образов Сергея Есенина — от жизни, от пережитого, увиденного или услышанного в самой природе: «нефть на воде, как одеяло перса». У Васильева, судя по приведенным строкам, она от ума, от желания сказать красиво: «как весела, молода вода, толпящаяся у плотин». В жизни вода перед плотиной спокойна, она бурлит и кипит от радости после плотины, когда бежит от препятствия или прорывает его...

Схлынет вода, на смену мастерам ширли-мырли придет настоящий поэт. Он обязательно придет. Его заждались, истосковались по нему рязанские вербы да березы, еще больше его ждет Народ, которому оставил свои песни Есенин Сергей.

Рязань — Москва.
Январь 2001.

ПОЮЩЕЕ ЗНАМЯ РЕВОЛЮЦИИ

30 лет назад, 11 сентября 1973 года, фашистская хунта Пиночета при поддержке ЦРУ и транснациональных корпораций США вооруженным путем свергла избранное народом правительство Народного единства в Чили. По свидетельству американского журнала US news &

Виктор Анпилов. Фото Хайди Холлинджер

world reports, от рук путчистов погибли десятки тысяч людей, «морги столицы Сантьяго де Чили были завалены горами трупов». Жертвами хунты пали в основном молодые. В перестрелке с путчистами в своем рабочем кабинете был застрелен законный президент Чили Сальвадор Альенде. Вскоре после шока 11 сентября не выдержало сердце гениального чилийского поэта, лауреата Нобелевской премии по литературе Пабло Неруды. На футбольном стадионе Сантьяго, превращенном в те дни в концлагерь, палачи вырвали из толпы «поющее знамя Революции» — всемирно известного певца, музыканта, поэта и композитора Виктора Хара. Коваными сапогами фашисты раздробили фаланги его пальцев, изуродовали тело, разбили голову... И уже после того как певец перестал подавать признаки жизни, палачи произвели контрольные выстрелы в его сердце.

Виктор Хара родился в городе Чильян в 1938 году. Коммунист. С двадцати лет активно занимался политикой. Член ЦК Союза коммунистической молодежи Чили. Первые песни узнал от своей матери, фольклорной исполнительницы, простой прачки. Окончил театральную школу при Чилийском университете, где позднее сам преподавал актерское мастерство. Начинал петь в университетском хоре. Затем солист ансамблей «Кун-

кумен», «Килапайюн», «Инти-Ильимани». Режиссер массовых праздников на футбольном стадионе в Сантьяго де Чили, посвященных присуждению Нобелевской премии поэту Пабло Неруда и 40-летию Союза коммунистической молодежи Чили. Неоднократный победитель музыкальных фестивалей своей страны и Латинской Америки. Самыми популярными дисками Виктора Хара до сих пор остаются «Молитва к пахарю» (Plegaria a un Labrador), «Право жить в мире» (El Derecho de Vivir en Paz), «Помню тебя, Аманда» (Te recuerdo, Amanda), «Отдаю в твои руки гитару» (Pongo en tus Manos Abiertas) и другие. Выступал с гастролями в Чехословакии, Польше, Болгарии, СССР (дважды в 1968 и 1973 гг.), Англии, Аргентине, Уругвае, на Кубе, в Мексике и Перу.

Независимо от того, исполнял ли Виктор фольклорные, свои песни или песни на музыку и стихи других авторов, в них светилась, переливаясь яркими, веселыми, космическими цветами, душа и история народа Чили, равно как и других народов Латинской Америки. Чили — страна поэтов. Фольклорные традиции, песенные и поэтические импровизации в форме «десимас» (десятистрочные стихи) или в форме речитативных озорных историй в устах «гуасо» (так здесь называют крестьян-батраков) бьют животворными ключами поэзии в каждом поселке, в каждом городке страны, протянувшейся узкой полосой на тысячи километров между горной цепью Кордильер и Тихим океаном. В стране, где каждый «гуасо», особенно когда выпьет на воскресной гулянке рюмку-другую чичи (местного самогона), сочиняет стихи и способен переиграть на гитаре самого черта, нелегко стать знаменитостью. Развивая народную традицию, Виктор Хара поднимал фольклор до уровня народного эпоса, придавал ему мощное политическое звучание, не теряя при этом чувства юмора и жизнерадостности. Эта музыкальная и поэтическая манера чем-то

напоминает популярные после гражданской войны в России песни — на стихи Демьяна Бедного «Как родная меня мать провожала, тут и вся моя родня набежала» или «Ой, била меня мать и ругала, с комсомольцем гулять не давала»... У Виктора Хара тоже есть песня, высмеивающая обывателей-ротозеев не только в Чили, но и во всех странах мира: Ni chicha, ni limona:

Как ты привык стоять в стороне,
Лишь бы спокойно было тебе!
Кого-то распяли — тебе наплевать:
Прячешься быстро в свою ты кровать.
Так и живешь: ни туда — ни сюда,
Не чича ты, друг, и не лимонад!

Виктор Хара брал полной мерой все лучшее, что есть в народном творчестве не только Чили, но и всех латиноамериканских стран. Причем оригинальное, свойственное музыкальной традиции конкретного народа, всегда оставалось. В интерпретации чилийца Виктора Хара национальный колорит мелодий становился рельефнее, привлекательнее, что неизменно вызывало улыбку у самых строгих знатоков и ревнителей национального фольклора. Такова песня, посвященная Кубе (A Cuba). Даже гитара Виктора Хара звучит здесь по-кубински остроумно, задорно. Под стать мелодии и слова:

Ты хочешь пройтись по дорогам Марти?!
На Кубу тогда, мой друг, поспеши!
Ты хочешь пройти по дорогам Гевары?
На Кубу езжай и возьми гитару!
Если хочешь попробовать ром
(Только без кока-колы!
Без кока-колы!),
На Кубу, на Кубу, на Кубу спеши!

Непревзойденным поэтическим и музыкальным шедевром обработки «черного» фольклора перуанских батраков остается песня Виктора Хара «На мельницу я больше не ходок» (A la Molina no voy mas). Сюжет этой песни раскрыт в монологе старого негра-батрака, обращенном к вьючному ослику. Животное, скорее всего, перегружено мешками с мукой и едва передвигается по горной дороге. Негр, подражая интонациям хозяина мельницы, упрекает осла: и ленивый ты, и работать не умеешь, и думаешь только о том, как набить свой желудок... Однако после всех бранных слов батрак не стал хлестать вьючного «лентяя» кнутом, как хлещет своих работников Дон Рамон, хозяин мельницы. В конце концов, вдохновленный молчанием ослика, батрак заявляет, что он не намерен больше терпеть издевательства хозяина и на мельницу он больше не ходок: пусть Дон Рамон сам таскает мешки с мукой. Эта фольклорная жемчужина исполнена на диалекте перуанских негров и даже приблизительному поэтическому переводу не поддается. Что касается музыкальной обработки песни, то здесь гитарист Виктор Хара остается непревзойденным виртуозом ритмов и комбинаций, которых, по признанию музыкантов ансамбля «Килапайюн», даже в Латинской Америке никто из гитаристов не может воспроизвести.

В песне «Вопросы о Пуэрто Монт» (Preguntas por Puerto Mont), написанной в 1969 году, эти же ритмы вскипают вулканической лавой негодования к палачам народа. История этой песни такова.

...В 1968 году, за два года до победы на президентских выборах единого кандидата блока Народного Единства социалиста Сальвадора Альенде, в Чили началось движение безземельных крестьян по захвату пустующих земель громадных частных латифундий. На рассвете воскресенья 9 марта 1969 года полиция под непосредственным командованием главного жандарма Чили, министра вну-

тренних дел Эдмундо Переса Цуковича окружила палаточный лагерь безземельных крестьян, занявших крошечный участок земли рядом с городком Пуэрто Монт провинции Льянкиуэ. Когда жандармы приближались к спящему палаточному городку, сработала примитивная система сигнализации из веревок и консервных банок, устроенная крестьянами. Собаки с лаем бросились на ряды жандармов. Прозвучал первый выстрел. Лагерь пришел в движение. Крестьяне в суматохе хватались за вилы, лопаты, пытаясь защитить спящих детей. Цукович (сам крупный коммерсант и землевладелец, член крайне правой партии христианских демократов Чили), не колеблясь, отдал приказ забросать палатки гранатами со слезоточивым газом. Крестьяне не сдавались. Затем последовал приказ Цуковича открыть огонь на поражение. Началась бойня безоружных людей. Семь человек погибли сразу же. Семьдесят крестьян, среди них и беременные женщины, получили тяжелые ранения.

Прочитав газетные сообщения о бойне в Пуэрто Монт, Виктор Хара пришел в ярость. Песня была написана в считаные часы и буквально пригвоздила к позорному столбу истории кровавого палача, названного по имени и фамилии.

В отличие от телезвезд эпохи «рыночной экономики», не способных и не желающих петь без микрофонов и тем паче без предварительной оплаты в долларах, певцы Латинской Америки более демократичны. В этом смысле Виктор Хара не был исключением. Супруга певца англичанка Джоан Хара свидетельствует, что каждая встреча в их доме заканчивалась импровизированным концертом далеко за полночь, а дети ни за что на свете не хотели идти спать.

Детей угнетенных классов Виктор Хара любил не меньше своих собственных. Он посвятил им песни, не только вызывающие сострадание к тем, «кто, не научив-

шись считать свои года, уже знает, что такое работа за кусок хлеба», но и зовущие к борьбе за счастье всех детей мира. И дети возвращали певцу любовь. Стоило Виктору появиться в бедных кварталах Сантьяго, к нему сбегалась детвора: «Быстрее сюда! Нам будет петь Хара!»

То была самая веселая, самая человечная добровольная (без оплаты) работа певца.

Виктор Хара не удостоился почетных званий и тем более правительственных наград. Но он был плотью от плоти рабочих, крестьян, рыбаков, шахтеров — настоящий народный певец. Пожалуй, Виктор Хара — единственный, кому удалось не нарочито, естественно соединить в одной песне любовь и рабочее движение. Этой гармонией оплодотворена божественная мелодия песни «Я помню тебя, Аманда» (Te Recuerdo, Amanda). В ней поется о девушке, которая полюбила рабочего парня и каждый день под дождем и в зной бежала к проходной фабрики, чтобы встретиться с ним в короткие минуты обеденного перерыва. Но однажды на фабрике произошел взрыв, погибли десятки рабочих, среди них и Мануэль, которого не дождалась Аманда. Вот блестящий перевод этой песни, сделанный советским поэтом Павлом Грушко:

Я вижу тебя, Аманда:
в глазах твоих юный хмель,
ты бежишь под дождем к заводу,
где работает Мануэль.

В твоих волосах дождинки,
улыбка — само торжество,
ты никого не видишь,
сейчас ты увидишь его,

Пять минут перерыва,
как быстро они бегут,

но жизнь похожа
на вечность
и в пять недолгих минут.

Снова поет сирена,
окончился перерыв,
ты идешь,
улыбкою нежной
улицы озарив.
В пять минут расцветало
все твое существо.
Ты шла по улицам мокрым,
чтобы увидеть его,
его,
его,
его...
Потом он ушел на сьерру,
смирный твой Мануэль,
и пять минут кровожадных
пять раз поразили цель.

Снова гудит сирена,
И голос ее — как стон,
Многие не возвратились,
Не возвратился и он.
А я вспоминаю, Аманда...
в глазах твоих юный хмель,
ты бежишь под дождем
к заводу,
где работает Мануэль.

Виртуоз латиноамериканских ритмов, свои лучшие песни Виктор Хара написал под влиянием традиций хорового пения, которое в Латинской Америки наполнено религиозным содержанием. В католических храмах

континента молитвы исполняются хором. Не отрицая этого пласта культуры народов, Виктор Хара не падает на колени перед церковью (как это делают, к примеру, лидеры некоторых коммунистических партий сегодняшней России), а наполняет задушевную церковную музыку новым материалистическим содержанием. Такова песня «Молитва к пахарю» (Plegaria a un Labrador), которую даже самая реакционная буржуазная газета Чили «Меркурио» назвала «песней взрывной силы»:

Восстань!
Твое настало царство!
Зови к закону и труду.
Да будет так.
На этом свете
Защитой слабых станешь ты.
Ветер несет нам с ущелий
Цветов аромат. Спеши!
Прочисть огнем стволы винтовок.
С твоими мужеством и силой
Мы победим. Восстань!
Перевод Л. Васильевой

В жанре молитвы Виктор Хара написал также чудесную песню, посвященную вождю рабочего движения Чили, основателю Коммунистической партии Чили Луису Эмилио Рекабаррену (A Luis Emilio Recabarren):

Я отдаю в твои руки
мою гитару певца,
она — обушок шахтера,
отточенный серп жнеца.
Твой свет засиял, Рекабаррен,
над крышами бедных лачуг,
с севера, вместе с ветром,

твой голос летит на юг.
Дерево нашей надежды,
ты ветви к солнцу простер, —
зреют плоды свободы
в полях и на склонах гор.

Перевод П. Грушко

В репертуаре Виктора Хара — сотни песен, всех не перечислить... Однако можно смело утверждать, что самыми известными, самыми любимыми в народе произведениями Виктора Хара стали песни антиимпериалистического, классового содержания. В 1968 году, в разгар американской войны в Индокитае, вся прогрессивная молодежь Латинской Америки пела песню «Вьетнам» (A Vietnam), написанную за десятки тысяч километров от земли и народа, обожженных напалмом американских бомб. Чилиец Хара не сомневался: мир вернется на землю Хо Ши Мина, вооруженным до зубов агрессорам не сломить героический народ, отстаивающий свободу с оружием в руках. Империалисты, творящие разбой в Никарагуа, на Кубе, в Афганистане, Корее, Югославии, Ираке, никогда не простят Виктору Хара эту песню. Даже мертвому! Не исключено, что 30 лет назад на стадионе Сантьяго де Чили певца выследили и схватили не без подсказки инструкторов Центрального разведывательного управления США.

У богатых были свои счеты с певцом. В песне «Домики квартала для знати» (Las Casitas del Barrio Alto) Виктор высмеивает бездуховность богачей: их стремление во всем подражать еще более богатым американцам, их верблюжье чванство и презрение к культуре собственного народа, низкопробное стремление обывателя приобрести для теплого туалета своего домика унитаз побогаче, чем у соседа, чтобы таким образом утвердиться в собственных глазах. Никогда ранее класс собственников не подвергал-

ся такой беспощадной песенной сатире. Богатые ненавидели певца, и, по свидетельству его супруги Джоан Хара, националисты из профашистской организации «Родина и свобода» устроили настоящую охоту за Виктором. Его жизнь постоянно подвергалась опасности. Песня De nuevo quieren manchar sus manos con sangre obrera:

Вновь поднимают над миром
Распятье Христово нелюди,
Жаждут рабочей кровью
Окропить свою совесть и руки.
Но меня не пугают угрозы,
Хозяева нищеты беспросветной,
Навсегда останется с нами
Звезда последней надежды бедным!

Трудовой народ любил и буквально носил певца на руках за то, что он не боялся петь правду. Самая горькая правда в Чили, во всей Латинской Америке, а теперь уже и в нашей России — земля. До 80 процентов всей земли, пригодной для сельхозработ и отгонного скотоводства, принадлежит олигархам, не составляющим и трех процентов населения континента. В этих условиях повсеместно наблюдается стихийное движение безземельных крестьян, захватывающих пустующие земли, чтобы прокормиться. И по этой причине каждый крупный землевладелец огораживает (по-испански — Alambra) свою собственность колючей проволокой. Эта своеобразная колючая «линия фронта» между богатыми и бедными протянулась на десятки тысяч километров. И когда Виктор Хара написал свою знаменитую песню «Разгородить!» (A Desalambrar!), ее подхватили в Бразилии, Перу, Мексике, Колумбии, Аргентине... Песня стала и до сих пор остается лозунгом крестьянской революции в Латинской Америке:

Не скрипите зубами, владельцы:
Мы на этой земле, как и вы, родились.
Это наша земля: и твоя и моя —
Педро, Мария, Хуан и Хосе!..
Она Богом дана, чтоб могли все мы жить.
Разгородить! Разгородить!
Разгородить!

...11 сентября 1973 года пиночетовская охранка «ДИНА» схватила Виктора Хара вместе с сотнями других студентов Чилийского университета, в театре которого певец работал режиссером. Типичный чилиец, скромно одетый, он ничем не выделялся среди других арестованных. Жандармы не сразу опознали его. К тому же товарищи прикрывали Виктора от озверевших ищеек Пиночета. Но певец не смог сдержаться, наблюдая, как солдатня избивает сапогами раненых товарищей, как сержанты с пятнами отвратительных болезней на коже выхватывают из толпы арестованных несовершеннолетних девушек и волокут их «на допрос» под трибуны стадиона... Виктор Хара не смог сдержать ярости и «раскрылся» перед палачами. Он запел песню, которую тотчас подхватили узники концлагеря на стадионе в Сантьяго-де-Чили. По свидетельству немногих оставшихся в живых после пиночетовского ада, последней песней в исполнении Виктора Хара стала «Песня о ЧЕ» (Samba CHE):

Я вам пою эту песню
С болью и горечью в сердце:
В Боливии подло убили Че, команданте, Гевару...
Теперь права человека
В Америке, Чили и в мире
Распяли гориллы в погонах,
Распяли и нас не спросили.
Демократией прикрывшись,
Диктатуру насаждают,

За доллары в нас стреляют,
Кровь народов проливают.
Мордуют теперь шахтера,
С пахаря шкуру сдирают,
Власть унижает рабочих,
На нищету обрекает.
Боливар открыл дорогу,
А Гевара в бой повел
За свободу всех народов
От банкиров и воров.
Будут на Кубе помнить,
Как он за свободу дрался,
Плачет Боливия горько:
ЧЕ как Христа распяли.
Свят Эрнесто из Игеры,
Говорят о нем крестьяне.
И народы не забудут
Партизана ЧЕ Гевару.
Помнят реки, помнят горы,
Команданте ЧЕ Гевару.

...С момента фашистского переворота в Чили 11 сентября 1973 года прошло 30 лет. Сегодня всему человечеству пытаются навязать другую памятную дату, связанную с 11 сентября 2001 года, когда американские «Боинги» атаковали здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Но чем дальше от нас «американская трагедия», тем чаще раздается вопрос: «А не организовали ли ту атаку на небоскребы сами американцы для поднятия рейтинга своего бесноватого президента?!» ...Если бы Виктор Хара был жив, он спел бы нам правду и об этом событии, потому что настоящий поэт и певец всегда выражает душу своего народа, всегда остается Пророком.

Певца убили, а песни его летят над землей поющими знаменами мировой Революции. И потому Виктор Хара

остается с нами, как остаются с нами такие глыбы мировой песенной культуры, как американец Поль Робсон, как кубинец Карлос Пуэбла, как революционные матросы Октябрьской Революции, сотворившие «Яблочко». С ними — победим!

11 сентября 2003.

ПЕСНИ БОГИНИ

Лирический репортаж
о концерте аргентинской певицы Мерседес Соса в Риме

«По песням, улыбкам и взглядам я узнаю своих братьев в поле, в горах и на море. Братьев моих не счесть: в борьбе павшие — рядом, и рядом — моя дорогая сестренка, чье имя — Свобода — у нас на устах». В конце ушедшего века эти слова песни из репертуара великой аргентинской певицы Мерседес Соса стали для революционеров Латинской Америки своеобразным паролем на узнавание. В мощном, божественном голосе Мерседес — непокоренная гордость народов континента, в нем рокот вулканов, в нем — плеск океанских волн и нежный, едва уловимый на слух трепет любящего сердца. В 1975 году на знаменитый стадион «Мараканас» в Рио-де-Жанейро послушать певицу пришло сто пятьдесят тысяч зрителей.

Мне повезло, я слышал Мерседес Соса в 1986 году на Соборной площади старой колониальной Гаваны. Одетая в традиционное черное аргентинское пончо, Мерседес в сопровождении известного кубинского барда Сильвио Родригеса пришла на Кафедральную площадь Старой Гаваны, где кипел рынок ремесленников. Первыми их узнали дети. Они тут же окружили Мерседес плотным кольцом и весело выкрикивали одно испанское слово: «Ронда! Ронда! Ронда!» Дети просили исполнить для них

хороводную. Гитара на широком, тканном индейцами Гватемалы всеми цветами космоса ремне, всегда при Мерседес. Певица тронула струны — рынок затих. Даже древние колокола кафедрального собора Гаваны прислушались к нежно-хрипловатому голосу женщины, поющей о счастье иметь здорового, веселого ребенка и петь для него...

Через четырнадцать лет мне опять выпало удовольствие услышать Голос Латинской Америки. В июле 2000 года в Риме, куда меня пригласили итальянские коммунисты на праздник газеты «Ла Рискоса» («Восстание»), проходил фестиваль латиноамериканской музыки с участием ведущих исполнителей Мексики, Кубы, Колумбии, Парагвая, Аргентины, Чили и других стран континента. Должен сказать, что на пороге XXI века, когда агрессивная бездуховность глобального общества потребления выжгла все живое, все человеческое, народы Латинской Америки смогли сохранить свою музыкальную культуру, и благодарное человечество отвечает континенту признательностью. Даже в США музыка Латинской Америки завоевывает все больше и больше сердец. В Риме молодежь устроила настоящее паломничество на концерт Мерседес Соса.

Фестиваль проходил на территории бывшего римского ипподрома. В многочисленных летних тентах-павильонах можно было если не купить (цены кусались, и довольно больно!), то, по крайней мере, оценить искусство огранщиков изумрудов Боливии, ткачей Гватемалы, резчиков по дереву из Гаити... При желании можно было испробовать более доступную кашасу — самогон из сахарного тростника Бразилии, мексиканскую текилу или чилийскую чичу... И у каждого павильона — свой фейерверк. Над барабанами «там-там» метались белые ладони негров Ямайки, рядом певец из Колумбии с двумя ослепительными длинноногими красавицами давали итальянцам коллективный урок танца ча-ча-ча...

И пока все это великолепие светилось сиянием глаз и улыбок, главная, не освещенная пока сцена праздника все больше и больше напоминала черную скалу, притягивающую к себе тысячи людей. Уже перекатывались по толпе нетерпеливые аплодисменты. Наконец затихли там-тамы, угомонились танцующие красавицы, на мгновение погасли все огни римского ипподрома, и над черной скалой главной сцены блеснул Млечный Путь. Из бесконечности вспыхнул луч юпитера, осветил глубоко вздохнувшую толпу и заскользил к середине сцены...

Мягкий всепроникающий звук напомнил удар человеческого сердца. Это заговорил аргентинский барабан «бомбо» в руках 72-летней певицы. Она сидит за пюпитром в очках и действительно напоминает мудрую богиню. Ее спокойный голос звучит как исток мощной реки, поднимает и сплачивает людей на долгий путь. Ее первая песня «Я хочу помочь изменить мир» успокаивает зрителей, заставляет их сопереживать вместе с певицей адовым мукам обновления мира.

Сплотив зрителей магией своего голоса, она как орлица взмывает над снежными пиками континента, чтобы увидеть боль конкретного человека, борьбу и надежду целых народов. Звучит песня чилийского композитора Юлия Нанхаузера «Все меняется!», написанная в эмиграции. «Все течет, все меняется!» — эта истина известна человечеству с незапамятных времен, но в исполнении Мерседес песня звучит приговором всем, кто противостоит обновлению мира, насаждает зло и надеется на безнаказанность:

«Меняется форма и содержание, меняется способ мышления, с годами меняется климат, залапаны сотнями рук, тускнеют блестящие вещи, меняет стадо пастух, и путник сменит дорогу, пусть даже в ущерб себе. И я вместе с миром меняюсь. Но как бы ни жила далеко я, чувство одно постоянно: память, любовь к народу».

Конечно, надо хорошо знать, что пережили чилийские эмигранты после пиночетовского переворота в 1973 году, чтобы выразить их чувства так, как это удается Мерседес Соса. Кажется, что она не поет даже, а парит в воздухе, и под ее крыльями чилийской флейтой — кена — стонет горный ветер. Взмах мощных крыльев — и песня взрывается надеждой, диктатор-убийца сам попадает в когти непреложного закона времени:

«То, что вчера сменилось, завтра изменится снова, так же, как я меняюсь вдали от родины милой! Все меняется в мире, а значит, и зло не вечно!»

Если вначале было слово, то благодаря песням Мерседес Соса есть надежда, что слово никогда не исчезнет. В репертуаре певицы — шедевры песенной поэзии Латинской Америки, освежающей современного человека народностью формы и философской глубиной содержания. Такова песня «Спасибо жизни!» бессмертной чилийской поэтессы Вьолеты Парра. Эту песню Мерседес поет в сопровождении одной акустической гитары, а голос и слова придают ей звучание симфонического оркестра: «Жизнь моя, спасибо: ты дала мне столько! Ты дала мне очи, и я могу увидеть звездное небо ночью, могу увидеть любимого в толпах людей идущих. Жизнь моя, спасибо, ты дала мне ноги, и я от ходьбы устала, прошла по горам и долинам, по улице узкой и к дому, в котором живет мой милый. Жизнь моя, спасибо за то, что дала мне сердце, способное чувствовать горе, способное чувствовать радость: два полюса мира, что держат песню мою и вашу, песню на свете живущих, мою любимую песню!»

Мерседес Соса исполняет «Спасибо, жизнь!» в манере «крещендо», на последних нотах ее голос увлекает сердца, подобно тому как поднимает песок мощная река, встречаясь с океаном. Я своими глазами видел, как после этой песни незнакомые люди плакали, обнимались, смеялись.

Песни Мерседес Соса учат людей сопереживать чужой беде, ненавидеть предательство. Такова песня известного аргентинского композитора Леона Хьеко «Об одном умоляю Бога». Надо заметить, что жанр молитвы довольно часто используется революционными бардами Латинской Америки. Достаточно вспомнить «Молитву к пахарю» чилийца Виктора Хара. От молитвы здесь остается только одна строка, все остальное пронизано борьбой с несправедливостью: «Об одном умоляю Бога: не сделай меня безразличным, если рядом со мной страдает от голода малый ребенок. Об одном умоляю Бога, чтоб я в постели не умер, не сделав, о чем мечталось, для моего народа. Об одном умоляю Бога, чтоб я пред войной не струсил и защитил безвинных, которых на бойню бросают. Об одном умоляю Бога, чтоб я не забыл культуру народов, меня вскормивших!» И опять выстрел в самое сердце. Шквал аплодисментов разбивается о магическую скалу, с которой богиня поет свои песни. Мерседес поднимается на ноги, ее помощники быстро набрасывают ей на плечи багровую шаль-знамя и тут же незаметно исчезают. Певица неожиданно легко для своих лет скользит по сцене, грациозно взмахивая белым платком в руке под бешеный ритм боливийского чаранго. Это латиноамериканская ронда — песня для хоровода, в которой Мерседес поименно называет почти все страны континента: Мексика, Никарагуа, Коста-Рика, Перу, Боливия, Колумбия, Куба, Гренада, Аргентина, Бразилия... И после каждого названия в толпе раздается радостный крик человека: это о нем, о его народе! Ах, как хотелось услышать самое волшебное, самое родное: Россия! И я, как тот ребенок на Кафедральной площади в Гаване, кричу поющей богине: «Россия! Россия! Россия!» Богиня, парящая над Андами, не слышит, но знает и о моем народе. Не зря же концерт в Риме закончился песней «Возьми мое сердце»:

«Кто сказал, что уж все потеряно?! Кто забыл о павших в борьбе?! Сколько крови народа пролито, знают реки страны моей. Да, не все оказалось просто, я знаю об этом, знаю... И когда никого нет рядом, когда не поможет и спутник, возьми мое сердце, товарищ! Кто сказал, что уж все потеряно, ему я отдам свое сердце!»

...Концерт закончен — и вновь, как после внезапного шторма, на бесчисленных площадках римского ипподрома застучали там-тамы, заплакали чаранго, выпорхнули на сцену длинноногие девушки-танцовщицы. Жизнь продолжается, и хочется верить, что она еще подарит мне счастье вновь услышать песни богини, которую зовут Мерседес Соса.

Рим — Москва, июль-август 2000.

НАШ ЧЕ

О смелый Сокол! В бою с врагами
истек ты кровью...
Но будет время — и капли крови твоей горячей,
Как искры, вспыхнут во мраке жизни и много
смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!

М. Горький

Че! Так в Аргентине, где родился Эрнесто Гевара, люди обращаются друг к другу, чтобы привлечь внимание. Че! — так обращался Гевара к товарищам по оружию в кубинских горах Сьерра-Маэстра. И очень скоро междометие «Че» стало кличкой молодого аргентинца, которого главнокомандующий Фидель Кастро назначил командующим (команданте) одной из трех партизанских колонн, продвигавшихся с боями с востока на запад Кубы, чтобы сбросить режим диктатора Батисты, освободить страну от ига американского империализма.

Сразу после победы кубинской революции Эрнесто Гевара был назначен директором Центробанка Кубы и, бросая вызов финансовым элитам всего мира, подписывал денежные банкноты достоинством в один песо своей партизанской кличкой: Че!

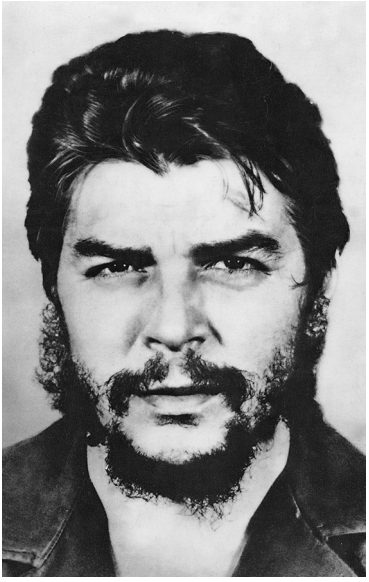
Вся жизнь и борьба Че Гевары стали символами революционного обновления мира, символами всепобеждающей борьбы народов планеты Земля за свободу и справедливость. Да, молодежь мира любит майки с изображением Че. И даже в фешенебельных ресторанах Европы можно услышать знаменитую песню «Команданте Че Гевара». И пусть пресыщенная молодежь из богатых рассуждает о том, что Че Гевара стал всего лишь «секс-символом» XX века. За этими рассуждениями богатеньких прячется их собственное убожество. Богатые завидуют Че. Эксплуататоры его ненавидят. Бедные, угнетенные боготворят Че, гордятся им, хотят быть похожими на него.

Эрнесто Гевара родился 14 июня 1928 года в семье мелкого предпринимателя из города Росарио. На втором году жизни маленький Эрнесто простудился и заболел астмой. Это обстоятельство толкнуло его в компанию мальчишек из обездоленных кварталов, где нужно было или бороться за жизнь на равных, или умирать в непротивлении. С ранних лет Эрнесто самозабвенно занимается спортом. Регби, футбол, велосипед, мотоцикл. Чуть позднее — альпинизм, планеризм, шахматы... В 14 лет Эрнесто замышляет и осуществляет путешествие на велосипеде по странам Южной Америки. Студентом путешествует с другом на плоту по великой реке Амазонке. Страсть к путешествиям расширяет его кругозор, одновременно заставляет задуматься о судьбе народов Латинской Америки, беспощадно эксплуатируемых империей США. Юноша видит два способа оказания помощи обездоленным. Первый — стать врачом и бескорыстно лечить бедных. Второй способ — революционный, изме-

нение общественного строя, порождающего чудовищную бедность и несправедливость. Эрнесто поступает на медицинский факультет и, будучи студентом, добровольно практикует в лепрозориях (изолированных больницах для больных проказой) в Чили и Перу. В горных районах Перу Эрнесто вошел в состав небольшого музыкального ансамбля в лепрозории и подружился с аккордеонистом. У последнего из-за болезни не было пальцев обеих рук, и он играл на инструменте с помощью бамбуковых палочек, которые Че ловко приделал к кистям его рук.

Окончательный выбор в пользу вооруженной борьбы Эрнесто Гевара сделал во время высадки на Кубу, когда отряд повстанцев Фиделя Кастро попал под массированную бомбардировку авиации диктатора Батисты. В сумато-хе Гевара потерял свою санитарную сумку и винтовку. Он слышал стоны раненых товарищей, но был не в силах им помочь. В какой-то момент, по воспоминаниям самого Гевары, он понял, что в тот решающий миг надо сперва найти и спасти «свою винтовку, а уж затем помочь товарищам по оружию». Че бросился к оружию.

В горах Сьерра-Маэстро Че в совершенстве овладел искусством партизанской борьбы, подготовки и оснащения новых бойцов за счет оружия, отбитого у противника по тактике morder y correr — «кусай и беги». Несмотря на тяжелейшие условия партизанской жизни, Че заботился о товарищах не на словах, а на деле. Видя, как кубинцы страдают из-за нехватки курева, Че организует в горах сигарную мини-фабрику. Как врач он сам лечит стертые до крови ноги товарищей и организует в отряде мастерскую по ремонту обуви. Во время партизанской борьбы Че основал одну из самых лучших в мире по оперативности, профессиональному составу дикторов и корреспондентов повстанческую радиостанцию Radio Rebelde. Неутомимый аргентинец сумел даже велосипедное колесо приспособить для устройства бормашины и пломби-

Че Гевара

рования больных зубов своих товарищей.

Вспоминает товарищ Че по оружию, майор Революции, а впоследствии член Политбюро ЦК Компартии Кубы Хуан Альмейда Боске: «В наиболее трудные, критические периоды вооруженной борьбы для нас многое значило видеть перед собой этого человека, стойко, без жалоб переносящего приступы астмы, которые ни в коей мере не мешали ему в выполнении его трудных обязанностей, а зачастую возвышали над нами. Его заботливое и внимательное отношение к товарищам, его чувство равенства, справедливости, его простота и скромность, его постоянная готовность пожертвовать собой ради других во имя идей, принципов, его внутренняя дисциплина, его требовательное отношение к подчиненным во имя выполнения поставленной цели — начинались прежде всего с требовательного отношения к самому себе».

После победы кубинской революции, будь то на посту директора Центробанка или министра промышленности Кубы, Че Гевара остался верен себе. Активный пропагандист коммунистических субботников среди молодежи, он не отсиживается в кабинетах с кондиционированным воздухом. Че спускается в трюмы кораблей и рядом с профессиональными грузчиками выполняет норму по загрузке стокилограммовых мешков с сахаром.

Под палящим тропическим солнцем рубит сахарный тростник наравне с профессиональными мачетерос, орудует строительным мастерком как заправский каменщик. Однажды я побывал на фабрике по производству промышленной сажи под Гаваной. Двух часов пребывания там хватило, чтобы затем неделю отмываться под душем. Че Гевара, с его астмой, дважды отработал здесь на субботниках полный рабочий день.

Народ Кубы любит Че. Он мог бы и дальше работать на укрепление социалистической революции на Кубе. Однако реакция мирового империализма вкупе с интригами хрущевских номенклатурщиков, последовавшими после Карибского кризиса, заставили Че вновь «оседлать Росинанта Революции». Формально он отказывается от кубинского гражданства и подпольно выезжает в Конго, затем в Боливию для организации партизанской борьбы народов.

Самую точную оценку боливийской эпопее Че по праву боевого командира дал товарищ Фидель Кастро: «В Боливии Че сражался со свойственным ему упорством, умением, стоицизмом и мужеством, являя собой пример для всех остальных. Он много общался с боливийскими крестьянами. Их чрезмерные недоверчивость и осторожность не смущали его — он прекрасно разбирался в их психологии и знал, что для того, чтобы привлечь их на свою сторону, потребуется тонкая и кропотливая работа, но он никогда не сомневался в конечном успехе».

Обширно и еще далеко не известно российскому читателю теоретическое наследие Эрнесто Че Гевары. Его вклад в развитие теории стоимости, соотношения Госплана и хозяйственной самостоятельности предприятий при социализме, соотношения моральных и материальных стимулов сегодня актуален как никогда.

Величайшей заслугой Че Гевары стал его вклад в теорию социальных революций. После ленинской «Что

делать?» настольной книгой революционеров стала также книга Че Гевары «Партизанская война» (La guerra de guerrillas). В первой же главе этой книги, осмысливая опыт кубинской революции, Че утверждал:

1. В борьбе за свое освобождение народные массы способны выиграть войну против профессиональной армии.

2. Не всегда следует ждать, когда вызреют все объективные и субъективные предпосылки революции, очаг повстанческой борьбы может создать такие предпосылки.

3. В развивающихся странах Америки ареной вооруженной борьбы народа будут сельские районы.

Не отрицая важности борьбы рабочего класса в городах, не отрицая важности теоретической борьбы рабочего класса, Че тем не менее счел нужным подчеркнуть: «Опыт кубинской революции... опрокидывает выжидательную позицию тех революционеров, или псевдореволюционеров, которые прячутся от борьбы и скрывают свою пассивность под предлогом того, что против репрессий профессиональной армии ничего нельзя сделать. А также тех, кто сидит, теоретизирует и ждет, когда же механически вызреют все необходимые субъективные и объективные факторы, вместо того чтобы попытаться ускорить их вызревание».

«Че, — писал в предисловии к первому изданию книги «Партизанская война» “посол национального достоинства Кубы” товарищ Рауль Роа, — был настоящим маэстро партизанской войны, ее непревзойденным стратегом и тактиком. Для интеллектуалов третьего мира Че всегда будет архитектором революционного мышления. А для коммунистов всего мира он навсегда останется примером настоящего коммуниста, воплощением пролетарского интернационализма».

Действительно, Че был и практиком, и теоретиком вооруженной партизанской борьбы. «Как правило, — пишет Гевара, — буржуазные диктаторские правительства сами создают условия для возникновения очага партизанской борьбы, когда первыми начинают репрессии против населения, первыми разрывают общественный договор, закрепленный в законе. Там, где правительства пришли к власти через ту или иную форму выборов (с фальсификацией или без таковой), до тех пор, пока сохраняется видимость закона, до тех пор, пока не начинают попираться в массовом порядке конституционные права (право на своевременную оплату труда — одно из них. — В.А.), возникновение первого очага вооруженной повстанческой борьбы невозможно, так как еще не исчерпаны до конца возможности мирной борьбы».

Будем надеяться, что вдумчивое, спокойное прочтение книги «Партизанская война» поможет молодежи освоить метод конкретно-исторического анализа действительности, которым блестяще владел Че Гевара.

...Одной жизни Че для победы не хватило. Он погиб в бою, как горьковский Сокол. Но дело Че побеждает. Победа — в каждом новом враче из Африки, Азии, Латинской Америки, получившем бесплатное образование на Кубе. Победа — в каждой национализированной газовой скважине на земле Венесуэлы, Боливии, Эквадора, за свободу и независимость которых сражался наш Че.

14 июня 2006

ФИДЕЛЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

Мне столько раз довелось летать самолетами «Аэрофлота» из Москвы в Гавану, что я и забыл, в каком году это было. Помню, что в салоне советского самолета

Ил-86 было очень много пассажиров с разных континентов Земли. Все мы летели на празднование Дня международной солидарности трудящихся 1 Мая в Гаване. Рядом со мной стойко переносил неудобства бессонного перелета через Атлантику мощный африканец из Эфиопии. Европейский костюм, да еще и галстук явно стесняли его, он без конца крутился в своем кресле, то застегивал, то расстегивал свой пиджак, расслаблял галстук, тщетно пытаясь найти удобное для сна положение. На подлете к Гаване мой сосед поднялся, взял из багажного короба свою дорожную сумку и направился в туалет. Минут через пять он появился в салоне, переодетый в роскошную, до пят, золотистую тунику африканца. В салоне стало заметно светлее. При виде черного богатыря все пассажиры заулыбались:

— Я вижу, вы волнуетесь перед встречей с Гаваной, — обратился я к своему соседу на английском языке. — Скажите, что для вас лично значит Куба?

— Вы знаете, многие страны оказали солидарную помощь народу Эфиопии. В их числе — Советский Союз. В решающий для Эфиопии час борьбы за свободу и независимость Куба отдала нам кровь лучших своих сынов. Словами наши чувства не выразить. Такое не забывается. Я счастлив, что скоро увижу Фиделя. Из благодарности я готов отдать ему свое сердце. Знаю, он поймет меня и без слов!..

Мне повезло, я видел Фиделя неоднократно на трибуне миллионных митингов в Гаване. Убежден: такие ораторы, такие умы, такие титаны в истории человечества появляются лишь несколько раз — в тысячелетия! Когда выступает Фидель, каждый человек на площади, откуда бы он ни был, чувствует себя маленькой частью, песчинкой великого монолита, имя которому НАРОД.

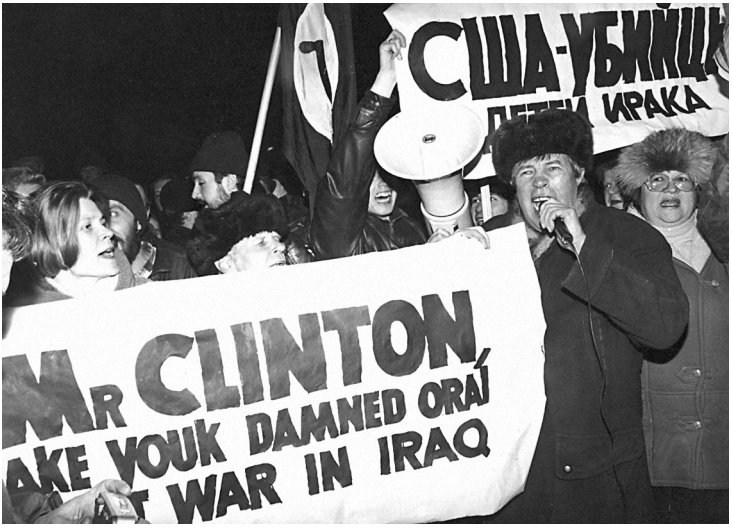
Как теперь всем известно, в начале 2008 года Фидель Кастро, благополучно переживший на радость всем

Первомай с кубинским флагом. *2004*

друзьям Кубы сложнейшую хирургическую операцию, официально обратился к Ассамблее народной власти (парламент Кубы в составе 550 депутатов) с просьбой не выдвигать и не избирать его более на высшие посты руководителя государства. Народная Ассамблея избрала председателем Госсовета и Совета министров Республики Куба товарища Рауля Кастро, младшего брата Фиделя. Большой друг Советского Союза, Рауль Кастро имеет собственные заслуги перед кубинской революцией. Он был ближайшим соратником Фиделя, начиная со штурма казарм Монкада в 1953 году. Во время партизанской войны в горах Сьерра-Маэстра, наряду с такими героями кубинской революции, как Че Гевара и Камило Сьенфуэгос, командовал одной из трех партизанских армий, освобождавших страну. После победы революции Рауль Кастро стал министром вооруженных сил Кубы.

Конечно, Рауль Кастро уже не молодой человек. На сердце тревожно: что ждет Кубу в будущем? На этот вопрос неоднократно отвечал сам Фидель в своих статьях-размышлениях, публикуемых ежедневно в сети Интернет на персональном сайте Фиделя Кастро. Когда я писал эту книгу, на мой письменный стол каждую неделю ложились конверты из посольства Республики Куба в Москве

У посольства США в Москве. Против войны в Ираке

с переводами «Размышлений товарища Фиделя Кастро» на русский язык. Фидель очень точно, с классовых позиций, анализирует мировые проблемы: изменение климата на Земле, война США в Ираке, глобальный кризис экономической модели современного капитализма...

Фидель остается верен своим словам, обращенным к советским людям перед его первым визитом в СССР в 1963 году: «Я марксист-ленинец и буду марксистом-ленинцем до последнего дня моей жизни».

...И все-таки грустно. Грустно осознавать, что «все мы, все мы в этом мире тленны», хотя я прекрасно понимаю, что жизнь таких титанов человечества, как товарищ Фидель Кастро, уже стала и навсегда останется символом на века, «призывом гордым к свободе, к свету!».

Фидель Кастро родился 13 августа 1926 года в местечке Биран в районе города Майари провинции Ориенте. Родители Фиделя были зажиточными землевладельцами. Его первая жена, дочь казначея (министра финан-

сов) во время правления диктатора Батисты, после триумфа кубинской революции во главе с Фиделем Кастро развелась с ним и эмигрировала в США. Сам Фидель считает своим духовным отцом Учителя всех кубинцев, революционного поэта Хосе Марти, павшего в бою против испанских колонизаторов. Я не ошибусь, если предложу читателям собственный перевод «Искренних стихов» Хосе Марти, которые, надо полагать, стали жизненным кредо Фиделя Кастро:

Горный ручей мне дороже
Хрусталя фонтанов дворцовых.
Я жизнь отдаю без дрожи
Земли моей бедным людям.

С детских лет Фидель Кастро выделялся в среде своих сверстников необыкновенной любознательностью, пытливостью, стремлением познать окружающие его явления.

«Фидель Кастро заполнит не одну золотую страницу в книге своей жизни. В нем заложен благодатный материал, а ваятель найдется», — говорилось в выпускной характеристике по окончании им католического колледжа. Эти слова оказались пророческими. Ваятелем стал народ. Фидель Кастро связал свою жизнь с народом и до последнего удара своего бесстрашного сердца отдаст все свои силы, свой разум и энергию делу борьбы за счастье всех народов Земли.

И все же — на сердце грусть и радость одновременно. Грустно, что мы все уходим. Радостно, потому что такие люди, как Спартак, Маркс, Ленин, Фидель, не уйдут из истории человечества. Никогда. И все же — после Фиделя что?! Об этом я размышлял, когда вместе с атаманом Казачьего братства Михаилом Филиным по приглашению ЦК Компартии Кубы в сентябре — октябре 2001 года

еще раз (может, не в последний?!) побывал на Кубе. Вот те размышления семилетней давности дословно.

...Прадо — пешеходный бульвар старой колониальной части Гаваны — встретил нас проливным дождем, под которым давно обветшавшие фасады домов XVII—XVIII веков вмиг состарились до смертельной отметки: «реставрации не подлежит». Сердце сжалось в тоске: неужто время безжалостно вырвет из истории эти волшебные страницы каменной летописи, эти крепости, где когда-то, перед отправкой в Испанию, накапливалось золото, награбленное конквистадорами у ацтеков и инков, эти великолепные дворцы с колоннадами внутренних двориков и фонтанами, хранящими тайны не одной любви и смерти?.. И самое главное. Если Старая Гавана, объявленная ЮНЕСКО достоянием всего человечества, исчезнет — уйдет в небытие неповторимая социальная атмосфера этого уголка нашей планеты. Здесь европейцы, африканцы, азиаты, пираты и принцессы, белые идальго и черные рабыни смешивались, влюблялись, проматывали награбленное в притонах, гибли из-за женщин, цеплялись за жизнь ради детей, образуя с веками единое духовное целое, имя которому — Народ Кубы...

Нет, не вздох, а неподдельный крик восторга вырвется из груди каждого, кто пройдет от Прадо по направлению к Соборной площади, чтобы увидеть второе рождение кварталов Старой Гаваны. Ай да кубинцы! Ай да Фидель! Оказавшись после предательства Горбачева в 1991 году без друзей, без помощи, они начали гигантские реставрационные работы в Старой Гаване. Причем восстанавливаются не только фасады и интерьеры роскошных дворцов, но и целые жилые кварталы: дом за домом. Отреставрированная по стандартам «евроремонта» жилая площадь остается преимущественно за жителями этого же квартала. В восстановленных дворцах открываются пятизвездочные отели, доступные по цене любому интуристу. Естествен-

но, такое отношение и к архитектуре, и к человеку вызывает восхищение и кубинцев, и иностранцев.

Центром Старой Гаваны остается дворцовый комплекс на площади Генерал-губернаторства (Capitania General) с памятником Карлосу Мануэлю де Сеспедесу. В 1868 году крупный землевладелец де Сеспедес отказался от права собственности, освободил принадлежавших ему чернокожих рабов и вместе с ними поднял весь народ на вооруженную борьбу за освобождение от испанского владычества. Десять лет на Кубе продолжалась антиколониальная освободительная война. Историки Кубы обозначают этот период как Republica en Armas (Вооруженная республика), что гораздо точнее устоявшегося русского перевода: Республика Сопротивления. Первым президентом Вооруженной республики был Карлос Мануэль де Сеспедес. На начальном этапе войны испанцам удалось захватить в плен юного сына вождя восставшего народа, и они предложили де Сеспедесу сдать оружие в обмен на жизнь его сына. «Моими сыновьями стали все, кто взял в руки оружие, чтобы победить или умереть за свободу», — ответил де Сеспедес. С тех пор кубинский народ чтит Президента Вооруженной республики как Отца Родины, а умереть за свободу и независимость родины с оружием в руках считается неписаным долгом каждого кубинского мужчины.

Несомненно, Фидель Кастро, бросившийся с горсткой вооруженных молодых людей на штурм казарм Монкада в 1956 году, знал этот неписаный кодекс чести кубинских революционеров.

Перед памятником Карлосу Мануэлю де Сеспедесу сохранилась самая старая католическая часовня Гаваны, построенная по классическим канонам архитектуры Древнего Рима: портик, парящий на мощных колоннах, и узкие окна-бойницы. Под стать колоннам у входа в часов-

Старая Гавана *2006. Фото В. Анпилова*

ню красуется крепкое тело молодой сейбы. Это мощное, сильное дерево, второе по ареалу распространения на Кубе после королевской пальмы, его боготворят последователи африканских культов. Существует поверье, что если в новогоднюю ночь трижды обойти сейбу у часовни на площади Генерал-губернаторства, то сокровенное желание паломника исполнится в этот же год. В первый день нового года у молодой сейбы — столпотворение старых и молодых, иностранцев и кубинцев, богатых и бедных... Больше всего людей пришло сюда в первую ночь 1994 года, когда в историю тяжелой, неуверенной походкой Ельцина уходил кровавый для нас и очень трудный для кубинцев 1993 год. То был год особого периода выживания социалистической революции на Кубе.

— После развала СССР, — вспоминает член Политбюро ЦК Компартии Кубы Хосе Рамон Балагер, — Куба в мгновение ока осталась без друзей, без рынков, без нефти, без запчастей для грузовиков и тракторов. Наши «друзья» замерли в предвкушении того момента, когда Куба отбросит за ненадобностью идеи коммунизма и, сломленная голодом и предательством, станет на колени перед империей. Фидель, партия коммунистов, ветераны, молодежь, весь трудовой народ Кубы ответили: «Социализм или смерть!». Возможно, в будущем исто-

рики нарекут этот период десятилетней битвой идей на Кубе. И нам есть чем гордиться: открытые антиимпериалистические трибуны у здания Представительства интересов США в Гаване и многочасовые дискуссии по актуальнейшим проблемам внутренней и международной жизни в прямом эфире кубинского радио и телевидения. Однажды, подражая кубинскому телевидению, одна из ведущих телекомпаний США пригласила на дискуссию в прямом эфире самого Фиделя Кастро. Ведущий программы надеялся смять нашего Главнокомандующего первым же вопросом:

Старая Гавана *2006. Фото В. Анпилова*

— Господин Кастро, крах СССР и всего социалистического лагеря вместе с Варшавским Договором показал всему миру, что социализм изжил себя, его глубочайший кризис благополучно закончился смертельным исходом. Зачем же Вы упорствуете в насаждении социализма на Кубе?

Фидель не стал оправдываться, выдержал красноречивую паузу и затем потряс американское телевидение атакующим залпом неотразимых фактов и безукоризненной логики:

— Насколько мне известно, глубочайший финансовый и экономический кризис поразил как раз богатые империалистические страны во главе с США. Имея колос-

сальные людские, финансовые и технические ресурсы, США не способны решить проблему многомиллионной безработицы, преступности и неграмотности населения на своей собственной территории. Дошло до того, что у вас школьники расстреливают своих учителей и товарищей по классу. А что же говорить о планетарных проблемах? Выбросы вредных веществ в атмосферу Земли увеличиваются, что влечет катастрофическое изменение планетарного климата. Пропасть между богатыми и бедными странами расширяется, что рано или поздно приведет человечество к глобальной войне всех против всех... Что касается Кубы, то у нас любой гражданин, независимо от возраста, имущественного положения, политических или религиозных убеждений, при необходимости получит от государства бесплатную медицинскую помощь, включая сложнейшие хирургические операции, как бы дорого они ни стоили государству. Ежедневно в мире из-за нехватки простейших лекарств ценой всего в один доллар умирают сотни тысяч малолетних детей. А на социалистической Кубе детская смертность — одна из самых низких в мире и составляет 6,4 случая на тысячу детей, родившихся живыми. При социализме средняя продолжительность жизни кубинцев увеличилась более чем на 20 лет и составляет сегодня около 75 лет для женщин и 73 года для мужчин. Мы не считаем это пределом, но, согласитесь, в кризисной системе таких показателей не добьешься. А мы, несмотря на все наши трудности, связанные с разрушением СССР, продолжаем посылать кубинских врачей для работы в самых отдаленных уголках Африки, Азии, Латинской Америки. Мы не требуем от наших врачей пропагандировать социализм. Я прошу их об одном: дойдите до самой бедной хижины в горах или в сельве, окажите бескорыстную помощь, поднимите на ноги больного человека, и пусть он сам решает, что лучше: капитализм или социализм...

За этими фактами, за этой логикой все-таки угадывается разочарование лидера кубинской революции в замшелых партаппаратчиках горбачевского разлива. Фидель не стал перечислять и тем более проклинать иуд, почитавших за честь пожать ему руку в президиумах съездов КПСС. Весь свой опыт, всю страсть и убеждение он вкладывает в главный капитал революции — молодежь. Два года назад на Кубе открылся великолепный Международный медицинский институт, рассчитанный на выпуск двух тысяч врачей в год для стран Азии, Африки, Южной и Северной (!) Америки. Супербогатые США не могут дать бесплатное образование своим гражданам, потомкам индейцев и выходцам из Африки, а Куба уже готовит врачей для самых обездоленных слоев американского общества. Недалеко от Гаваны функционирует также потрясающая Высшая международная школа спорта, в которой атлеты всех континентов под руководством кубинских тренеров и специалистов готовятся покорять олимпийские рекорды. Через два-три года мир узнает их имена...

— Без кубинской женщины революция была бы бесплодной! — уверяла нас Энеида, работница партийного комитета провинции Вилья-Клара. И это не просто слова. В 1993 году из-за потери торговых отношений с Советским Союзом, из-за нехватки топлива на Кубе начались длительные перебои в снабжении продовольствием. Кубинки проявили чудеса изобретательности: из смеси грунта, отработанного жмыха сахарного тростника, перегноя делали компосты, засыпали его в круги старых автомобильных и тракторных шин, но научились выращивать в жилых кварталах города капусту, морковь, помидоры и даже сладкий, по вкусу похожий на нашу картошку, корень юка. Женщины накормили своих мужиков. Голод миновал Кубу.

Атаман Казачьего братства Михаил Филин дарит Виктору Анпилову боевую шашку

— В ответ мы требовали от мужчин одного. — Энеида многозначительно поднимает кверху указательный палец и весело подмигивает богатырю земли русской Михаилу Филину. — Самоотверженной работы на благо любимой Родины.

Действительно, в те самые трудные годы Фидель ориентирует экономику страны на развитие международного туризма. На знаменитом курорте Варадеро строятся новые фешенебельные отели, а в провинции Вилья-Клара начинается обустройство необитаемых доселе островов архипелага и соединение их насыпной дорогой — терраплеником. С экологической точки зрения проект был безупречен. В местах подводных течений строились мосты с широкими проемами, что не препятствовало сезонной миграции многочисленных обитателей подводного мира и обещало будущим любителям подводной охоты фантастические картины и настоящий азарт. Однако объ-

емы грунтовых работ превысили расчетные. Было время, когда и ученые, и проектировщики предлагали Фиделю заморозить стройку. В ответ Фидель чесал свою знаменитую бороду и, казалось, размышлял сам с собой:

— Слов много, а нужны камни. Пока живы, надо собирать камни и строить!

Сегодня многочисленные острова у берегов провинции Вилья-Клара, той, где за победу кубинской революции дрался Че Гевара, соединены почти 100-километровой скоростной трассой. На одном из островов построен аэродром, способный принимать самолеты типа Як-40, на других поднялись коттеджи, бары, концертные площадки для любителей отдыхать по высшему классу. Стоило кормить мужчин, стоило собирать камни!

Кубинская революция устремлена в будущее. И если США не начнут под горячую руку бомбить Старую Гавану (после 11 сентября в Нью-Йорке с них станется!), Куба уже в ближайшем будущем продемонстрирует всему миру, на что способна социалистическая революция. И все-таки вопрос остается: после Фиделя — что?

Кубинцы учли печальный опыт перерождения партийно-государственного аппарата в СССР. На Кубе разработан и утвержден ЦК правящей партии Этический кодекс поведения руководящих работников партии и государства, требующий от кадров простоты, искренности и беспощадной борьбы против любых проявлений стяжательства и обогащения среди руководителей. Кстати, единственный на Кубе правительственный «мерседес» по решению Политбюро ЦК выделен первому руководителю партии и государства товарищу Фиделю Кастро. Решающим аргументом в пользу «мерседеса» стали требования служб безопасности: на жизнь Фиделя Кастро было подготовлено около 600 так и не удавшихся покушений. Все они имели политический характер. Из имущества у Фиделя Кастро, как в свое время у Иосифа Сталина, на момент

смерти останется разве что его форма Главнокомандующего повстанческими отрядами в горах Сьерра-Маэстра, ботинки да знаменитое кепи цвета зеленой оливы. Родной брат Фиделя, министр обороны Кубы Рауль Кастро, ездит на российской «волге», остальные члены правительства удовлетворены «ладами» из Тольятти.

Фидель понимает важность поставленного вопроса: кто после него? — а потому окружил себя талантливой молодежью из числа руководителей Союза молодых коммунистов Кубы и Федерации студентов университетов страны. Треть состава высшего законодательного органа страны — Национальной Ассамблеи — молодые депутаты в возрасте до 30 лет. Есть из кого выбирать, но, улетая с Острова Свободы, мы просили кубинцев об одном: храните Фиделя, храните Вождя, храните Революцию!

Гавана—Москва
25 сентября—3 октября 2001
Москва 31 марта 2008

ЕРЕСЬ СИОНИЗМА

Размышления над книгой Роже Гароди

Дух рабства кроется в кумирне и в Каабе,
Трезвон колоколов — язык смиренья рабий,
И рабства черная печать равно лежит
На четках и кресте, на церкви и михрабе.
Омар Хайям. Рубаи.

В 1996 году в Париже самиздатом вышла в свет книга Роже Гароди «Основополагающие мифы израильской политики». Основательный, с научной скрупулезностью написанный труд сразу же привлек внимание российской общественности. Этому способствовали и имя

автора, и поднятая им тема, которая давно стала болевой точкой человечества.

Новая книга Гароди — научное исследование истоков и последствий сионизма как политической доктрины, заразившей в XX веке сознание многих народов. Знакомство с «Основополагающими мифами израильской политики», вне всякого сомнения, помогает человечеству излечиться от заразы.

Застарелая проказа

В предисловии к «Мифам» сам Роже Гароди пишет: «Эта книга — история ереси, заключающейся в буквальном и выборочном прочтении текстов Священного Писания с целью сделать из религии орудие политики. Это смертельная болезнь конца нашего века...»

Гароди с ходу отвергает попытки приспособить Священное Писание, то есть религию как таковую, под конкретные политические цели. Заметим все же, что это явление наблюдалось не только «в конце нашего века». В начале второго тысячелетия новой эры западноевропейские феодалы организуют (спонсируют, как нас заставляют говорить сегодня) крестовые походы на Ближний Восток, в Сирию, Палестину, Северную Африку. Крестоносцы жгли, убивали все, что двигалось по земле «гроба Господня»: от грудных младенцев до немощных стариков. Захват земель, сопровождавшийся неслыханными зверствами, освящался католической церковью и оправдывался ссылками на Священное Писание. В начале XVI века Эрнан Кортес и его банда конквистадоров (завоевателей) с именем Христа на устах выкалывали шпагами миндалевидные глаза грудных детей ацтеков. Церковь, за редкими исключениями вроде священника Бартоломе де лас Касаса, трепетала от жадности в ожидании золота Нового Света и, само собой разумеется, эксплуатировала религиозные чувства людей для дья-

вольского оправдания конкретной захватнической политики испанской короны.

Так что использование текстов Библии и религии вообще в политических целях нельзя ограничивать рамками XX века. Болезнь запущена за тысячелетия. Но нам не безразлично, в какой форме она проявляется сегодня.

Гароди цитирует Герцля

Общеизвестно, что основоположником современного политического сионизма является Теодор Герцль. На Базельском конгрессе сионистов в 1897 году Герцль доказал необходимость создания еврейского государства. «Государственник» Герцль в обоснование своей идеи положил национальную исключительность евреев и колониальную доктрину космополитов Запада. В частности, за конкретной помощью (спонсированием) он обратился к известному дельцу Сесилю Родсу, который сумел на базе своей алмазной компании колонизировать Южную Африку, одна из частей которой стала носить его имя — Родезия.

Роже Гароди, обильно цитирующий самого Герцля, обобщает: «Политическая, националистическая, колониальная доктрина — таковы три характерные черты политического сионизма, восторжествовавшего на Базельском конгрессе в августе 1897 года. Т. Герцль, его гениальный основатель, политик макиавеллиевского пошиба, имел право сказать по окончании этого конгресса: “Я основал еврейское государство”».

Но оказалось, что одновременно с Базельским конгрессом в Америке под эгидой самого представительного еврейского деятеля того времени рабби Исаака Мейера проходила Монреальская конференция, которая, по оценке Гароди, «радикальным образом противопостав-

ляла два прочтения Библии, этнополитическое у сионистов и духовно-универсалистское у Пророков: “Мы полностью отвергаем всякую инициативу по созданию еврейского государства. Попытки такого рода выявляют ошибочное понимание миссии Израиля <...>, которую первыми провозгласили еврейские пророки... Мы утверждаем, что цель иудаизма не политическая, не национальная, а духовная...”»

Внешние разногласия иудаистов и сионистов не помешали созданию еврейского государства Израиль полвека спустя после Базельского конгресса. И так же, как некогда католическая церковь, алкая золота, благословляла кровавые деяния крестоносцев и конквистадоров, так и теперь сионисты, иудеи, политики соединились у горы Сион, чтобы оправдать зверства израильских конквистадоров в Ливане, Сирии, Сабре и Шатиле. Они действовали так же, как в свое время действовали гитлеровские нацисты в Лидице, в Хатыни, в Бабьем Яру... Гароди отмечает, что лучшие умы еврейского народа протестуют, но их протест тонет в потоке грязных националистических высказываний. 14 июля 1972 года Иорам Бен Порат пишет в большой израильской газете «Едиот Ахронот»: «Нет сионизма и колонизации, еврейского государства без устранения арабов и экспроприации их земель».

Что касается средств для изъятия земель, то их назвал Рабин в его бытность главнокомандующим на оккупированных территориях: ломать руки участникам интифады, бросающим камни. Совпадение ли: в мае 1993 года московские омоновцы ломали руки многим манифестантам, бросавшим камни, и даже женщинам, которые эти камни подносили?

Рабби Коэн заявил: «Население мира можно разделить на Израиль и все прочие нации, вместе взятые. Израиль — богоизбранный народ: это основная догма» («Талмут», Париж, 1986, с. 104).

Химера богоизбранности

С учетом вышеприведенных высказываний становится понятно, почему Резолюция 30-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН квалифицировала в 1975 году сионизм как форму расизма и расовой дискриминации. Сионизм — реакционная шовинистическая идеология и политика еврейской буржуазии, а по существу — мирового банковского капитала — вызывает омерзение именно потому, что, основываясь на выборочном прочтении текстов Библии, соединяет политику расизма с религией, с Богом.

«Каждый вид национализма, — замечает Роже Гароди, — нуждается в том, чтобы придать священный характер своим претензиям: после разделения христианства все государства-нации претендуют на священное наследие и на полномочия, полученные от Бога. Франция — "старшая дочь церкви", через нее "вершатся дела Божьи". Германия "превыше всего", потому что "с нами Бог". Эва Перон говорила, что "миссия Аргентины — привнести Бога в мир". В 1972 году премьер-министр ЮАР Форстер, известный своим диким расизмом апартеида, тоже провозгласил: "Не будем забывать, что мы народ Божий и у нас есть миссия"» ...

Вспомним, что после расстрела парламента в 1993 году для оправдания «богоизбранности» России начинается бурное строительство храма Христа Спасителя, а самыми «набожными» и «близкими к Богу» людьми стали Ельцин да Лужков. Даже на митингах лидера народно-патриотического блока коммуниста Зюганова появляются благообразные бородатые мужики с иконами-хоругвями в руках.

Напрасны ваши хлопоты, уважаемые! Вы хотите быть поближе к Богу, но свято место давно занято. По Библии, если ей верить, ближе всех к Богу народ Израиля: «И сказал Господь Аврааму, после того как Лот отде-

лился от него: возведи очи твои, и с места, на котором ты теперь, посмотри к северу, и к югу, и к востоку, и к западу. Ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки» (Бытие, 13:14-15).

Эту библейскую агитку сионисты и взяли в оправдание своей исключительности и захватнической политики на Ближнем Востоке. Роже Гароди блестяще опровергает религиозный догмат: «Чтение священных текстов Ближнего Востока показывает нам, что все здешние народы получали сходные обеты от своих богов, которые обещали им земли от Месопотамии до Египта с проходом через земли хеттов. В Египте на стеле в Карнаке, воздвигнутой Тутмосом III между 1480 и 1475 до н. э. в ознаменование побед, одержанных им на пути от Газы через Мегиддо и Кадеш до Кархемыша на Ефрате, бог заявляет: «Я отдаю тебе моим повелением землю вдоль и поперек. Я пришел и позволил поразить землю Запада».

На другом конце «цветущего полумесяца» — в Месопотамии — на 6-й табличке «Вавилонской поэмы творения» бог Мардук «закрепляет за каждым его жребий» (стих 46) и, чтобы скрепить союз, приказывает «построить Вавилон и его храм» (Рене Лабе. Религии Ближнего Востока. Изд. Файяр, 1970).

...Если бы евреи не получили такого обещания, тогда они действительно были бы исключением.

Воинствующий сионизм

Итак, заветы «земли обетованной» получали от своих богов все кочевые народы, мечтавшие об оседлости, о воде для скота, о достатке, о мире... И еще: в древние времена, как замечено в примечании к экуменическому переводу Библии, «в Израиле верили в существование и могущество чужих богов». То есть подоплекой религиозного сознания был культ грубой физической силы: кто сильнее, кто больше земли захватил — у того и бог

сильнее. Вот почему тексты Библии, с одной стороны, утверждают монотеизм (единобожие), а с другой — силу земного человека. Вот почему неоднократно повторяемый еврейскими пророками завет касается не только территории, но и политической власти владельца земли над обитателями этой территории. Политика неотделима от религии. «И остался Иаков один. И боролся Некто с ним, до появления зари. И, увидев, что не одолевает его, коснулся бедра его, и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним, И сказал: отпусти Меня; ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь» (Бытие, 32:24-27).

Запомним, имя «Израиль» означает «боровшийся с Богом», равный ему по силе, а потому имеющий власть над другими людьми. Это еще одна ересь воинствующего сионизма: с библейских времен он не признает равенства людей независимо от размера их собственности и заставляет неимущих рабов обожествлять своего хозяина. Политический сионизм сегодняшнего дня посредством мировых денег обрекает на рабство целые народы.

Россия в беде

Неспособное гарантировать защиту прав своих граждан не только в ближнем зарубежье, но и на своей собственной территории, российское ельцинское государство тем не менее гарантирует желающим возможность двойного гражданства. Сегодня любой состоятельный гражданин может беспрепятственно покинуть Россию. Никаких препятствий для выезда не чинится и в отношении лиц еврейской национальности. Они могут в любую минуту выполнить установку Теодора Герцля и вернуться на историческую родину в Израиль, то есть

к горе Сион. Запретный ранее плод стал доступным, но исход не наступил. Что, иссякла питательная среда сионизма? Отнюдь!

С реставрацией частной собственности в России, с насаждением духа торгашества сионизм расцвел, что называется, махровым цветом и, презирая национальные барьеры, проникает буквально во все поры российского общества. И власть имущие, и так называемая духовная оппозиция днем и ночью талдычат о своей исключительности, о том, что управлять государством могут только «специалисты», только «национальная элита». И несмотря на некомпетентность властей, несмотря на развал экономики, невиданный грабеж народа, церкви всех существующих в России конфессий спешат благословить узурпаторов власти, доказать их особую близость к Богу. Попы, задрав рясы, буквально перепрыгивали через лужи человеческой крови, льющейся в Чечне, чтобы оказаться поближе к Ельцину. И ислам, и православие склоняли верующих голосовать за Ельцина.

В благодарность лица, захватившие власть и собственность, разносили заразу сионизма дальше. В государственных школах вновь начали преподавать закон Божий. В армейские казармы вернулись капелланы. Поповская ряса стала непременным атрибутом всех государственных праздников. Космические корабли вместо научного оборудования поднимают в космос иконки. Государственные радио и телевидение закрывают образовательные программы, программы о рабочем движении и предоставляют освободившееся эфирное время для проповеди религиозного обскурантизма. Религия в России не только сомкнулась с политикой, а давно стала частью государственной машины, подавляющей волю трудящихся масс к сопротивлению. Миллионам людей не выдают зарплату, а купол храма Христа Спасителя кроют золотом банкиров. Говорухин, Куняев, Ганичев, Белов и другие «масте-

ра культуры» радуются: мы богоизбранный народ. И тут же эту сионистскую ересь подхватывают националисты. Дальше — больше. Оказывается, война в Чечне имеет не империалистический, а религиозный характер, то есть там вооруженным путем выясняется, чей бог сильнее: христианский или исламский... На этой сионистской мякине провели даже такого замечательного человека, как главный редактор газеты «Завтра» Александр Проханов.

Интернационал победит

Книга Роже Гароди раскрывает расовую сущность сионизма, его стремление через религию утвердить исключительность одной нации за счет унижения и репрессий по отношению к другим нациям. «Но политика националистических репрессий опасна для дела пролетариата, — писал И. В. Сталин. — Она отвлекает внимание широких слоев от вопросов классовой борьбы — в сторону вопросов национальных, вопросов "общих" для пролетариата и буржуазии. А это создает благоприятную почву для лживой проповеди о "гармонии интересов", для затушевывания классовых интересов пролетариата, для духовного закабаления рабочих. Тем самым ставится серьезная преграда делу объединения рабочих всех национальностей» (И.Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Сочинения, т. 2, с. 309).

Лучше и актуальнее не скажешь. Сколько бы ни претендовала национальная буржуазия России на исключительность, как бы ни оправдывала свои преступления близостью к Богу, в какие бы рясы ни рядилась — сознательные рабочие, крестьяне, солдаты в своей борьбе против любых форм эксплуатации противопоставят ей испытанное оружие: материализм и пролетарский интернационализм. С ними — победим!

Май 1996

ПРОКЛЯТИЕ ВОЙНЫ

В Москве — война. Вооруженный отряд чеченских боевиков-смертников беспрепятственно проник в центр города и захватил в заложники сотни людей. Переговорный процесс полностью контролировался боевиками. Газовая атака «замочила» в театре на представлении мюзикла «Норд-Ост» 50 бандитов и еще 119 мирных граждан из числа заложников. Телевидение способствовало унижению русских и разжиганию межнациональной розни...

«Трудовая Россия» предлагает прекратить войну в Чечне, отсечь от России раковую опухоль бандитизма и незамедлительно сформировать вооруженное народное ополчение для охраны и защиты государственной границы с Ичкерией.

Накануне трагических событий в Москве, связанных с захватом заложников чеченскими боевиками-смертниками, в политической атмосфере столицы висел удушливый газ беззакония. Даже беглый олигарх Березовский вынужден был признать, что нынешний режим антинародный и авторитарный по своей сути. Чума без пира. Без всяких объяснений мэр Москвы Лужков повышает стоимость проезда в метро, автобусах и трамваях. Повышены цены на бытовое электричество, телефон, газ, отопление. Без всяких предупреждений правительство России делает «контрольный выстрел» по льготам ветеранов войны и труда. Зима еще не пришла, а в школах и жилых домах Приморья, Воронежа (!) температура не поднимается выше 10 градусов. На главных улицах Москвы убивают губернатора Магадана, и убийцы легко уходят от преследования. Нас приучают бояться смерти в метро, в ресторане, в театре, а потому мы уже не обращаем внимания на количество наших летчиков и солдат, погибающих при падении вертолетов, сбитых в Чечне зенитными

снарядами российского производства. Смерть смотрит на Россию холодным, безразличным взглядом президента Путина. Сам президент озабочен только одним: как бы продлить срок своего пребывания на троне...

Псевдодемократы, успевшие разжиреть на разграблении народного добра, на взятках и поборах, уже не толкуют о «правовом государстве» и «верховенстве закона». После позорного решения Государственной Думы, ущемившей конституционное право суверенного народа на выражение своей воли через референдум, Закон «опустили» — ниже некуда. Гарант Конституции смолчал и преподнес лакеям в депутатской мантии еще один сюрприз: выдвинул госпожу Нарусову, вдову Собчака — своего учителя и наставника по темным питерским делам, — в верхнюю палату Федерального Собрания России. Разумеется, «демократический» Верховный Хурал Тувы единодушно поддержал вдовствующую протеже Путина и отдал ей место в Совете Федерации.

«Почему депутаты Государственной Думы никак не отреагировали на высшей степени сомнительное назначение Нарусовой членом Совета Федерации?» Этот вопрос удалось задать одному из руководителей парламентской группы «Народные депутаты». Депутат заулыбался: «Понимаешь, когда он пытался протолкнуть в Совет Федерации Коха, мы запротестовали. Ну, а тут женщина, понимаешь?!. Из уважения к президенту надо было соглашаться».

Ничего не понятно! В цивилизованном обществе надо уважать Закон, перед которым равны и мужчины, и женщины. Но уж если нашему президенту хочется подчеркнуть свою симпатию к женщинам вообще, мог бы порекомендовать Верховному Хуралу Тувы назначить в Совет Федерации вдову командира атомной подлодки «Курск» капитана первого ранга Лячина, погибшего при исполнении воинского долга...

На месте трагедии

Мистика. Вот уже два года штаб «Трудовой России» располагается в подвале жилого дома по улице 1-я Дубровская, № 2. От нашего «бункера» до места захвата заложников не более ста метров. Это бывший Пролетарский район столицы, где в советское время были сосредоточены заводы-флагманы отечественного машиностроения. С началом рыночных реформ и приватизации все промышленные предприятия Пролетарского района, за исключением Микояновского мясокомбината, перерабатывающего теперь зарубежную говядину, оказались заложниками мировой экономики свободного рынка и были обречены на вымирание. Первый, нокаутирующий удар мировой конкуренции принял на себя АЗЛК — Автомобильный завод имени Ленинского комсомола. К середине 90-х годов завод резко сокращает производство, численность рабочих уменьшается с 50 до 10 тысяч человек. Завод отказывается от уникального соцкультбыта, снимает с баланса жилые дома для своих работников, продает Дворец культуры и спорта, бросает в панике санатории и пионерские лагеря. Не помогло. В конце 90-х правительство Москвы пытается спасти АЗЛК, заключает договор с Францией на поставку двигателей «Рено» для нашего «москвича». Непосредственно перед наступлением мирового кризиса перепроизводства автомобилей «Рено» успевает сбросить в России тысячи двигателей на сотни миллионов, если не миллиардов, долларов. Цена на «москвич» подскочила выше цены подержанных иномарок, и конкуренция безжалостно «мочит» АЗЛК. Сегодня завод отключен от энергоснабжения, немногочисленные рабочие переведены в разряд сторожей, здания цехов и инженерных корпусов пугают зловещими проемами окон без стекол.

Не в лучшем положении и расположенный в районе трагедии другой флагман отечественной автомобильной промышленности Завод имени Лихачева — ЗИЛ. Военные заказы сократились до единичных. На экспорт (в советское время московские грузовики покупали в 80 странах мира) наши «ЗИЛы» давно не поставляются. Отлаженное еще на американских, поставленных по ленд-лизу станках штучное производство правительственных «членовозов»-«ЗИЛ» осталось невостребованным. Правительство и депутаты предпочитают кататься на БМВ и «ауди» ценой до 80—100 тысяч долларов штука. По инициативе Лужкова ЗИЛ освоил производство малотоннажного грузовика «Бычок», но дальнейшего развития инициатива не получила. Производство затухает.

Рядом с больницей № 13, куда поместили большинство заложников, пострадавших от газовой атаки, находится «Мосэнергоремонт», уникальное предприятие, способное восстанавливать сложнейшее оборудование атомных и тепловых электростанций. Сдается, Чубайс поклялся приватизировать завод — тогда в истории коллектива рабочих и инженеров высочайшей квалификации можно будет поставить точку.

Ближе всего к музыкальному театру «Норд-Ост» на Дубровке расположен Московский шинный завод. С 1991 года «Шинник» стал яблоком раздора между московскими мафиозно-финансовыми группировками. Несколько лет длилась война за право владеть контрольным пакетом акций. Количество трупов в этой войне доподлинно неизвестно, хотя и сравнимо с количеством трупов в «Норд-Осте». В конце концов три года назад загорелись склады готовой продукции «Шинника». Три дня район Дубровки задыхался от гари и копоти пожара. Сегодня военные действия приватизаторов «Шинника» прекращены, завод перешел в частные руки.

Государственный шарикоподшипниковый завод №1, коллективу которого принадлежал ставший теперь всемирно и печально известным Дворец культуры, агонизирует на уровне 30 процентов от объема производства при советской власти. С началом приватизации завод был вынужден продавать по цене сырья готовые шарики для сталелитейной промышленности США и Германии. Естественно, завод прекратил строительство бесплатного жилья для своих работников и пустил с молотка всю социальную инфраструктуру, в том числе знаменитый Дворец культуры на 1200 мест. Кстати, по соседству с театром «Норд-Ост», у выхода из метро станции «Пролетарская», частные фирмы строят огромный жилой дом, с распродажей еще недостроенных квартир по цене 1000—1200 долларов за квадратный метр. Покупают квартиры в основном денежные «лица кавказской национальности».

При попустительстве столичных властей этническое лицо района преступления, как, впрочем, и всей Москвы, быстро меняется не в пользу коренных москвичей. Рабочие «Шарика» за всю свою жизнь на квартиру по такой цене не заработают. А вот боевики, как выяснилось в первые же дни следствия, имели на руках новенькие российские паспорта с московский пропиской. Каким образом они ее получили? Кто помог им купить квартиры в Москве? И как получилось, что органы безопасности не заметили сосредоточения довольно крупного вооруженного отряда чеченских боевиков практически в центре города, всего в десяти минутах езды от Кремля? Эти вопросы, звучавшие на пресс-конференциях, имели чисто риторический характер. Ответ на них развешан по всему городу на рекламных плакатах и растяжках: «В Москве все продается!». Уточним: в том числе здесь торгуют совестью, честью и достоинством великого народа. К стыду нашему, цинизм торгашест-

ва стал нормой, способом жизни не только для «новых русских», но и для подавляющего большинства русских «старых».

Вот еще один факт из новейшей истории все того же района Дубровки. Два с половиной года назад доведенные до отчаяния длительными невыплатами заработной платы рабочие «Шарика» пошли на забастовку. «Трудовая Россия» помогла соседям организационно, предоставила свой штаб для проведения рабочих собраний, выпустила листовку, бесплатно предоставила автомобиль, оснащенный звуковоспроизводящей аппаратурой, и приняла участие в проведении несанкционированных митингов, за что наши активисты, в том числе автор этих строк, были арестованы и доставлены в отделение милиции. Пока шла борьба, все рабочие искренне благодарили нас за помощь. Но как только задолженность по зарплате была погашена, руководство стачкома ГПЗ тут же отмежевалось от «Трудовой России», обозвав нас «провокаторами».

Если бы в Пролетарском районе существовало сильное рабочие движение, осознавшее необходимость борьбы до победного конца за всю полноту экономической и политической власти пролетариата, боевики сюда бы не сунулись. Но террористы прекрасно знали социально-экономическую ситуацию в районе, городе, да и по всей России. Знали, а потому ударили в самую слабую точку российского общества.

Творцы межнациональной розни

«У террористов, у преступников нет национальности», — заявил президент Путин. И это эмоциональное, необоснованное утверждение тут же подхватили: Патриарх Московский и всея Руси, Верховный муфтий мусульман России и прочие подпевалы рангом пони-

же. Странная штука получается: президент Татарии Шаймиев отстоял право татар заявить о своей национальной принадлежности в паспорте нового образца, а президент России Путин проигнорировал требование патриотической общественности оставить такое же право для всех других народов России, в том числе для русских. Почему? Разве русский народ не вправе гордиться своей историей? Или нас хотят сделать безродными преступниками, не помнящими ни отца, ни матери, ни своего родного языка?! Вспоминается наигранное, театральное недоумение российского гражданина американского происхождения по фамилии Познер. Комментируя ход Всероссийской переписи населения в телепередаче по общенациональному каналу ОРТ, Познер негодовал: «А зачем переписчику спрашивать национальность?! Русских большинство, а по ходу переписи к большинству добровольно примкнут представители национальных меньшинств. Русских станет еще больше! Картина будет необъективная...»

Мудёр Познер, но все его страхи были напрасны. Методисты Всероссийской переписи населения не меньше его боялись, что русских в России окажется больше, а потому, как было официально заявлено, после переписи населения «в России появились новые национальности: жители севера и юга России называли себя поморами, казаками»... Господин Познер может спать спокойно: русских стало меньше. Перепись скрывает последствия людоедских реформ по капитализации России, в том числе на территории Чечни, население которой, судя по результатам переписи, возросло.

Межнациональные отношения в России обострены запредельно. Москва в этом отношении напоминает пороховой погреб. Захват заложников чеченскими боевиками-смертниками мог стать запалом, прелюдией неуправляемого националистического взрыва. Боевики

на это и рассчитывали. В первые же часы после захвата заложников они отпускают «грузин и мусульман». Расчет прост: русские увидят и в тех, и в других «союзников» террористов и начнут мстить всем подряд. Многонациональный город мог в считаные минуты превратиться в кромешный ад. К счастью, многие москвичи, особенно из тех, кто на следующее утро пришел на Дубровку, не поверили провокационным сообщениям. Даже молодые, особенно горячие головы, призадумались: не спектакль ли все это?! Почему никто из освобожденных не проявил солидарности и не остался с заложниками? Почему никого из освобожденных «грузин и мусульман» не показали по телевидению и не взяли у них интервью?..

Сомнения усилились, когда на переговоры с захватчиками пошли Немцов и Хакамада. Только что они были героями показательного спектакля в Минске. 23 октября вице-спикер Госдумы Ирина Хакамада и руководитель фракции СПС в российском парламенте Борис Немцов прибыли в Минск для участия в работе «круглого стола», организованного правыми партиями для обсуждения вопроса белорусско-российской интеграции. То есть и Хакамада, и Немцов, будучи официальными лицами России, демонстративно прибыли в Минск обсуждать интеграцию двух стран с политическими противниками президента Лукашенко. Тогда я поддержал заявление КГБ Белоруссии, расценившего деятельность Немцова и Хакамады как «вмешательство во внутренние дела Белоруссии с нанесением ущерба национальным и государственным интересам страны».

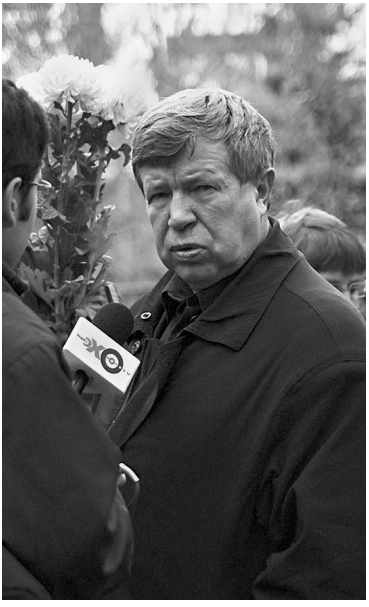
Как справедливо отметил корреспондент «Новой газеты», в толпе зевак поползли слухи о «чернокожих и жидках»... Круг переговорщиков расширялся и явно контролировался боевиками: детский врач Рошаль, журналистка Политковская, депутат Госдумы Кобзон, еще один депутат Примаков, еще один — Явлинский...

Неужто в штабе по проведению операции никто не обратил внимания на явный крен в сторону одной национальности? Или боевики полностью контролировали переговорный процесс и специально подчеркивали свое нежелание говорить с русскими? Телевизионщики усиливали эффект бесконечными повторами интервью Щаранского и предложений спецслужб Израиля поделиться с властями России опытом борьбы с терроризмом, накопленным разведкой «Моссад» на оккупированных землях Палестины. Захват заложников в Москве был выгоден Израилю, оправдывающему собственную агрессию и кровавое варварство на оккупированных землях Палестины «угрозой международного терроризма». В еще большей степени события в Москве выгодны сегодня США для оправдания войны против Ирака и установления нового мирового порядка под абсолютным контролем американского империализма.

И, наконец, президент Путин благодарит Явлинского за переговоры с бандитами. Почему именно Явлинского, а не Кобзона, который спас троих детей? А если Путин благодарил Явлинского, то за какие заслуги? Что сделал тот для предотвращения гибели людей, кого спас от гибели?.. Похоже, Путин сам решил заняться пиаром, лишь бы смикшировать критику политики «мочить террористов в сортире» со стороны «Яблока».

Пиар во время чумы

В первые же часы захвата заложников в Москве страна напряженно ждала обращения президента к народу. Понимая, что наглая вылазка чеченских боевиков в центре Москвы означает полный провал несостоятельной политики «мочить террористов в сортире», дезавуирует неоднократные заявления о том, что инфраструктура чеченского терроризма в России раз-

На похоронах Анны Политковской.
Октябрь 2006

громлена, Путин отделался комментарием происходящих событий: «Действия террористов хорошо скоординированы за границей». Никаких фактов, подтверждающих «забугорный след», Путин не назвал. Журналисты и фээсбешники продолжают «гнать туфту» даже после трагической развязки. Говорят о том, что якобы среди 42 убитых и двоих задержанных боевиков есть граждане иностранных государств. Пока общественности не было предоставлено ни одного факта причастности «иностранных наемников» к событиям в Москве. Не имея за душой фактов, журналисты засоряли эфир фантазиями о том, что пояса шахидов для женщин-камикадзе были изготовлены за рубежом. А по другим каналам телевидения в эти же самые секунды демонстрировался документальный фильм о том, как контрактники Российской армии воруют с армейских складов и продают боевое оружие чеченцам. Оказывается, и в Чечне все продается! Мародеры умудряются опустошать короба, защищающие броню танков от прожигания кумулятивными снарядами. Пластид, добытый таким способом, делает наши танки беззащитными, зато идет на рынке по хорошей цене. Вот вам и весь «забугорный след» шахидских поясов!

В целом телевизионные репортажи с места события по каналам ОРТ, РТР, НТВ, СТС были пустыми и бессодержательными. Телеведущие жаждали крови. Диктор ОРТ Катя даже нервно подпрыгивала от напряжения:

— Есть ли раненые?! Сколько раненых?!

В первые же минуты после штурма НТВ заглотило «дезу» спецслужб и выдала ее телезрителям в виде сообщения ИТАР—ТАСС о том, что при штурме театра «Норд-Ост» никто из заложников не пострадал. Буквально через пять минут с подачи того же НТВ мэр Москвы Юрий Лужков признал, что «пострадало около 30 заложников, есть жертвы». Понятна неопределенность ситуации в первые минуты после штурма ДК, но зачем же подсовывать «дезу» всему населению?! В свете окончательных фактов неприлично звучали восторги по поводу «мужества спецназовцев, блестяще завершивших операцию по уничтожению бандитов и освобождению заложников». Каждый бандит, умерщвленный нервно-паралитическим газом, унес с собой по две-три жизни ни в чем не повинных людей. И, прямо скажем, жутко было слушать признание спецназовца о том, что в голову каждого пораженного газом боевика, в том числе женщин, был произведен контрольный выстрел. Как хотите, но воинской доблестью здесь и не пахло! Понятно, приказ есть приказ, но лучше бы об этом помолчали!..

Вечером 25 октября НТВ пригласило к участию в передаче «Свобода слова» «всех желающих, всех политиков, способных предложить конкретный план по спасению людей, оказавшихся заложниками в руках террористов». У «Трудовой России» был конкретный план по спасению людей, а план политического урегулирования военного конфликта на территории Чечни мы предложили народу еще в начале первой чеченской войны, при Ельцине.

В искренность ведущего программы «Свобода слова» господина Шустера верилось с трудом, но товарищи уговорили ехать. Двинулись в «жигулях» от Дубровки через Таганскую площадь к проспекту Мира. Автомобильные пробки заставили вспомнить ненормативную лексику всех известных мне языков. Однако в телецентр мы попали-таки за 15 минут до начала прямого эфира. Щуплая нервная девушка-продюсер по имени Наташа, увидев меня, напряглась, как гюрза перед броском:

— Никто вас сюда не звал! Мы со всеми предварительно созваниваемся! Охрана!

Пытаюсь мягко возразить:

— Я не претендую на роль главного героя. Позвольте присутствовать в качестве зрителя и задать, если можно, хотя бы один вопрос главным героям. Поверьте, у нас есть что предложить для освобождения людей.

— Да где же эта охрана?! — вертела головой маленькая Наташа.

— Но вы же сами с экрана пригласили в студию всех желающих, всех политиков?! Значит, вы обманули и меня, и миллионы людей?!

— Охрана!!! — завизжала телезмея и выбежала прочь из помещения для гостей.

Пришла добродушная, толстомордая охрана. Из-под полы пиджака красноречиво светилась кобура с пистолетом.

— У вас кто сейчас хозяин? — спрашиваю и не без иронии предлагаю: — «Проведите меня к нему, я хочу видеть этого человека!»

— Тёрнер, — был ответ. — Он сейчас в Нью-Йорке.

Пришлось подвести итог общения со «свободной прессой»:

— Познер — мудёр. Шустер — шустёр, Тёрнер — вообще в Нью-Йорке! Тут без автомата не разберешься!

С этой эпитафией мы покинули телецентр, чтобы вернуться под проливной дождь на Дубровке и приступить к распространению нашей листовки с обращением к родственникам заложников.

Мы не рабы! Нет войне!

Сторонники «Трудовой России» на спектакли «Норд-Ост» не ходят. Билеты недоступны нам по цене. К тому же авторы спектакля безбожно переврали дух и содержание замечательной повести Каверина «Два капитана». Остался один плагиат, предназначенный для нетребовательного вкуса сытого обывателя. Не случайно, по свидетельству очевидцев трагедии, зрители «Норд-Оста» приняли появление боевиков на сцене и стрельбу из боевого оружия за «режиссерскую находку».

Мы не ходим на мюзикл театра по соседству еще и потому, что общаться с представителями гей-центра, занимающими нижний этаж бывшего Дворца культуры рабочих ГПЗ, нам, откровенно говоря, противно.

Однако в час трагедии «Трудовая Россия» не стала разбираться в моральном облике тех, кто оказался в заложниках. Над жизнью сотен людей нависла смертельная опасность, и мы считали своим долгом делать все возможное и невозможное во имя их спасения.

Вот дословный текст листовки, которую мы распространяли среди журналистов, милиционеров и всех желающих у оцепления по улицам 1-я Дубровская, Мельникова и другим, прилегающим к месту трагедии.

ОСТАНОВИМ ВОЙНУ — СПАСЕМ ЗАЛОЖНИКОВ!

Обращение лидера «Трудовой России» Анпилова к родственникам заложников, захваченных чеченскими боевиками в музыкальном театре «НОРД-ОСТ» 23.10.02.

«Трудовая Россия» осуждает захват мирных граждан в качестве заложников для решения каких бы то ни было политических целей. Мы считаем своим долгом сделать все возможное и невозможное для того, чтобы не допустить кровопролития в Москве. Тем более что штаб «Трудовой России» размещается по ул. 1-я Дубровская, дом 2. Это в тридцати метрах от Дворца культуры, где над жизнью ваших близких нависла смертельная опасность. Долг каждого честного человека, партии, движения — спасти конкретных людей и не допускать впредь рецидивов подобного варварства в России. В данной ситуации есть только один способ достижения этого — заставить администрацию Путина остановить войну на территории Чеченской Республики, вывести с ее территории войска, предоставить чеченскому народу право на самоопределение, вплоть до отделения от России. В случае отделения Чечни от России мы требуем установления неприступной государственной границы по ее периметру, создания вооруженного народного ополчения в Ставрополе, Дагестане, Северной Осетии для ее охраны и защиты, а также репатриации в Чечню всех ее граждан, проживающих в Москве и России.

Уважаемые родственники заложников, я обращаюсь к вам не из конъюнктурных соображений, а руководствуясь необходимостью бескомпромиссной борьбы с теми, кто разрушил СССР и натравливает его народы друг на друга.

В воскресенье, 27 октября, с 11.00 до 13.00, в центре Москвы, у бывшего музея В.И. Ленина, «Трудовая Россия» проводит митинг протеста против войны в Чечне за освобождение заложников. Присоединяйтесь к нам. Одно дело, когда вы даже по совести требуете остановить войну и справедливо

надеетесь, что чеченские боевики не смеют поднять руку на жизни ваших близких. Другое дело — когда войну требует остановить народ, чтобы никогда более террор и смерть не держали нас всех в заложниках.

ПРИХОДИТЕ НА МИТИНГ «ТРУДОВОЙ РОССИИ» В БЛИЖАЙШЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАМ ОБЯЗАТЕЛЬНО ДАДУТ СЛОВО. ВАС УСЛЫШИТ ПРЕЗИДЕНТ ПУТИН. НЕТ — ВОЙНЕ! НЕТ — ТЕРРОРУ! ВМЕСТЕ ПОБЕДИМ!

Текст этой листовки был иллюстрирован фотографией, сделанной Майей Скурихиной в ноябре 1994 года, в первый день чеченской войны, развязанной Ельциным и его бандой: Гайдаром, Бурбулисом, Ериным, Грачевым... «Трудовая Россия» была тогда единственной политической организацией, прямо и недвусмысленно выступившей против войны. На фото плакат «Руки прочь от Чечни!» держит ветеран Великой Отечественной войны Виктор Ефимович Никитенков. Четыре года назад коммунист Никитенков был сбит иномаркой на пешеходном переходе «зебра». Преступник скрылся. Смерть вырвала товарища из наших рядов, но он и сегодня в борьбе.

А в газете «Известия» 29 октября 2002 года была опубликована фотография родственницы одного из заложников. Подавленная страхом женщина держит в руках плакат «Вывести войска из Чечни!», в зубах — случайную картонку, голова опущена, глаз не видно... Фотодокумент опубликован под рубрикой «Мы не забудем», подпись под снимком: «25 октября. Заставили!». Получается, что даже в минуты смертельной опасности для жизни сотен невинных людей «Известия» не допускали и мысли о выводе российских войск из Чечни. Более того, крупная газета полагает, что такой лозунг люди

Антипризывной марш. *31 марта 2007*

могли поднять только под угрозой смерти их близких: «Заставили!».

«Трудовая Россия» так не считает, потому что именно война на территории Чечни, уничтожение малого народа другим, более многочисленным и сильным народом бессмысленны и ведут к бесконечным взрывам домов, захвату заложников, смерти ни в чем не повинных людей с обеих сторон. Сегодня даже зрителям мюзикла «Норд-Ост» должно быть понятно: после трагедии в Москве путей к мирному, политическому решению конфликта стало меньше. Война в Чечне и за ее пределами ожесточится. Надо ждать новых террористических актов. Положа руку на сердце мы должны признать, что, пока продолжается война в Чечне, любая мать будет переживать за безопасность своего ребенка, провожая его в школу, в кино, не говоря уже о проводах сына в армию...

Что делать? Путин предлагает изменить концепцию национальной безопасности, увеличить бюджетные ассигнования на содержание милиции и Вооруженных сил в Чечне. Но это мы уже проходили: больше войск в Чечне — больше трупов с обеих сторон. Где же выход? Его указал Владимир Ильич Ленин: самоопределение наций вплоть до отделения.

Путин мог воспользоваться наглым вызовом боевиков и начать политические переговоры с Масхадовым о прекращении военных действий в Чечне с последующим ее самоопределением. Ничего унизительного для политика в этом нет. Однако кто-то внушает президенту порочную мысль о том, что переговоры будут проявлением слабости России. После трагедии в «Норд-Осте» Путин так и сказал:

— Им не удалось поставить Россию на колени!

Сказал — не подумал, что уже признал Чечню отделенной от России и записал ее в число заклятых врагов. Будем мочить до победного конца! Но в таком случае и наши враги будут драться до последнего чеченца. И не будем удивляться, если в следующий раз они запасутся противогазами и захватят Большой театр. На войне как на войне! Только эта идея не нова и не способствует единению нации.

В противовес тупой логике войны «Трудовая Россия» признает право чеченского народа на референдум по вопросу самоопределения, вплоть до отделения от России. Если Чечня отделяется, необходимо вывести российские войска с ее территории, установить нерушимую ГОСУДАРСТВЕННУЮ границу по ее периметру, передать охрану и защиту границы вооруженному народному ополчению. Народное ополчение сформировать из числа годных к строевой службе граждан России, проживающих в Ставропольском крае, Дагестане, Северной Осетии и Краснодарском крае. Считать

службу в народном ополчении почетной обязанностью гражданина, засчитывать время ее прохождения в трудовой стаж — год за два. В случае отделения Чечни от России предложить всем чеченцам определиться с гражданской принадлежностью и в течение трех дней провести репатриацию граждан Чечни на их историческую родину.

После распада СССР «Трудовая Россия» предлагает дополнить право наций на самоопределение вплоть до отделения правом наций на воссоединение, вплоть до добровольного вхождения в состав Российской Федерации на правах ее субъекта. Нетрудно предположить, каков будет ответ народов Крыма, Абхазии, Восточной Украины, Белоруссии и других. Начнется процесс возрождения СССР и возвращения его народов в лоно мирового прогресса.

Так жить нельзя

Мирных граждан, погибших при газовой атаке, не воскресить. Но и жить в постоянном унижении беззаконием, в постоянной зависимости от каприза власть имущих, в постоянном ожидании новой атаки террористов — так жить нельзя. Сами по себе идеи возрождения СССР, самоопределения наций, народного ополчения и даже Рабоче-крестьянской Красной Армии нас не спасут. Только при полной смене общественно-политического строя в России эти идеи наполнятся конкретным содержанием. Общество, в котором условием свободного развития каждого станет свободное развитие всех, вновь откроет фантастические возможности для самовыражения и взаимного обогащения культур народов. Мы еще увидим в новом прочтении балет Хачатуряна «Спартак», восхитимся Урбанским в фильме «Коммунист», Тихоновым в «Оптимистической трагедии» Виш-

невского, вынесем муки Закариадзе из фильма «Отец солдата», уроним слезу над образами из «Судьбы человека», созданными гением Шолохова и Бондарчука... Придет время, и свободные люди свободных народов создадут новые шедевры, на вернисажах и премьерах которых благодарные зрители будут дарить цветы великим музыкантам, актерам и художникам. Так будет, когда люди покончат с всевластием денег и разобьют ярмо капитала. Тогда на Земле будет мир.

Октябрь 2002

ИДЕОЛОГИ РУССКОГО РАБСТВА

Я знаю этот вид напыщенных ослов:
Пусты, как барабан, а сколько громких слов!
Омар Хайям. Рубаи

Почти одновременно президент Путин и его преемник, теперь уже избранный президент Медведев, озвучили единый план социально-экономического развития России. Первый — до 2020 года. Экономическая программа второго скромнее и рассчитана всего на четыре года. И тот, и другой остаются приверженцами рыночной (капиталистической) экономики, которая, как известно даже любому студенту-троечнику, имеет в основе частную собственность на средства производства и потому не терпит государственного вмешательства в дела частного бизнеса, а тем более не допускает долгосрочного планирования. Однако Путин и еще больше — Медведев позиционируют себя последовательными «рыночниками», борцами за свободу частнособственнической инициативы, которая, по их мнению, гарантирует России стабильное развитие и уже

несет ее народам процветание на «особом пути русской цивилизации и культуры».

В свою очередь, главный кремлевский политтехнолог Владислав Сурков, наш «новый Жданов», как его иронично называет в «Независимой газете» либеральный социолог Эмиль Паин, еще в июне прошлого года на установочной лекции в президиуме Российской Академии наук заявил: «Культура — это судьба. Нам Бог велел быть русскими, россиянами». Чей Бог и кому он «велит быть русскими», Сурков не уточняет.

Опираясь на труды философа-белоэмигранта Ивана Ильина, Сурков указывает обществу и в первую очередь руководителям государства, что «культура определяет вечные особенности политического строя». Откуда такая самоуверенность и неосведомленность? Неужто наши высокопоставленные идеологи незнакомы с трудами крупнейшего теоретика рыночной экономики Людвига фон Мизеса?

В свое время немецкий барон фон Мизес заслужил высшую похвалу от 40-го президента США Рональда Рейгана как «величайший экономический мыслитель в истории западной цивилизации, мудрый и добрый учитель, вселяющий мужество в сердца всех, кто стремится понять смысл свободы». Вот что писал сам Мизес: «Основным предметом разногласий в сегодняшней политической борьбе является вопрос о том, должно ли общество быть организовано на основе частной собственности на средства производства (капитализм, рыночная система) или же на основе общественного контроля над средствами производства (социализм, коммунизм, плановая экономика)».

Как всякий буржуазный идеолог, барон сбивает читателя с панталыку: частной собственности на средства производства он противопоставляет общественный (государственный) контроль над средствами производ-

ства, который объективно существует и в той, и в другой системе. Возможно, это недобросовестный перевод с английского. Точнее и честнее противопоставлять частной собственности на средства производства общественную собственность. Но далее фон Мизес объективен и неотразим: «Между этими двумя системами не может быть никакого компромисса. Вопреки широко распространенному заблуждению, не существует промежуточного пути, третья система невозможна как форма долговременной организации общества. Граждане должны сделать выбор между капитализмом и социализмом, или, как говорят многие американцы, между "американским" и "русским" образом жизни» (Людвиг фон Мизес. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993, с. 15—16).

Уверен, Владислав Сурков знаком с трудами Мизеса, и, когда обстоятельства того потребуют, ему не составит труда сориентировать президиум Академии наук в другом направлении и высказаться примерно в таком духе: «Коммунизм — наша судьба. Сам Бог велел нам, русским, быть коммунистами!»

С Сурковым все ясно. А вот интересно, читал ли труды Мизеса Михаил Горбачев? Скорее всего, да! В июле 1987 года уверовавший в свою собственную гениальность Горби созвал XIX Всесоюзную партконференцию уже переродившейся к тому времени КПСС и убедил делегатов единодушно одобрить переход социалистической экономики на рыночный путь развития.

То был приговор могильщиков социализма в СССР. А тогда, 20 лет назад, «реформаторы» ликовали. Делегаты партконференции сами себя хвалили перед телекамерами за смелость принятого решения.

К тому времени я хорошо знал последствия насаждения рыночной экономики американского образца в странах Латинской Америки и потому, работая с деле-

гатами партконференции, имел наглость усомниться в разумности принятого решения в беседе с самим Лигачевым, членом Политбюро ЦК КПСС. Егор Кузьмич выслушал меня внимательно и заверил, что об отходе от социализма или тем более о подчинении экономики СССР диктату мирового рынка не может быть и речи. За неимением лучшего я протянул тогда собеседнику карманное издание Библии на испанском языке, и Егор Кузьмич написал мне на последней странице обложки: «Виктору Ивановичу с самыми добрыми пожеланиями в политической деятельности в наше бурное время перемен на базе подлинно научного социализма. Лигачев».

Мне кажется, что из высшего руководства КПСС последствия перевода социалистической экономики на рыночный, капиталистический путь развития предвидел только Александр Яковлев. Во всяком случае, он первым противопоставил «неэффективность и несвободу» социализма «эффективности и свободе рыночной экономики», то есть капитализма.

Сам Горбачев, даже отстраненный от власти в сентябре 1991 года, не желал признать свою роковую ошибку и не признавал себя виновным в предательстве. Я убедился в этом, когда случай свел нас лицом к лицу.

9 мая 1997 года вместе с американским коммунистом, корреспондентом газеты «Нью уоркер» Биллом Доурисом я прибыл в Волгоград на празднование Дня Победы. На площади Борцов — столпотворение народа. Вместе с активистами «Трудовой России» готовимся к возложению цветов к братской могиле героев Сталинградской битвы. «Горбачев! Горбачев приехал!» — пронесся ропот над головами людей. Срочно перестраиваем праздничную шеренгу в боевой клин — мужчины покрепче впереди и по бокам треугольника, женщины — в центре и сзади. Не переставая скандировать: «Лучший немец,

уходи!», начинаем выдавливать охранение от места возложения цветов. Прорвались под аплодисменты ветеранов, но Горбачева уже и след простыл.

Вместе с Биллом на единственной легковушке едем к Мамаеву кургану и там, в окружении телекамер, видим нашего бывшего генсека. Михаил Сергеевич, несмотря на явный протест супруги, решительно направился в мою сторону. Журналисты бегут за ним.

— Здравствуйте, Виктор Иванович!

— Здравствуйте, Михаил Сергеевич!

— Вот вы, Виктор Иванович, все бегаете, все кричите: предали, предали! А кто предал, позвольте вас спросить?

— Как кто, Михаил Сергеевич?! Вот вы и предали! Предали наше Красное знамя! Предали СССР! Предали русскую социалистическую революцию, а потому вам и присвоили звание «лучший немец». Почему не «лучший американец»?!.

— Ну, вы что, опять ГУЛАГ хотите?! Опять репрессии?! Опять всех — в колхоз, и опять в тюрьмы — за колосок пшеницы?!.

— Сразу видно, что вы, Михаил Сергеевич, кроме Солженицына и Коротича ничего больше не читаете!..

Завязалась короткая, но бесплодная дискуссия о гласности, о свободе прессы... Раиса Максимовна уже дергает знаменитого супруга за рукав: «Пойдем, Михаил Сергеевич! Зачем ты с ним связался?!» Но тут с троллейбуса подоспели наши, окружили и тоже заволновались, загорячились: «Виктор Иванович, нечего с ним разговаривать! Чего он сам здесь делает?! Лучший немец, уходи!» Кто-то из женщин не выдержал и запустил банановой кожурой в Горбачева. Попала в голову. Михаил Сергеевич спешно ретировался. Мне стало неловко. Обсуждать эпизод и тем более шутить по этому поводу мне не хотелось...

Это горькое слово «свобода»

В середине 80-х годов Горбачев прикрывал свое собственное желание «жить по-американски» демагогией о «социализме с человеческим лицом». Получили капитализм с лицом звериным. Войны межэтнические. Десятки тысяч русских солдат, убитых во имя «конституционного порядка» на Кавказе. Миллионы русских беженцев с национальных окраин. Получили демографическую катастрофу и вымирание коренных народов России. Тысячи и тысячи погибших в результате кровавых разборок из-за дележа собственности.

При Ельцине все это оправдывалось тезисом «свобода — лучше несвободы». При Путине «наведение конституционного порядка в Чечне» дополнилось «укреплением вертикали власти». Смертельная газовая атака на террористов и их заложников в «Норд-Осте». Огонь на одновременное поражение бандитов и маленьких мучеников Беслана. И, наконец, под занавес правления Путина — пугающая череда подземных взрывов метана на шахтах Кузбасса и сотни шахтеров, погибших во имя увеличения частной прибыли угольных баронов. О ставших систематическими сожжениях людей в домах престарелых Краснодарского края, Бурятии, Тувы говорить не хочется, но ведь и они озаряют нам путь к «свободе частного предпринимательства» в России.

И опять мы слышим знаменитое изречение питерского мэра Анатолия Собчака: «Свобода — дороже колбасы по два рубля двадцать копеек за килограмм!». Действующий президент с благодарностью вспоминает своего покойного учителя, а кандидат в президенты номер один перепевает ельцинское: «Свобода — лучше несвободы».

Создается впечатление, что высшее руководство страны не желает видеть, какое общество возникает поми-

мо их воли на обломках социалистического государства. Путин бьет себя в грудь, клянется журналистам, что он все эти восемь лет «пахал, как раб на галерах, чтобы собрать государство воедино». Но тут же заявляет, что чудовищная коррупция (продажность, взяточничество, казнокрадство) проникла во все сферы государственной власти и общественной жизни, вплоть до акушерства.

— Борьба с коррупцией, — вторит Путину Медведев, — должна стать настоящим институтом (чуть ниже мы попробуем разобраться с этим иностранным словечком. — В.А.). Может быть, тогда что-то изменится. Хотя со времен Карамзина на вопрос: «Как там, в России?» — отвечают: «Воруют».

Позвольте, господа правители! Кому нужен такой «хоккей»?! Если государство поражено коррупцией и гниет с головы до пят, то уголовную, административную и моральную ответственность должны понести в первую очередь вы, руководители государства. А что толку ссылаться на Карамзина? Его наблюдение боязливо и поверхностно. Оно не отвечает на вопрос: КТО и У КОГО ворует в России! Задайтесь этим вопросом сегодня, и вы тотчас признаете: полную, ничем не ограниченную свободу грабить, терроризировать людей ценами, угрозами выселения из собственного жилья в случае неоплаты услуг ЖКХ получили как раз те, кто должен сидеть в тюрьме.

Свобода есть осознанная необходимость — так считали и продолжаем считать мы, последовательные материалисты. И пока раб не осознает необходимости освободиться от своего хозяина, он будет оставаться рабом, холопом своего господина. Стоит рабу осознать необходимость своего собственного и своих товарищей по неволе освобождения, и он становится бесстрашным борцом за свободу, титаном, наводящим ужас на всех «свободных» рабовладельцев. Таким был Спартак.

Бред слабоумного

Можно как-то понять Путина, пытающегося противопоставить абстрактный идеал «свободного человека в свободной стране» научно выверенному идеалу коммунистического общества, «где свободное развитие каждого есть непреложное условие свободного развития всех». Владимир Владимирович — человек занятой, «пашет круглые сутки, как раб на галерах», и ему недосуг заниматься философскими дефинициями.

С большим трудом, но все-таки можно понять и Медведева, разумеющего свободу как уважение граждан к закону, к принятому в стране порядку, и в первую очередь уважение к частной собственности «как одной из основ проводимой государством политики». Дмитрий Анатольевич в тюрьме пока не сидел и не знает, что все законы и нормы поведения там определяет тюремщик, а не заключенный за решеткой. Равно как и в государстве, основанном на частной собственности: порядок и законы здесь диктует хозяин, а не наемный раб. Перед гарантированным «избранием» на пост президента страны Медведеву не хотелось менять установившийся в государстве порядок, и он признал верховенство закона крепостников, полагая, что «бережное отношение к собственности (частной! — В.А.) со стороны государства должно быть примером для общества в целом, для каждого гражданина в отдельности» (цитирую по газете «Известия», № 28 от 18.02.2008).

Можно понять и Путина, и Медведева. Но как прикажете понимать руководителя Фонда эффективной политики Глеба Павловского, который не сходит с экранов Центрального телевидения, а теперь, по приглашению главного редактора газеты «Завтра» Александра Проханова, появился на страницах патриотической прессы?! Вот, полюбуйтесь: «Независимая Россия задохнется,

став несвободной, поработить ее нельзя. Риск — не оккупация, русский риск — наши безмозглые "освобождения". Русские "освободители" были опасней и кровавей любого оккупанта» («Этажи веры», газета «Завтра», январь 2008 г., № 4 (740).

Галиматья какая-то! Самыми кровавыми оккупантами в истории России были гитлеровские фашисты. Они действительно провозгласили себя «освободителями народов России от большевиков и жидов». Это мы помним. Но Глеб Павловский фашистских оккупантов не вспоминает. Он стращает читателя и бедного Проханова «нашими, русскими освободителями, которые были опаснее и кровавей любого оккупанта». Поди догадайся, о ком речь?! О генерале Власове, который помогал Гитлеру «освобождать русских от большевистского рабства»? Или это — о роли Ульянова (Ленина) в деле освобождения русского мужика от неслыханного гнета помещиков-крепостников?

Мастера пиара и тайна власти

Павловский преднамеренно замалчивает имена носителей других идей в прошлом и настоящем России, оскорбляет безымянных оппонентов. Он страшится вступить с ними в открытую, честную полемику.

Любопытно, что сам Павловский ставит свою собственную идейную трусость в заслугу Владимиру Путину. Вот что втолковывал Проханову руководитель Фонда эффективной политики: «Мне кажется, что Путин избегает систематизации не потому, что шифруется, а потому, что систематизация его политики убьет ее здравый смысл. Вокруг доктрины обязательно закипает раскол и раскольники. Поэтому Путин избегает полемики, поскольку "полемос" — это не только спор, но и война. Он хотел бы защитить, увести Россию от войны,

избегая полемики, подвести к русской жизни как норме. Понятие русскости для него очень личное. Тем, что он русский, он похваляться не будет, и это вообще не русское дело — похваляться своей русскостью. Вот он и петляет, кружит, не договаривает, уводя свое племя от края пропасти».

Вот мастер-класс Павловского для всех начинающих пиарщиков. И, как во всяком пиаре, здесь есть достоинства и проколы.

Верно подмечено профессиональное умение Путина законспирироваться, скрыть свои подлинные намерения и от друзей, и от врагов. Но Путин, на мой взгляд, боится систематизации своей политики не потому, что систематизация убьет ее здравый смысл, а потому, что системный анализ, открытая полемика с оппонентами способны сорвать и рано или поздно непременно сорвут покров тайны, скрывающий отсутствие здравого смысла в политике Путина. Будь я на месте Проханова, я бы напомнил Павловскому Достоевского с его откровениями Великого инквизитора Спасителю человечества: «Да неужто же и впрямь приходил ты лишь к избранным и для избранных? Но если так, то тут тайна и нам не понять ее. А если тайна, то и мы вправе были проповедовать тайну и учить их, что не свободное решение сердец их важно и не любовь, а тайна, которой они повиноваться должны слепо, даже мимо их совести».

Любопытно и «личное чувство русскости», которое Павловский приписывает герою своего мастер-класса. Это понятие не совсем согласуется с институтом «национального лидера», утверждением которого закончились парламентские выборы в России в декабре 2007 года. Поневоле будешь стесняться «русскости», будучи национальным лидером в многонациональном государстве.

Не надо бы напоминать об этом Владимиру Владимировичу, а то он подумает, что его обвиняют в привер-

женности русскому социализму и намерении прервать реставрацию капитализма в России.

Неологизм «полемос» Павловский толкует произвольно. В «Словаре иностранных слов» Е.С. Зеновича такое слово не значится. Там есть слово ПОЛЕМИКА (от греческого polemikos — воинственный) — острый спор, дискуссия, столкновения мнений по какому-либо вопросу, главным образом в средствах массовой информации или в процессе устного обсуждения. Похвалив Путина за умение уклоняться от полемики, Павловский уже в заключение своей беседы с Прохановым неожиданно признает: «Пятая империя — хорошо! А где дискуссия? Я не вижу серьезного спора. Ни одна из идеологий не обсуждается... “Суверенная демократия” Суркова, впрочем, тоже не обсуждается. Отношение к ней — это отношение к Суркову. А ведь, строго говоря, подлая позиция — не уважать идей (еще подлее — не замечать и не давать высказаться носителям идей, тебе противоположных. — В.А.). Отсутствие идейного спора превращает нас в какой-то подловатый народ». Это что — опять про русских?!

России нужна только правда

В отличие от Медведева и даже Путина, которые осторожничают, вьют петли вокруг да около главной проблемы, расколовшей Россию на два непримиримых лагеря, Жириновский откровенен и циничен до безобразия. Однако именно Владимир Вольфович открыто говорит о том, что подразумевают и скрывают робкие критики советского строя в России. Благосклонность последних лидеру ЛДПР гарантирована. «Причина наших бед в большевистской революции 1917 года, — безапелляционно утверждает Жириновский, представляясь читателям «Известий» (18.02.2008, с. 4) в качестве

кандидата на пост президента страны. — Она выкосила кадры, поломала все, что было создано за тысячелетия развития России. Все лучшее поломано, убито, уничтожено. Всех разогнали, все национализировали, и все рухнуло. Ведь не может солдат сразу стать генералом, рабочий — с ходу руководить заводом, студент не может за три дня превратиться в академика. А все, что создается тысячелетиями, нельзя спрессовать в пять, десять, пятнадцать и даже 70 лет. Вот в чем проблема».

Чушь собачья, галиматья и ахинея! — воскликнет иной избиратель, прочитавший до конца этот пассаж из предвыборной программы Жириновского. Негодовать будут, но не все! Многим понравится воинствующий антисоветизм и мракобесие Жириновского. Во всяком случае, у него это получается злее, а потому откровеннее, чем у моего друга Проханова, который пытается задним числом помирить «красных» и «белых», приравнивая при этом комиссаров-большевиков времен гражданской войны к ельцинистам, расстрелявшим в 1993 году Верховный Совет России.

В газете «Завтра», в цитированном уже мною номере, беседе с Павловским предшествует передовая статья Проханова «Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой гнильцы, ни кровавых костей в колесе...». Автор пишет: «Вспоминается жуткая ситуация двадцатых годов, когда по “закону об антисемитизме” были расстреляны тысячи русских священников и поэтов, ученых и крестьян. Повторяются мерзкие годы ельцинизма, когда “фашистами” назывались русские писатели Бондарев, Распутин, Белов. Воспроизводится кошмарная пропаганда, когда целые патриотические партии, художественные союзы, христианские объединения назывались “красно-коричневыми”, а потом этих “красно-коричневых”, защищавших Парламент, расстреляли из танков».

На слух это красивее, а по сути получилось коварнее, чем у Жириновского. Брат Проханов, не пиши красиво, пиши точнее! Россию спасет правда, только правда, вся правда, ничего, кроме правды!

Кто врет больше

Да, нас в октябре 1993 года расстреляли по приказу тирана и «вождя демократов» Ельцина. Но все мы, кто в меньшей, кто в большей степени — коммунисты, патриоты, националисты, православные и мусульмане — защищали законно избранный Верховный Совет России и остатки ее растерзанной Конституции.

В защиту буржуазного «парламента» никто из нас не пошевелил бы и пальцем. Тем более сегодня. Антинародную Думу, избранную с вопиющими нарушениями действующей Конституции, с попранием избирательных прав беспартийных граждан, никто защищать не будет.

С подачи бывшего члена Политбюро ЦК КПСС Александра Яковлева членов «Трудовой России» назвали «красно-коричневыми» после того, как в июне 1992 года мы осадили палаточным городком «империю лжи в Останкино». Многодневную акцию протеста в Останкино поддержала редакция газеты «День». Вы лично, Александр Андреевич, неоднократно приезжали к нам, выступали с трибуны наших митингов, поддерживали наше главное требование: «Слово — трудовому народу!» Немногочисленная группа общества «Память» под руководством Корчагина со своими антисемитскими лозунгами участвовала в акции самостоятельно, имея на руках разрешение правительства Москвы. Это и спровоцировало агитационную войну против «Трудовой России» под кодовым названием «красно-коричневая угроза». Досталось и вам, Александр Андреевич, и нам...

Непонятно, почему Проханов поименно не назвал хулиганов, оскорбивших мастеров русского слова, известных всему миру советских писателей. Конечно, глагол «назывались» — сродни безграмотному «извиняюсь». Возвратная форма глаголов вводит читателя и собеседника в заблуждение. Они что — сами себя назвали фашистами, сами себя извиняют?! Но если в мерзкие годы ельцинизма (сегодня даже Путин и Медведев согласятся с такой характеристикой 90-х годов) какая-то гнида устно или письменно обозвала Бондарева, Распутина и Белова фашистами, то это преступление, не имеющее срока давности, и надо поднимать общественность, инициировать суд, тащить хулиганов на скамью подсудимых.

В противном случае наши лучшие писатели окажутся беззащитными перед щелкоперами желтой прессы и сами начнут творить клевету в адрес советской власти, уподобятся Радзинскому, Волкогонову, позднему Аксенову, младшему Михалкову, Солженицыну... И пойдет писать губерния о «тысячах русских священников и поэтов, ученых и крестьян», расстрелянных по приказу «окаянной власти большевиков». Кто больше соврет, тот и будет обласкан нынешней властью.

«Клиника» Жириновского

Одно радует: непревзойденным чемпионом беспардонной клеветы на историю России XX века останется Жириновский. 4 февраля с.г. Владимир Вольфович персонально пригласил меня к участию в «круглом столе», организованном фракцией ЛДПР в малом зале Госдумы на тему Года семьи в России. Я принял приглашение с благодарностью. В надежде на плодотворную дискуссию взял в руки книжку Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»,

освежил в памяти и законспектировал основные тезисы труда классика в контексте чрезвычайно обострившегося в России после реставрации частной собственности и капитализма процесса разрушения семьи. Надел выходной костюм и поспешил в Думу.

Зал был переполнен: яблоку негде упасть. Меня любезно посадили в президиум. Молоденькие барышни нервничали. Скуластая охрана — сосредоточенна. Около получаса ждали Жириновского, но он задерживался. Ведущий предоставил слово мне и какому-то раввину из московской синагоги. Слушали нас невнимательно. Все ждали главного героя. Наконец раздались аплодисменты, зал встал, приветствуя лидера ЛДПР, поспешившего к трибуне в пиджаке цвета детской неожиданности. По опыту совместного участия в телепередаче «К барьеру» я знал, что в любой дискуссии Жириновский не признает предшественников ни слева, ни справа. Ему наплевать, что думает собеседник, что говорили, что писали о семье выдающиеся умы человечества от Платона до Энгельса. Жириновский не читатель, он сам писатель, опубликовал свыше 500 книг, в том числе 100 томов своих произведений под общим названием «Политическая классика». Ему нет нужды осваивать наследие мыслителей прошлого, он сам юрист, доктор философских наук, профессор международного права, профессор социологического факультета МГУ, академик Международной академии экологии и природопользования, член Международной академии информации, почетный академик Академии естествознания, академик Академии социальных наук и прочая, и прочая... Чего вы после этого хотите?! Я ждал серьезной дискуссии по заявленной теме «круглого стола». Получил словоизвержение на свою голову.

С первых же слов Жириновского понесло. Цитирую по стенограмме в моей записной книжке: «Не мешайте

русским жить! Хватит революций, хватит бунтов! Мы только-только начали избавляться от диктата парткомов, профкомов. Это они решали, кому на ком жениться, кому рожать детей и какой семье дать квартиру за успехи в социалистическом соревновании. Стимулировали женщину к деторождению, а сами направляли ее на стройки коммунизма, стучать кувалдой по рельсам. Какие могут быть после этого дети?! Вот когда мы начали вымирать! При царе в крестьянских семьях было по 10 — 20 детей. Мужик пахал свою землю и всех кормил. Отняли у мужика землю — нечем стало кормить детей... Мы только-только начали избавляться от диктата. Надо закрепить эту ситуацию. Нам нужна стабильность, и мы начнем возрождаться! Хватит указывать нам, сколько и когда рожать детей! Хватит нести цветы на могилы. Один мстил царю за смерть своего брата и загубил десятки миллионов русских в гражданской войне. Другой завалил миллионами солдатских трупов город своего собственного имени, Сталинград, и еще пять миллионов солдат положил при штурме Берлина: лишь бы войти в город раньше американцев. А теперь побежденные живут лучше победителей. Хватит цветов на могилы! Я обещаю бесплатно вылечить всех русских, страдающих бесплодием, и это даст нам прирост населения в 600 тысяч детей ежегодно. Русским не нужны презервативы: мы не знаем, как ими пользоваться! Я раздам всем золотовалютный запас России! А это — по сто тысяч рублей каждому. Голосуйте за меня — начнем жить, а не вымирать!»

Все это безумие продолжалось более часа. Я понимал, Жириновский поддразнивает меня, провоцирует на неадекватные действия. Каюсь, я поддался на провокацию, вскочил со своего кресла в президиуме и заорал благим матом: «Да что ты несешь?! Бред какой-то! Клиника! Бездоказательная чушь! И это в стенах Госдумы?! Прекрати кощунствовать! Немедленно!»

Удивительно, но Жириновский выслушал мой взрыв негодования спокойно и тут же обратил ситуацию в свою пользу: «Виктор Иванович! Ты не согласен? Я дам тебе слово. Что за демократия без свободы полемики?! Мы для этого и собрались здесь. Я самый демократичный кандидат на должность президента России. Молодежь, смотрите, учитесь! Анпилов — коммунист и уже выступал. Но он со мной не согласен, и я хочу его послушать. Проходи, Виктор Иванович! Две минуты тебе на повторное выступление».

От возможности сказать слово я никогда не отказывался:

— Спасибо за две минуты, Владимир Вольфович! Ты здесь наговорил столько — за сутки разгрести не успеешь. А потому хочу тебя предупредить. Плевать в прошлое России — все равно что плевать в потолок. Рано или поздно плевки упадут тебе в лицо. Понятна твоя ненависть к советской власти. За 70 лет Россия вырвалась в авангард развития всего человечества, начала торить путь к освобождению всех народов планеты. А что сделали вы? Развели тотальную нищету и обогащаетесь на уничтожении собственного народа. Вы ненавидите колхозы, спасшие народ от голода в годы войны, и оправдываете крепостные порядки в деревне при царях. Да читали ли вы, что об этом писали Лев Толстой, Чехов, Некрасов?! Голодомор был. Целыми селами крестьяне шли с сумой по миру, просить Христа ради. От тяжелого, рабского труда, от побоев неграмотных мужиков русские крестьянки преждевременно старились и помирали в окружении своих многочисленных босоногих детей со вздутыми от голода животами. Не веришь Некрасову? Езжай в Лондон, и пусть Березовский сводит тебя в Королевскую библиотеку, где хранятся дневники великого русского физиолога Сеченова. Наблюдая крестьянскую женщину в течение многих

лет, Сеченов запишет: от непосильного труда русская крестьянка физиологически превратилась в тягловое животное, ее менструальный цикл длится не месяц, а полгода. Стыдно говорить об этом, но помнить об этом мы обязаны. Нет возможности почитать дневники Сеченова? Перечитайте «Братьев Карамазовых» Достоевского. Вот Иван пересказывает брату Алеше историю, пропечатанную в газетах того времени. Дворовый мальчик бросил камнем в барскую собаку. Попал в ногу. Собака охромела. Утром на крыльцо дома вышел барин: «Кто посмел?» Ему рассказали. «Привести сюда звереныша!» Привели мальчика, раздели догола, велели бежать и на глазах матери разорвали на куски, затравили сына стаей борзых. И ты смеешь после этого нахваливать крепостников царского времени?! Стыдно, господин Жириновский! Стыдно!

«Жириновцы» выслушали меня в полной тишине и даже аплодировали. Хотя и не так дружно, как своему вождю. Через два дня, выступая в телепрограмме «Вести», на теледебатах кандидатов в президенты России, Жириновский заявил, что в случае своей победы на выборах он запретит и разгонит все коммунистические партии во главе с «Трудовой Россией» Анпилова. И то хлеб! Кто предупрежден — тот вооружен.

Кому на Руси жить хорошо?

На время избирательной кампании 2008 года по выборам президента партия «Единая Россия» должна была стать, по мысли Путина, «генератором новых идей». Причем ВВП предупредил наиболее ретивых идеологов: «Сегодня нужно говорить не о прошлых заслугах (?! — В.А.), а о том, что еще предстоит сделать». Путин понимает, что идеология как часть надстройки общества зависит от ее базиса, то есть — экономики. И если

в экономике за последние 16 лет только разрушали и ничего не создавали, то идеология повторяет эту унылую картину в зеркальном отражении.

Озарения в среде официальных идеологов не последовало. Вся идеология опустилась до пошлости Жириновского. При царе с помещиками и капиталистами жили очень хорошо. После Октябрьской социалистической революции при плановой экономике и общественной собственности на средства производства — очень плохо. После разрушения СССР, реставрации частной собственности и рыночной экономики (при Ельцине) — не совсем хорошо. А вот при Путине и Медведеве будем жить лучше...

При Путине курс на реставрацию капитализма продолжался, никаких изменений в макроэкономике не произошло: отечественное промышленное и сельскохозяйственное производство катастрофически падало, так и не достигнув уровня 1991 года. Однако по причине оккупации Ирака войсками США невиданно выросли цены на нефть, газ и вообще на сырьевые ресурсы, которыми богата Россия. Нефтедоллары наводнили Россию. К тому же Путину удалось буквально на краю пропасти остановить разрушение военно-промышленного комплекса (ВПК) страны. В условиях обострившейся военно-политической ситуации во всем мире спрос на оружие вырос необычайно. Россия превратилась в успешного спекулянта на мировом рынке оружия. Своя армия за рубли купить современные виды оружия не может, а чужим за доллары продаем сколько захотят. Поток нефтедолларов в Россию пополнился потоком долларов оружейных. Если при Ельцине число долларовых миллиардеров в России не превышало десяти, то при Путине их количество увеличилось до ста. Обросла валютным жиром и вся правящая элита регионов. Не бедствуют непомерно разросшаяся армия

чиновников-казнокрадов, генералитет без меры разбухшего полицейско-репрессивного аппарата. Неплохо устроились частные врачи, бросившие своих больных в казенных больницах, адвокаты, юристы, нотариат...

Дырку от демократического бублика получили те, кто пашет, кует и шоферит на дорогах России. У этих отняли гарантированное государством право на жилье, бесплатное медицинское обслуживание и образование. Их подвели под реформы ЖКХ, взвинтили квартплату и собираются обложить таким налогом на «недвижимость», доставшуюся гражданам еще от советской власти, что мало не покажется. Даже Дмитрий Медведев в своем программном выступлении на Красноярском экономическом форуме вынужден был признать, что жизненный уровень основной части населения продолжает катастрофически падать: «Часть населения (большая! — В.А.) практически до сих пор находится в социальной коме, то есть не видит ни возможностей, ни перспектив улучшения своего жизненного уровня».

Когда ни зайду в магазин на Дубровке, по соседству со штабом «Трудовой России», знакомая кассирша Роза Ибрагимовна смеется: «Виктор Иванович, ваш любимый грейпфрутовый сок опять подорожал. И молоко — тоже... И хлеб... Не дорожает сейчас только водка. Хватай и пей, пока дешевая!» А на днях у входа в этот же магазин меня перехватил высокий, довольно симпатичный (хотя и давно небритый) молодой человек — судя по длинным пальцам, музыкант или художник: «Я знаю, Виктор Иванович, что при Советах был не сахар. Но сейчас?! Так это... твою мать!»

Думается мне, что именно таким, как мой незнакомый художник, и внушают «терпеть невзгоды наши и не спешить к другим, от нас сокрытым».

«И» остались на трубе

Пока цены растут быстрее пенсий и заработка, ни одна идеология не вылечит наше общество от социальной апатии. Человека труда не воодушевили ни «национальные проекты» Медведева, ни «нанотехнологии» Путина. Вот почему — очевидно, не без подсказки идеологов «Единой России» — Дмитрий Медведев ошарашил общество новым проектом четырех «И»: ИНСТИТУТЫ, ИНФРАСТРУКТУРА, ИННОВАЦИИ, ИНВЕСТИЦИИ.

Чувствуете стиль? Это почти по рассказу Марка Твена. К бездомным собакам во дворе многоэтажного дома иногда присоединялась очаровательная болонка с бантиком. Она очень любила своих либеральных хозяев, а еще больше любила запоминать непонятные, умные слова, которые они роняли за столом. Услышит болонка слово «экзистенциализм» и сразу — шасть на улицу, к бездомным товаркам с очередным экспромтом:

— А вы знаете, что экзистенциализм сегодня опять в моде?!

Бедные, изнуренные голодом шавки сразу поджимают хвосты. И только старый, изношенный на помойках Трезор недоверчиво крутит носом, знай гавкает:

— А что это такое: экзе?.. как там, экзе?..

Образованная болонка млеет:

— Не «экзе», а экзистенциализм, голубчик, означает... это... ну, это... эмансипация!

Вся стая четвероногих бомжей воет от полученного удовольствия...

Русскому человеку в этой иностранной стряпне без пол-литра не разобраться. Да и нам придется взяться за словарь иностранных слов, чтобы понять, что же хотел сказать нам русский Медведев.

ИНСТИТУТ. «От латинского institutum — установление, учреждение. 1) название различных учебных заведений, в том числе научно-исследовательских».

У нас этого добра хватает. Зачем учреждать новые, если на поддержание старых, проверенных — денег нет?

«2) Институт социальный — совокупность норм права, регулирующих социально-правовые отношения в различных сферах общества; в широком смысле — элемент социальной структуры, исторической формы организации и регулирования общественной жизни».

Теплее! Медведев постоянно напирал на необходимость уважать закон и «священное право частной собственности». Но и здесь начинать с чистого листа не приходится. В обществе есть Конституция, есть институт президентской власти, есть парламент... Чего здесь еще учреждать?! Медведев явно не договаривает, скрывает что-то... И напрасно! Шила в мешке не утаишь. Тем более что сразу после парламентских выборов 14 декабря 2007 года председатель Госдумы Борис Грызлов публично заявил:

— Выборы национального лидера в России состоялись! В первом туре победил президент Владимир Владимирович Путин.

Только в свете этого высказывания Грызлова можно догадаться: кандидат в президенты России Медведев призывает учредить, легализовать институт национального лидера, который бы стал выше института президентской власти, выше Конституции и всех законов. Это абсолют ничем не ограниченной власти, известный России в форме монархии...

ИНФРАСТРУКТУРА — «(от латинского infra ниже, под + structura — строение, расположение) — совокупность составных частей общего устройства экономической жизни, сооружений, зданий, систем и служб, необходимых для функционирования отраслей матери-

ального производства и обеспечения условий жизнедеятельности общества».

Очень важно! Инфраструктура — это все виды транспорта, дороги, мосты, связь, телекоммуникации, жилье, школы и еще многое, многое другое.

«Нужно обеспечить людей, которые “любят создавать и умеют”, всей необходимой инфраструктурой — лабораториями, компьютерами», — заявил сам Медведев на встрече с журналистами Красноярска. В связи с такой «инфраструктурой» мне вспомнилась история, случившаяся в лаборатории сверхнизких температур Института физики Академии наук (ФИАН). Здесь работает сторонник «Трудовой России» молодой ученый Андрей Цховребов. Он, как я понял, исследует явление электрической сверхпроводимости материалов в условиях сверхнизких (до минус 270 градусов по Цельсию) температур. Однажды при работе с жидким азотом от такой космической «холодрыги» полопались штуцера из особой легированной стали. Кинулись искать штуцера запасные, а их на складе давно нет. Не было и денег, чтобы купить запчасти за границей. Лет пять назад все академические научные институты прозябали из-за нехватки средств. Андрей пришел в «Трудовую Россию», и ему вызвался помочь мой большой друг, токарь станкостроительного завода «Красный пролетарий» (это по соседству с ФИАНом) Петр Скирта. Чтобы выжить, его орденоносный завод вынужден был распродать производственные помещения. Третий механический цех пошел то ли под казино, то ли под мебельный салон. Там демонтировали станки, оборудование — свалили все в кучу, чтобы продать по цене металлолома. Несколько дней подряд после работы мой друг, участник обороны Дома Советов Петр Скирта не без риска для жизни лазил по горе металлолома, искал нужные запчасти. Принес штуцера из нержавей-

ки в лабораторию ФИАН. Поставили на установку сверхнизких температур. Держат! «И еще долго будут держать!» — уверял Петр, представленный к награждению орденом «Герой Трудовой России» за спасение «инфраструктуры» научной лаборатории ФИАН...

Нет слов, компьютеризация всей страны — дело очень выгодное. Но может быть, в целях спасения всей инфраструктуры следует организовать научные экспедиции в заброшенные цеха московских заводов?.. По данным Совета рабочих Москвы, после приватизации середины 90-х годов и по настоящее время в столице полностью или частично прекратили производство сотни заводов. Среди них — крупнейшие автомобильные заводы страны: АЗЛК, ЗИЛ, металлургический гигант «Серп и молот», уникальные завод инструментального оборудования «Фрезер», «Калибр», электроламповый... В цехах многих заводов до сих пор не демонтируют уникальное оборудование. Тут «ковырять» на двадцать лет хватит! Если будет, кому и для кого «ковырять». С 1991 по 2006 год только в Москве общая численность рабочих, занятых в материальном промышленном производстве, сократилась почти на 600 тысяч человек.

ИННОВАЦИЯ — в Словаре иностранных слов Зеновича не значится. Там есть слово НОВАЦИЯ — «(обновление, изменение) что-либо новое, только что вошедшее в обиход; новшество».

Вероятно, Дмитрий Медведев под словом «инновация» подразумевает «новые технологии». Но это всего лишь мое предположение. С таким же успехом можно предположить, что это... ну, скажем... эмансипация! И это не анекдот.

ИНВЕСТИЦИИ. С этим мы и без словаря справимся. Немецкое слово «инвестиция» означает долгосрочное вложение капитала внутри страны и за границей. Идеологи «Единой России» и здесь что-то напутали.

Они употребляют слово «инвестиции» только в смысле привлечения иностранного капитала в Россию. Дмитрий Анатольевич при всяком удобном случае подчеркивает, что «нужно инвестировать в человека, причем человека молодого». Не случится ли так, что иностранцы через определенное время начнут в законном порядке вывозить выращенную на их капиталы талантливую молодежь в «цивилизованные страны западной демократии»? Такие «инвестиции» в человека могут обернуться для России массовой утечкой мозгов в США, Германию, Англию, Израиль... Им будет хорошо. Россию на этом пути ждет интеллектуальная кабала.

ВМЕСТЕ — ПОБЕДИМ!

И парламентские выборы-2007, и президентские выборы-2008 в России состоялись за пределами правового, конституционного поля. За два года до выборов Госдума снова переписала избирательный закон. Равенство граждан и общественных объединений перед законом было уничтожено. Политические партии из числа официально зарегистрированных получили монополию на выдвижение кандидатов в депутаты Госдумы. На стадии выдвижения кандидатов от избирательного процесса были отчуждены трудовые коллективы, профсоюзы, армия, милиция, студенческие и научные коллективы, общественные движения, в том числе и «Трудовая Россия». Неоспоримые преимущества перед другими кандидатами получили государственные чиновники. По новому избирательному закону на время выборов в Госдуму беспартийные граждане полностью лишились конституционного права «быть избранными в органы государственной власти» через самовыдвижение в одно-

мандатных округах. Беспартийных, а таковых в России абсолютное большинство, лишили права выдвигать кандидатами в Госдуму достойных людей. Народу оставалось только одно: прийти на избирательный участок и проголосовать так, как того желают власть имущие. Волей парламентского большинства выборы в России были превращены в фарс.

Лично мне такая ситуация казалась нетерпимой. Как избиратель, я обратился с жалобами на нарушение моих избирательных и конституционных прав последовательно в Центральную избирательную комиссии, Верховный суд и Конституционный суд России. Стиль отписок, которые были получены мною из всех перечисленных инстанций, поражает «тупой полицейской слоновостью».

Не хочу утомлять читателя цитированием тех «шедевров» судебно-бюрократической мысли России. Оглушительная победа главных «беспартийных» кандидатов партии «Единая Россия» на тех и других выборах не вызвала прилива массового энтузиазма. Напротив! Уныние и социальная апатия охватили все слои российского общества.

И, теперь уже на немногочисленных митингах, моя «Трудовая Россия» негодует:

— Ну что это за народ?! Цены растут. За неуплату долгов уж из квартир вышвыривают. А мы все верим и верим Обещалкину!

— Завтра президент не то что коня, а собаку свою в Думу приведет, и вся «Единая Россия» утвердит ее кандидатом на пост президента!

— А Зюганов куда смотрит? Сговорились все, черти! Лишь бы в Думе усидеть...

— Ты тоже хорош, Виктор Иванович! Видел на фасаде гостиницы «Москва» Путин и Медведев смеются? Это они довольны, что присвоили себе твой девиз: «Вместе победим!».

Хорошее это дело — объяснять людям, откуда взялись и почему прививаются в России те или иные слова, в том числе лозунг «Вместе победим!».

...Это было в конце мая 1985 года. Съемочная группа корреспондентского пункта советского телевидения в Никарагуа выехала в город Блуфилдс на Атлантическом побережье страны. Разгар гражданской войны, а там по традиции проводится светлый народный праздник Майского дерева, символизирующий всепобеждающую любовь, готовность юноши стать мужчиной и девушки — матерью.

Никарагуа небольшая страна. Почти правильный, со сторонами в 350—400 километров, треугольник суши, опрокинутый вершиной к Панамскому перешейку, между Тихим и Атлантическим океанами. Мой корпункт находился в столице Манагуа, поближе к тихоокеанскому побережью. Город Блуфилдс — в прошлом некоронованная столица пиратов Карибского бассейна — в 300 километрах от Манагуа, на побережье Атлантики. Близко, но добраться туда можно было только самолетом или, после срединного горного плато, по единственной судоходной реке Эскондидо (Спрятанная). Авиабилеты я заказать не успел. Обратился за помощью к моему никарагуанскому другу, командующему военным округом Атлантики товарищу Мигелю Татлан. Мигель твердо обещал выслать нам навстречу моторную лодку — «пиранью». В последнем населенном пункте, где обрывается шоссейная дорога и начинается непроходимая сельва, к нам в компанию напросился английский журналист. Отказать коллеге я не мог, а потому не стал объяснять солдату-мотористу прибывшей за нами «пираньи», почему нас не двое. Вместе с мотористом, высоким красавцем с характерным индейским профилем, за нами прибыл солдат — автоматчик сопровождения. На правах старшего по команде индеец коротко и бесстрастно объяснил правила игры:

— До Блуфилдса — два часа хода. Через час с левого берега возможен обстрел. Слушать только мои команды. Даже если нас с ним убьют, — кивком головы индеец указал на автоматчика, — лодку не покидать. Пусть дрейфует по течению. Не вздумайте грести к берегу. Вас возьмут в плен и будут использовать как вьючных животных для переноса боеприпасов до тех пор, пока не упадете от истощения. Вопросы есть?

— Вопросов нет, капитан!

Взревели двести «лошадей» мотора «мицубиси», и наша «пиранья» узкой стрелой полетела по стрежню Эскондидо. Жарко! Зеленые берега, зеленая волна, зеленый ветер вырывает из-под бейсболки черные как смоль длинные волосы нашего капитана. Красиво!.. Автоматная очередь застучала слева, как-то обыденно, как будто в кино.

— Лечь на дно! — крикнул нам капитан, резко мотнул «пиранью» вправо и прибавил обороты до максимума. Двенадцатиметровая лодка почти всем корпусом выпрыгнула из воды. Снова выстрелы слева, теперь одиночные. От борта летит щепа. Наш автоматчик отвечает короткими очередями. Лежа на дне лодки, я краешком глаза любуюсь капитаном. Вот уж действительно, ни один мускул не дрогнул на его лице! Наш индеец даже не пригнулся, как стоял бронзовой статуей, так и стоит... Еще минут через двадцать тень улыбки тронула его глаза:

— Все под контролем! Можно сесть.

Англичанин, растерянно улыбаясь, принялся отряхивать свои белые брюки. Мой кинооператор приступил к съемке. Я открыл дорожную сумку и достал перегревшуюся в тропической жаре бутылку итальянского портвейна «Чинзано». Первый глоток — капитану, второй — солдатику, затем англичанину, оператору, а уж когда очередь дошла до меня, в бутылке осталась всего

пара-тройка глотков напитка, который даже безо льда показался божественным нектаром...

Когда причалили в Блуфилдс, я подарил капитану новенькие солдатские ботинки, которые всегда возил с собой на всякий случай. Образец невозмутимости и мужества, только что спасший мне жизнь, примерил обувь и засмеялся от радости, как ребенок...

Уже на пирсе мы узнали, что на рассвете того дня вооруженные контрас атаковали Блуфилдс. Погибли люди. С обеих сторон были раненые. Первым делом бросаемся в госпиталь, узнать от раненых подробности боя. Оказывается, на помощь бойцам сандинистской армии поднялись практически все взрослые мужчины города. Бой длился два часа, но контрас своего не добились. Праздник Майского дерева в Блуфилдсе состоялся. Меня поразило, что такой маленький городок тотчас забыл о войне, вновь стал беззаботным, веселым. По деревянным тротуарам в ярких оранжевых блузках, расшитых тропическими цветами, шли, смеясь, девчонки. Кипел рыбный базар. Высокая статная негритянка несла с базара завернутую в обрывок рыбацкой сети тушу морской черепахи, уже без панциря. Капли черной вязкой крови амфибии падали на деревянный тротуар, перемешиваясь с алыми пятнами пролитой в недавнем бою крови человеческой...

Праздник Майского дерева закончился поздней ночью. Вместе с командантe Мигелем во дворе его дома обсуждаем события того дня, говорим о жизни вообще. Мигель учился в Советском Союзе. Своих двух малышей назвал русскими именами, Иван и Сергей, хотя последний произносит свое имя только на испанский манер — Серхио. Во внешности самого Мигеля угадывается индейская кровь. Я не удержался, спросил:

— А кто были твои предки, Мигель? Майя? Ацтеки?

— Вообще-то здесь, на побережье Атлантики, до испанцев жили индейцы племени мискито. Нам ближе

культура майя, практически истребленная испанскими конквистадорами к концу XVII века.

— А язык своего племени ты помнишь?

— Только отдельные слова или устойчивые выражения.

— Знаешь, Мигель, у меня из головы не идут слова раненого бойца из госпиталя: «Победить можно только вместе!» А как это сказать на языке майя?

— Это всего одно слово, — ответил Мигель, — АТЦЛАТАКАЛЬКА!

«Атцлатакалька! — Вместе победим!» Этими словами в 1986 году я закончил тот майский репортаж из Никарагуа для зрителей советского телевидения.

Начиная с 1991 года, во время народной обороны Мавзолея Ленина в Москве я, по примеру Фиделя Кастро, всегда заканчиваю выступления одним и тем же девизом. Только Фидель повторяет лозунг «Patria o muerte! Venceremos! — Родина или смерть! Мы победим!». А мне больше нравится калька с древнего языка индейцев майя: «Атцлатакалька — вместе победим!». Кто только ни пробовал взять на вооружение этот девиз: Борис Ельцин, Юрий Лужков... Вот теперь этот девиз пытаются использовать президент Путин и избранный президент Медведев. Ничего у них не получится. Дело в том, что когда говоришь о победе трудящихся в борьбе против угнетателей, расхитителей народного добра, — тогда этот девиз прост и понятен. А если подразумевать индивидуальную победу двух, пусть даже весьма одаренных и значимых личностей, то сразу возникает вопрос: «Вместе победим кого? Народ?!..»

Как только были объявлены официальные итоги президентских выборов 2008 года в России, огромные портреты Путина и Медведева сняли с фасада гостиницы «Москва» вместе с моим девизом «Вместе — победим!». Значит ли это, что и мне пора забыть магиче-

ское слово «атцлатакалька»? Нет, конечно! Борьба продолжается.

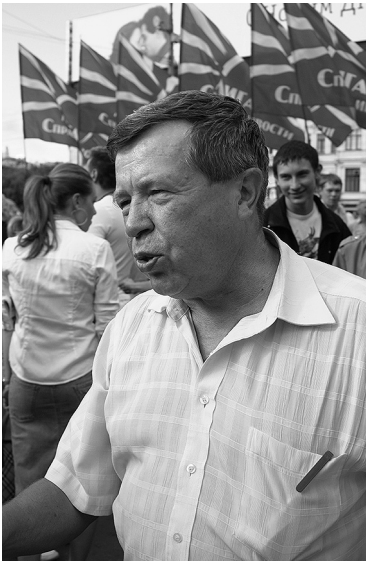
Социальная апатия народа проходит быстро. Я это чувствую по вновь обострившемуся интересу ко мне со стороны популярнейших телевизионных программ российского телевидения. Чем это объяснить? Я не депутат. Я никогда не был во власти. Если бы не пример Ленина, Сталина, мне было бы совестно признаться читателям, что мое имущественное положение, мягко говоря, незавидное. И тем не менее все больше и больше незнакомых мне людей с улицы приветствуют меня словами:

— Держись, Виктор Иванович! За тобой — правда. Вместе — победим!

Журналисты знают об этом и поэтому приглашают меня к участию в своих программах с целью укрепления их собственной популярности. Я не возражаю, но только подделываться под кого бы то ни было не собираюсь.

Недавно в программе РЕН ТВ «Вечер с Тиграном Кеосаяном» мне довелось оппонировать лидеру партии «Справедливая Россия», председателю Совета Федерации Сергею Миронову. Тема, предложенная ведущим, могла показаться пустяковой: нужно ли гражданам России столько выходных дней, как в новогодние праздники? Миронов спокойно обосновал свою позицию: дескать, и новогодние, и майские выходные расширили свободное время россиян, и в этом нет ничего плохого. Мне пришлось напомнить коллеге Миронову, что вопрос не так прост, как кажется.

Во-первых, увеличив количество выходных на Новый год, на Рождество, законодатель ликвидировал выходные дни на традиционные советские праздники, и в первую очередь отменил праздничные ноябрьские дни в честь победы социалистической революции в России. А это уже — политика, а не забота о свободном времени граждан. Во-вторых, люди труда ничего не получают от таких

Агитация среди молодежи «Справедливой России». *Июнь 2007*

продолжительных каникул. И в будни, и в праздники крестьянин доит, кормит, поит скот. Работники транспорта ведут свои поезда, машины, поднимают в небо самолеты. Выигрывает только огромная армия бюрократов: они бездельничают десять дней, а заработок у них сохраняется. А рабочий человек теряет в заработке. Для него эти выходные становятся вынужденным прогулом.

Сергей Миронов продолжал настаивать на своем: свободное время — благо, особенно когда есть возможность поковырять землю на даче, своими руками посадить яблоню и вкусить с нее первый плод.

Миронов так смачно изобразил, как кусает свое частное яблоко, что ведущий не удержался от вопроса:

— И вы сами, Сергей Михайлович, своими руками копали яму под саженец?!

— Я по профессии геолог, и мне копать — не привыкать! — ответил Миронов. — Но на даче, признаюсь, яму под саженец выкопали работники, мне осталось только посадить деревце.

Мне захотелось съязвить: «Оберегает наемный работник своего хозяина. Заботится о нем!» Но я сдержался и рассказал участникам передачи историю начала 80-х годов, которую хорошо знают мои земляки в Белоглинском районе Краснодарского края. После выполнения

На митинге «Справедливой России». *Июнь 2007*

интернационального долга в Афганистане здоровым и сильным вернулся в зерносовхоз «Белоглинский» солдат по имени Сережа. Пошел работать комбайнером. И однажды во время уборки хлеба от непогашенной искры из глушителя комбайна загорелось хлебное поле. Солдат-афганец сдернул с себя спецовку и начал сбивать ею пламя. Огонь был потушен. Парень спас хлеб, но сам в результате полученных ожогов скончался. Народ назвал то место его именем. Если доведется вам когда-нибудь ехать машиной из Ростова-на-Дону по ставропольской трассе, сверните на Белую Глину, и через пять минут вы увидите указатель: «Сережино поле». Остановитесь на минуту, поклонитесь памяти солдата и помните: на частном огороде подвига не совершишь!

Прослушав эту историю, и ведущий программы, и ее главный герой Миронов (тоже Сергей) буквально взвились в унисон:

— А зачем нужен подвиг, если цена ему жизнь?! Виктор Иванович, надо жить, а не сжигать себя на колхозном поле...

— Так вам подвиг не нужен?! Колхозы тоже вам не нравятся?! Тогда получайте наркоманию, бандитизм, проституцию, спекуляцию, порнуху, чернуху — и не плачьтесь публично в жилетку по поводу утраты народом духовных ценностей!

Аудитория программы «Вечер с Тиграном Кеосаяном» аплодировала моим словам, но эпизод был вырезан из программы и в эфире не воспроизведен.

Матвей Ганапольский, телеведущий программы «Спорная территория» (транслируется по «НТВ-плюс» на бывшие советские республики), открыто признался, что редакторские ножницы стали главным аргументом его ток-шоу. Пригласил он меня недавно в свою программу для обсуждения вопроса, нужно ли принимать в Госдуме закон о принудительном, без решения суда, лечении наркоманов и алкоголиков.

— У нашей Думы, — говорю, — огромный опыт принятия людоедских законов. Приняли закон о купле-продаже земли — по всей России началась такая спекуляция, такая коррупция, каких история человечества еще не знала. Узаконили право судебных приставов нарушать неприкосновенность жилища граждан, входить в квартиры и выносить оттуда имущество должников по оплате услуг ЖКХ, даже в отсутствие хозяина жилища, — начали выбрасывать на улицу целые семьи с малолетними детьми. Боюсь, что с принятием закона о принудительном лечении наркоманов и алкоголиков получится как всегда: еще хуже. Больное общество собирается лечить индивида в принудительном порядке. Вот это да! От таких законов, от таких порядков станут бежать, и уже бегут в массовом порядке, к самоубийству. Да таких законодателей нужно самих в принудитель-

ном порядке проверять на алкогольную и прочую зависимость и изолировать их от общества.

— Виктор Иванович так умно закрутил, — иронизирует ведущий, — что я не знаю, как продолжать программу.

— Измените общество, изменится человек! — отвечаю. — А в данном случае советую вам поменять точку зрения, и тогда программу будет вести легче.

— А это уж мое дело, как вести программу!

— Вы задали вопрос — я вам ответил. Кстати, в Советском Союзе профессиональные журналисты руководствовались неписаным правилом: задай собеседнику четкий, понятный вопрос и наберись мужества, выслушай его до конца, не перебивая, даже если ответ тебе не нравится.

Демократически настроенная общественность в студии начинает роптать:

— Это что же получается? Нас пригласили к участию в программе, а говорить будет опять один Анпилов?!

— Конечно, — подхватывает Ганапольский, — некоторые приходят на программу — лишь бы самому отпиариться. Но эта программа идет в записи, и у нас есть ножницы. Вы увидите, что все будут говорить одинаково, в том числе господин Анпилов.

До этого я неоднократно протестовал против обращения «господин», полагая, что оно унижает до уровня холопствующего лакея человека, который ко мне обращается. Господин Ганапольский неисправим. Я дал себе зарок больше в его бездарной программе не появляться.

Из всех так называемых ток-шоу в прямом телевизионном эфире России передается только программа НТВ «К барьеру!» Владимира Соловьева. Как бы я ни относился к политическим взглядам журналиста Соловьева, скажу, что столько лет работы в прямом эфире

национального телевидения — это профессиональный подвиг.

Да, Владимир Соловьев часто перебивает собеседника, насмехается над ним, подыгрывает своим политическим сторонникам и высмеивает взгляды оппонента. Но это же прямой эфир, где зритель жаждет победы своего единомышленника, предвкушая «кровь» и поражение оппонента. В программе Владимира Соловьева я неоднократно, без всяких ограничительных барьеров и ножниц, отстаивал свою точку зрения в споре с депутатом Жириновским, писателем Веллером, депутатом Баковым, политиком Ириной Хакамадой... «Судьи» программы всегда предрекают мне поражение. А по результатам голосования телезрителей победа в большинстве случаев оставалась за мной.

В последний раз, в споре с мэром города Ульяновска Сергеем Ермаковым, за меня проголосовало 45 тысяч зрителей. Ермакова поддержали 15 тысяч голосов. Мэр предлагал провести местный референдум по вопросу переименования Ульяновска в Симбирск. Я считал и считаю, что дикая агитационная кампания по закрытию Мавзолея, переименованию Ульяновска, демонтажу памятников Ленину оживляется всякий раз, когда жизнь народа ухудшается, когда растут цены на продукты питания, когда власть шатается. Имя Владимира Ильича Ульянова (Ленина) принадлежит не только народам России, но и всему человечеству. А потому смехотворно звучали заявления мэра Ульяновска типа:

— Мы любим Ленина, мы хотим жить по Ленину и хотим вернуть родному городу Ленина его историческое имя — Симбирск!

После этих слов даже Владимир Соловьев засомневался:

— Хорошо, вернете вы городу имя Симбирск, поставите на главной площади памятник любезной вам бук-

вы «Ё», а дальше что?! Опять будете жить по-ленински?!

— Да не они решают, как нам жить дальше, Володя! — говорю я. — За мэром Ульяновска, за всей этой возней вокруг Мавзолея и переименования Ульяновска стоят более мощные силы, чем поклонники буквы «Ё». Эти силы заинтересованы в том, чтобы как можно быстрее вымарать из исторической памяти народа имя вождя пролетарской революции в России, имя создателя первого в мире государства рабочих и крестьян — СССР!

По результатам голосования телезрителей Дальнего Востока в том поединке с минимальным преимуществом в два голоса победил мэр Сергей Ермаков, что и было объявлено в моем присутствии. Я покидал студию НТВ в расстроенных чувствах: «Это же надо проиграть по такой теме, и кому!?» Только после повтора трансляции программы «К барьеру!» по часовому поясу Новосибирска, Урала, Ульяновска и Москвы за меня в совокупности проголосует 45 тысяч человек, втрое больше, чем за Ермакова. А тогда я возвращался домой в отвратительном настроении, ругая самого себя: «Ну почему ты не вспомнил выступление президента Венесуэлы Уго Чавеса в Москве во время его официального визита в Россию в июне прошлого года?!»

Выступая во внутреннем дворике Библиотеки иностранной литературы на открытии Центра латиноамериканской культуры в России, президент Чавес дал блестящий ответ всем любителям переименований и перезахоронений:

— Похоронить идеи лучших умов человечества о свободе, о равноправном, без грабежа и эксплуатации других народов, развитии, о братстве народов никому не удастся! Земли всей планеты не хватит, чтобы закопать идеи Ленина!

Этим словам аплодировали официальные представители правительства России, сидевшие в президиуме торжественной акции. Аплодировал, и, как мне показалось, с энтузиазмом, мэр Москвы Юрий Лужков. Аплодировал, хотя и потупив глаза, руководитель департамента по культуре России Михаил Швыдкой.

Не без помощи моего друга, посла Боливарианской республики Венесуэла в России товарища Алексиса Наварро, я пробился к президенту Уго Чавесу и горячо поблагодарил его за прекрасные слова о Владимире Ильиче Ленине. С близкого расстояния, глаза в глаза, без труда угадывается корень народов трех континентов в облике самого президента Чавеса. Его мать Елена Фриас — рафинированная европейская женщина. Отец — Уго де лос Рейес Чавес — гордится своим африканским происхождением и черной кожей. В жилах любимой бабушки президента Розы Инес — чистейшая кровь индейцев Латинской Америки. Такое смешение культур отразилось не только на внешности, но и на характере Уго Чавеса. Он страстный и умный оратор, пылкий мужчина и спокойный, мужественный воин, он неутомим и вынослив, как африканец, в борьбе за свободу своего народа.

Выслушав меня, Уго Чавес крепко, по-солдатски пожал мне руку:

— Знайте, Виктор, народы Латинской Америки помнят и чтут Ленина. Идеи Боливара, Ленина, Фиделя вдохновляют нас на борьбу за собственное освобождение сегодня. Venceremos! — Победим!

— Атцлатакалька! — само собой вырвалось слово из глубины моего сердца. Уго Чавес обнял меня и улыбнулся. Он все понял: ВМЕСТЕ — ПОБЕДИМ!

ЧАСТЬ 1 БЫЛОЕ

5 Куда путь вершить? Вместо предисловия
14 Звездное детство
31 Семья и школа
49 Летите, голуби!
69 За рабочее дело
85 Университеты
110 Пульс эпохи
128 Духом окрепнем в борьбе
157 Год 1991-й
186 Вече
213 1993
267 В поход!

ЧАСТЬ 2 РАЗМЫШЛЕНИЯ. ПУБЛИЦИСТИКА. ИЗБРАННОЕ

291 Наши разногласия
315 Поднять живых
331 Пророк Есенин Сергей
345 Поющее знамя Революции!
358 Песни богини
363 Наш Че
369 Фидель и революция
382 Ересь сионизма
391 Проклятие войны
409 Идеологи русского рабства
433 Вместе — победим!

Массово-политическое издание

Виктор Анпилов

Постижение СВОБОДЫ

Ведущий редактор
А.М. Яковлева

Редактор
А.К. Смирнов

Художественный редактор
Т.Н. Костерина

Оператор компьютерной верстки
Ю.С. Симонова

Корректоры
Л.А. Станкевич
Е.В. Мартынова

Подписано в печать 24.07.2008
Формат 84x108/32
Тираж 3 000 экз.
Заказ № .

ЗАО «Вагриус»
107150, Москва, ул. Ивантеевская, д. 4, кор. 1
www.vagrius.com